

Зарубежная

фантастика

ВЕНОК
ИЗ ЗВЕЗД

Боб Шоу ВЕНОК ИЗ ЗВЕЗД

Сборник научно-фантастических
произведений

Издательство «Мир»

Зарубежная фантастика

Зарубежная фантастика

Боб Шоу

ВЕНОК ИЗ ЗВЕЗД

Сборник научно-фантастических
произведений

Перевод с английского

МОСКВА «МИР» 1989

ББК 84.4 Вл
Ш81

Составитель В. Баканов
Предисловие В. Бабенко

Шоу Б.

Ш81 Венок из звезд: Сб. научно-фант. произведений; Пер. с англ./Сост. В. Баканов; Предисл. В. Бабенко.— М.: Мир, 1989.— 566 с.— (Зарубежная фантастика)

ISBN 5-03-001004-1

Сборник знакомит с творчеством известного английского писателя-фантаста Боба Шоу. В него вошли романы «Венок из звезд» и «Свет былого», а также наиболее популярные рассказы писателя.

Ш ~~4703000000—088~~
~~041(01)—89~~ 158—89, ч. 1

ББК 84.4 Вл

*Редакция научно-популярной
и научно-фантастической литературы*

ISBN 5-03-001004-1

© состав, предисловие,
перевод на русский
язык, «Мир», 1989

Множество настоящих

«Из общезвестных книг следует читать лишь самые лучшие, затем только такие, которых почти никто не знает, но авторы которых — люди с умом». Этот афоризм немецкого ученого, писателя и просветителя Георга Кристофа Лихтенберга в наше время кажется чересчур очевидным и даже банальным, при том что внутренняя логика в нем нарушена: трудно назвать «общезвестными» книги, «которых почти никто не знает».

Десятилетиями мы знакомились по преимуществу с отдельными произведениями избранных зарубежных писателей, и многие вершины мировой литературы были скрыты от нас, появляясь лишь в отраженном свете — отраженном в зеркале критики и литературоведения (зачастую тенденциозного).

Если говорить о переводах современной зарубежной научной фантастики, то здесь наблюдается довольно любопытная картина. Мы привыкли оперировать именами Брэдбери, Азимова, Саймака, Шекли, Каттнера, Кларка, справедливо полагая, что это столпы англо-американской научной фантастики. Можно назвать еще полтора-два десятка известных у нас фамилий, и все равно это будут преимущественно фантасты

40-х — 60-х, редко — 70-х годов. Между тем в западную фантастику за последнее время пришли сотни авторов, книги большинства из них стали общеизвестными в мировом масштабе. Но среди советских читателей найдутся лишь сотни, а быть может, десятки, которые с ними знакомы.

Можно ли ныне говорить об удовлетворительном знакомстве наших читателей с западной фантастикой? Разумеется, нет.

Открываю декабрьский (за 1987 год) выпуск «Аналога» — одного из самых серьезных американских журналов научной фантастики. В номере представлены Лоис Макмастер Бужольд, Гарри Тёртлдав (читал его раньше, интересный автор), Иан Стюарт (тоже запомнившееся по американским источникам имя), Грегори Кусник, Д. Пойер. В русских переводах мы никого из них не знаем. Но вот и знакомые авторы: Артур Кларк и Л. Спрайг де Камп — правда, в данном номере им принадлежат не рассказы, а небольшие статьи.

В журнале помещены результаты опроса читательского мнения. В 1986 году лучшими авторами «Аналога» признаны Майкл Флинн и Роджер Макбрайд Аллен. Глухие для нашего слуха имена.

Анонс на следующий номер: Пол Андерсон (еще один знакомец!), Рик Шелли (?), Джейффри А. Лэндис (?).

Марион Зиммер Брэдли, Пол Прусс, К. Джиттер, Пирс Энтони, Грегори Бенфорд — это популярные авторы, книгам которых отданы рекламные страницы «Аналога». Два последних фантаста известны и у нас — несколькими рассказами.

В специальном разделе «Справочная библиотека» рецензируются новые книги Орсона Скотта Карда, Брайана Херберта, Пат Кадиган, Октаавии Батлер (хорошо помню эту рослую негритянку — несколько лет назад она приезжала в Советский Союз в составе делегации американских фантастов), Джеймса Уайта, Джеффри Марша, Нэнси Спрингер. Положим, Пат Кадиган можно пока не принимать в расчет — у этой писательницы вышел всего лишь первый роман, причем, судя по критике, не совсем удачный, — а вот то, что Орсон Скотт Кард — имя, ничего нам не говорящее, весьма обидно. Том Истон, едкий и разборчивый критик, пишет о нем так: «Орсон Скотт Кард — писатель на редкость тонкий, чрезвычайно искусный, очень плодовитый и, насколько я слышал, обладающий большим личным обаянием. Он оказал честь научно-фантастическому жанру, завоевав премию «Небьюла» за 1986 год (это его вторая «Небьюла», первая досталась О. С. Карду годом раньше)».

В этом же номере «Аналога» есть страничка, посвященная лауреатам премии «Небьюла» (высшая профессиональная награда, которой может удостоиться американский фантаст) 1986 года. За лучший роман («Заступник мертвых») награжден уже упомянутый Орсон Скотт Кард. За лучшую повесть — «Гильгамеш на окраине» — Роберт Сильверберг (первая на русском языке книга этого известнейшего американского фантаста готовится к выходу в свет в издательстве «Мир»). За лучший рассказ — «Вечная мерзлота» — Роджер Желязны (мы знаем всего лишь несколько рассказов этого сильного автора, опубликованных в сборниках и периодике). За луч-

ший короткий рассказ — «Тангенсы» — Грэг Бир. Особо отмечен лучший писатель из числа непрофессионалов — Дев Лангфорд. Награду имени Джона Кембелла, вручаемую лучшему новому писателю, получила Карен Джой Фаулер.

Итого — почти три десятка имен (на фоне 1672 названий научно-фантастических и фантастических книг, включая переиздания, увидевших свет в США в 1987 году!). Большая часть — не новички в фантастике. Советскому же читателю известны (хорошо или смутно) только семь из них. Есть ли среди оставшихся новый Брэдбери? Убежден — есть. Когда-то мы его откроем?..

Все сказанное — лишь предварение к теме нашего сборника.

Если говорить о «знакомых — незнакомых» зарубежных фантастах, о тех книгах, «которых почти никто не знает, но авторы которых — люди с умом», то одним из первых следует назвать имя, вынесенное на обложку данного сборника: Боб Шоу.

Впервые советский читатель познакомился с этим автором еще в 1974 году, когда в сборнике «Практичное изобретение» (М., «Мир») появилась его новелла «Свет былого». Заметим, что к тому времени наше «открытие» автора было запоздалым. Боб Шоу — в ту пору 43-летний ирландский писатель, только-только переехавший в Англию, — уже завоевал признание в мире англоязычной фантастики, выпустив несколько романов и рассказов. Сейчас Б. Шоу 58 лет, это один из крупнейших западных фантастов. А между тем в нашей критике нет-нет да и прокользнет упоминание о «молодом» англий-

ском фантасте Бобе Шоу, и книга его выходит на русском языке впервые...

Итак, Боб Шоу. Разумеется, полное имя фантаста Роберт, а уменьшительное Боб стало своего рода литературным псевдонимом. Писатель родился в Белфасте. Учился в школе с техническим уклоном, затем получил высшее техническое образование, до 27 лет работал инженером-строителем в Ирландии, Великобритании и Канаде, а позже занимался проектированием самолетов.

Первый научно-фантастический рассказ напечатал в возрасте 19 лет, к тридцати годам опубликовал уже довольно много рассказов и приобрел известность в литературных кругах. Затем на несколько лет наступает молчание — молодой писатель, переосмыслив написанное, испытал чувство неудовлетворенности, известное многим пишущим. Остро хотелось идти неожиданными тропами, избавиться от штампов и влияния авторитетов — словом, нужно было произвести важную психологическую работу, которая и делает способного литератора подлинным писателем. Множество людей останавливаются на этом этапе, не найдя в себе сил для рывка вперед и смелости для экспериментирования, — так полнятся ряды второразрядных сочинителей. Инженер Роберт Шоу нашел и силы, и смелость. Возвращение в научную фантастику произошло в 1965 году, а уже в 1966 новелла «Свет былого», опубликованная в журнале «Эстаундинг», удостоилась чести быть выдвинутой на соискание премии «Небьюла» (правда, самой премии все же не завоевала). Спустя еще год вышел первый роман писателя Боба Шоу «Ночная прогулка», сразу

привлекший внимание и читателей, и прессы. Необычен был бунтарский дух книги, нетривиален сюжет — история ослепленного человека, помещенного в тюрьму-колонию на чужой планете. Герой романа изобрел устройство, позволившее ему видеть глазами других людей (и даже животных), и смог бежать из тюрьмы, а автор начал разрабатывать важную для него тему — тему *иного зрения*, которая впоследствии получит свое воплощение в романе «Иные дни, иное зрение» (1972), названном в этом сборнике «Свет былого».

В 1973 году Боб Шоу переехал в Великобританию, а спустя два года оставил дорогую его сердцу технику, оставил инженерное дело, целиком посвятив себя профессиональной литературной деятельности. И сразу последовала крупная литературная награда, которой удостоился роман «Орбитсвилль»: Британская награда за научную фантастику 1975 года (в 1983 году Боб Шоу получил ее вторично). Ныне на счету писателя 19 романов и множество рассказов, объединенных в три сборника.

Как можно объяснить, понять феномен превращения «технаря» в писателя? Любовь к «железу», к науке и вытекающее отсюда пристрастие к научной точности? Это, безусловно, сыграло серьезную роль. Недаром Боба Шоу ставят в один ряд с Артуром Кларком и Лари Нивеном — знаменитыми приверженцами «строгой» научно-технической фантастики. Заметим, что сравнение Боба Шоу с Артуром Кларком в британской критической прессе, как правило, влечет за собой одно «но», о котором будет сказано позже. Может быть, другой важный фактор —

это многолетняя верность писателя научной фантастике? Тоже серьезный довод. Боб Шоу еще в детстве был заядлым любителем НФ, многие годы отдал «фэндому» — неформальному братству поклонников научной фантастики, — а практика доказывает, что наиболее талантливые писатели-фантасты выходят как раз из среды преданных этой литературе «фэнов». И все же приведенных аргументов недостаточно.

Многим внимательным читателям фантастики, думаю, запомнились слова Е. Брандиса и В. Кана, посвященные Бобу Шоу, из предисловия к сборнику «Практичное изобретение»:

«Наибольшего успеха фантасты достигают в тех случаях, когда техническая гипотеза не только не отделяется от нравственно-психологической коллизии, но и способствует раскрытию характеров. Удается это, как правило, лишь немногим ярко одаренным авторам. К таким принадлежит, без сомнения, англо-ирландский писатель Боб (Роберт) Шоу, получивший известность после публикации в 1966 году великолепной новеллы «Свет былого». Критики считают главным достоинством Шоу выдвинутую им идею «медленного стекла», утверждая, что это чуть ли не единственная за последние годы действительно оригинальная фантастическая гипотеза. Но ведь идея сама по себе, в отвлечении от замысла, как бы она ни была эффектна, не произвела бы особого впечатления, если бы так плотно не врастала в художественную ткань и не способствовала раскрытию внутреннего мира героя. Проникновенный лиризм, тончайшие психологические нюансы делают «Свет былого» примечательным явлением современной западной фантастики».

Сейчас, спустя почти полтора десятилетия с момента написания этих строк, можно лишь подтвердить их правоту. Да, яркая и прочная художественная ткань. Да, раскрытие внутреннего мира героев. Да, лиризм и психологические нюансы. Эти краски по-прежнему отличают палитру Боба Шоу. Более того, отмеченные особенности и вывели его в разряд подлинных мастеров слова. Что же касается оригинальных фантастических гипотез, то, увы, «медленное стекло» по сей день остается удивительной, единственной в своем роде авторской находкой. Я специально перебрал под этим углом зрения практически все, написанное Бобом Шоу, и не нашел более ни одного научно-технического, подлинно научно-фантастического озарения.

Планета из антинейтрино, параллельная Вселенная, описанная в романе «Венок из звезд»? Допущение, для фантастики не новое, к тому же «антинейтринный» мир с точки зрения физики не выдерживает критики («медленное стекло» — выдерживает!).

Сфера Дайсона из романа «Орбитсвилль»? Ее давно уже мысленно освоили — и без всякой фантастики — инженеры, футурологи, пытливые школьники и даже любознательные пенсионеры, благо в научно-художественной литературе этот грандиозный проект освоения и заселения космического пространства обсуждается уже лет двадцать.

В свете современных представлений об экологии мне не кажется таким уж выигрышным и рассказ «Амфитеатр». Изображенный в нем хищник из чужого мира — «камнесьминог» (на мой взгляд, «камнеспрут» звучит лучше) — не-

жизнеспособен и обречен на медленную смерть (если, разумеется, его главная пища, квазиантропы, не окажутся глупее амеб).

Стали проходными для современной фантастики и пришельцы-мародеры, растаскивающие с Земли культурные ценности (рассказ «Действительный член клуба»), и антигравитационные приборы как средство решения транспортных проблем будущего (роман «Темный Икар»).

У читателя сборника может возникнуть резонный вопрос: зачем автору предисловия критиковать произведения фантаста с позиций научного анализа или фантастической достоверности? А вот зачем. По моему глубокому убеждению, Боб Шоу несмотря на его страсть к строгой научности, пишет вовсе не об этом. Не о стекле, замедляющем скорость света, и не о машинке для производства углекислоты, не об инопланетной экологии и не об антигравах.

Вспомним мысль, высказанную более полувека назад Генрихом Манном: «Литература обретает свое особое значение только потому, что стремится объяснить или выявить не единичное, не частное в природе и обществе, а каждый раз заново открывает самого человека».

Именно так: человек всегда был, есть и будет содержанием, и предметом, и объектом литературы — вне зависимости от того, какой эпитет эта литература носит: историческая, производственная, «деревенская» или научно-фантастическая. Только человек — и человечество! — интересны писателю, а декорации, в которые помещены герои его произведений,— это уже дело вкуса, традиций, воспитания и эрудиции автора.

Позволю себе утверждать: произведение обречено на забвение, если оно посвящено не человеку, а машине. Аргумент этот настолько очевиден, что, право же, не нуждается в дальнейшем обосновании.

Позволю далее утверждать: подлинная научность добротной научной фантастики вовсе не в том, что в центре произведения — техника, или открытие, или научная идея, а в том, что автор обязан быть вооружен научным методом познания; должен осознавать или прозревать истинные взаимоотношения между человеком и обществом, между общественной системой и человечеством; должен быть хорошо знаком с научной парадигмой своего времени, но, пользуясь художественным инструментарием отражения действительности, в системе категорий «человек — общество — цивилизация — мироздание» на первый план обязан выдвигать Человека.

Позволю, наконец, утверждать: литератор, непременно желающий писать научную фантастику и только научную фантастику, никогда не станет настоящим писателем. Ремесленником — да, художником — нет. Потому что думать надо о Литературе, а не о жанре. Потому что писать надо о том, что болит, а не о том, что будоражит. Потому что писать надо с целью поразить душу читателя, а не его воображение: воображение можно тренировать, можно развивать, можно расковывать, и это тоже благородные задачи, решаемые другими видами художественного творчества, но с душой литература должна делать только одно: возвышать!

Мы еще вернемся к духовности в произведе-

ниях Боба Шоу. Попутно хочется сказать об устоявшемся делении фантастики на «научно-техническую» и «социальную». Смысл этого деления примерно тот же, что и у канувшего, к счастью, в Лету противопоставления «физики — лирики». Почему-то Жюль Верн часто именуется основоположником «научной» фантастики, а Герберта Уэллса то и дело относят к отцам фантастики «социальной». Бедные школьники! Им можно будет только посочувствовать, если когда-нибудь в учебные программы включат курс научной фантастики (в принципе это надо делать, и как можно скорее) именно с такой ориентацией.

Тогда получится, что «Восемьдесят тысяч километров под водой» — роман о замечательной подводной лодке, а не о человеке, выступившем в защиту угнетенных. Что «Робур-завоеватель» — произведение о великолепном летательном аппарате, а не о гениальном изобретателе-эгоцентристе. Тогда роман «Пятьсот миллионов Бегумы» может вообще выпасть из рамок программы по «научно-технической» фантастике (вот уж где любимая Жюлем Верном техника и впрямь отходит на задний план, уступая место социальным потрясениям). И обязательно найдется ученик, который занесет «Машину времени» в разряд фантастики «технической» — ведь речь там идет о блестящем инженерном решении проблемы перемещения во времени, а страницы о морлоках и элоях можно и перелистнуть.

До чего же примитивно, по-школьярски выглядит такое деление литературы на жанры! Вряд ли нужно повторять, что у подлинного

произведения искусства, независимо от жанра, может быть только один критерий оценки: долговечность существования в памяти человечества.

Справедливости ради, следует сказать, что серьезные литературоведы давно относятся к фантастике с должным уважением. Однако тенденция к забвению человека и человеческого в фантастике все еще очень живучая, поэтому не писать об этом нельзя.

Интересный, хотя и малоизвестный у нас немецкий писатель XVIII века Адольф Книгге так писал о предназначении литературы: «...хотя писательство и является лишь особым видом обхождения и собеседования, но это все же такое собеседование, при котором располагаешь достаточным временем, чтобы поразмыслить над тем, что говоришь, а значит и подавить, выполняя с удвоенным рвением свой долг, любую безнравственную, вредную, злонравную мысль. А посему я полагаю, что читающая публика вправе требовать даже от такого писателя, который не ставит перед собою больших задач, чтобы его сочинения не способствовали распаду нравов и распространению предрассудков и нетерпимости...»

На мой взгляд, три принципа, которые, по Книгге, публика вправе требовать от писателя, и есть те самые «большие задачи» литературы. А Боб Шоу как раз их перед собою и ставит. Причем, английский фантаст не просто «не способствует» злу — он злу активно противодействует. Проиллюстрируем эту мысль на примере его произведений.

Борьба против распада нравов... Понятие нравственности... О большой духовной силе

простого человека, о морали человека, вставшего на защиту гонимых, повествует новелла «Схватка на рассвете», опубликованная на русском языке в сборнике «Лалангамена» («Мир», 1985). Роман «Путешествие в эпицентр», включенный в сборник «Мир — Земле» («Мир», 1988) — это еще одна схватка: бескомпромиссная схватка добра со всемирным злом, воплощенным в угрозу ядерной смерти.

Борьба против распространения предрассудков... Толкуя лексикон писателя XVIII века на современный лад, мы добьемся большей точности, назвав это изобличением косности, бездуховности, приспособленчества, неомистицизма. Лучшее средство здесь — сатира. Этой стороной мастерства Боб Шоу поворачивается к нам в романе «Кто там?» — искрометном, саркастическом произведении, героя которого вполне можно сравнить с бессмертным Швейком (и не просто сравнить, а провести генетическую линию: действие «Кто там?» разворачивается в XXV веке).

Наконец борьба с нетерпимостью... Вряд ли можно найти в XX веке крупного прогрессивно мыслящего художника, который не поднял бы свой голос против расизма, шовинизма, национализма, расовой исключительности и национального самодовольства. Только с этих позиций можно правильно оценить роман «Венок из звезд». Собственно говоря, техническая, астрономическая или космогоническая сторона дела нам здесь не так уж и интересна, экзотические гипотезы служат не более чем экстравагантным антуражем. А вот человеконенавистнический режим, аппарат подавления инако-

мыслия, идеологическая машина, воспитывающая ненависть к инородцам — будь то люди с иным цветом кожи или пришельцы из других чуждых миров, показаны во всей своей зловещей силе.

Документально точна политическая жизнь вымышленной африканской республики Баранди. Казалось бы, документальность и вымысел — понятия трудно соединимые, однако крупным мастерам, как правило, удается разрешить это противоречие. Хищническая эксплуатация алмазного месторождения... Забастовки рабочих... Подготовка кровавой расправы с шахтерами... Стычки рабочих со штурмовиками... Запреты на въезд и выезд из страны... «Черные полковники» и тоталитарное подавление свободной мысли... На первый взгляд все эти черты и факты взяты из газет. Но, разумеется, мы ни на минуту не забываем, что находимся в пленау у *фантастического* романа: открытие внутри Земли ранее неизвестного тела, «магнилюкто-вые» преобразователи света, планета-призрак, взаимопроникновение двух вселенных, контакт с иным разумом, средство транспорта, позволяющее переноситься из одного призрачного мира в другой. И тем не менее «Венок из звезд» — это прежде всего роман-предупреждение. Боб Шоу выступает здесь резким обличителем фашистской идеологии и фашистской практики. Но есть еще и третья грань произведения. Лиризм, несмолкающая нота грусти, ирония и щемящая печаль — эти особенности прозы Боба Шоу создают неповторимую атмосферу, столь узнаваемую во всех лучших вещах автора.

Здесь нам следует вспомнить о том самом «но», которое часто сопутствует традиционному сравнению Боба Шоу и Артура Кларка. Оба писателя — настоящие рыцари подлинно научной фантастики, пишут критики, но у Боба Шоу все же больше теплоты и человечности.

Грустью пронизаны и страницы романа «Свет былого». Видимо, это особое качество Боба Шоу — соединять трогательность и мучительность человеческих чувств и переживаний с саркастической, даже гротескной критикой социальной среды и государственных институтов. Уникальность жанра, избранного Бобом Шоу, предопределила успех произведения: роман легко «разбирается» на отдельные главы, вставные новеллы из него печатаются как самостоятельные произведения.

Одна из сильных сторон автора — умение выжать максимум из разработанного приема. Показывая возможность применения «медленного стекла», Б. Шоу демонстрирует щедрость своей фантазии. Для одних героев романа «стеклоландшафты» (на мой взгляд, лучше «зоркна»; адекватно перевести изобретенный автором термин «scenedow» не так-то просто: он составлен из двух слов: «scene» — вид, сцена, пейзаж и «window» — окно; мне кажется, этому «кентавру» лучше соответствует соединение русских слов «зоркий» и «окно») — способ ухода в прошлое, в воспоминания о днях былых. Другие — алчные корыстолюбцы — всеми мыслимыми и немыслимыми путями используют новинку в целях наживы. Наконец, правительство — найдя, к своему удовольствию, средство тотальной слежки, — распыляет над страной мириады

стеклянных крошек-шпионов...

Как ни странно, после прочтения романа, несмотря на известную мрачность авторского видения, у читателя остается, скорее, светлое ощущение. Боб Шоу мастерски создает в своих произведениях настрой *ожидания лучшего*. Если каким-нибудь хитроумным химическим способом выпарить его тексты, то в осадке неизбежно останется слово «надежда». Как тут не вспомнить слова из Детского евангелия, звучащие в финале советского фильма «Письма мертвого человека»: «Пока жив человек, есть у него надежда...»

При поверхностном чтении может показаться, что в рассказах Боба Шоу много зла. Жажда на живы служит главной движущей силой кинооператора Бернарда Харбена из рассказа «Амфитеатр». Беспринципность и алчность толкают Филиппа Коннора (рассказ «Действительный член клуба») на путь предательства по отношению к собственной планете, Земле, и к любимой женщине. Идея рассказа «Порочный круг» совсем уж проста и очевидна: зло неизбежно порождает зло.

Но не следует доверять поверхностным оценкам. Равно как не следует отождествлять автора с его героями (грех, в который часто впадает критика, особенно дилетантская). И уж вовсе нелепо воспринимать литературу как проповедь: «Люди, будьте добрыми и справедливыми!»

Если на то пошло, то ровно столько же прав на существование имеет и призыв от обратного: «Люди, не будьте злы и бессердечны!» Из двух заповедей — при всем том, что морализаторство все же чуждо этому автору — Боб Шоу

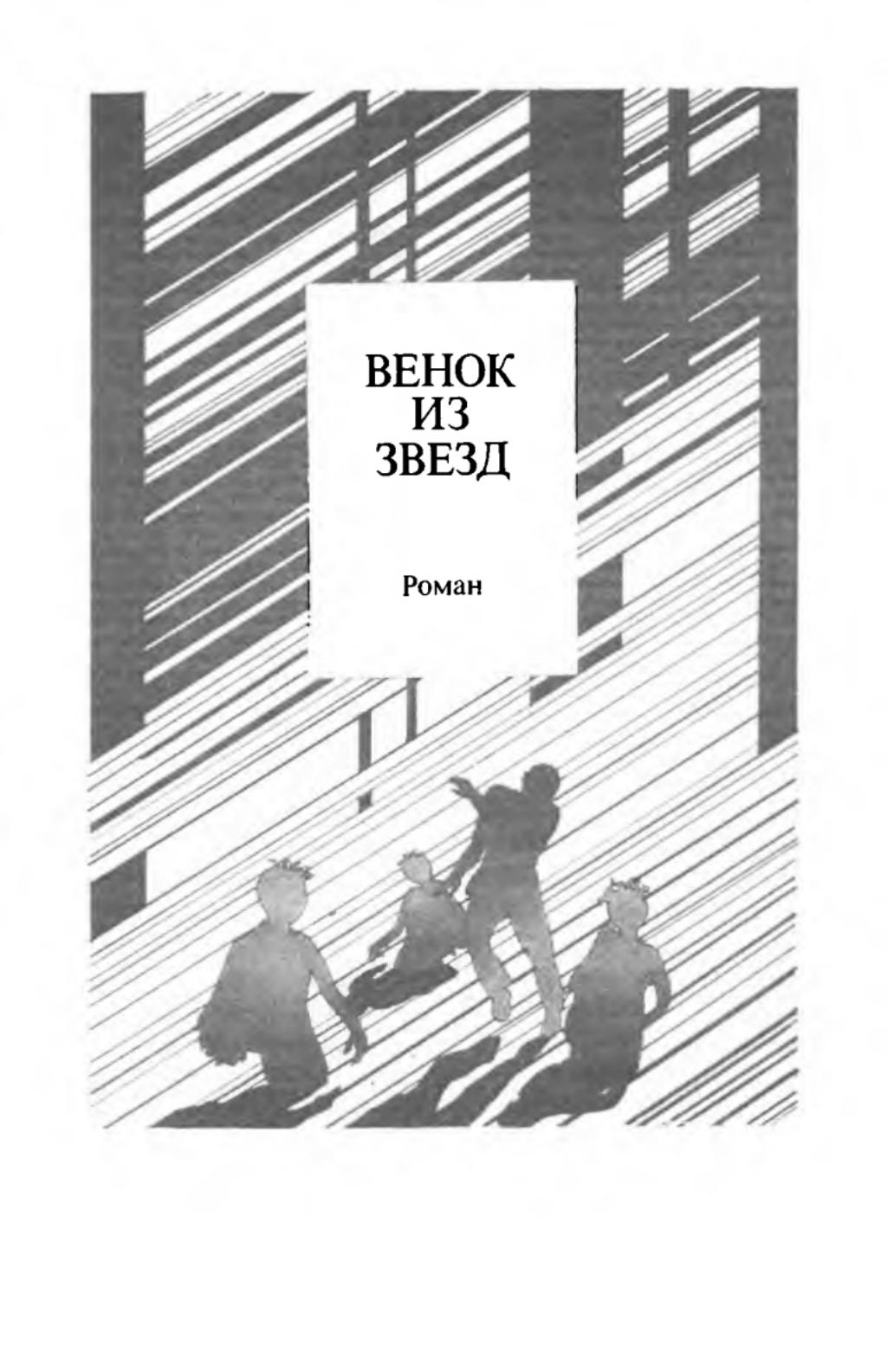
выбирает вторую. Ему кажется важным не идеал продемонстрировать (недостижимый, а потому и малоубедительный), но изобразить людей такими, какими они *не должны быть*. Подобно многим другим западным писателям-фантастам, подобно Рэю Брэдбери, который первым высказал эту мысль, Боб Шоу «не описывает будущее, а предотвращает его».

Человечность — вот ключ к творчеству фантаста, а также объяснение, почему из множества «знакомых незнакомцев» в зарубежной фантастике, которые ждут встречи с советским читателем, для этого сборника был выбран именно Боб Шоу. В популярной «Энциклопедии научной фантастики» Николса, выпущенной в США в 1979 году, об этом писателе сказано так: «...Мало кто способен сравниться с ним в знании техники и понимании человеческого характера. Возможно, он не самый амбициозный писатель, но, безусловно, один из тех, кто способен доставить наибольшее удовольствие при чтении».

Когда-то А. и Б. Стругацкие заявили, что они пишут реалистическую фантастику. Можно взять на вооружение этот термин. Можно говорить о фантастической достоверности, несмотря на кажущийся оксиморон этого оборота. Можно исповедовать принцип художественной убедительности. Не в терминологии дело, а в том, чтобы читатель поверил в реальность и жизненность любой, даже самой невероятной ситуации, изобретенной автором, чтобы вошел в мир, предложенный ему фантастом, и убедился в его, этого мира, прочности. Для достижения подобной цели есть только один

путь: писать о *настоящем*. Писать о настоящем, помня, что у этого слова два значения: Время (грош цена тому произведению, которое не имеет отношения к сегодняшнему дню) и Истина.

Виталий Бабенко

ВЕНОК ИЗ ЗВЕЗД

Роман

Глава 1

Иногда Гилберт Снук думал о себе как о неком аналоге нейтрино в человеческом обществе.

Будучи по профессии авиамехаником, он никогда не изучал ядерную физику специально, но тем не менее знал, что нейтрино — это почти неуловимая частица, так слабо взаимодействующая с нормальным адронным веществом Вселенной, что она способна пройти Землю насквозь, не задев и даже не потревожив ни одного атома. Снук, двигаясь по жизни своим прямолинейным курсом от рождения до смерти, намеревался поступить так же и в возрасте сорока лет весьма преуспел в выполнении этой программы.

Родители его, незаметные и не обремененные друзьями люди со склонностью к одиночеству, умерли, когда Снук был еще ребенком. В наследство они оставили ему немного денег, но не передали никаких родственных связей. Образование, предоставленное Снуку местными властями, носило технический характер, видимо, потому что это считалось быстрым и надежным способом превращать потенциальные потери общества в людей, приносящих этому обществу пользу. Но его такое положение дел устраивало. Он старательно занимался, с легкостью удерживая свои позиции в классе, а в мастерской был бесспорно первым. Собрав соответствующее количество аттестатов, он решил стать

Пер. изд.: Shaw Bob. A Wreath of Stars.— Lnd.: Pan Books, 1978.

© Bob Shaw 1976

инженером-авиамехаником, главным образом потому что эта работа гарантировала частые поездки за пределы страны. Унаследовав от родителей склонность к одиночеству, он вовсю пользовался этой профессиональной мобильностью, чтобы избегать больших концентраций людей. Почти два десятилетия он мотался по Ближнему и Среднему Востоку, продавая свои услуги всем без разбора: нефтяным компаниям, авиалиниям или военным организациям — всем тем, кто до предела эксплуатировал свои самолеты и готов был платить, чтобы они продолжали летать.

В те годы шел болезненный процесс дробления Африки и Аравийского полуострова на все более мелкие государства, и нередко перед Снуком возникала опасность, что его имя окажется связанным с деятельностью той или иной проигравшей политической группировки. Подобная связь могла кончиться чем угодно: от необходимости поступить на постоянную работу до возможности очутиться перед автоматом палача, перебирающим свои смертоносные четки из меди и свинца. В каждом случае, подобно нейтрино, он успевал ускользнуть без всякого вреда для себя еще до того, как ловушка захлопнется. Когда появлялась необходимость, Снук на короткие периоды менял имя или брался за другую работу. Он всегда пребывал в движении, и, казалось, ничто не задевало его.

В микрокосме ядерной физики единственной частицей, которая действительно может представлять опасность для существования нейтрино, является антинейтрино. По иронии судьбы, однако, именно облако этих самых

частиц летом 1993 года резко повлияло на судьбу человека-нейтрино, Гила Снука.

Впервые облако антинейтрино было замечено, когда оно пересекло орбиту Юпитера 3 января 1993 года, и, поскольку трудности уже при его выявлении существовали немалые, даже астрономы в своих ранних докладах без особых угрызений совести называли объект «облаком». Лишь через месяц этот термин выпал из употребления, и появилось более точное, хотя и не совсем верное, определение — «псевдопланета».

Уточнение природы феномена стало возможным благодаря достижениям в области только-только родившейся магнилюктовой оптики — дисциплины, которая, как это часто случалось в ходе истории научных открытий, появилась именно в тот момент, когда она потребовалась.

Магнилюкт выглядел как обычное голубое стекло, однако на самом деле представлял собой нечто вроде квантового усилителя изображения, действовавшего подобно камере для съемок в темноте, но без сложной электроники. Очки с магнилюктыми линзами позволяли отлично видеть ночью, создавая у одевшего их впечатление, будто все вокруг освещено голубым светом. Прежде всего их стали использовать в военных областях, что принесло изобретателю и промышленникам огромные доходы, но вскоре благодаря рекламе новый материал получил применение и в других областях. Горняки, сотрудники фотолабораторий, спелеологи, ночная охрана, полиция, дежурные в театральных залах, водители такси и поездов — все, кому приходилось работать в темноте, превратились в потенциальных покупателей. Сотрудникам астро-

номических обсерваторий магнилюкты очки оказались особенно полезными: с их помощью можно было эффективно работать в темноте, не мешая светом коллегам и приборам.

Также в полном соответствии с классическими традициями научных открытий было и то обстоятельство, что первым человеком, заметившим, как псевдопланета приближается к Солнцу, стал астроном-любитель, работавший в самодельной обсерватории в Северной Каролине.

Клайд Торnton считался хорошим астрономом, хотя и не в современном значении этого слова, что означало бы, что он прекрасно знал математику или астрофизику. Просто он любил наблюдать за небом и знал его лучше, чем район Эшвилла, где жил с рождения. В своей маленькой обсерватории он мог найти любой предмет в темноте на ощупь, а магнилюкты очки купил неделей раньше скорее из любопытства, чем с какой-то практической целью. Торnton любил и ценил технические новшества, и прозрачный материал, способный превращать ночь в день, сразу заинтриговал его.

Он навел свой телескоп, чтобы заснять интересовавшую его туманность с тридцатиминутной выдержкой, и, довольный проделанной работой, возился теперь рядом с инструментом в новых магнилюкты очках. Фотопластинка тем временем продолжала впитывать свет, начавший свое путешествие к Земле еще до того, как предки человека открыли возможности применения дубины. Чтобы убедиться, что основной инструмент точно отслеживает цель, он решил взглянуть во вспомогательную трубу

для наведения и, забывшись на минуту, сделал это, не сняв новых очков.

Торнтон был скромным человеком шестидесяти с небольшим лет, мягким по складу характера и вполне свободным от коммерческих амбиций, но, как и все другие тихие звездочеты, он не переставал мечтать о том самом бессмертии, которое дается открывателям звезд и планет. Увидев объект первой звездной величины, сидящий на горизонтальной нити окуляра, словно алмаз в том месте, где алмазу быть не положено, он испытал огромный душевный подъем. Торнтон долго разглядывал яркое пятно, пытаясь убедить себя, что это не рукотворный спутник, потом вдруг заметил раздражающие голубые размытыне вокруг него. Он попытался потереть глаза, и тут его пальцы наткнулись на оправу магнилюкотовых очков. Нетерпеливо вскрикнув, он сорвал очки и снова приник к окуляру.

Яркий объект исчез.

Невыносимый груз разочарования продолжал давить на Торнтона, пока он проверял светящиеся лимбы установки телескопа, чтобы удостовериться, что инструмент наведен на прежнюю точку небосклона. Все оставалось, как раньше, за исключением небольшого смещения, вызванного следящим механизмом. Все еще не теряя надежды, он снял с телескопа фотографическую камеру, поставил на ее место маломощный окуляр и взглянул снова. Туманность, которую он фотографировал, была точно в центре поля зрения — еще одно доказательство, что наводка телескопа не изменилась. Но никакой «звезды Торнтона», как этот объект

могли бы потом зарегистрировать в каталогах, там не оказалось.

Опустив плечи, Торnton сидел в полной темноте и ругал собственную глупость. Он позволил себе развлечься, как это часто бывало с другими астрономами, из-за случайного блика в оптике инструмента. Ночной воздух, с тонким, едва заметным свистом сочавшийся в открытую щель купола, показался ему вдруг холоднее, и Торnton вспомнил, что уже третий час ночи. В это время человеку его возраста следовало бы давно уже лежать в теплой постели. Он искал магнилюкты очки, надел их и в голубом сиянии, которое они, казалось, вызывали сами, принялся собирать многочисленные блокноты и ручки.

Каприз, мимолетное нежелание принимать диктат здравого смысла заставили его вернуться к телескопу. Не снимая очков, он взглянул в окуляр: новая звезда по-прежнему горела на горизонтальной нити.

Торnton присел перед трубой наводки своего большого телескопа и долго смотрел в нее то в очках, то без очков, прежде чем поверить на конец в реальность феномена звезды, которую видно только через магнилюкт. Он снял очки и, придерживая их дрожащими пальцами, нащупал выдавленное на пластиковой оправе название торговой марки «АМПЛИТ», затем его охватило желание снова и повнимательнее взглянуть на свое открытие. Опустившись на низкий стул, Торnton приник к окуляру большого рефрактора. В магнилюкты очках очертания объекта неизбежно размывались, но сам он был ясно виден, причем выглядел так же,

как и в маломощную трубу наводки. И что странно — не ярче.

В удивлении сдвинув брови, Торnton попытался осмыслить увиденное. Он ожидал, что объект окажется значительно ярче, поскольку двадцатисантиметровый объектив основного телескопа собирает значительно больше света, чем труба наводки. То, что он не выглядит ярче, означает... Разум Торнтона боролся с незнакомой информацией. Это означает, что объект не излучает света и он видит его посредством какого-то другого типа излучения, улавливающего очками «Амплит».

Решив проверить свою догадку, он поднялся на ноги, стараясь не задеть станину телескопа, и вышел из купола на мягкую травяную лужайку позади дома. Зимняя ночь колола холодом сквозь одежду, словно кинжалы из черного стекла. Торnton взглянул на небо и при помощи одних только очков нашел участок, который его интересовал. Волосы Вероники — созвездие не очень заметное, но он знал его с детства и сразу же увидел новый бриллиант в локонах девы. Когда же он снял очки, звезда исчезла.

Тут Торnton совершил нечто для него совершенно несвойственное. Невзирая на опасность подвернуть ногу, он бегом бросился к дому, стараясь добраться до телефона, не теряя ни одной лишней секунды. У большинства жителей Земли есть ночные магнилюкты очки, многие носят их с собой постоянно, и каждый, взглянув вверх, в любой момент может заметить на небе новый объект. А Торntonу страстно хотелось, чтобы этот объект носил именно его имя.

Последние несколько минут были самыми восхитительными за все его сорок лет в практической астрономии, но ночь приготовила ему еще один сюрприз. В полной темноте дома он снова надел очки и, не включая света, двинулся к телефону в прихожей. Взяв трубку, он набрал номер своего старого друга Матта Коллинза, профессора астрономии в Университете Северной Каролины. Ожидая, пока его соединят, Торnton машинально взглянул вверх примерно в том же направлении, куда был нацелен его телескоп.

И там, сверкая, словно голубой бриллиант, горела его звезда, ясно видимая сквозь потолок и крышу дома, как будто перекрытия, стропила и черепица превратились в прозрачные тени. Пока он не снимал очки, звезду было отлично видно: с такой же неизменной яркостью она светила даже сквозь плотные предметы.

Доктор Бойс Амброуз пытался спасти остаток неудавшегося дня.

Проснулся он рано и, как иногда случалось, с тягостным ощущением, что жизнь не сложилась. Больше всего в приступах этого ощущения его раздражало то, что он не знал заранее, когда они нахлынут, и даже не мог объяснить, что их вызывает. Почти всегда он бывал доволен своим постом директора карлсенского планетария с его превосходным современным оборудованием и постоянным притоком посетителей. Часть посетителей составляли люди с высоким положением в обществе, а часть — просто привлекательные молодые женщины, которые желали услышать все, что он знает о звездах,

и порой увлекались до такой степени, что с интересом слушали его экскурсы в астрономию даже на следующее утро за завтраком.

Как правило, ему доставляли удовольствие и неторопливая административная деятельность, и возможности порассуждать обо всех событиях, происходящих в пространстве от границы атмосферы до пределов наблюдаемой Вселенной, постоянно предоставляемые местными газетчиками, и круг общественных обязанностей, и вечера с коктейлями, на которых камера редко не запечатлевала его присутствие, хотя он не делал ничего особенного — просто был высок, молод, хорош собой, образован и богат.

Однако иногда приходили другие дни, когда он видел себя самым презренным существом на свете — популяризатором астрономических знаний. В такие дни, случалось, он вспоминал, что звание доктора присуждено ему университетом, известным тем, что там не отказывались от частной финансовой помощи. Или что его диссертация была подготовлена с помощью двух нуждающихся в средствах, но весьма сведущих в науке «личных секретарей», нанятых его отцом. Или что его работа в планетарии могла достаться любому, чья семья согласилась бы выложить деньги для закупки нового оборудования. В ранней молодости Бойс был захвачен идеей доказать, что он сможет построить карьеру без помощи состояния Амброузов, но позже пришло понимание, что у него для этого не хватает необходимых качеств. Будь он беден, может быть, ему было бы гораздо легче тратить долгие часы на занятия в одиночку, но ему мешало то, что

он мог позволить себе любое из возможных увлечений. Рассудив таким образом, он в конце концов пришел к выводу, что единственным логичным ходом в данной ситуации будет использовать деньги для противодействия влиянию, которое они же оказывают на его академическую карьеру, то есть купить то, что они помешали ему завоевать трудом.

И с подобной философской основой Амброуз жил вполне счастливо. За исключением тех дней, когда, например, неосторожный взгляд, брошенный на страницу одного из научных журналов, выхватывал уравнение, которое он должен был понимать, но... В таких случаях он часто принимал решение активизировать свою работу в планетарии, и именно поэтому в тот день он предпринял раннюю трехчасовую поездку к Матту Коллинзу лично вместо того, чтобы связаться с ним по видеотелефону.

— Я не специалист в данной области,— сказал ему Коллинз за чашкой кофе в его профессорском кабинете со стенами цвета загара.— Это чистое совпадение, что Торnton и я — старые друзья, и он позвонил мне первому. Я вообще сомневаюсь, что такой человек, как «специалист по Планете Торнтона», существует.

— Планета Торнтона,— повторил Амброуз, почувствовав укол зависти к неизвестному дилетанту, чье имя войдет в историю астрономии только потому, что ему нечего было больше делать по ночам, кроме как просиживать их в жестяном сарайчике на лужайке за домом.— Мы точно знаем, что это планета?

Коллинз покачал головой.

— Нет еще. Слово «планета» в данном случае

не определяет сути. Правда, теперь, когда объект ясно виден в форме диска, мы смогли оценить его диаметр примерно в 12 000 километров, а это размер, характерный для тела планетного типа. Но не исключено, что в своей собственной системе размеров он может быть и карликовой звездой, и кометой, и... чем угодно.

— А как насчет деталей поверхности?

— Пока ничего неизвестно.— Коллинзу это отсутствие точного знания, по-видимому, доставляло какое-то извращенное удовольствие. По обычным человеческим меркам его можно было бы назвать великаном, и порой казалось, что все заботы, осаждающие людей нормальных размеров, его просто не трогают.

— Моя проблема заключается в том, что я должен найти какую-то форму популяризации Планеты Торнтона в планетарии,— сказал Амброуз.— Как насчет магнилюкта телескопа? Разве из этого материала нельзя делать линзы?

— В том, чтобы изготовить из магнилюкта предмет в форме линзы, нет никаких трудностей. И такая линза будет выполнять свою задачу, если использовать ее для концентрации обычного света. Однако, если ты попытаешься получить увеличенное изображение Планеты Торнтона, ничего не выйдет.

— Вот этого я не понимаю,— сказал Амброуз, в отчаянии решившись признать свое неведение.— Директор планетария должен быть экспертом по поводу всего, что происходит там, наверху, но я в полной растерянности. Репортеры звонят мне каждый день, а я даже не знаю, что им сказать.

— Не беспокойся, в одной лодке с тобой оказалось множество так называемых экспертов.— Коллинз улыбнулся, и это чуть смягчило выражение его сурового, грубого лица. Достав две сигары из кармана своей белой рубашки, он метнул одну из них через стол Амброузу.— Если у тебя есть время, я вкратце расскажу тебе то немногое, что знаю сам.

Благодарный за его дипломатичность, Амброуз кивнул и развернул обертку сигары, курить которую в общем-то не хотел.

— У меня масса времени.

— Отлично.— Коллинз зажег обе сигары и откинулся назад в кресле, отчего оно громко заскрипело.— Прежде всего замечу, что про магнилюкты линзы я сказал тебе чистейшую правду.

— Я не сомневаюсь, что...

Коллинз поднял тяжелую розовую руку, жестом призывая Амброуза к молчанию.

— Я лучше сразу выложу физику, поскольку для меня это тоже все ново, и я понимаю ее вот здесь, но совсем не понимаю тут.— Он по очереди постучал себя по лбу и по груди, потом начал лекцию.— Магнилюкт — это прозрачный материал с высокой концентрацией атомов водорода. Относительно недавно появились сообщения, что он может быть полезен в качестве некоего суперсцинтиллятора для обнаружения нейтрино, но, насколько я знаю, никто не проявлял к этому делу интереса, пока в Солнечную систему не вошла Планета Торнтона. Эта планета не излучает в известной нам области спектра, поэтому ее невозможно увидеть обычным путем,— зато она активно испускает

нейтрино. Когда нейтрино попадает в линзу магнилюктоных очков, оно взаимодействует с протонами, в результате чего появляются нейтроны и позитроны, которые возбуждают другие атомы в материале, а те в свою очередь излучают в видимом спектре. Поэтому в данном случае нельзя сфокусировать излучение и получить увеличенное изображение: нейтрино проходят по прямой. Более того, Планету Торнтона можно увидеть как немного размытое пятно только из-за некоторого рассеивания частиц относительно направления движения нейтрино. Ну, как я? — Коллинз выглядел словно ученик, ожидающий похвалы.

— Очень хорошо, — сказал Амброуз, — особенно если учесть, что физика элементарных частиц не твоя специальность.

— Не моя.

Амброуз решил не упоминать, что ядерная физика была как раз его специальностью. Возможно, Коллинз уже понял, что его слушатель знает гораздо меньше, чем от него ожидают. Он стряхнул первую колбаску пепла со своей сигары и задумался об услышанном несколько минут назад.

— Значит, излучение представляет собой поток нейтрино, — произнес он медленно. — Насколько я понимаю, на основании этого был сделан вывод, что Планета Торнтона состоит из антинейтринной материи?

— Видимо, да.

— То есть планета представляет собой что-то вроде мира-призрака. И для нас она практически не существует.

— Верно.

— Вот незадача! — произнес Амброуз, криво улыбнувшись.— Как я буду демонстрировать ее в планетарии?

— А это, рад сказать, уже твоя проблема,— с симпатией в голосе, несколько контрастирующей с вложенным в слова содержанием, произнес Коллинз.— Хочешь увидеть, где сейчас находится наш пришелец?

— Не откажусь.

Пока Коллинз вводил в терминал компьютера на своем столе команды, вызывающие на настенный экран диаграмму Солнечной системы, Амброуз продолжал потягивать свою сигару. Когда же на экране возникло изображение, он заметил, что его собеседник искоса наблюдает за ним, явно рассчитывая на какую-то реакцию. Амброуз взглянул на экран с двумя пунктирными зелеными линиями, обозначающими орбиты Юпитера и Марса, и пересекающей их сплошной красной линией траектории Планеты Торнтона. Примерно это он и ожидал увидеть, но что-то на диаграмме было не так, что-то связанное с теми данными, которые он только что получил от Коллинза.

— Это исправленный вид, так сказать, сверху, перпендикулярно плоскости эклиптики,— сказал Коллинз, не сводя глаз с Амброуза.— Мы получаем точки орбиты методом триангуляции, и эти данные довольно точны, поскольку мы использовали лунную колонию в качестве второй расчетной точки. Базовое расстояние, конечно, меняется, но...

— Стоп! — остановил его Амброуз, внезапно поняв, что именно на компьютерной диаграмме не так.— Красная линия искривлена!

— И что?

— Антинейтринная планета не должна подвергаться влиянию притяжения Солнца. Она должна пройти Солнечную систему по абсолютно прямой линии.

— Ты довольно быстро все уловил,— сказал Коллинз.— Поздравляю.

Амброуза поздравление не обрадовало.

— Но что это означает? Как видно из диаграммы, Планета Торнтона захвачена притяжением нашего Солнца, но то, что мы знаем, говорит о невозможности подобного явления. Насколько точно известно, что планета состоит из антинейтрино?

— Если на этот счет и есть какие-то сомнения, они разрешатся через несколько месяцев,— после короткой паузы ответил Коллинз.

— Ты, я чувствую, убежден в этом. Откуда такая уверенность? — спросил Амброуз.

— Все очень просто,— ответил Коллинз спокойно.— Из тех данных, которыми мы располагаем уже сейчас, почти на сто процентов следует, что Планета Торнтона пройдет прямо сквозь Землю.

Глава 2

Утром 25 марта 1993 года человек-нейтрино по имени Гилберт Снук сидел в баре, неторопливо наслаждаясь сигаретой и слегка охлажденным джином с водой. Роста он был среднего. Короткие черные волосы. Твердые черты лица. Четкий рельеф мышц, предполагавший

значительную физическую силу. Но больше Снук, пожалуй, ничем не выделялся.

Его чувство удовлетворенности складывалось из целой комбинации составляющих, и одной из них служил тот факт, что впервые за две недели у него выдался свободный день. Обслуживание самолетов днем при тех температурах, что царят на юге Аравийского полуострова, само по себе предполагало способность наслаждаться возможностью просто посидеть в прохладе. Внутри самолета жара стояла непереносимая, а металлические поверхности приходилось застилать тряпками, чтобы не получить ожога. Машинное масло становилось настолько текучим, что опытные механики обычно пренебрегали рекомендациями изготовителей и заменяли его составами, которые при нормальных обстоятельствах ведут себя как патока.

Условия работы в Малакке отнюдь не способствовали тому, чтобы иностранные специалисты оставались там надолго, но вполне соответствовали темпераменту Снука. Малакк образовался после распада бывшего Оманского султаната на несколько мелких государств, и страна эта привлекала Снука главным образом плотностью населения — не более двух человек на квадратную милю. Все те давящие на психику факторы, которые раздражали его в густонаселенных районах, в Малакке практически отсутствовали. Здесь ему удавалось игнорировать даже газеты, бюллетени новостей и радиопередачи. От него требовалось только поддерживать в рабочем состоянии принадлежащую правительству небольшую эскадрилью военных транспорт-

ных самолетов и стареющих реактивных истребителей, за что он квартировался в единственном отеле государства и получал щедрое жалованье, не облагаемое налогом. По привычке почти все деньги он переводил в банк своего родного Онтарио.

День для Снука начался хорошо. Он проснулся посвежевшим после долгого сна, отведал завтрак в западном стиле, пару часов пробулыхался в бассейне и теперь наслаждался джином в ожидании ленча. Аэродром и прилегающий к нему городок, расположенный в пяти километрах от отеля, прятались за низкими холмами, отчего Снуку легко верилось, что в этом мире нет ничего, кроме отеля, огромного голубого океана и полумесяца белого песка, огибающего по обеим сторонам залив. Время от времени он вспоминал, что вечером у него свидание с Евой, переводчицей из западногерманской технической консультационной миссии, но сейчас мысли его сосредоточились на состоянии легкого и приятного опьянения.

И стоит ли говорить, что он был удивлен, обнаружив растущее в нем чувство беспокойства, которое возникло после того, как солнце перевалило зенит. Снук привык верить своим предчувствиям; иногда он даже подозревал, что обладает крохотным даром ясновидения. Но сейчас, обводя взглядом просторный и почти пустой бар, он не мог понять, что вызвало у него подсознательную тревогу. Со своего места у окна Снуку было видно маленькое подсобное помещение за стойкой бара, и он очень удивился, заметив, как бармен зашел внутрь и нацепил на нос что-то похожее на магнилюкты очки.

Молодой, неизменно вежливый араб замер на мгновение, глядя вверх, затем снял очки и вернулся к стойке, пробормотав что-то темно-кожему официанту. Тот взглянул на потолок, и его глаза сверкнули на темном лице.

Снук задумчиво отхлебнул из стакана. Теперь ему вспомнилось, что он видел у бассейна группу европейских туристов в магнилюктыых очках и что еще тогда у него мелькнула мысль, зачем это им понадобились усиливающие свет очки под таким ослепительным солнцем. В тот момент происшествие показалось ему просто еще одной странностью представителей слишком цивилизованного человечества, но теперь возникли новые мысли.

Май близился к концу, и Снук припомнил, что скоро должно произойти какое-то важное астрономическое событие. Астрономия мало интересовала его, и из разговоров между пилотами он получил смутное представление о том, что к Земле приближается какое-то протяженное небесное тело малой плотности, даже менее плотное, чем хвост кометы. А узнав, что его еще и нельзя увидеть иначе как с помощью какого-то хитрого свойства магнилюктового стекла, Снук отнес это явление к классу оптических иллюзий и больше о нем не задумывался. Оказалось, однако, что у других оно вызывает немалый интерес, и это лишний раз доказывало, что он идет не в ногу со всем остальным человечеством.

Впрочем, в ощущении, что он шагает под звук другого барабана, не было для него ничего нового. Снук сделал еще один большой глоток из запотевшего стакана, но понял, что тягостное

предчувствие не уходит. Легкое полуденное опьянение, доставлявшее ему столько удовольствия, внезапно прошло. И это его еще больше расстроило. Он встал, подошел к окну и выглянул на улицу, сощурив глаза от обилия света, исходящего от песка, моря и неба. Группа европейцев все еще толклась у бассейна. Снук уже решил было подойти к ним и спросить, не произошло ли что-нибудь новое, о чем ему следовало бы знать, но для этого пришлось бы лишний раз вступать с кем-то в контакт, и он тут же передумал. Уже отворачиваясь от окна, он заметил, как с севера, с той стороны, где располагались город и аэродром, приближается облако пыли, видимо, от идущей с большой скоростью машины. Меньше чем через минуту стало ясно, что это закамуфлированный под пустыню джип вооруженных сил султаната.

«Вот оно,— с каким-то странным удовлетворением подумал Снук.— Это за мной».

Он вернулся на свое место, закурил новую сигарету и попытался представить, что могло произойти. Из прежнего опыта он знал: случиться могло все что угодно. От птицы, попавшей в воздухозаборник истребителя и повредившей его металлический «пищевод», до погасшего габаритного огня на личном «боинге» султана. Снук сел поглубже в кресло и решил, что откажется двигаться с места, если только там не случилось что-нибудь действительно серьезное. Он как раз докурил сигарету, когда в зал вошел пилот одного из «скайвипов»* лейтенант Чарл-

* «Скайвип» — название типа самолета; в переводе — «небесный кнут».— *Прим. перев.*

тон — с багровым лицом, но форма пшеничного цвета, как всегда, с иголочки. Этот австралиец лет тридцати, нанявшийся по контракту три года пилотировать боевые машины султана, относился к механизмам самолетов с наименьшим уважением, чем все те, кого Снуку доводилось знать. Он подошел прямо к столику Снуга, уперся в белый пластик голыми коленками, поросшими светлыми волосками, и устремился на Снуга красными от ярости глазами.

— Почему ты до сих пор сидишь тут, Снук? — раздраженно спросил он.

— Потому что предпочитаю пить сидя, — ответил Снук, неторопливо обдумав вопрос.

— Прекрати... — Чарлтон сделал глубокий вдох и, очевидно, решил переменить тактику. — Разве дежурный не передал тебе мое сообщение?

— Он знает, чем бы это для него обернулось, — сказал Снук. — У меня первый свободный день за две недели.

Чарлтон беспомощно посмотрел на Снуга, затем опустился в кресло и, осторожно огляделвшись вокруг, сказал:

— Гил, ты нам очень нужен там, на поле.

Снук обратил внимание на то, что его назвали по имени, и спросил:

— Что случилось, Чак?

Чарлтон, всегда настаивавший, чтобы обслуживающий технический персонал обращался к нему формально, на секунду прикрыл глаза.

— Назревает мятеж. Существует опасность, что самолеты будут повреждены, и командование приняло решение перекинуть их на север до тех пор, пока здесь не станет спокойнее.

— Мятеж? — удивился Снук.— Вчера, когда я уходил, все было спокойно.

— Это случилось в одну ночь. За то время, которое ты здесь провел, вполне можно было успеть понять, что такое малаккцы.

— Ну хорошо, а султанская милиция? Фиркват? Они что, не в состоянии справиться?

— Этот чертов фирмват и раздувает огонь.— Чарлтон утер пот с бровей.— Гил, идешь ты или нет? Если мы быстро не уберем к чертовой матери отсюда эти самолеты, тогда скоро вообще не будет никаких самолетов.

— Ну если так...— Снук встал одновременно с Чарлтоном.— Я переоденусь и через минуту вернусь.

Чарлтон поймал его за руку и потянул к дверям.

— Нет времени. Поехали так.

Через тридцать секунд Снук уже сидел в джипе рядом с Чарлтоном и крепко держался за поручень. Джип рванул с места, выбрасывая из-под колес гравий. Чарлтон вывел машину на прибрежную дорогу, едва удерживая ее под контролем, и погнал на север, разгоняясь до предельной скорости на каждой передаче. Горячий ветер, столь разительно отличающийся от кондиционированной прохлады отеля, с ревом бился в наклонное ветровое стекло и мешал дышать. Слева за равниной дрожали в раскаленном воздухе голые, похожие на крепостные валы холмы. Снук понял, что на этот раз позволил оторвать себя от более чем заслуженного отдыха для того, чтобы совершить поездку с крайне неосторожным водителем, даже не узнав причину всей этой спешки.

— Стоит ли это дело того, чтобы рисковать жизнью? — спросил он Чарлтона, дернув его за рукав.

— Нет, конечно. Я всегда так вожу машину. — Чарлтон заметно повеселел, видимо, потому, что выполнил свою миссию.

— Из-за чего беспорядки?

— Ты что, никогда не слушаешь новости? — Чарлтон на мгновение отвел глаза от дороги и взглянул на своего пассажира. Джип тут же повело к песку и булыжникам на обочине.

— Нет. На свете есть масса других способов отравить себе существование.

— Может быть, ты прав. Но все началось из-за этой Планеты Торнтона. Не только здесь, это по всему миру.

— А из-за чего шум? Насколько я понял, планеты просто не существует.

— Попробуй объяснить это простому австралийскому аборигену. Или, если на то пошло, простой итальянской домохозяйке. Большинство людей рассуждают... А, черт! — Чарлтон вернул джип на середину дороги и возобновил попытку перекричать несущийся навстречу ветер. — Они думают, что, раз ты видишь, как она приближается, значит, ты почувствуешь, когда она будет здесь.

— Я думал, что ее нельзя увидеть без «амплитов».

— Но они теперь всюду, чудак. Вторая по скорости роста отрасль промышленности; первая, разумеется, секс. В бедных странах импортеры ломают очки надвое и продают как монокли.

— Все равно не понимаю. — Снук несколько

секунд задумчиво разглядывал прыгающую линию горизонта.— Как можно заводиться из-за оптической иллюзии?

— Ты в последнее время сам на нее смотрел?

— Нет.

— Держи,— Чарлтон порылся в нагрудном кармане, достал очки с голубыми стеклами и передал их Снуку.— Посмотри... Вон там, к востоку.

Снук пожал плечами и надел очки. Как он и ожидал, освещенные солнцем поверхности выглядели через эти линзы невыносимо ярко, но небо было чуть темнее. Он запрокинул голову, и тут его сердце словно остановилось. Планета Торнтона сияла прямо над ним; огромный стремительно несущийся шар, почему-то вдруг застывший в своем смертоносном падении, заливал почти все небо устрашающим голубым свечением. Древний суеверный страх охватил Снука, лишая его способности рассуждать, предупреждая, что весь старый порядок будет вот-вот сметен. Он сорвал очки и вернулся в успокаивающе-нормальный мир.

— Ну? — явно довольный произведенным эффектом, спросил Чарлтон.— Что ты думаешь об этой оптической иллюзии?

— Я...— Снук снова взглянул на небо, радуясь его пустоте и пытаясь примириться с мыслью о двух несовместимых реальностях. Он хотел было снова надеть очки, но передумал и отдал их Чарлтону.— Она выглядела вполне реально.

— Она столь же реальна, как Земля, но одновременно иллюзорна, как радуга.— Чарлтон подпрыгнул на сиденье, словно всадник, пого-

няющий коня.— Надо быть физиком, чтобы все это понимать. Я сам не понимаю, но я и не беспокоюсь, потому что верю всем этим парням с учеными званиями после имени. Они, впрочем, тоже не все думают одинаково. А эти вообще считают, что она разрушит мир.

Он показал на деревянные хижины на окраине города, возникшего из-за диагональной линии холмов, где посреди лоскутных домиков мелькали женщины в черных покрывалах и маленькие дети.

Снук кивнул, преисполненный теперь, когда он взглянул на чужое небо, нового понимания.

— Они будут обвинять нас, разумеется. Мы сделали ее видимой — значит, мы вызвали ее к существованию.

— Я знаю только,— прокричал Чарлтон,— что нам нужно перегнать самолеты, а пилотов не хватает. Ты справишься с одним из старых «летающих грузовиков»? Сумеешь?

— У меня нет лицензии на управление самолетом.

— Сейчас это никого не волнует. Твой шанс на медаль, чудак!

— Блеск,— мрачно произнес Снук и ухватился покрепче за поручень джипа, когда Чарлтон свернул с прибрежной трассы на дорогу к аэродрому, проходящую к западу от города. Чарлтон гнал, не обращая внимания на то, что дорога стала хуже, и Снука несколько раз чуть не выбросило из машины, несущейся по ямам и булыжникам. Он был рад, увидев наконец ограду аэродрома, и с облегчением заметил, что у въездных ворот собралась лишь горстка мужчин в национальных костюмах, хотя все

они держали в руках современные винтовки, свидетельствовавшие об их принадлежности к султанской милиции. Когда джип приблизился к воротам, он увидел по ту сторону забора людей в обычной солдатской форме с винтовками на изготовку. Его надежды на то, что ситуация окажется менее опасной, быстро растаяли. Чарлтон посигналил и яростно замахал рукой, чтобы люди у ворот очистили дорогу.

— Лучше сбавь немнога,— прокричал ему Снук.

Чарлтон дернул головой.

— Если мы снизим скорость, нам вообще не прорваться.

И он продолжал гнать на полной скорости до самых ворот, пока люди в белых одеждах не отпрыгнули в сторону с возмущенными криками. Чарлтон притормозил в самый последний момент и повернул джип к двум ободранным, врытым в землю хвостовым опереньям самолетов, служащим столбами ворот. Уже казалось, что его тактика себя оправдала, когда престарелый араб, стоявший до того на огромной бочке из-под смазочного масла, вдруг спрыгнул на землю с поднятыми руками перед самым автомобилем. У Чарлтона просто не было времени отреагировать. Джип вздрогнул от удара по живому, и старик исчез под колесами. Чарлтон резко, с разворотом остановился за линией солдат и посмотрел на Снука с искренним негодованием во взгляде.

— Ты видел? — выдохнул он, бледнея.— Старый дурак!

— Кажется, мы его убили,— сказал Снук. Он обернулся и, увидев, что вокруг лежащего

тела собралась тесная толпа, попытался было выбраться из машины. Но неизвестно откуда появившийся бородатый сержант грубо толкнул его обратно на сиденье.

— Туда не ходи,— сказал он.— Они тебя убьют.

— Но нельзя же...— Слова Снука потонули в шуме двигателя, и Чарлтон, разогнавшись, повел джип к ангарам, выстроившимся вдоль южной стороны шоссе.— Что ты делаешь?

— Сержант не шутил,— мрачно ответил Чарлтон, и, словно в подтверждение его слов, послышался неровный дробный звук выстрелов. Рядом с джипом несколько раз фонтанчиками взметнулся песок.

Снук пригнулся к сиденью. Хотя действия Чарлтона много раз вызывали у него протест, в данном случае он оказался прав. В Малакке было так мало машин, что люди до сих пор не могли смириться с неизбежностью несчастных случаев на дорогах. Родственники пострадавшего в дорожном происшествии всегда относились к его смерти как к случаю преднамеренного убийства и даже в спокойные времена мстили тем же. Снук знал одного авиамеханика, который год назад случайно сбил ребенка. Чтобы спасти провинившемуся жизнь, пришлось вывозить его из страны тайком на самолете.

Когда джип въехал за земляной вал и наконец остановился у одноэтажного здания диспетчерской, Снук выпрямился. Командир эскадрильи Гросс, бывший летчик Королевских военно-воздушных сил, а ныне заместитель командующего авиацией султана, выбежал им навстречу и остановился, без слов глядя на три взлетающих

с ближней полосы почти один за другим истребителя. Капли пота стекали по его чисто выбритому, но перепачканному пылью лицу.

— Я слышал выстрелы,— сказал он, как только стих грохот взлетающих «скайвипов».— Что случилось?

Чарлтон поерзal на сиденье и, глядя на свои руки, сжимающие руль, ответил:

— Они стреляли в нас, сэр. Один из местных... э-э-э... он выскочил перед машиной, когда я проезжал ворота.

— Мертв?

— Он совсем старик.

— Доверяй тебе после этого, Чарлтон,— с горечью произнес Гросс.— О господи! Как будто у нас без этого мало неприятностей!

Чарлтон прочистил горло.

— Мне удалось найти Снуга, сэр. Он согласился переправить «летающий грузовик».

— Их осталось только два, и те уже никуда не полетят.— Гросс махнул рукой в сумрак ближайшего ангара, где стояли два старых неуклюжих грузовых самолета. Правый пропеллер одного вгрызся в крыло другого — видимо, в результате неумелого разворота в узком пространстве.

Снуг выпрыгнул на горячий асфальт.

— Я осмотрю повреждения.

— Нет. Весь гражданский персонал я перевожу на север до тех пор, пока здесь не поутихнет. Тебе лучше отправиться с Чарлтоном на его «скайвипе».— Гросс смерил Чарлтона недружелюбным взглядом.— Счастливого пути.

— Благодарю.— Снуг повернулся и побежал за Чарлтоном, который был уже на полпути

к ожидающему его самолету. Забравшись на заднее сиденье, Снук тут же нацепил наушники интеркома, а Чарлтон тем временем завел двигатель. Самолет рванулся вперед почти сразу, жестко подпрыгивая на шасси, потом вырулил на взлетную полосу. Снук все еще держал ремни безопасности, когда прекратившиеся толчки подсказали ему, что они уже в воздухе. Он вспомнил о своей одежде и поразился, сколь неуместно темно-голубая рубашка, голубые шорты и легкие сандалии выглядят на фоне многочисленных приборов управления в кабине самолета. Часы показывали 01.06. Выходит, всего каких-то девять минут назад он сидел за столиком в баре отеля со стаканом разбавленного джина.

Даже Гилу Снку, человеку-нейтрину, абсолютно свободной микрочастице человечества, такая скорость смены событий показалась слишком высокой. Он застегнул наконец последнюю пряжку, поднял голову и тут же понял, что они летят на юг. Решив убедиться, что он не ошибается, Снук подождал, пока самолет без изменения курса не набрал высоту 7000 метров, и только тогда обратился к пилоту.

— В чем дело, Чак? — холодно спросил он.

Ясный голос Чарлтона в наушниках не оставлял никаких сомнений в преднамеренности его действий.

— Слушай, что я тебе скажу. Мы оба конченные люди в Малакке. У этого старого пугала, что выскочило на дорогу перед машиной, не меньше тридцати или сорока сыновей и племянников. Куда бы ты ни пошел, они будут пытаться прикончить тебя из своих «martини»

и «ли-энфилдов». Большинство из них стрелки паршивые, но когда-нибудь они подберутся достаточно близко и едва ли станут рассуждать, что ты был всего лишь пассажиром. Поверь мне, я эти дела знаю.

— И куда мы теперь?

— В любом случае я больше не летаю у Гросса. Нас называют «ударной группировкой», но все, что мы делаем...

— Я спросил: куда мы летим?

Над верхним краем катапультирующего механизма появилась рука Чарлтона и ткнула указательным пальцем в направлении полета.

— Перед нами вся Африка. Можем выбирать.

Снук недоверчиво покачал головой.

— Мой паспорт остался в отеле. А твой?

— Тоже дома.— Тем не менее голос Чарлтона звучал уверенно.— Ни о чем не беспокойся. В нашем радиусе действия по крайней мере шесть свежеиспеченных республик, где нам с радостью предоставят политическое убежище. В обмен на самолет, разумеется.

— Разумеется.

Снук, нахмурившись, взглянул на восточный небосклон. Планета Торнтона, хотя невидимая и нереальная, уже сыграла роль дурного знамения, как любое другое небесное явление.

Глава 3

К весне 1996 года прохождение Планеты Торнтона уже почти исчезло из памяти тех людей, которые были наиболее встревожены ее приближением к Земле. Планета прошла в «кос-

мическое игольное ушко», представлявшее собой пространство между Землей и Луной, но, как и предсказывали эксперты, на человека это не оказалось никакого физического воздействия. Пока объект удалялся, уменьшаясь до размеров обычной планеты из тех, что видны на небосклоне, с такой же быстротой уменьшалось и значение этого явления для среднего человека, перед которым по-прежнему стояла задача выжить в этом все более голодном и раздробленном мире. Планету Торнтона до сих пор мог увидеть любой, кто наденет магнилюкевые очки и потратит время, чтобы отыскать ее, но даже тот удивительный факт, что иногда можно было посмотреть под ноги и увидеть новую звезду, просвечивающую сквозь толщу Земли, казался всего лишь трюком. От этого не было, как говорится, ни тепло, ни холодно, и вообще никак с практической точки зрения. Поэтому планету очень быстро занесли в тот же разряд астрономических чудес, к которому причисляют северное сияние и падающие звезды.

Для ученых же всего мира ситуация складывалась иная. Сама природа небесного пришельца в какой-то степени препятствовала его наблюдению и изучению, но еще задолго до того, как Планета Торнтона пронеслась мимо Земли, стало ясно, что она захвачена притяжением Солнца. Войдя под углом в плоскость эклиптики, она нырнула внутрь орбиты Меркурия, постоянно набирая скорость, обернулась вокруг Солнца, а затем опять ушла к границам Солнечной системы. Ее поведение несколько отличалось от поведения планеты из нормальной адронной материи, но вычисления показывали, что она

теперь движется по сильно вытянутой прецессирующей эллиптической орбите с периодом обращения вокруг Солнца чуть больше двадцати четырех лет. Элементы орбиты позволяли считать, что Планета Торнтона вновь окажется в окрестностях Земли только через четыре оборота, то есть примерно через сто лет после первого ее появления.

Информация встретила различный прием среди ученых, но все они, окажись в их распоряжении начальные данные в качестве теоретического упражнения, в один голос заявили бы, что антинейтринное тело должно пройти сквозь Солнечную систему по прямой и притяжение Солнца не может влиять на него никоим образом. Большинство при виде угрозы бастионам земной науки, вызванной случайным беспечным пришельцем из бесконечности, впали в отчаянье. Другие приняли новый вызов человеческому интеллекту с восторгом. И лишь немногие наотрез отказывались как-то интерпретировать полученные данные, утверждая, что Планета Торнтона вообще не является объективной реальностью.

Гилберту Снуку, со своей стороны, не приходилось сомневаться в реальности Планеты Торнтона. Он видел ее бледно-голубое слепое лицо и ощущал, как рушится вся его жизнь.

В его новой карьере в республике Баанди, существующей всего девять лет, многое было ему не по душе, хотя справедливости ради он признавал, что большинство трудностей создал себе сам. Первая возможность для этого представилась через какую-то минуту после того,

как истребитель «скайвип» совершил посадку на главном военном аэродроме Баанди, располагавшемся на северном берегу озера Виктория.

После коротких переговоров на местной волне лейтенант Чарлтон договорился о благоприятном приеме для себя. А когда внизу поняли, что он преподносит в дар Баанди боевой самолет, предназначенный для карательных операций, плюс свои услуги в качестве пилота, прием вырос до размеров миниатюрной государственной церемонии с присутствием нескольких высокопоставленных офицеров и их жен.

Запоздалое открытие алмазов в западной Кении резко обострило идущий в этом регионе процесс дробления стран мелкими сепаратистскими группировками. Сильное централизованное управление тем временем становилось все проблематичнее. Баанди, одно из крохотных новых государств, образовавшихся в этом регионе, существовало, как и все остальные, на грани законного признания, и там готовы были принять любую боевую технику, которая помогла бы республике укрепиться. Поэтому прием происходил в атмосфере самопоздравлений и веселья среди группы высокопоставленных лиц, собравшихся поприветствовать своих благодетелей, спустившихся с северных небес.

К несчастью, Снук испортил торжество. Едва оказавшись на земле, он набросился на Чарлтона, и врезал ему так, как он никогда никого не бил. Если бы ему хотелось просто лишить Чарлтона сознания, он бы, наверно, ударил его в солнечное сплетение или в подбородок, но Снуга охватило

ошеломляющее желание оставить пилоту след на физиономии, и он врезал ему прямо по переносице. В результате Чарлтон заполучил два черных пятна вокруг глаз, как у гималайского медведя, и чудовищно распухший нос, что в значительной степени подпортило образ молодого привлекательного воздухоплавателя.

Это произошло почти три года назад, но в те дни, когда на душе у Снука скребли кошки, воспоминание о том, как первая неделя светской деятельности Чарлтона в приютившей его стране была начисто загублена безобразными синяками на физиономии, помогало ему справляться с тоской.

Его же собственная жизнь после этого происшествия сильно осложнилась. Два дня, пока Чарлтон решал, мстить или нет, Снука продержали в тюрьме, потом целый день допрашивали с целью выяснения его политических настроений и еще на месяц продлили заключение после того, как он наотрез отказался обслуживать и «скайвип», и любой другой баандийский самолет. В конце концов его выпустили, запретив покидать страну, и, зная о его инженерных способностях, заставили обучать неграмотных африканцев, работавших в глубоких шахтах к западу от Кисуму.

Снук считал, что его пост просто фикция, часть плана, цель которого придать Баанди хотя бы видимость статуса в глазах ЮНЕСКО, но тем не менее ему удалось наладить вполне приемлемые отношения с окружавшими его людьми и даже обнаружить некоторые стороны жизни, делавшие ее приятной. Одной из них оказался огромный запас превосходного арабского кофе, и Снук

завел привычку выпивать каждое утро по четыре большие чашки. Только после кофе он начинал думать о работе.

Именно в это время, на заре, Снук получал от жизни наибольшее удовольствие, и поэтому, когда до него донесся какой-то шум у входа в шахту, он спокойно продолжал допивать четвертую чашку. Неприятности, в чем бы они там ни заключались, не казались ему достаточно серьезными. В общем гомоне голосов выделялся один высокий крик — видимо, кто-то впал в истерику. Снук решил, что этот кто-то либо заболел лихорадкой, либо просто перепил. Ни то ни другое его не касалось: вшей в Баанде всегда хватало, а валяющиеся на улицах пьяные тоже никого не удивляли.

Мысль об алкоголе напомнила Снuku о его собственном вчерашнем переборе. Переходя из маленькой кухни его бунгало в жилую комнату, он обнаружил две пустые бутылки из-под джина и стакан. Вид второй бутылки вызвал у него мгновенный приступ отвращения к себе: Снуку казалось, что вчера обе бутылки были уже не полные, но какие-то сомнения все же оставались, и это доказывало, что пить он стал слишком много. Видимо, пришла пора двигаться куда-нибудь в другое место, невзирая на отсутствие паспорта и прочие трудности.

Снук прошел за дом и во время ставшего уже церемониальным битья зеленых бутылок о гору блестящих осколков в баке для отходов вдруг понял, что до сих пор слышит вдали одинокий голос, и только сейчас уловил звучание в нем нотки страха. Снова в нем шевельнулось знакомое, но каждый раз пугающее ощущение, что

он уже знает будущее. С другой стороны дома донесся звук торопливых шагов, и Снук увидел Джорджа Мёрфи, мастера с шахты. Мёрфи был кенийцем по происхождению, но новое правительство Баранди не поощряло использование древних имен народа суахили, слишком тесно связанных с прошлым, как, впрочем, и ритуальные танцы, и вырезание деревянных фигурок для туристов. Каждый житель страны получил новое имя на английский манер.

— Доброе утро, Гил,— слова приветствия Мёрфи произнес спокойно, но по тому, как вздымалась под отсвечивающей серебряными нитями рубашкой его грудь, Снук понял, что Мёрфи бежал. Как всегда от него пахло мятым жевательной резинкой.

— Джамбо, Джордж. Какие проблемы? — Снук опустил на место крышку бака, закрывая свою сокровищницу искусственных изумрудов.

— Гарольд Харпер.

— Из-за него поднялся весь этот шум?

— Да.

— А в чем дело? Мучают кошмары?

— Я не уверен, Гил.— Мёрфи выглядел обесспокоенным.

— Что ты имеешь в виду?

— Харпер много не пьет, но он говорит, что видел призрака.

Было хорошо заметно, что такому взрослому умному человеку, как Мёрфи, не очень удобно об этом говорить, но он, видимо, решил довести дело до конца.

— Призрак! — Снук хмыкнул.— Чего только не увидишь через донышко стакана!

— Я не думаю, что он пил. Сменный мастер бы заметил.

Снук заинтересовался.

— Ты хочешь сказать, что он был на шахте, когда это случилось?

— Да. Возвращался с ночной смены по нижнему уровню.

— И как этот призрак выглядел?

— Ну, сам понимаешь, от Харпера в том состоянии, в каком он сейчас, многого не добьешься...

— Но ты хоть что-то ведь понял? Речь идет о даме в длинной белой одежде? Что-то вроде этого?

Мёрфи сунул руки поглубже в карманы брюк, сгорбился и покачался на каблуках.

— Харпер говорит, что из пола появилась голова, а потом она снова опустилась.

— Это что-то новое.— Снук никак не мог прервать потока язвительности.— Я знал одного парня, так он видел, как из-под его кровати чередой выходят длинношеие гуси.

— Я же говорю тебе, что Харпер не пил.

— Вовсе не обязательно хлестать до того самого момента, когда начнется белая горячка.

— Ну, не знаю.— Мёрфи начал терять терпение.— Может, ты сходишь и поговоришь с ним? Он сильно напуган, а врач уехал на Четвертую.

— И что я буду делать? Я не медик.

— Почему-то Харпер хочет видеть именно тебя. Почему-то он считает, что ты его друг.

Снук видел, что мастер начинает злиться, но ему по-прежнему не хотелось вмешиваться. Харпер проходил у него несколько курсов и иног-

да оставался после занятий, чтобы обсудить особенно заинтересовавший его вопрос. Учителем он был старательным, но среди шахтеров не один Харпер отличался жаждой знаний, и Снук никак не мог понять, почему он должен бежать куда-то всякий раз, как кто-нибудь из них расшибет себе нос.

— Мы с Харпером неплохо ладим друг с другом, — сказал он, защищая свою позицию, — но я не уверен, что смогу помочь ему в такой ситуации.

— Я тоже так не думаю. — Мёрфи повернулся, чтобы уйти, в голосе его явно слышалось осуждение. — Может, Харпер просто рехнулся. Или что-нибудь случилось с его «амплитами».

Снук почувствовал озноб.

— Стой, подожди... Харпер был в очках, когда увидел это... эту штуку?

— Какая разница?

— Не знаю. Однако странно... Что может случиться с магнилюктыми стеклами?

Мёрфи колебался. Он понял, что заинтриговал Снуга, и теперь мелко мстил, оттягивая ответ.

— Не знаю. Возможно, брак материала. Какие-нибудь чудные отражения. Всякое бывает.

— Это ты о чём, Джордж?

— Это уже второй случай за неделю. Во вторник утром двое рабочих, возвращаясь с ночной смены, видели, как что-то вроде птицы летало на нижнем уровне. И сразу скажу, они-то как раз прикладывают к бутылке. Ладно, не буду отнимать у тебя время.

Мёрфи двинулся прочь.

Снук подумал о том унизительном страхе,

который он испытал три года назад, взглянув в покрытое пятнами светящееся лицо Планеты Торнтона, приближающейся к Земле. Инстинкт подсказывал ему, что, может статься, Гарольд Харпер, будучи столь же неподготовленным, тоже столкнулся с неведомым.

— Если ты подождешь, пока я обуюсь,— крикнул он Мёрфи,— я пойду с тобой к шахте.

Национальная шахта номер три республики Баранди представляла собой одну из самых современных шахт в мире и была почти лишена тех примет, которые обычно ассоциируются с традиционными методами добычи полезных ископаемых. Ствол шахты пробили с помощью мобильного паразвукового излучателя, превращавшего глину и камень в мономолекулярную пыль. Если не считать подъемных механизмов, главной приметой шахты служило огромное количество змеящихся вакуумных труб, отсасывающих пыль от ручных излучателей на рабочих уровнях. Пыль потом перекачивалась на расположенный неподалеку перерабатывающий завод, где ее использовали в качестве сырья для выпуска превосходного цемента.

Лишь одна черта роднила эту шахту с другими, где добываются ценные минералы,— жесткая система охраны. Преподавательская работа позволяла Снку свободно посещать внешний круг административных зданий и складов, но он никогда раньше не был за единственными воротами в ограде, окружающей место спуска под землю. Пока вооруженные охранники просматривали его документы, он с интересом оглядывался вокруг. Около пропускного пункта для

шахтеров стоял военный джип со звездой и мечом на борту — эмблемой баандийского правительства.

— Высочайшие гости? — спросил Снук, показав Мёрфи на машину.

— Приехал полковник Фриборн. Он бывает здесь примерно раз в месяц и лично проверяет состояние охраны. — Мёрфи раздраженно двинул себя по скуле. — Именно сегодня мы могли бы, конечно, обойтись и без этих неприятностей.

— Это такой здоровенный тип с вмятиной на черепе?

— Он самый, — Мёрфи удивленно взглянул на Снуга. — Ты с ним встречался?

— Один раз. И довольно давно.

По прибытии в Баанди Снуга допрашивали несколько армейских офицеров, но особенно ему запомнился полковник Фриборн. Он подробно расспрашивал его о причинах отказа обслуживать баандийские самолеты и задумчиво кивал каждый раз, когда Снуг давал намеренно глупые ответы. В конце концов, сохраняя доброжелательность в голосе, Фриборн сказал:

— Я важный человек в этой стране, я друг президента, и у меня нет времени, чтобы тратить его на белых иноземцев, на тебя тем более. Если ты не начнешь отвечать на мои вопросы нормально, тебя вынесут отсюда с таким же черепом, как у меня.

В подтверждение своих слов он взял трость с золотым шаром на конце и аккуратно приложил его к вмятине на своей бритой голове. Эта маленькая демонстрация тут же убедила Снуга, что в его же интересах будет подчиниться. Воспоминание о том, как его мгновенно запугали,

все еще было живо в памяти, и он попытался выкинуть эти мысли из головы как непродуктивные.

— Я уже не слышу Харпера,— сказал Снук.— Может, он успокоился.

— Надеюсь,— ответил Мёрфи и повел его через площадь из твердой утоптанной глины к трейлеру с красным крестом на боку.

Они поднялись по деревянным ступенькам в приемную, где, кроме складных кресел и плакатов Всемирной организации здравоохранения, ничего не было. Гарольд Харпер, широкоплечий, но очень худой мужчина лет двадцати пяти полулежал в одном из кресел, а через два кресла от него, сохраняя профессиональную невозмутимость, сидел чернокожий санитар с внимательными глазами. При виде Снуга Харпер криво улыбнулся, но ничего не сказал и не пошевелился.

— Мне пришлось сделать ему укол, мистер Мёрфи,— сказал санитар.

— В отсутствие врача?

— Полковник Фриборн приказал.

Мёрфи вздохнул.

— Власть полковника не распространяется на медицинские проблемы.

— Шутите? — Лицо санитара исказила карикатурная гримаса возмущения.— Мне совсем не улыбается получить вмятину в башке.

— Может быть, укол не такая уж плохая идея,— сказал Снук, подходя к Харперу и опускаясь рядом с ним на колени.— Эй, Гарольд, что случилось? Что там насчет призраков?

Улыбка Харпера растворилась.

— Я видел его, Гил.

— Тебе крупно повезло. Я за всю свою жизнь не видел ни одного.

— Повезло? — Взгляд Харпера ушел в сторону, сфокусировавшись, казалось, на чем-то вне пределов комнаты.

— Что ты видел, Гарольд? Рассказывай.

Харпер заговорил сонным голосом, изредка срывааясь на суахили.

— Я был на восьмом уровне, в дальнем конце южного коридора... Пошла желтая глина, потом камни... Нужно было переналадить проектор, но я знал, что скоро конец смены... Обернулся назад и увидел что-то на полу... Маленький купол, как верхушка кокосового ореха... Светящийся, но я мог видеть сквозь него... Попробовал коснуться, а там ничего... Снял «амплиты», чтобы лучше разглядеть, ну, знаешь, как это бывает? Машинально. Но там почти нет света... Без очков ничего не видно... Я их снова надел и... И там...— Харпер умолк и тяжело, размеренно задышал. Его ноги чуть шевельнулись, словно мозг еще не совсем подавил желание бежать прочь.

— Что ты увидел, Гарольд?

— Там была голова, а моя рука оказалась внутри нее...

— Что за голова?

— Не как у человека... Не как у зверя... Размером примерно вот такая.— Харпер раздвинул руки и согнул пальцы, словно держал футбольный мяч.— Три глаза... Все три около макушки... Рот внизу... Гил, моя рука была прямо внутри этой головы. Прямо внутри...

— Ты что-нибудь почувствовал?

— Нет, я сразу же ее отдернул... Я был в тупике, деться некуда... Так что я просто сидел там...

— И что случилось?

— Голова чуть повернулась, рот шевельнулся... Но звука не было... Потом она снова опустилась в камень. И исчезла...

— В камне была дыра?

— Нет, там ничего не было.— Харпер взглянул на него укоризненно.— Я видел призрака, Гил.

— Ты мне можешь показать точное место?

— Могу.— Харпер закрыл глаза, и голова его склонилась в сторону.— Но не буду... Черта с два я туда еще спущусь... Никогда...— Он откинулся назад и захрапел.

— Эй, Флоренс Найтингейл! — Мёрфи ткнул санитара пальцем в плечо.— Сколько ты ему вкатил?

— Не волнуйтесь, ничего с ним не будет,— ответил тот обиженно.— Мне уже приходилось вводить снотворное.

— Не дай бог с ним что случится, парень. Через час или около того я зайду проверю. Ты уложи его получше и присмотри за ним.

Большой и уверенный в себе Мёрфи по-настоящему беспокоился о Харпере, и Снук неожиданно для себя почувствовал к нему уважение и симпатию.

— Послушай,— сказал Снук, когда они вышли на улицу.— Ты извини, что я не сразу среагировал там, дома. Я тогда еще не понимал, с чем столкнулся Харпер.

Мёрфи улыбнулся, окончательно возвращая тепло доверия между ними.

— Ладно, Гил. Ты веришь тому, что он рассказал?

— Чертовщина, конечно, но, похоже, верю.

Меня убедили именно очки. Сняв их, он не видел ни головы, ни чего-нибудь еще.

— Я, было, подумал, что с очками что-то неладное.

— А я подумал, что увиденное Харпером как раз весьма реальное явление, только я не могу тебе объяснить, в чем тут дело. Шахтеры все носят «амплиты»?

— Да, это стандартная модель. Очко позволили снизить расход электроэнергии на девяносто процентов, а ты сам знаешь, каково положение после того, как остановили строительство атомной электростанции.

— Знаю.

Снук, сощурив глаза, наблюдал, как из-за гор на востоке начало свой вертикальный подъем солнце. Одной из неприятных для него сторон жизни на экваторе было то, что солнце независимо от времени года проходило дневной путь всегда по одному и тому же маршруту. Иногда ему казалось, что оно движется, словно по нарезанной на пластинке дорожке, постепенно углубляя ее до канавы. У входа в шахту выстроилась около подъемника очередь людей, идущих на смену, и Снук увидел, что многие из них машут ему и улыбаются. Один из шахтеров предложил ему свою желтую каску, показывая на вход в шахту, и, когда Снук, отказываясь, затряс головой, все остальные рассмеялись.

— Они заметно бодрее, чем вечером, — сказал Снук. — В классе большинство из них ведут себя потише.

— Они напуганы, — ответил Мёрфи. — Среди шахтеров слухи распространяются быстро, а те двое, что утверждали, будто видели птицу во

вторник утром, с того самого дня только и делают, что чешут языками. История с Харпером тоже уже облетела лагерь, а когда он вечером доберется до бара и немного выпьет, то...

— Чего они боятся?

— Десять лет назад почти все эти люди были скотоводами и земледельцами. Президент Огилви согнал их с насиженных мест, наградил английскими именами, запретил языки банту, заставив пользоваться английским, надел на них штаны и рубахи, но на самом деле никаких изменил. Им никогда не нравилось спускаться под землю и никогда не понравится.

— Но можно подумать, что после десяти лет...

— Для них там, внизу, просто другой мир. Мир, куда их никто не приглашал. Все, что им нужно, это один-единственный намек на то, что законные обитатели того мира возражают против их присутствия, и они больше не пойдут в шахты.

— И что тогда случится?

Мёрфи достал из кармана пачку сигарет и протянул Снуку. Они закурили, разглядывая друг друга через замысловатые кружева дыма.

— Только одна эта шахта, — сказал Мёрфи после короткого молчания, — дала в прошлом году более сорока тысяч метрических каратов. Что, по-твоему, случится?

— Полковник Фриборн?

— Именно. Случится полковник Фриборн. Сейчас правительство платит людям прожиточный минимум, предоставляет им медицинскую помощь, хотя на четыре шахты всего один квалифицированный врач, и бесплатное образование, хотя учителем служит безработный авиа-механик... — Мёрфи улыбнулся, когда Снук иро-

нически поклонился, потом продолжил: — Все это обходится довольно дешево, и, кроме того, советники президента извлекают из такого положения дел еще и кое-какую пропагандистскую выгоду. Но если шахтеры откажутся работать, полковник Фриборн введет другую систему. Сам знаешь, эта страна никогда на самом деле далеко не уходила от рабства.

Снук взглянул на свою плохо набитую ароматизированную сигарету.

— Тебе не кажется, что ты рискуешь, говоря со мной на эту тему?

— Нет. Я просто не говорю с тем, кого не знаю.

— Приятно это слышать,— устало произнес Снук.— Но ты не обидишься, если я буду продолжать думать, что у тебя есть причина так говорить?

— Не обижусь. Может, буду разочарован.— Мёрфи хохотнул высоким голосом, совсем не характерным для человека с таким крупным торсом, и до Снука снова донесся аромат мяты.— Люди любят тебя за то, что ты честен. И за то, что ты никому не подчиняешься.

— Ты опять льстишь мне, Джордж.

Мёрфи развел руками.

— Все, о чем я говорил, имеет прямое отношение к делу. Если бы ты взялся расследовать, что это за призрак, и как-то это разумно объяснил, люди приняли бы твое объяснение. И ты оказал бы им большую услугу.

— Учитель не ошибается?

Мёрфи кивнул.

— В данном случае — да.

— Согласен.— Снук повернулся лицом к сбор-

ной стальной конструкции, скрывавшей вход в трехкилометровую вертикальную шахту.— Но, я думал, туда запрещено пускать посторонних.

— Для тебя сделано исключение. Я переговорил с Аленом Картье, управляющим шахтой, и он уже подписал специальный пропуск.

Глава 4

Снук попросил не зажигать лишнего света, поэтому темнота в конце южной штольни восьмого уровня была почти полная. Ему представлялось, что он стоит на дне колодца с черными чернилами, который не только лишал его света, но и вытягивал из тела последнее тепло. На поясе у него висел фонарик, но Снук лишь изредка позволял себе скинуть давление ночи, нажимая кнопку подсветки наручных часов. Мелькание угловатых красных цифр, подсказывающих, что в мир наверху приходит заря, создавало по крайней мере иллюзию тепла. Кто-то тронул его за руку.

— Что мы будем делать, если ничего не произойдет? — Голос Мёрфи, хотя он стоял всего в двух шагах от Снука, был едва слышен.

Снук улыбнулся в темноту.

— Почему шепотом, Джордж?

— Черт бы тебя... Гил! — Мёрфи замолчал, потом повторил вопрос чуть громче.

— Придем завтра, разумеется.

— Тогда я прихвачу термос и флягу с супом.

— Извини, но ничего не выйдет, — сказал Снук. — Никаких источников тепла. В одной из камер инфракрасная пленка, и мне бы не хотелось рисковать. Я не особенно силен в фотографии.

— По-твоему, магнилюктовый фильтр поможет получить изображение?

— Не вижу, почему бы и нет. А ты?

— Я вообще ни черта не вижу,— мрачно ответил Мёрфи.— Даже в «амплитах».

— Ты их не снимай. Если что и произойдет, то, похоже, перед восходом солнца у нас больше всего шансов что-нибудь увидеть.

Сам Снук очки не снимал, но, как и Мёрфи, почти ничего не видел. Магнилюкты стекла предназначались для того, чтобы усиливать мизерные отблески света до ощутимого уровня, но там, где сила света была ниже пороговой чувствительности магнилюкта, линзы оказывались не очень эффективными. Прислонившись к стене шахты, Снук внимательно вглядывался в окружающую его тьму, боясь пропустить даже малейшие проявления чего-нибудь необычного. Время от времени он снимал очки и сравнивал зрительные ощущения. Прошло минут десять, прежде чем Снук решил, что какая-то разница все-таки есть: в очках темнота казалась менее густой. Никаких конкретных форм он различить не мог, даже не мог указать точно, где это псевдосвещение ярче, и все же был почти уверен, что в очках поле зрения становится чуть-чуть ярче, словно откуда-то в туннель проникает слабосветящийся газ.

— Ты заметил что-нибудь, Джордж? — спросил он.

— Нет,— сразу же отозвался тот.

Снук продолжал вглядываться в темноту, проклиная про себя отсутствие необходимой аппаратуры: доказать, что замеченное им увеличение яркости не мерецится ему из-за длительного пребывания в темноте, он был не в состоянии.

Внезапно слева возникла и лениво проплыла в поле зрения маленькая светлая точка, блеклая, как едва заметная звезда на небе. Снук нажал кнопку, которая с помощью устройства, собранного днем, подавала сигнал на затворы сразу четырех камер. Щелчки затворов, почти слившиеся в один, и шум переводащего ленту механизма буквально ошеломили его своей громкостью в напряженной атмосфере туннеля. Он взглянул на часы, запоминая время.

— Ты видел? — спросил он. — Что-то вроде маленького светлячка?

Мёрфи ответил не сразу.

— Гил, посмотри на пол!

На полу возникло маленькое пятнышко света. Потом оно превратилось в диск, и наконец, когда оно выросло до размеров ладони, Снук понял, что на самом деле видит перед собой прозрачный светящийся купол, увенчанный пучком растительности, словно макушка кокосового ореха. Борясь с волнением, он задержал дыхание и нажал кнопку, подающую сигнал на камеры. Через несколько секунд купол вырос над полом и превратился в неровный сферический предмет размером с человеческую голову, на котором едва угадывались искаженные черты лица. Из-под камня внизу просвечивало само тело.

У макушки размещались два глаза, а между ними, чуть ниже, — третье отверстие, вероятно служившее носом, но без ноздрей. Ушей видно не было, зато в самом низу угадывался щелевидный рот, огромный и подвижный. Прямо на глазах Снуга рот начал изгибаться и шевелиться, принимая формы, которые на человеческом лице могли бы означать смену таких чувств, как равно-

душие, досада, удивление, нетерпение плюс еще что-то, чему у людей даже нет соответствующего названия.

Хриплое дыхание Мёрфи вернуло Снука к действительности, напомнив о деле. Он нажал на спуск еще раз и, даже не отдавая себе в этом отчета, продолжал снимать каждые несколько секунд по мере того, как призрак поднимался все выше и представлял перед камерами все полнее.

За головой неизвестного существа последовали узкие покатые плечи и странно сочлененные руки, торчащие из-под сложного переплетения накидок, оборок и лямок, разобраться в которых было совершенно невозможно из-за их полупрозрачности, так как в поле зрения попадали детали одежды как спереди, так и со спины. Размытые очертания внутренних органов двигались и пульсировали под складками одежды существа, а оно тем временем продолжало в полной тишине подниматься сквозь пол с той же неизменной скоростью, пока не оказалось на виду целиком. Ростом с обычного невысокого человека существо стояло на двух непропорционально тонких ногах, смутно различимых среди свисающих складок одежды. В ступнях, плоских и похожих на птичьи лапы, просвечивал веер тонких костей, переплетенных ремешками напоминающей сандалии обуви.

Полностью поднявшись в туннель, существо чуть повернулось и удивительно похожим на человеческий жестом приставило ко лбу ладонь, словно защищая глаза от яркого света, но ничем не показало, что знает о присутствии людей. Накатывающийся волнами страх почти лишил

Снук способности рассуждать, но неожиданно он понял, что еще способен удивляться. Привыкший к незыблемости физических законов, управляющих его жизнью, он ожидал, что светящаяся фигура прекратит движение вверх, когда поднимется до его уровня, но она продолжала подниматься с такой же скоростью, пока сначала голова, а потом и очерченное голубыми контурами полупрозрачное тело не прошли сквозь своды туннеля.

Распространяясь в горизонтальном направлении, на уровне ног Снук возникла похожая на призрачный пол сияющая поверхность, которая тоже стала подниматься вверх, создавая иллюзию, будто туннель заполняется какой-то светящейся жидкостью. Когда уровень ее достиг глаз Снuka, ему показалось, что он весь окутан клубящейся, наполненной светом субстанцией, и, поддавшись внезапному приступу паники, он резким движением сорвал «амплиты».

Туннель сразу же погрузился в темноту, и Снук с облегчением вздохнул, мимолетно обрадовавшись простой возможности ничего не видеть. Тяжело дыша, он некоторое время стоял совершенно неподвижно, потом включил фонарик.

— Как ты, Джордж? — спросил он.

— Не очень, — ответил Мёрфи. — Мутит.

Снук схватил Мёрфи за руку и оттащил от тупиковой стены туннеля.

— Меня тоже, но сейчас время дорого.

— Почему?

— Я не знаю, как высоко собрался подниматься наш гость, но, думаю, тебе следует убрать людей со следующего уровня. Если они увидят то, что видели мы, шахту придется закрыть.

— Я... Что это, по-твоему, было? — По голосу Мёрфи ясно чувствовалось, что ему не терпится, чтобы Снук тут же дал происшествию научное толкование и объявил его совершенно безвредным.

— Призрак, Джордж. По всем классическим канонам это был призрак.

— Это не человек.

— Я и говорю, призрак.

— Я имею в виду, что это призрак не человека.

— Сейчас не время об этом думать.— Снук снова надел «амплиты» и обнаружил, что туннель все еще залит клубящимся сиянием, частично скрывающим детали окружения даже при включенном фонарике. Он снял очки и проверил время.— Так-так... Этот туннель имеет высоту два метра, и то, что мы видели, прошло его примерно за шесть минут.

— Всего за шесть минут?

— Да. Прямо над нами есть туннель?

— Только система 7-С.

— Высоко?

— По-разному, в зависимости от расположения пластов глины, кое-где всего пять-шесть метров.— Голос Мёрфи звучал как-то механически и отдаленно.— Ты заметил его ноги? Как у птицы. Утиные ноги.

Снук посветил фонариком прямо в лицо Мёрфи, пытаясь хотя бы через раздражение вернуть его к необходимости действовать.

— Джордж, если эта чертовщина будет подниматься с такой же скоростью, она окажется на следующем уровне меньше чем через десять минут. Нужно удалить оттуда людей, прежде чем это произойдет.

Красными, полупрозрачными от света пальцами Мёрфи прикрыл от луча фонарика.

— Я не имею права снимать их с работы.

— Ну, тогда подожди и посмотри, как они сами себя снимут с работы. Я займусь камерами.

— Будет паника.— Мёрфи внезапно очнулся.— Я лучше позвоню управляющему. Или самому полковнику.

Он включил свой фонарик и торопливо двинулся прочь, пробираясь через сплетения вакуумных труб, изгибающихся на полу.

— Джордж,— крикнул ему вслед Снук,— главное, чтобы они сняли «амплиты» и выбиравались при электрическом освещении. Так они не увидят ничего необычного.

— Попробую.

Когда Мёрфи скрылся из виду за поворотом туннеля, Снук принялся за разборку своего наспех смонтированного фотооборудования. Настоящих треножников у него не было, и пришлось устанавливать камеры на маленьком складном столике. Он торопился, надеясь успеть перетащить все на следующий уровень, чтобы перехватить там появление призрака, но в туннеле было холодно и пальцы его не слушались. На то, чтобы уложить камеры и соединяющие их сервомеханизмы в картонную коробку, собрать столик и добежать до ствола шахты, ушло несколько минут. И как раз, когда он оказался у подъемника, сверху донеслись первые крики.

В окружающей ствол шахты галерее восьмого уровня электрическое освещение было ярче, но Снеку мешала коробка, и он чуть не споткнулся у входа в поднимающуюся клеть. Оперевшись на стену из стальной сетки, он приготовил-

ся к выходу на уровне 7-С. За те несколько секунд, что клеть поднималась к следующей галерее, крики стали громче, а когда Снук попытался выйти, дорогу ему преградили трое мужчин, которые пытались втиснуться внутрь. Толкая друг друга, они вскочили в клеть и на какое-то мгновение загородили проход, так что, когда Снук пробрался наконец к выходу, клеть поднялась над уровнем каменного пола больше чем на метр. Он неуклюже спрыгнул, с силой ударившись о пол, и уронил складной столик.

Группа шахтеров — большинство из них в «амплитах» — вырвалась из южного туннеля и устроила свалку у следующей клети. Снук услышал треск растоптанного легкого столика.

Прижимая к себе коробку с фотоаппаратурой, он протиснулся сквозь накатившую волну перепуганных людей к входу в выработанный туннель. Тяжело дыша, он нашупал в кармане магнилюкты очки и надел их. Окружавшее его пространство тут же заиграло яркими контурами, и Снук увидел, что он сам и рабочие уже по пояс погрузились в разлитое сияние. Еще раньше он решил, что это какая-то основа, пол, на котором стоял призрачный гость, и, увидев его вновь, убедился в том, о чем уже догадался по поведению шахтеров: неизвестное существо успело подняться до седьмого уровня.

— Снимите «амплиты»! — закричал он людям, бессмысленно толкающимся у подъемника, но его голос утонул в наплыве криков и стонов. Из боязни, что ему разобьют камеры, Снук решил не забираться в южный туннель. Он прислонился спиной к стене, ожидая, когда безостановочное движение подъемника унесет шахте-

ров наверх, и тут заметил еще одну деталь таинственного феномена: ровная голубоватая поверхность свечения призрачного пола начала оседать к каменному полу. Прямо на его глазах два уровня слились, и так совпало, что бегство шахтеров из южного туннеля в этот момент тоже прекратилось.

Снук бросился в туннель и обнаружил, что он довольно круто уходит к западу. Миновав первый поворот, он пробежал вдоль длинного прямого участка с переплетением вакуумных труб, где повсюду валялись брошенные излучатели, миновал второй поворот и застыл на месте при виде по крайней мере десяти светящихся фигур.

Все они с заметной скоростью оседали сквозь пол, но одновременно еще и перемещались в горизонтальном направлении. Двигаясь какой-то странной, «индюшачьей» походкой, некоторые парами, фигуры появлялись из одной стены туннеля и растворялись в другой. Сложное переплетение полупрозрачных одежд колыхалось при движении вокруг тонких ног, глаза, слишком близко расположенные к увенчанным пучками какой-то растительности макушкам, медленно поворачивались из стороны в сторону, а невероятно широкие щелевидные рты, выглядевшие неестественно и дико в своей подвижности, морщились и изгибались в молчаливой пародии на человеческую мимику.

Парализованному страхом Снку никогда не доводилось видеть ничего настолько чужеродного, хотя в то же время увиденное живо напоминало ему картинку из учебника, на которой были изображены неторопливо прохаживающиеся и беседующие о делах империи римские се-

наторы. За те несколько минут, пока он не отрылся следил за происходящим, призраки медленно погрузились в пол туннеля, и вскоре сквозь переплетение вакуумных труб можно было разглядеть лишь одни светящиеся головы. Затем они исчезли, и в туннеле остались только обычные предметы, свидетельствующие о том, что здесь недавно работали люди.

Когда пропала последняя светящаяся точка, у Снука возникло ощущение, будто кто-то снял с его груди стягивающий обруч. Он глубоко вздохнул и повернулся назад, стремясь поскорее вернуться в мир на поверхности, в знакомое окружение. По пути к подъемнику он вдруг вспомнил, что ни разу не сфотографировал подсмотренную им удивительную сцену. Вернувшись на восьмой уровень, он, пожалуй, еще мог бы это сделать, но, покачав головой, двинулся дальше, прижимая к себе коробку с фотокамерами. В кольцевой галерее никого не было, и Снук без труда забрался в пустую клеть. На четвертом уровне к нему присоединились двое молодых шахтеров, один из которых занимался английским в классе Снука. Они поглядывали друг на друга и нервно улыбались.

— Что случилось, мистер Снук? — спросил тот, который у него занимался. — Кто-то говорить, все подниматься наверх на какой-то особый собрание.

— Ничего особенного не произошло, — ответил Снук спокойно. — Кому-то что-то померещилось, и все.

Выбравшись из клети в яркий утренний мир солнца, цвета и тепла, Снук почувствовал мощный прилив уверенности, ощущения, что жизнь

продолжается, как и прежде, независимо от того, какие ужасы таятся под землей. Лишь через несколько секунд до него дошло, сколь необычная и напряженная обстановка складывается у входа в шахту. Почти две сотни человек собрались у здания пропускного пункта, со ступеней которого, в раздражении мешая английский, суахили и время от времени крепкие словечки на своем родном французском, обращался к ним Ален Картье. Часть шахтеров внимательно его слушала, остальные, разбившись на группы, спорили о чем-то с начальниками участков, передвигающимися в толпе. Администрация настаивала на том, что шахтеры обязаны без промедления вернуться к работе, а последние, как Снук с Мёрфи и предполагали, наотрез отказывались спускаться в шахту.

— Гил! — послышался совсем рядом голос Мёрфи.— Где ты был?

— Хотел еще раз взглянуть на наших призрачных визитеров.— Снук пристально взглянул на Мёрфи.— А что?

— Полковник хочет тебя видеть. Прямо сейчас. Пошли, Гил.— Мёрфи чуть не пританцовывал от нетерпения, и Снук почувствовал, как в нем закипает смутная злость на людей, обладающих властью. Властью, которая влияет на других, более достойных людей подобным образом.

— Не позволяй Фриборну давить на себя, Джордж,— сказал он намеренно твердо.

— Ты не понимаешь,— понизив голос, торопливо ответил Мёрфи.— Полковник уже вызвал из Кисуму войска. Я слышал, как он разговаривал по радио.

— И ты думаешь, они будут стрелять в своих?

Мёрфи взглянул на Снука в упор.

— В Кисуму стоит полк «леопардов». Эти, если полковник прикажет, перережут собственных матерей.

— Ясно. И что я должен делать?

— Ты должен убедить полковника Фриборна, что сможешь все уладить и вернуть людей на работу.

Снук скептически рассмеялся.

— Джордж, ты же сам видел внизу призраков. Они реальны, и никто не убедит этих людей, что призраков там нет.

— Я не хочу, чтобы кого-нибудь из них убили, Гил. Нужно что-то придумать.— Мёрфи прижал тыльную сторону руки к губам, как это делают дети, и Снук почувствовал к нему привлив симпатии, удививший его самого своей силой.

«Вот так это и случается,— подумал он.— Именно так люди и наживаются себе неприятности». А вслух произнес:

— У меня есть одна идея, и я могу предложить ее полковнику. Возможно, он прислушается.

— Идем к нему.— В глазах Мёрфи засветилась благодарность.— Он ждет в своем кабинете.

— Ладно.— Снук сделал несколько шагов вслед за мастером, потом вдруг остановился и прижал руки к низу живота.— Пузырь,— прошептал он.— Где тут туалет?

— С этим можно подождать.

— Хочешь пари? Ей-богу, Джордж, из меня получится плохой адвокат, если мне придется стоять в луже мочи.

Мёрфи указал на низкое здание с ящиками на подоконниках, в которых росли красные цветы.

— Там есть комната отдыха для мастеров.

Пройдешь в первую дверь налево. Давай подержу камеры.

— Ничего, справлюсь.

Снук прошел в здание, вбежал в туалет и, к своему облегчению, увидел, что он пуст: похоже, мастера все еще не могли утихомирить рабочих. Он заперся в кабинке, поставил коробку на крышку унитаза, достал из нее камеру с магнилюкто-вым фильтром и извлек кассету с самопроявляющейся пленкой.

Бегло просмотрев ее, Снук убедился, что придуманное им устройство себя оправдало, и сунул кассету в карман: на пленке оказалось несколько удивительно четких изображений призрака, которого они видели в туннеле. Затем он торопливо зарядил в камеру чистую кассету и, прикрыв ладонью объектив, нажал на спуск двенадцать раз: именно столько кадров было отснято в других камерах. Положив камеру обратно в коробку, Снук спустил воду и вышел к ожидающему его Мёрфи.

— Что-то ты долго,— проворчал Мёрфи, очевидно уже полностью успокоившийся.

— В таких делах спешить не следует.— Снук вручил ему коробку с камерами и прочими приспособлениями, словно он к ним не имел никакого отношения.— Ну, где нас ждет фюрер Фриборн?

Мёрфи привел его к сборному зданию, частично скрытому кустами олеандра. Они прошли в приемную, где Мёрфи обратился к сидящему за столом армейскому сержанту, и их тут же провели в большую комнату, из-за множества карт на стенах отдаленно напоминающую войсковой штаб.

Полковник Фриборн остался таким же, каким он запомнился Снуку: высокий, худой, твердый, как тиковое дерево, из которого его, казалось, вырезали. Каким-то образом ему удавалось выглядеть безукоризненно опрятным и одновременно суровым и загрубевшим. Сбоку на выбритом черепе блестела круглая вмятина. Фриборн оторвался от бумаг и остановил взгляд внимательных карих глаз на Снуке.

— Ну,— рявкнул он,— что вы там обнаружили?

— Вам также доброго утра,— ответил Снук.— Как ваше здоровье?

Фриборн устало вздохнул.

— А, да. Я вас помню. Авианиженер с принципами.

— Мне нет дела до принципов, но я не люблю, когда меня похищают.

— Однако, если вы помните, в Баанди вас доставил ваш друг Чарлтон. Я просто предложил вам работу.

— И отказали в разрешении на выезд.

— Слюдьми, которые попадали в нашу страну нелегально, случались вещи и похуже.

— Не сомневаюсь.— Снук взглянул на трость со сферическим золотым набалдашником, лежавшую на столе.

Фриборн поднялся из-за стола, подошел к окну и остановился, глядя туда, где все еще бурлило собрание шахтеров.

— Меня информировали, что вы проводите большую просветительскую работу среди рабочих этой шахты,— произнес он на удивление мягким тоном.— И на данной стадии очень важно, чтобы шахтеры продолжали получать образова-

ние. В частности, они должны усвоить, что призраков не существует. Примитивные суеверия могут принести им вред... Если вы понимаете, что я имею в виду.

— Я понимаю, что вы имеете в виду.— Снук уже собрался было сказать полковнику, что он предпочел бы, чтобы тот говорил прямо, но во время заметил умоляющий взгляд Мерфи.— Однако я ничего не могу поделать.

— Что вы хотите сказать?

— Я только что был на нижних уровнях шахты. Призраки действительно существуют. Я их видел.

Фриборн резко повернулся на каблуках и ткнул в сторону Снуга пальцем.

— Перестаньте, Снук. Перестаньте умничать.

— Я не умничаю. Вы их можете увидеть сами.

— Отлично. Мне будет очень интересно.— Фриборн подхватил свою трость.— Ведите меня к этим призракам.

Снук откашлялся.

— Дело в том, что они появляются только перед самым рассветом. Не знаю почему, но они поднимаются на нижние уровни шахты именно в это время. А затем опускаются и исчезают из виду. Но, похоже, каждый день они поднимаются все выше и выше.

— Значит, предъявить призраков вы мне не можете? — Губы Фриборна искривились в улыбке.

— Не сейчас, но они, вероятно, появятся завтра утром. Мне кажется, это уже установившееся явление. И вам нужно будет надеть «амплиты».

Понимая, сколь невероятно звучит его рассказ, Снук продолжал тем не менее описывать все,

что он видел, особенно подробно остановившись на самих призраках и использованном им фотооборудовании. Закончив, он призвал Мёрфи подтвердить его слова. Однако Фриборн глядел на него с сомнением.

— Я не верю ни единому вашему слову,— сказал он,— но мне нравятся все эти подробности. Значит, ваших пришельцев из преисподней нельзя увидеть иначе как через магнилюкты очки?

— Да. И в этом решение всей проблемы. Распорядитесь, чтобы все рабочие сдали «ампли-ты», и больше никто не увидит никаких призраков.

— Но как же они будут работать?

— Придется провести освещение, как это делали до изобретения магнилюкта. Не спорю, это дорого, но гораздо дешевле, чем вообще закрывать шахту.

Фриборн поднял трость и в задумчивости приложил набалдашник к вмятине на черепе.

— Вот что я вам скажу, Снук. О том, чтобы закрыть шахту, не может быть и речи, но я все же восхищен придуманной вами историей. Кстати, как насчет камер? Я полагаю, вы не додумались использовать самопроявляющуюся пленку?

— Вообще-то додумался.

— Открывайте, и давайте посмотрим, что получилось.

— Идет.— Снук принялся открывать камеры и извлекать кассеты.— Я не очень рассчитываю на поляризующий и инфракрасный фильтры, но магнилюктовый должен что-то зафиксировать, если повезет.— Он размотал пленку, посмотрел на свет и разочарованно причмокнул.— Похоже, здесь ничего нет.

Фриборн постучал Мёрфи по плечу своей тростью.

— Вы хороший человек, Мёрфи,— сказал он ровным голосом,— и поэтому я не стану наказывать вас за то, что сегодня вы злоупотребили моим временем. Но сейчас забирайте отсюда этого психа с его камерами, и чтоб я больше никогда его не видел. Ясно?

Мёрфи, явно напуганный, все же решился возразить:

— Я тоже видел что-то там внизу.

Фриборн взмахнул тростью. Ее увесистый на-балдашник проделал совсем короткий путь, но, когда он ударил по тыльной стороне руки Мёрфи, послышался такой звук, словно треснула ветка. Мёрфи судорожно втянул в себя воздух и закусил нижнюю губу. На руку он даже не взглянул.

— Я вас не задерживаю,— сказал Фриборн.— И отныне любого, кто будет способствовать раздуванию начавшейся здесь массовой истерии, я буду расценивать как изменника Баанди. Вы знаете, что это означает.

Мёрфи кивнул, повернулся и быстро пошел к двери. Снук обогнал его, открыл перед ним дверь, и они вышли вместе. Шахтеры до сих пор не разошлись и шумели пуще прежнего. Мёрфи поднял руку, и Снук увидел, что она уже начала распухать.

— Тебе лучше показаться врачу. По-моему, у тебя сломана кость.

— Я знаю, что у меня сломана кость, но это подождет.— Мёрфи схватил здоровой рукой Снуга за плечо и остановил.— Что все это значит? Мне казалось, у тебя была идея, которой ты хотел поделиться с полковником.

— Попытался. Освещение в шахте. Нет магнилюкта — нет призраков.

— И все? — На лице Мёрфи появилось разочарованное выражение.— Я думал, ты собираешься доказать ему, что призраки реальны. Целая коробка аппаратуры!

Снук молчал, раздумывая. Чем больше людей будут знать о его планах, тем больше риск, но между ним и Мёрфи установилась такая редкая духовная связь и он, не желая ее терять, решился.

— Послушай, Джордж,— Снук прижал пальцами ткань на боковом кармане куртки, отчего обозначились контуры кассеты.— В туалете я подменил пленку в одной из камер. Вот на этой сфотографированы наши призраки.

— Как?! — Мёрфи еще крепче сжал плечо Снука.— Это же то, что нам нужно! Почему ты не показал ее полковнику?

— Успокойся.— Снук высвободил плечо.— Ты все провалишь, если поднимешь шум. Просто верь мне, ладно?

— Что ты собираешься делать? — Коричневое лицо Мёрфи исказилось злостью.

— Изменить положение. Это наша единственная надежда. Фриборн сейчас на высоте, потому что здесь его собственная маленькая вселенная, где он, если захочет, может приказать устроить резню, и ничего ему за это не будет. Если бы он увидел доказательства существования призраков, он бы их просто похоронил, и, возможно, нас тоже. Ты видел, какой интерес он проявил к камерам? Он ведь не поверил тому, что мы рассказали, но на всякий случай хотел взглянуть на пленки. Людей вроде Фриборна

очень устраивает, когда все остается, как есть, когда никому в большом мире нет никакого дела до республики Баанди и того, что в ней происходит.

— А что ты можешь сделать? — спросил Мёрфи.

— Если мне удастся передать пленку человеку из «Ассоциации Прессы» в Кисуму, обещаю тебе, что завтра же утром весь мир будет смотреть через плечо Фриборна. Ему придется отзывать своих «леопардов», и у нас появится шанс узнать, что все-таки представляют собой наши призраки.

Глава 5

День начался плохо, и Бойс Амброуз понял это еще за завтраком.

Его невеста, Джоди Ферриер, осталась с ним в доме его родителей близ Чарлстона на весь уик-энд, и это вполне устраивало Амброуза, хотя из уважения к пуританским взглядам матери они спали в разных спальнях. Иными словами, он провел больше двух суток в компании Джоди, лишенный возможности предаваться любовным играм, которые ей так восхитительно удавались. И не то чтобы Амброуз отличался чрезмерной эротичностью: два дня и три ночи воздержания не особенно его беспокоили. Просто за это время у него появилась возможность обратить внимание на один тревожный факт.

Джоди Ферриер, девушка, с которой он намеревался связать свою судьбу, слишком много говорила. И дело даже не в том, что она много говорила,— главное темы, захватывавшие воображение Джоди, совершенно его не интересо-

совали. Причем всякий раз, когда он пытался перевести разговор на более увлекательную тему, она с необычайной легкостью возвращала его к прихотям моды, ценам на местную недвижимость и генеалогии наиболее уважаемых семей Чарлстона. Подобные разговоры, ведись они один на один в его квартире, Амброуз быстро заглушил бы старым добрым отвлекающим маневром «распускания рук». Но за этот уик-энд он начал подозревать, что их отношения, казавшиеся ему столь привлекательными в сексуальном плане, были всего лишь затянувшейся борьбой, направленной на то, чтобы Джоди молчала.

В воскресенье к вечеру размышления по поводу планируемого брака привели к тому, что он совсем помрачнел и замкнулся в себе. Он рано лег спать и утром, к своему удивлению, обнаружил, что с нетерпением ждет начала рабочего дня в планетарии. Однако сюрпризы на этом не кончились. Джоди, будучи девушкой не только обеспеченной и красивой, но еще и сообразительной, безошибочно угадала его настроение. За завтраком, впервые с тех пор, как они познакомились, она вдруг заявила, что всегда испытывала жгучее желание узнать про «все астрономическое» и решила удовлетворить свою любознательность, проведя целый день в планетарии. Едва зародившись, эта идея бурно зацвела в ее головке.

— По-моему, будет просто замечательно,— сказала она матери Амброуза,— если я каким-то образом смогу помочь Бойсу в его делах. На сугубо добровольных началах, разумеется. Скажем, два-три раза в неделю после полудня. Какая-нибудь маленькая крохотная работа. Для меня даже не имеет значения, насколько она будет

важна, лишь бы помогать людям знакомиться с чудесами Вселенной.

Мать Амброуза с энтузиазмом отнеслась к идее Джоди, радуясь, что сын и его будущая жена проявляют такую общность интересов. Она тут же выразила уверенность, что в планетарии наверняка найдется какая-нибудь полезная работа для Джоди, например по связям с общественностью. Что же касается Амброуза, то он лишь еще больше разочаровался в Джоди. Он всегда считал, что по части притворства ему нет равных — в конце концов вся его карьера была построена именно на этом, — и прежде отдавал должное Джоди за то, что она совершенно честно не уделяла его работе ни малейшего внимания. «Ладно, — подумал он, — с этим можно мириться. По крайней мере, если она никогда не будет говорить “в будущем, через несколько световых лет”».

Полдороги до планетария Амброуз молчал, и это позволило Джоди продемонстрировать свои философские представления о Вселенной.

— Если бы только люди понимали, сколь мала и незначительна Земля, — говорила она. — Если бы они поняли, что это всего лишь пылинка в огромной Вселенной, тогда было бы меньше войн и мелочных раздоров. Разве не так?

— Не знаю, — ответил Амброуз, умышленно с ней не соглашаясь. — Может быть, наоборот.

— Что ты имеешь в виду, милый?

— Если люди станут думать, что Земля не имеет никакого значения, они могут решить, что их действия ничего по большому счету не изменият, и начать насиливать и разорять планету пуще прежнего.

— О Бойс! — Джоди недоверчиво рассмеялась.— Ты ведь шутишь?

— Отнюдь. Иногда меня всерьез беспокоит, не подталкивают ли человечество к самоубийству все эти представления в планетарии.

— Ерунда.— Джоди на какое-то время замолчала, пытаясь разобраться в настроении Амброуза, и он, словно только сейчас услышав речь, доносящуюся из радиоприемника, переключил свое внимание на передаваемые новости.

«... уверяет, что призраки — вполне реальные существа и их можно увидеть с помощью магнитоакустических оптических приборов. Алмазные копи находятся в Бааранди, одной из небольших африканских республик, еще не принятой в ООН. Независимо от того, реальны они или нет, призраки вызвали...»

— Я десятки раз слышала от тебя самого, что единственное, что оправдывает существование астрономии, это...

— Я хочу послушать,— оборвал ее Амброуз.

«... по мнению нашего научного обозревателя, Планета Торнтона, прошедшая близ Земли весной 1993 года, пока является единственным известным примером подобного...»

— Да и твоя мать говорила, что лекции, которые ты читал о Планете Торнтона, были лучше...

— Бога ради, Джоди! Дай мне послушать!

— Хорошо, хорошо. Совсем не обязательно кричать.

«... новые теории об атомной структуре Солнца. Южная Америка. Конфликт между Боливией и Парагваем приблизился к войне еще на один шаг вчера вечером, когда...»

Амброуз выключил радио и сосредоточился

на управлении машиной. Ночью выпал снег, и дорога, очищенная до самого асфальта, выглядела словно линия, проведенная тушью через исцарапанный ландшафт.

Джоди положила руку на его бедро.

— Слушай радио. Я помолчу.

— Нет, лучше ты говори. Я не буду слушать радио.— Амброуз решил, что был чересчур резок, и добавил: — Извини, Джо.

— Ты всегда по утрам такой ворчливый?

— Не всегда. Просто в жизни «популярного» астронома есть одна отрицательная сторона: я не выношу, когда мне напоминают, что другие занимаются настоящей работой.

— Я тебя не понимаю. Твоя работа тоже важна.

Рука Джоди скользнула чуть выше, вызвав у него волну приятных ощущений. Амброуз покачал головой, хотя и был благодарен за этот интимный жест, означающий, что в жизни помимо академических есть и другие ценности. Заставив себя расслабиться и наслаждаться остатком пути, он через некоторое время подъехал к приятному на вид современному зданию планетария. Морозный воздух был кристально чист после снегопада, и к тому времени, когда они добрались от машины до его кабинета, прилепившегося сбоку от купола, настроение Амброуза улучшилось. На щеках Джоди появился румянец, отчего она стала похожа на девушку с рекламы здоровой пищи, и, представляя ее своей секретарше и управляющей Мэй Тэйт, Амброуз испытывал какое-то нелепое чувство гордости.

Оставив женщин, он прошел в свой кабинет, чтобы ознакомиться с информацией, которая

поступила по различным каналам и теперь ждала его на столе. Поверх кипы бумаг лежал лист полученных по фототелеграфу сообщений. Одну из главных статей Мэй обвела светящимися чернилами. Амброуз тут же прочел слегка ироничный отчет о том, как некий канадский учитель с неблагозвучным именем Гил Снук спустился в шахту на алмазных копях Баранди и сфотографировал гротескных «призраков».

Стоя в центре своего уютного теплого кабинета, он вдруг снова почувствовал себя нехорошо, и за этим внезапным уходом ощущений благополучия крылись сразу несколько причин.

Одной из них было чувство вины за то, что он похоронил свой научный потенциал. В прошлом это чувство проявлялось у него в виде ревности к астроному-любителю, который в награду за долгие годы тихого прилежания и упорства получил возможность назвать своим именем новое небесное тело. А сейчас всего несколько машинописных строк явили ему пример еще одного такого же случая. «Как могло случиться,— спрашивал себя Амброуз,— что никому не известный учитель с таким безобразным именем оказался в нужном месте в нужное время? Откуда он знал, какие шаги надо предпринять? Шаги, которые впоследствии сделают его известным всему миру». В заметке не упоминалось ни о каких ученых степенях Снуга; так почему же из всех людей именно его судьба избрала совершить столь важное открытие?

Амброуз не сомневался в важности произшедшего в далекой африканской республике, хотя, в чем именно заключается значение события, он пока сказать не мог. В сообщении содержалось

два факта, не дававших его мыслям покоя. Во-первых, призраков видели непосредственно перед восходом солнца. Амброуз неплохо помнил географию, и ему не составило труда вспомнить, где именно республика Баранди оседлала земной экватор.

Хотя он и не занимался какой-либо узкой дисциплиной, Амброуз как астроном также знал, что Земля, словно огромная бусина, как бы скользит вокруг Солнца по невидимой проволоке, представляющей собой ее орбиту. Но эта «проводника» в отличие от обычных бус пересекала поверхность планеты отнюдь не в двух фиксированных точках. Из-за суточного вращения Земли вокруг оси и наклона оси к плоскости орбиты эти две точки систематически перемещались то к северу, то к югу по тропическому поясу планеты. И в это время года, когда в северном полушарии конец зимы, с наступлением рассвета в Баранди — и появлением призраков — «передняя» точка невидимого пересечения орбиты с поверхностью Земли будет находиться именно в этой крохотной республике. Все инстинкты Амброуза твердили ему, что здесь не просто совпадение.

Второй же факт заключался в том, что призраков можно было увидеть лишь с помощью магнитоктовых очков, а это, по мнению Амброуза, каким-то образом связывало их с прохождением Планеты Торнтона три года назад.

Наполненный ощущением чего-то огромного и неотвратимого, он продолжал сидеть за столом, чувствуя озноб, презрение к себе и одновременно какой-то необъяснимый душевный подъем. Что-то происходило в его сознании, прямо за окнами глаз. Какое-то удивительное и редкое явление,

о котором ему доводилось только читать в жизнеописаниях великих ученых. Опустив голову на руки, он застыл в неподвижности. Впервые в своей жизни доктор Бойс Амброуз столкнулся с феноменом вдохновения. И когда он наконец поднял голову, он знал совершенно точно, почему на нижних уровнях национальной шахты номер три в республике Баанди начали появляться призраки.

Когда минутой позже в кабинет вошла Джоди Ферриер, она застала бледного Амброуза застывшим за столом.

— Бойс, дорогой,— с тревогой спросила она,— тебе нехорошо?

Он взглянул на нее отрешенным взглядом и медленно произнес:

— Все в порядке, Джо. Разве что... Я думаю, мне придется отправиться в Африку.

Даже для Бойса Амброуза с его деньгами и обширными семейными связями добраться до Баанди оказалось нелегко.

Вначале он собирался вылететь рейсом компании «ССТ» из Атланты до Найроби, а затем попробовать нанять небольшой самолет, чтобы преодолеть оставшиеся до места назначения три сотни километров. Однако по рекомендации туристического бюро этот план пришлось оставить, так как отношения между Кенией и недавно образовавшейся Конфедерацией Восточно-Африканских Республик сильно осложнились. Неудачу Амброуз воспринял stoически, припомнив, что Кения и несколько других стран потеряли при создании конфедерации часть ценных территорий. Он решил отправиться в Аддис-

Абебу, но ему сообщили о намерениях Эфиопии силой восстановить свою южную границу, в связи с чем все коммерческие рейсы между двумя государствами будут вот-вот отменены.

В конце концов Амброуз вылетел в Танзанию на переполненном неудобном самолете компании «ССТ» рейсом до Дар-эс-Салама, где ему пришлось семь часов ждать места в потрепанной турбовинтовой машине, доставившей его в новый «город» Матса одноименной республики, западного соседа Баанди. Там снова пришлось ждать в аэропорту местного рейса до Кисуму, и Амброуз уже начал сомневаться, стоило ли ему вообще покидать Штаты.

С приходом бурных девяностых годов великая эра туризма кончилась. Амброуз был состоятельный человеком, но даже он редко выезжал за границу, и то только в признанно стабильные страны, такие, как Англия и Исландия. Стоя под обжигающими лучами солнца в зале ожидания с его диорамами горных хребтов и дрожащих в раскаленном воздухе бетонированных взлетных полос, он все сильнее ощущал поднимающуюся в нем волну ксенофобии. Среди ожидающих своих рейсов пассажиров было много журналистов и фотокорреспондентов, которых влекло в Баанди, по-видимому, тем же магнитом, что и Амброуза. Но слабое чувство единения, которое они у него вызывали, то и дело таяло из-за частых появлений чернокожих солдат в форме с короткими рукавами и с автоматами. Даже сияющая новизна самого здания беспокоила Амброуза, постоянно напоминая ему, что он находится в той части света, где не чтут устоев, где то, чего вчера еще не было, завтра может

исчезнуть с такой же легкостью, как и появилось.

Он закурил и, не выпуская из поля зрения свой багаж, продолжал в одиночестве бродить кругами по залу, потом вдруг заметил высокую блондинку в белой кофточке и бледно-зеленой, явно сшитой на заказ юбке. Держалась она спокойно и уверенно, но выглядела настолько неуместно здесь — словно манекенщица, демонстрирующая изысканные британские фасоны, — что Амброуз невольно обернулся, ожидая увидеть поблизости фотокамеры и осветительную аппаратуру. Однако девушку никто не сопровождал, и, похоже, взгляды разношерстной мужской компании вокруг совершенно ее не трогали. Очарованный и охваченный желанием назначить себя защитником прекрасной дамы, Амброуз, не удержавшись, также уставился на нее. В этот момент девушка достала сигарету, зажала ее вытянутыми губками и, чуть заметно хмурясь, принялась копаться в сумочке. Амброуз шагнул вперед и предупредительно щелкнул зажигалкой.

— Я столько раз видел, как это делается в старых телевизионных фильмах, — произнес он, — что сейчас чувствую себя несколько смущенно.

Она прикурила, оценивая его спокойным взглядом серых глаз, потом улыбнулась.

— Все в порядке. У вас это хорошо получается. И мне просто необходимо было закурить.

«Английский акцент. Хорошее английское образование», — подумал Амброуз и, чувствуя, что его не отвергают, сказал:

— Знакомое ощущение. Меня торчание в аэ-

ропортах тоже всегда угнетало.

— Мне приходится делать это так часто, что я уже почти не замечаю.

— О? — Никогда не общавшийся с английскими девушками, Амброуз тщетно пытался угадать, кто его собеседница. Актриса? Стюардесса? Манекенщица? Богатая туристка?

Его размышления оборвались, когда незнакомка очаровательно рассмеялась, показав при этом превосходные, чуть скошенные внутрь зубы. Амброуз растерялся еще больше.

— Извините, — сказала она, — но у вас был такой озадаченный вид. Вероятно, вам хотелось бы, чтобы все носили на груди карточки с указанием профессии.

— Виноват. Я просто... — Амброуз повернулся, но она остановила его, тронув за руку.

— Вообще-то у меня есть карточка. Вернее, значок. Но я никогда его не ношу, потому что это глупо, и потом в одежде всегда остаются дырочки от булавки. — Голос ее потеплел. — Я сотрудница ЮНЕСКО.

Амброуз изобразил на лице одну из своих самых лучезарных улыбок.

— Значок... Какие-нибудь исследования?

— Можно и так сказать. А зачем вы направляетесь в Баранди?

— Тоже исследования. — Амброуз, сражаясь с совестью, никак не мог решиться, кем себя отрекомендовать — физиком или астрономом, но в конце концов остановился на более общем определении. — Научные.

— Как интересно! На розыски призраков? — Полное отсутствие иронии в ее голосе вызвало в памяти Амброуза воспоминание о недоверии

и насмешках со стороны Джоди и его матери, которые ему пришлось вынести, когда он объявил о своем намерении отправиться в Баанди.

Он кивнул.

— Но сейчас я с гораздо большим удовольствием разыскал бы что-нибудь прохладительное. Как вы к этому отнесетесь?

— Согласна.— Она улыбнулась Амброузу открытой улыбкой, мгновенно изменившей его мнение об Африке, поездках за границу и аэропортах. Решив, что потенциальные выигрыши, ждущие тех, кто странствует по планете, значительно перевешивают все опасности и неудобства, он оставил багаж на произвол судьбы и отправился вместе с девушкой в бар на втором этаже, испытывая поистине мальчишеское наслаждение от завистливых взглядов мужчин, на чьих глазах произошло их знакомство.

За охлажденным кампари с содовой он узнал, что ее зовут Пруденс Девональд. Родилась она в Лондоне, изучала экономику в Оксфорде, много путешествовала с отцом, сотрудником министерства иностранных дел, и три года назад начала работать в ЮНЕСКО. В настоящее время в рамках программы Экономической комиссии по делам Африки посещала молодые африканские государства из числа тех, что выразили желание вступить в ООН, и следила за тем, чтобы деньги, получаемые из фондов на образование, тратились по назначению. Амброуз с удивлением узнал, что причиной ее поездки в Баанди, не планировавшейся ранее, стало сенсационное сообщение о событиях на шахте номер три.

Республика Баанди рекламировала себя как одного из наиболее прогрессивных членов Эконо-

мической комиссии по делам Африки с высоким уровнем образования для всех граждан. И разумеется, начальство Пруденс было весьма удивлено, узнав, что некий Гилберт Снук, человек, по-видимому, без каких бы то ни было прав преподавания, к тому же замешанный в угоне боевого самолета из другой страны, руководит школой при шахте. Задание носило деликатный характер, ибо определенные круги пытались приостановить дотации на образование в Баранди. Пруденс поручили разобраться в ситуации, обратив особое внимание на деятельность Гилberta Снuka, и представить конфиденциальный доклад.

— Довольно большая ответственность для столь молодой женщины,— прокомментировал Амброуз.— Может быть, вы скрываете, что у вас каменное сердце?

— Я этого не скрываю.— Выражение лица Пруденс вдруг стало строгим и официальным, как у красивого, но в высшей степени функционального робота.— Видимо, мне следует сразу пояснить, что это я вас «подцепила» несколько минут назад. Отнюдь не наоборот.

Амброуз моргнул.

— Разве кто-то кого-то «подцепил»?

— А как это называется? Как принято говорить у вас в Америке?

— Пусть так. Но зачем я вам понадобился?

— Мне нужен был сопровождающий до Баранди, чтобы не тратить силы на отваживание всякого рода нежелательных элементов.— Она сделала глоток, не спуская с него пристального взгляда серых глаз.

— Благодарю.— Амброуз обдумал ее слова

и обнаружил в них крупицу утешения.— Приятно сознавать, что я не отношусь к нежелательным.

— О, напротив, и даже в гораздо большей степени, чем обыкновенный ученый.

— Если предположить, что существует такая категория людей, как «обыкновенные ученые»,— сказал Амброуз, испытывая чувство вины, словно выдавал себя за кого-то другого,— что заставляет вас думать, будто я к ним не отношусь?

— Ну, во-первых, ваши часы стоят по крайней мере три тысячи долларов. Продолжать?

— Не стоит.— Захваченный врасплох Амброуз не сумел справиться с собственным самомнением и добавил: — Меня привлекает ценность вещей, а не их цена.

— Уайльд.

Амброуз на секунду растерялся, решив, что он не рассышал, потом догадался.

— Это сказал Оскар Уайльд?

— Да, что-то вроде этого,— кивнула Пруденс.— В «Веере леди Уиндермир».

— Жаль. Я много лет подряд выдавал это изречение за свое.— Амброуз смущенно улыбнулся.— Бог знает, скольких людей я убедил в своей необразованности.

— Не беспокойтесь. Я уверена, у вас масса других достоинств.— Пруденс чуть наклонилась и неожиданно коснулась его руки.— Мне нравится ваше чувство юмора.

Настороженный открытием, что в таком безукоризненно женственном существе скрывается на самом деле сложная, сильная, трезвомыслящая личность, Амброуз взглянул на Пруденс в упор. Ее лицо не дрогнуло, но теперь он увидел

в нем некую двойственность, открывающую ему два различных характера, словно на картине, построенной на оптической иллюзии, где, присмотревшись, можно заметить, как высота превращается в глубину. Пруденс интриговала его, восхищала и манила одновременно, и именно поэтому мысль о том, что его просто «подцепили», а потом, быть может, используют и бросят, терзала его все сильнее.

— А что случилось бы, откажись я играть роль чичероне, сопровождающего вас до Баранди? — спросил он.

— С какой стати бы вы отказались?

— Потому что я вам не нужен.

— Но я же объяснила, что нужны: отваживать нежелательных. Чичероне для этого и существуют.

— Я знаю, но...

— Какую-нибудь другую девушку вы бросили бы в такой ситуации?

— Нет, но...

— Тогда почему меня?

— Потому что я... — Амброуз запнулся и беспомощно затряс головой.

— Я могу сказать вам почему, доктор Амброуз, — произнесла Пруденс тихим, но твердым голосом. — Потому что я отказываюсь играть по старым правилам. Вы знаете, о чем я говорю. Всякий раз, когда нуждающаяся в помощи женщина принимает услугу от галантного мужчины, ситуация подразумевает — хотя это редко воспринимается всерьез — что, если все сложится удачно, она отблагодарит его соответствующим образом. Вы мне нравитесь, поэтому не исключено, что мы станем близки, если пробу-

дем в Баrandи достаточно долго, и вы не утратите интереса в моих глазах. Но это случится отнюдь не потому, что вы, скажем, открыли передо мной дверь или помогли донести чемодан до самолета. Я достаточно прозрачна?

— Прозрачна, как джин.— Амброуз сделал большой глоток.— Это, кажется, английское выражение?

— Да, но вы можете свободно употреблять американизмы. Я немало поездила по свету.— Пруденс одарила его еще одной из своих безукоризненных, ошеломляющих, лукавых улыбок.

Амброуз прочистил горло и окинул взглядом пропеченный солнцем пейзаж за окнами.

— Отличная погода, не правда ли?

— Ладно уж. Равенство действительно дало нам неравные шансы.— Пруденс достала новую сигарету и прикурила, позволив Амброузу поднести огонь.— Расскажите мне лучше, что вы собираетесь делать с этими духами. Изгонять?

— В данном случае это невозможно,— серьезно ответил Амброуз.

— В самом деле? У вас есть теория?

— Да. И я намерен проверить ее здесь.

Пруденс смотрела на него, не скрывая изумления, и это польстило Амброузу.

— А она объясняет, почему их можно увидеть только с помощью этих специальных стекол? И почему они поднимаются и опускаются?

— Однако вы следили за новостями.

— Разумеется. Но не томите же меня.

Амброуз прикоснулся кончиками пальцев к запотевшему от холода бокалу.

— Мне немного неловко. Вы ведь знаете, как художники не любят показывать свои карти-

ны до тех пор, пока не закончат работу. При мерно такие же чувства испытывают ученые к своим излюбленным теориям. Не хотят оглашать их до тех пор, пока не разложат все по полочкам.

— Понимаю.— Пруденс приняла отказ на удивление спокойно.— Придется подождать, когда об этом расскажут по радио.

— А, черт, так и быть,— сказал Амброуз.— В конце концов, какая разница? Я уверен в своей правоте. Объясняется все довольно сложно, но, если хотите, я попытаюсь.

— Хочу.— Пруденс привстала в кресле и пересела так, что ее колени коснулись колен Амброуза.

— Помните Планету Торнтона? — спросил он, стараясь не отвлекаться.— Так называемый «призрачный мир», прошедший вблизи Земли около трех лет назад?

— Я помню беспорядки. В то время я была в Эквадоре.

— Беспорядки помнят все. А вот физиков больше задело то, что Планета Торнтона была захвачена Солнцем. Она состоит из антинейтрино, следовательно, должна была пройти Солнечную систему по прямой, и мы никогда бы ее больше не увидели. То, что Планета вышла на орбиту вокруг Солнца, расстроило множество ученых, и они до сих пор пытаются выдумать новый комплекс сил взаимодействия, объясняющий ее поведение. Но самое простое объяснение заключается в том, что внутри нашего Солнца находится еще одно, состоящее из того же вида материи, что и Планета Торнтона. Антинейтринное солнце внутри нашего адронного.

Пруденс нахмурилась.

— Иными словами, вы хотите сказать, что два объекта занимают одновременно одно и то же место. Это возможно?

— В ядерной физике — да. Если на поле пасется стадо овец, что мешает загнать туда еще и стадо коров?

— Пожалуйста, не надо сравнений в духе Билла Роджерса.

— Виноват. Не всегда легко определить, где следует остановиться в привлечении аналогий. Короче, я хочу сказать, что внутри Земли тоже располагается антинейтринная планета. Кстати, кто такой Билл Роджерс?

— Древняя история... Вы это всерьез насчет еще одной планеты внутри нашей?

— Абсолютно. Она чуть меньше Земли, и поэтому мы раньше не знали о «внутреннем мире», хотя магнилюкт уже давно известен. Поверхность этой планеты намного ниже уровня поверхности Земли.

Пруденс бросила недокуренную сигарету в пепельницу на подставке.

— И этот внутренний мир населен призраками?

— Призраки — слишком ненаучный термин, но идея именно такова. Впрочем, обитателям этого мира призраками можем казаться мы. Вся разница в том, что Земля больше, то есть мы живем в их стратосфере, поэтому у них вряд ли была возможность нас заметить.

— А что теперь изменилось? Это связано с... Амброуз кивнул.

— Планета Торнтона состоит из того же вещества, что и наша внутренняя планета. Следова-

тельно, она должна была оказать на нее сильное воздействие. Достаточно сильное, чтобы вызвать возмущение ее орбиты. И теперь внутренняя планета начала проникать за пределы земной поверхности: два мира разделяются.

Он взглянул мимо взволнованной Пруденс, на лице которой застыло мечтательное выражение, и заметил вдали дрожащий в горячем воздухе контур приближающегося самолета.

— Кажется, наш самолет.

— Время еще есть. К тому же вы рассказали мне не все.

Пруденс смотрела на него, казалось, с нескрываемым восхищением. Амброузу не хотелось разрушать очарование момента, хотя память подсказывала ему, что есть еще и другая Пруденс Девональд, движимая личными интересами, прагматичная и, возможно, подыгрывающая ему из каких-то своих соображений.

— Вас интересует астрономия? — спросил он.

— Очень.

— Вы когда-нибудь говорите «в будущем, через несколько световых лет»?

Пруденс вздохнула и улыбнулась.

— Это что-то вроде вашего личного теста?

— Пожалуй. Прошу прощения, если я...

— Не извиняйтесь, доктор. Достаточно будет, если я скажу, что световыми годами измеряется расстояние, или мне нужно выразить его в метрах?

— Что вас интересует еще?

— Все, — ответила Пруденс. — Если, как вы утверждаете, из Земли выходит внутренняя планета, почему тогда призраки поднимаются до уровня, где их можно увидеть, а затем опять

скрываются из виду?

— Я надеялся, что вы не зададите этого вопроса.

— Почему? Он не вписывается в вашу теорию?

— Нет. Но трудно объяснить это без схем. Если вы нарисуете круг, а затем еще один внутри первого, но не по центру, а так, чтобы они касались друг друга с левой стороны, то сможете представить себе теперешнее положение двух планет относительно друг друга.

— Ну, это достаточно просто.

— Просто, потому что диаграмма статична. Но дело в том, что Земля совершает за сутки один оборот вокруг своей оси и, очевидно, внутренняя планета тоже. Значит, оба этих круга должны вращаться. Если пометить точку их касания, а потом повернуть их на одинаковые углы, то будет видно, что отметка на внутреннем круге опускается относительно отметки на внешнем. Когда оба круга сделают пол-оборота, отметка на внутреннем удалится от отметки на внешнем на максимальное расстояние, а если продолжать их поворачивать, точки снова приблизятся друг к другу. Именно поэтому призраков можно наблюдать лишь на рассвете: отметки соприкасаются с интервалом в двадцать четыре часа.

— Понятно,— сказала Пруденс голосом удивленного ребенка.

— Кроме вращения нужно также придать внутреннему кругу движение влево от центра внешнего. Это означает, что вместо совпадения точек один раз в сутки точка внутреннего круга будет выходить все дальше и дальше за пределы внешнего.

— Блестяще! — выдохнула Пруденс.— Все сходится!

— Я знаю.— Амброуз снова почувствовал себя вознагражденным.

— Вы первый высказали эту гипотезу?

Амброуз рассмеялся.

— Перед отъездом я отправил пару писем, чтобы, так сказать, застолбить идею, но скоро все это станет достоянием гласности. Дело в том, что призраки начнут распространяться. Их можно будет видеть на поверхности и незачем станет спускаться в шахту, а потом круговая область видимого проникновения начнет расти очень быстро. Поначалу увидеть призраков можно будет в экваториальных районах, на Калимантане, в Перу, а затем они расползутся на север и на юг через тропики в зоны умеренного климата.

— Видимо, кое-где это вызовет волнения.

— Это,— заметил Амброуз, сделав последний глоток из своего бокала,— еще слишком мягко сказано.

Глава 6

В бунгало Снука зазвонил телефон, и в тот же момент кто-то громко постучал в дверь. Снук прошел к окну гостиной, раздвинул две шторки жалюзи и выглянул во двор. На веранде стояли трое чернокожих военных: лейтенант, капрал и рядовой — все в пятнистых беретах полка «леопардов». Капрал и рядовой были при автоматах, и на их лицах Снук заметил выражение, которое ему часто приходилось видеть в других частях света: они разглядывали дом оценивающе, чуть даже собственнически, как люди, кото-

рым разрешено применять любые меры, необходимые для выполнения их миссии. Пока он смотрел, лейтенант ударил в дверь еще раз и отступил на шаг, ожидая, когда ее откроют.

— Подождите минуту! — крикнул Снук, подходя к телефону, снял трубку и назвался.

— С вами говорит доктор Бойс Амброуз, — произнес голос в трубке. — Я только что прибыл в Баанди из Штатов. Моя секретарша сообщила вам причину моего приезда?

— Нет. В этой части света международная связь работает не очень хорошо.

— Э-э-э... Ладно. Я думаю, вы догадываетесь, что привело меня в Баанди, мистер Снук. Могу я приехать к вам на шахту? Мне очень... — Конец фразы Снук не разобрал из-за громкого стука в дверь. Судя по всему, стучали уже прикладом, и Снук понял, что через несколько минут они просто выломают дверь.

— Вы в Кисуму? — торопливо спросил он в трубку.

— Да.

— В «Коммодоре»?

— Да.

— Оставайтесь пока там, я сам попытаюсь вас разыскать. А сейчас у меня, кажется, гости.

Не слушая возражений, Снук положил трубку. В данный момент его больше беспокоила нетерпеливая группа у дверей. Он ожидал какой-то реакции со стороны полковника Фриборна на свое сообщение в прессе, и теперь оставалось только узнать, насколько страшным окажется штурм.

Снук подбежал к двери и рывком открыл ее, заморгав от яркого солнечного света.

— Гилберт Снук? — надменно спросил молодой лейтенант, уставившись на него злобным взглядом.

— Да, это я.

— Вы слишком долго открывали дверь.

— Вы тоже долго стучали, — ответил Снук с отшлифованной за долгие годы деланной простотой в голосе, которая, он знал, всегда раздражает людей, облеченных властью, особенно тех, для кого английский язык не родной.

— Это не... — Лейтенант замолчал, очевидно, догадавшись о том, что рискует ввязаться в длительный спор. — Следуйте за мной!

— Куда?

— От меня не требуется давать подобную информацию.

Снук улыбнулся, словно учитель, разочарованный непонятливостью ребенка.

— Сынок, я только что ее от тебя потребовал.

Лейтенант оглянулся на своих людей. Выражение его лица свидетельствовало о том, что ему несложно принять решение.

— Мне приказано доставить вас в Кисуму к президенту Огилви, — сказал он наконец. — Мы должны ехать прямо сейчас.

— С этого и надо было начинать, — упрекнул его Снук.

Сняв с крючка легкую куртку, он шагнул за порог и закрыл за собой дверь. В джипе с брезентовым верхом его посадили на заднее сиденье рядом с капралом, и машина тут же рванула с места. Снук успел заметить два «лендровера» с надписью «Панафриканская информационная служба». Когда джип миновал проходную шахты, он с интересом отметил, что четыре бронема-

шины, стоявшие у ограды еще прошлым вечером, исчезли. Между зданиями на территории шахты сновали люди, но уходящие к югу трубы, обычно темные от несущейся в них пыли, сегодня просвечивали насквозь — свидетельство того, что под землей никто не работал.

Зная, что прежде работа на шахте не прекращалась ни на один день, Снук понимал, что это, несомненно, оказывает влияние на всю экономику страны. Возникший конфликт был конфликтом между новой Африкой и старой, между современными амбициями и древними страхами. Президент Поль Огилви и полковник Фриборн — люди одной породы, авантюристы. Их выдержка и отсутствие принципов помогли им вырвать лакомый кусок из тела Африки. Огилви прилагал немалые усилия, создавая образ Баранди как республики с широко развитой экономикой, экспортирующей лекарственную ромашку, инсектициды, кофе, кальцинированную соду и кое-какую электронику. Но именно алмазные копи «сделали» страну, и именно они поддерживали ее существование. Снку не составило труда представить ярость президента по поводу закрытия национальной шахты номер три.

Однако самое интересное заключалось в том, что ни Огилви, ни Фриборн до сих пор не представляли в полной мере, что им противостоит и сколь сильна решимость шахтеров не спускаться больше в шахту. Одно дело, не видя призраков, счастье их результатом массовой истерии, и совсем другое, находясь в темном туннеле в нескольких километрах от поверхности, наблюдать за процессией молчаливых светящихся фигур, медленно поворачивающих головы и кривящих

рты, выражая тем самым какие-то свои, неизвестные людям эмоции. Рокот мотора, запах бензина, облупившаяся краска автомашины, утренняя свежесть ветра — все это казалось Снуку квинтэссенцией нормальной жизни, а в такой обстановке даже ему самому с трудом верилось в существование призраков.

За всю поездку по тряской дороге до Кисуму и дальше, к новому комплексу правительственные зданий, раскинувшемуся на восьмидесяти гектарах парка, Снук не проронил ни слова. Архитектурные ансамбли в кубистском стиле слегка смягчались островками джакаранд, пальм и пышных южно-африканских каштанов. Почти в центре комплекса располагался дворец президента, окруженный небольшим озером, достаточно, впрочем, живописным, чтобы скрыть тот факт, что оно с успехом выполняет функции крепостного рва. Джип пересек мост и остановился у входа в резиденцию. Минутой позже Снука проводили в кабинет с высокими окнами, отделанный полированным деревом и венецианским стеклом. У стола неподалеку от окна стоял президент Огилви. Выглядел он лет на пятьдесят. Тонкие губы, узкий нос и высокие скулы делали его в глазах Снука похожим на европейца в темном гриме. Одет он был совершенно так же, как на всех фотографиях, что доводилось видеть Снуку: синий костюм строгого покроя, белая рубашка с жестким воротником и узкий галстук из синего шелка. Снук, обычно не обращавший на такие вещи внимания, вдруг застеснялся своей неряшливой одежды.

— Садитесь, мистер Снук,— сухо, бесцветным голосом сказал Огилви.— Насколько я понимаю,

с полковником Фриборном вы уже знакомы.

Снук повернулся и увидел Фриборна. Тот стоял в затененном углу, сложив руки на груди.

— Да, я встречался с полковником,— ответил он и сел в кресло.

Фриборн разнял руки. Мускулы под короткими рукавами форменной рубашки чуть напряглись, золотой набалдашник трости блеснул, как маленькое солнце.

— Когда вы разговариваете с президентом, следует обращаться к нему по форме.

Огилви поднял тонкую руку.

— Оставь, Томми, мы здесь по делу. Мистер Снук,— Гилберт, если не ошибаюсь,— как вы понимаете, у нас возникла проблема. Очень дорогостоящая проблема.

— Я понимаю,— кивнул Снук.

— Существует точка зрения, что в этом повинны вы.

— Это не так,— Снук бросил взгляд на Фриборна.— Более того, разговаривая с этой, как вы выражились, «точкой зрения» два дня назад, я дал полковнику хороший совет, как решить эту проблему. Но его мой совет не заинтересовал.

— И в чем же заключался ваш совет?

— Призраков можно увидеть только через магнилюкты очки. Если забрать у шахтеров очки и провести в шахте освещение, призраков не будет. Впрочем, сейчас уже поздно об этом говорить.

— Вы по-прежнему утверждаете, что призраки существуют?

— Господин президент, я не только видел их, но и сфотографировал.— Снук, увлекшись, слегка наклонился вперед, но тут же откинулся на

спинку кресла, сожалея, что упомянул о снимках.

— Об этом я тоже хотел поговорить.— Огилви достал из коробки тонкую сигару и облокотился на край стола, потянувшись за зажигалкой.— Полковник Фриборн утверждает, что вы извлекли пленку из фотоаппарата в его присутствии, и на ней ничего не было. Как вы можете это объяснить?

— Никак,— просто ответил Снук.— Я могу только предположить, что излучению, посредством которого мы видим этих призраков, требуется больше времени для проявления на фотопленке.

— Чушь! — спокойно произнес Огилви, разглядывая Снуга сузившимися помутневшими глазами.

Снук отчетливо понял, что предварительное собеседование закончилось и сейчас начнется серьезный разговор.

— Я слабо разбираюсь в этих вещах,— сказал он,— но теперь, когда в Кисуму начали прибывать ученые из Штатов, быть может, мы лучше поймем, что происходит.

— Вы разговаривали с кем-нибудь из этих людей?

— Да. Чуть позже сегодня я должен буду встретиться с доктором Амброузом.— Снук едва удержался, чтобы не добавить: не появись он в назначенное время, это вызовет разговоры. Но он понимал, что с Огилви они говорят на двух разных уровнях, один из которых слов не требует.

— Доктор Амброуз.— Огилви сел за стол и сделал пометку в блокноте.— Как вы знаете, я всецело одобряю визиты туристов в Баранди, но было бы крайне неразумно заманивать их

сюда преувеличенными сведениями о том, что страна может предложить. Признайтесь, Гилберт, вы подделали эти фотографии?

Снук разыграл оскорбленное достоинство.

— Я понятия не имею, как это можно сделать, господин президент. И даже если бы я знал, зачем мне это?

— Этого я тоже не понимаю,— Огилви улыбнулся, словно соболезнуя ему.— Если бы я мог предположить мотив...

— Как фотографии попали к представителям прессы? — спросил из своего угла Фриборн.

— О, вот это моя вина,— ответил Снук.— В тот вечер я отправился в город выпить и встретил Джина Хелига из «Ассоциации прессы». Мы заговорили о призраках, и тут я вспомнил, что сунул пленку в карман. Достал, и можете себе представить мое удивление, когда Джин заметил там изображения.

Огилви мрачно усмехнулся.

— Могу.

Снук счел более безопасным вернуться на твердую почву.

— Главная проблема заключается в том, господин президент, что так называемые призраки действительно существуют, и шахтеры ни за что не пойдут туда, где они появляются.

— Это мы еще посмотрим,— произнес Фриборн.

— Я не верю в сверхъестественные явления,— продолжал Снук.— Думаю, тому, что я видел, должно быть простое объяснение, и единственным эффективным способом исправить положение будет найти это объяснение. Сейчас весь мир смотрит на Баанди...

— Не перегибайте палку.— В голосе Огилви послышалась скука.— Вы и так слишком много суетесь туда, куда вам соваться не следует... Готовы ли вы действовать в качестве официального посредника, если я дам разрешение на проведение в шахте научных исследований?

— Буду рад.— Снук с трудом скрыл удивление.

— Хорошо. В таком случае отправляйтесь на встречу с вашим доктором Амброузом и свяжитесь с управляющим шахтой Картье. Держите полковника Фриборна полностью в курсе ваших дел. Это все.— Огилви повернулся в своем вращающемся кресле и выпустил облако сигарного дыма в направлении ближайшего окна.

— Благодарю вас, господин президент.— Снук поднялся и, не оглядываясь на Фриборна, поспешил вышел из кабинета.

Беседа с президентом прошла лучше, чем он надеялся, и все же у него осталось тревожное ощущение, что его переиграли.

Подождав, когда Снук удалится из кабинета, Фриборн вышел из своего угла.

— Это плохо кончится, Поль,— сказал он,— если любая грязная обезьяна вроде этого типа будет безнаказанно уходить, отдавив нам пальцы.

— Думаешь, его следует пристрелить?

— Зачем тратить пулью? Достаточно полиэтиленового мешка на голову: это оставляет им время на раскаяние.

— Да, но, к сожалению, наша «обезьяна» — случайно или намеренно — сделала все необходимое, чтобы остаться в живых.— Президент Огилви встал и прошелся по комнате, остав-

ляя за собой облака голубого дыма. Больше всего в этот момент он был похож на сотрудника крупной корпорации, занятого обсуждением плана сбыта продукции.

— Что тебе известно о его биографии?

— Только то, что мне следовало поставить на ней точку три года назад, когда у меня была такая возможность.— В забывчивости Фриборн поднял трость и приложил набалдашник к вмятине на голове.

— Он не так плох, Томми, как ты думаешь. Например, его предложение о том, чтобы отобрать у шахтеров магнилюкты очки, заслуживает внимания.

— Пришлось бы проводить освещение в шахте. Ты представляешь, сколько это стоит в наши дни? Если бы еще твоя атомная электростанция начала работать, когда планировалось!

— Новая система освещения обошлась бы значительно дешевле, чем полная остановка работ. И потом, дело не только в деньгах.— Огилви крутанул кресло и ткнул сигарой в сторону полковника.— Деньги для меня не много значат, Томми. У меня их больше, чем я смогу истрасти. Единственное, чего я теперь хочу, это полноправное членство в ООН для Баанди, для страны, которую я создал. Я хочу, подходя к зданию ООН в Нью-Йорке, видеть среди всех остальных свой флаг. И поэтому алмазные шахты должны работать. Без них Баанди не пропадет и года.

Взгляд Фриборна бегал по комнате, пока он подбирал слова для ответа. Давно зная о президентской мании величия, он не испытывал к его идеям никакой симпатии. Лидер государства,

мечтающий о том, чтобы вывесить кусок тряпки в чужом городе за океаном, когда на границах страны, всего в нескольких километрах отсюда, стоят враги... Эти мысли наполняли Фриборна презрением и нетерпением, однако он привык скрывать их и ждал своего часа. Он приучил себя сдерживаться, даже когда президент развлекался с белыми и азиатскими шлюхами. Но близится день, когда он наконец сможет дать Баранди твердое военное руководство, по которому страна давно плачет. А пока нужно сдерживаться и укреплять свои позиции.

— Я разделяю твои мечты, — спокойно сказал он, вложив в эти слова всю искренность, на которую был способен. — И именно поэтому нам следует предпринять решительные шаги прямо сейчас, до того, как ситуация станет еще хуже.

Огилви вздохнул.

— Поверь, Томми, я вовсе не размяк. Я не стал бы возражать, если бы ты выпустил своих «леопардов» на эту рвань на шахте номер три, но сейчас, когда в стране находятся сторонние наблюдатели, этого делать нельзя. Прежде всего их надо убрать отсюда.

— Но ты только что дал им разрешение на посещение шахты!

— А что еще мне оставалось делать? Снук был совершенно прав, когда сказал, что сейчас на нас смотрит весь мир. — Огилви вдруг расслабился и улыбнулся, потом взял со стола коробку с сигарами и предложил ее Фриборну. — Однако ты сам прекрасно знаешь, как быстро миру надоедает следить за каким-то там клочком земли на краю света.

— А пока? — спросил Фриборн, принимая сигару.

— А пока я бы хотел — все это неофициально, разумеется, — чтобы ты устроил нашим ученым гостям из-за границы трудную жизнь. Ничего явного и скандального — просто кое-какие трудности.

— Ясно. — Фриборн почувствовал возврат доверия к президенту. — Теперь об этом парне из «Ассоциации прессы», о Хелиге. УстраниТЬ?

— Не сейчас. Ту ошибку исправлять уже поздно. Но в будущем держи его под наблюдением.

— Ладно. Я обо всем позабочусь.

— Позаботься. И еще... Надо закрыть въезд в страну всем другим желающим. Найди какую-нибудь вескую причину отменить визы.

Фриборн, нахмурясь, задумался.

— Эпидемия оспы?

— Нет, это повредит торговле. Лучше какая-нибудь военная угроза. Например, нападение одного из наших соседей. Детали обсудим за ленчом.

Фриборн раскурил сигару, глубоко затянулся и, улыбнувшись с видом почти истинного наслаждения, произнес:

— Операция «Гляйвиц»? У меня есть несколько заключенных, от которых следовало бы избавиться.

Президент Огилви, в своем консервативном синем костюме выглядевший олицетворением образцового руководителя крупной корпорации, кивнул.

— Да. «Гляйвиц».

Улыбка Фриборна перешла в довольную ухмылку. Он никогда не изучал историю Европы,

но название Гляйвиц, принадлежащее маленькой точке на карте у границы Польши с Германией, осталось у него в памяти. Именно в Гляйвице нацисты провели операцию, опыт которой и Огилви, и Фриборн не раз использовали в своей карьере. Там в августе 1939 года гестаповцы инсценировали нападение поляков на немецкую радиостанцию и в качестве доказательств «преступления» своих соседей оставили трупы людей, которых одели в польскую военную форму и тут же застрелили. Нацистская пропаганда не замедлила использовать этот инцидент в качестве оправдания нападения на Польшу.

Полковник Фриборн всегда считал эту операцию превосходным образцом тактического искусства.

Когда около полудня Снук выбрался из такси у отеля «Коммодор», он все еще находился во власти подозрений к замыслам президента Огилви. Солнце висело прямо над головой, словно лампа без абажура. Он нырнул в призму тени от навеса у входа в отель, прошел через фойе, разделенное балюстрадой на два яруса, и, не обращая внимания на жест дежурного клерка, двинулся в бар. Старший бармен Ральф, едва завидев его у входа, молча поставил на стойку большой стакан, налил в него до половины джина «Танкерей» и разбавил ледяной водой.

— Спасибо, Ральф.— Снук сел на стул, уперевшись локтями в кожаную обивку стойки, и сделал несколько больших целительных глотков, ощущая, как внутри растекается прохлада.

— Тяжелое утро, мистер Снук? — Ральф изобразил на лице скорбную симпатию, как он

всегда делал, общаясь со страдающими похмельем клиентами.

— Да, неважное.

— После этого вы почувствуете себя лучше.

— Знаю.— Снук сделал еще один глоток.

Такая сцена с точно таким же диалогом повторялась уже много раз, и Снуку всегда нравилось, что у Ральфа хватает понимания и такта не разнообразить устоявшийся ритуал: в подобные моменты общение на других уровнях отнюдь не доставляло ему удовольствия.

Ральф наклонился через стойку и, понизив голос, сказал:

— Вон те двое хотели вас видеть.

Повернувшись в указанном направлении, Снук увидел мужчину и женщину, которые разглядывали его с выражением сомнения и надежды на лицах. В уме мгновенно возникла оценка: красивые люди. Что-то в них было общее: оба молодые, безупречного вида, с ясными приятными лицами, словно сработанными талантливым скульптором. Но особое внимание Снука привлекла женщина. Изящная, с умными серыми глазами и полными губами, хладнокровная и чувственная одновременно. При виде ее у Снука возникла пугающая мысль о том, что вся его прежняя жизнь была сплошной ошибкой, и что именно такой приз он заслужил бы, избери он жизнь в сияющих городах цивилизованного мира. Снук взял со стойки свой стакан и двинулся к их столику, чувствуя себя неловко от укола ревности, который он испытал к поднявшемуся навстречу мужчине.

— Мистер Снук? Я — Бойс Амброуз,— произнес мужчина, пожимая его руку.— Я вам звонил.

Снук кивнул.

— Можно просто Гил.

— Позвольте представить вам Пруденс Девональд. Мисс Девональд работает в ЮНЕСКО, и, насколько я понимаю, у нее тоже к вам дело.

— Сегодня мне везет,— Снук произнес это автоматически, присаживаясь за столик. Мысли его в этот момент были заняты перевариванием информации о том, что они не муж и жена, как он почему-то предположил. Заметив, что девушка окинула его откровенно оценивающим взглядом, Снук во второй раз за этот день осознал, что одежда его едва-едва прилична, да и то только потому, что ткань, из которой она сшила, практически вечная.

— Сегодня вам не совсем везет,— сказала Пруденс.— Скорее даже наоборот. Одна из моих задач в Баранди состоит в том, чтобы проверить вашу квалификацию как преподавателя.

— Какую еще квалификацию?

— Вот это мое заведение и интересует,— произнесла она, не скрывая своей враждебности, что расстроило Снука и одновременно вызвало у него привычную ответную реакцию.

— Вы работаете в слишком любопытном заведении,— произнес он, глядя ей в глаза.

— В английском языке,— сказала Пруденсзывающе назидательным тоном,— слово «зведение» может означать помимо всего прочего и коллектив его сотрудников.

Снук пожал плечами.

— Оно с равным успехом может означать «сортир».

— Я только что собирался заказать для нас парочку коктейлей,— быстро вмешался Амброуз,

обращаясь к Снуку.— «Кэмп Харрис», например... Вы не откажетесь?

— Спасибо, Ральф знает, что мне нужно.

Амброуз двинулся к бару. Снук откинулся в кресле и, взглянув на Пруденс, решил, что она одна из самых красивых женщин, которых он когда-либо встречал. Единственное, что в какой-то степени нарушало совершенство ее лица, были верхние зубы, слегка скошенные внутрь, но почему-то Снуку казалось, что это даже подчеркивает аристократизм ее облика. «До чего хороша,— подумал Снук.— Она, конечно, высокомерная дрянь, но до чего хороша!»

— Может, нам следует начать все сначала,— сказал он.— Где-то мы не туда...

Голос Пруденс слегка потепел.

— Наверное, это моя вина. Мне следовало догадаться, что необходимость отвечать на вопросы в присутствии третьего лица вас смутит.

— Не смутит,— Снук сделал вид, что подобное предположение его несколько удивило.— Но чтобы у вас не было на этот счет никаких иллюзий, скажу сразу: я не собираюсь отвечать на ваши вопросы.

Она смерила его недовольным взглядом, но в этот момент к столику вернулся Амброуз, держа в руках бокалы со спиртным. Он сел и с удивлением взглянул на счет.

— Здесь какая-то ошибка,— сказал он.— Этот заказ стоит втрое дороже предыдущего.

— О, это я виноват,— Снук поднял свой стакан.— Я обычно заказываю джин пивными стаканами, чтобы не бегать каждый раз туда-сюда.— Он взглянул на Пруденс и добавил: — Мне, право, неловко.

Пруденс поджала губы.

— Интересно было бы узнать, как вам удается столько пить и работать учителем?

— Гораздо интереснее,— вставил Амброуз нетерпеливо,— было бы услышать из первых уст рассказ...

Снук прервал его, подняв руку.

— Подождите минуту, Бойд.

— Бойс.

— Извините. Бойс. Мне тоже очень интересно было бы услышать, почему эта молодая особа все время лезет в мои личные дела?

— Я сотрудник ЮНЕСКО.— Пруденс достала из сумочки серебряный значок.— А это означает, что ваш заработка...

— Мой заработка,— перебил ее Снук,— состоит, как правило, из одного ящика джина и одного пакета кофе каждые две недели. Ту наличность, что у меня есть, я зарабатываю ремонтом автомобильных двигателей на шахте. И между делом учю шахтеров английскому в те вечера, когда у них нет денег на плотские удовольствия. Одежду, что я ношу, мне выдали, когда я попал сюда три года назад. Часто я ем консервы прямо из банок, а зубы чищу солью. Я нередко напиваюсь, но в остальном я образцовый заключенный. Что-нибудь еще вас интересует?

Пруденс несколько смущалась, но не сдалась.

— Вы утверждаете, что вас держат в плену?

— А как еще это называется?

— Например, предоставлением политического убежища. Насколько я понимаю, вы причастны к исчезновению боевого самолета из Малакка.

Снук выразительно покачал головой.

— Политическое убежище получил пилот са-

молета. Я же был пассажиром и полагал, что самолет направляется в противоположную сторону. Отказавшись обслуживать эту машину для армии Баранди, я стал пленником.— Снук с тревогой обнаружил, что открывается перед женщиной, которую встретил всего несколько минут назад.

— Я включу эти сведения в свой доклад,— Пруденс поднесла значок к губам, из чего стало понятно, что это еще и записывающее устройство. Губы ее чуть скривились в усмешке.— Ваша фамилия пишется так же, как произносится?

— Забавная фамилия, верно? — парировал Снук, невольно возвращаясь к привычному для себя способу обороны.— Вы очень мудро поступили, родившись в семье с фамилией Девональд.

Пруденс покраснела.

— Я не хотела...

Снук отвернулся от нее.

— Бойс, что происходит? Вы что, тоже из ЮНЕСКО? Я думал, вы приехали, потому что вас интересует, что я увидел в шахте.

— Я независимый исследователь, и меня крайне интересует то, что вы видели.— Амброуз укоризненно посмотрел на Пруденс.— Вместе с мисс Девональд мы оказались случайно, и, может быть, нам стоит договориться об отдельных встречах?

— Не надо. Я на какое-то время заткнусь,— сказала Пруденс, и, внезапно увидев в ней школьницу, которой она была много лет назад, Снук устыдился собственной грубости. Право же, он вел себя не лучше ветерана-легионера, срывающего зло на молодом рекруте.

— Гил, вы имеете представление о том, что

именно видели в шахте? — Амброуз притронулся рукой к коленке Снука, чтобы привлечь его внимание.— Вы сами понимаете, что вы открыли?

— Я видел каких-то существ, похожих на призраков.— Снук только что сделал более важное открытие: в состоянии спокойной задумчивости профиль Пруденс Девональд вызывал у него смутную грусть, как-то связанную с размышлениями о скоротечности красоты и самой жизни. До сих пор ничего подобного с ним не случалось, и возникшие теперь мысли были не особенно приятны.

— Вы видели обитателей другой вселенной,— торжественно заявил Амброуз.

Прошло несколько секунд, прежде чем до Снука дошел смысл сказанного. Потом он начал задавать вопросы. Минут через двадцать он откинулся на спинку кресла, глубоко вздохнул и только тут понял, что начисто забыл о своем стакане. Он сделал глоток джина и попытался примириться с мыслью о том, что сидит на перекрестке двух миров. Уже во второй раз за последний час обстоятельства заставляли его мыслить новыми категориями.

— Тому, что вы рассказали,— произнес Снук,— я верю. Но что будет дальше?

В голосе Амброуза появилась твердость, которой раньше за ним никто не замечал.

— Я полагаю, следующий шаг достаточно очевиден. Нужно вступить с этими существами в контакт, найти способ общения с ними.

Глава 7

Амброуз пожелал начать наблюдения той же ночью, и Снук с готовностью согласился: после всего услышанного его воображение просто застылало. Однако практические последствия этого решения немножко раздражали его.

Исходя из теории Амброуза, появления призраков следовало ожидать перед самым рассветом, хотя со временем они станут появляться раньше и исчезать позже. Дорога от Кисуму до шахты была тяжелой и долгой, особенно для не знакомого с ней человека, и Снку ничего не оставалось, как предложить Амброузу переночевать у него в бунгало. Как следствие его ожидала перспектива находиться в компании другого человека большую часть дня и ночь, и все существо Снку восставало против подобного насилия. А то обстоятельство, что Пруденс, переодевшись в некое представление парижского модельера о костюме для сафари, без приглашения отправилась с ними, отнюдь не упрощало его жизнь.

После трений, ознаменовавших их знакомство, она разговаривала с ним вежливо, но безразлично, и Снук отвечал ей тем же. Однако он постоянно ощущал ее присутствие. Какое-то объемное, словно радарное, восприятие происходящего позволяло ему, даже не глядя на Пруденс, всякий раз знать, где она и что делает. Это вторжение в его мысли задевало и беспокоило Снку; когда же он поймал себя на том, что увлеченно изучает такие мелочи, как рисунок на пуговицах ее кофточки или строчку на туфлях, охватившее его чувство досады только усилилось. Развалившись на просторном заднем сиденье в полу-

мраке машины, которую Амброуз взял напрокат во второй половине дня, Снук погрузился в воспоминания о девушках, с которыми ему доводилось встречаться прежде. Взять хотя бы Еву, немку, переводчицу в Малакке, отлично понимавшую принцип сексуальной независимости... Они встречались каких-нибудь три года назад, но Снук, к своему огорчению, вдруг осознал, что уже не помнит ее лица.

— ... нужно дать планете имя,— донесся до него голос Амброуза с переднего сиденья.— Она всегда в полном смысле этого слова была подземным царством, но мне кажется, будет неправильно назвать ее Гадес.

— Геенна даже хуже,— возразила Пруденс.— Можно Тартар, но, если не ошибаюсь, это еще глубже, чем Гадес.

— Едва ли подходящее название в теперешней ситуации. Из рассказа Гила о расположении уровней шахты следует, что антинейтринная планета полностью выйдет за пределы Земли примерно через семьдесят лет.— Амброуз повернул руль, обезжая яму на дороге, и на мгновение свет фар засиял придорожные деревья.— При условии, разумеется, что планеты будут продолжать расходиться с такой же скоростью.

— Вспомнила! — Пруденс придвинулась к Амброузу, и Снук, наблюдавший за ними из полутишины своего уединения, понял, что она схватила его за руку.— Авернус!

— Авернус? Впервые слышу.

— Я знаю только, что это один из мифологических подземных миров, но его название гораздо более благозвучно, чем Гадес. Даже чуть пасторально, а?

— Пожалуй,— согласился Амброуз.— Отлично! Вы только что окрестили свою первую планету.

— Теперь осталось разбить о нее бутылку шампанского. Я всегда об этом мечтала!

Амброуз рассмеялся, оценив шутку, Снук же помрачнел еще больше. Ситуация на шахте складывалась напряженная и опасная, в такой ситуации неплохо иметь за спиной батальоны солдат, а он возвращался туда в компании аристократа-ученого, быть может, последнего такого типа в мире, и его новой подружки. Вдобавок Снука беспокоило, что ему, возможно, придется слушать их болтовню всю ночь, и такая перспектива его совсем не радовала. Он принял довольно громко насвистывать, выбрав старую, всегда нравившуюся ему своей грустью мелодию «Радости любви». Пруденс выдержала несколько тактов, затем наклонилась и включила радио. Звуки мощного оркестра, исполняющего ту же мелодию, заполнили машину.

— Как это вам удалось? — спросил Амброуз, полуобернувшись к Снуку.

— Что именно?

— Вы начали насвистывать мелодию, а затем ту же самую мелодию мы услышали по радио.— Проблема явно заинтересовала Амброуза.— У вас что — приемник в ухе?

— Нет. Я сам начал насвистывать.— Снук никак не мог взять в толк, почему его попутчика заинтересовало это совпадение: ничего исключительного он здесь не видел.

— Вы когда-нибудь задумывались, насколько такое совпадение невероятно?

— Ну, видимо, не так уж и невероятно,— ска-

зал Снук.— Со мной это иногда случается.

— Так вот, вероятность его на самом деле фантастически мала. Я знаю кое-кого, кто занимается исследованиями экстрасенсорного восприятия, и полагаю, они с удовольствием прибрали бы вас к рукам.— Амброуз разошелся.— А вам не приходило в голову, что вы обладаете способностью к телепатии?

— На радиочастотах? — съязвил Снук, раздумывая, не следует ли ему пересмотреть свою оценку положения Амброуза в научном мире. Он уже знал, что тот защитил диссертацию по ядерной физике и занимает должность директора планетария, но только сейчас до него дошло, насколько эти достижения несовместимы. Возможно, он связался просто с гладкоречивым фанатиком.

— Нет, не на радиочастотах, тут ничего не выйдет,— ответил Амброуз.— Но если тысячи людей вокруг слушают эту мелодию по радио, вы, возможно, воспринимаете ее прямо от них.

— Я стараюсь жить подальше от людей.— У Снука уже появились сомнения относительно всей теории антинейтринной вселенной. Там, в отеле, под действием джина и увлеченности Амброуза, он почти поверил в ее логичность и естественность, но...

— У вас бывают какие-нибудь другие проявления? — не унимался Амброуз.— Предчувствия, например? Вам не случалось ощущать приближение чего-то еще до того, как событие действительно произойдет?

— Я...— Вопрос вдруг вызвал у Снука какое-то подсознательное беспокойство.

Неожиданно в разговор вступила Пруденс.

— Я когда-то читала про человека, который обладал способностью принимать радиопередачи, потому что у него были металлические пломбы в зубах.

Снук благодушно рассмеялся, подыгрывая ей.

— Несколько зубов у меня и в самом деле похожи на стальные тумбы для швартовки,— солгал он.

— Когда человек находится близко от мощной радиостанции,— упорствовал Амброуз,— возможны всякие эффекты, но это не имеет ничего общего с...— Он не докончил фразы, так как музыка по радио неожиданно прервалась и зазвучали позывные станции.

Мы прерываем нашу передачу,— произнес взволнованный голос,— так как к нам только что поступило сообщение о серьезном столкновении на границе Баанди и Кении неподалеку от магистрали из Кисуму в Накуру. Сообщается, что перестрелка возникла между баандийскими силами обороны и подразделением кенийской армии, вторгшимся на территорию республики. Согласно поступившему из президентского дворца коммюнике, захватчики понесли тяжелые потери и были отброшены. Гражданскому населению Баанди опасность не угрожает. Национальная радиокорпорация Баанди обращается ко всем гражданам страны, где бы они ни находились.

Снова прозвучали позывные, а потом вернулась музыка.

— Что это означает, Гил? — Амброуз выглянул в боковое окно, словно ожидал увидеть вспышки взрывов.— Нас это как-нибудь коснется?

— Нет. Похоже, очередная выходка Фриборна.— И Снук рассказал, что знал, о структуре вооруженных сил Баанди, закончив рассказ краткой характеристикой полковника Томми Фриборна.

— Вот уж правду говорят,— прокомментировал Амброуз,— что в каждом психе прячется полковник, которому не терпится выбраться.

— Здорово! — Пруденс рассмеялась и придвигнулась поближе к Амброузу.— Поездка получается веселее, чем можно было ожидать.

Устроившись поудобнее на заднем сиденье, Снук закурил, размышая о том, как трудно быть хозяином собственной жизни. В данном случае он мог точно указать, когда ситуация стала выходить из-под его контроля: все началось с того момента, когда, поддавшись на уговоры Джорджа Мёрфи, он согласился поговорить с шахтером, впавшим в истерику. С тех пор он втягивался все больше и больше. Казалось бы, сейчас самое время вернуть свою непричастность к тому, что происходит с человечеством, начав новый виток жизни в каком-нибудь другом далеком уголке планеты. Для этого человеку нейтрально следовало бы только ускользнуть, но слишком сильны стали удерживающие его узы. Он сам позволил себе взаимодействовать с другими элементарными частицами человеческого общества, и теперь, похоже, оказался в сфере его притяжения...

Когда они подъехали к бунгало Снука, лучи фар выхватили из темноты фигуры троих людей, сидящих на ступеньках у входа. Памятая об утреннем визите солдат, Снук вышел из машины первым, но, узнав среди гостей Джорджа Мёрфи,

облегченно вздохнул. Двое других были ему не-знакомы. Белокожие, на вид почти мальчишки, оба с усами песочного цвета. Принарядившийся в серебристые вельветовые джинсы Мёрфи подошел, улыбаясь, и помахал забинтованной рукой.

— Гил,— сказал он радостно,— не представляю, как тебе это удалось.

— Что удалось?

— Научная комиссия. Мне позвонил Ален Картье и сказал, что шахта официально закрывается до окончания исследований. А мне приказано оказывать содействие тебе и твоей группе.

— Говоришь, группа...— Снук обернулся к машине, где Амброуз и Пруденс собирали вещи.— Сам видишь, у нас здесь не совсем Манхэттенский проект.

Мёрфи взглянул в том же направлении.

— Это все?

— Пока — да. Насколько я понял, прессы проявила значительный интерес к нашим призракам, но то, как они обошлись с сообщением Хелига, должно быть, не очень впечатлило научные круги. А кто это с тобой?

— Двое парней с завода электроники. Бенни и Дес. Они так хотели увидеть призраков, что прибыли из города на мотоцикле еще в полдень. Как раз перед этим я разговаривал с Картье и предложил им подождать, пока ты вернешься. Может, они будут полезны?

— Это пусть решает доктор Амброуз,— серьезно сказал Снук,— но лично я полагаю, что любая помощь для нас будет нeliшней.

Как и предполагал Снук, Пруденс Девональд даже не подумала заглянуть на кухню, так что

следующие несколько часов ему пришлось почти непрерывно варить кофе. Изредка он заходил в комнату, внимательно наблюдая за тем, как Амброуз объясняет свою теорию Мёрфи, Бенни Калверу и Десу Квигу. Молодые люди, как оказалось, новозеландцы с солидной подготовкой в области электроники, прибыли в Баранди, привлеченные высокими заработками, которые предлагал завод, созданный четыре года назад по инициативе президента Огилви для укрепления экономики страны. Присмотревшись, Снук пришел к выводу, что они неглупы, и с интересом отметил, что после хаотичного обсуждения оба полностью согласились с теорией Амброуза, о чем свидетельствовал их неподдельный энтузиазм.

Джордж Мёрфи, также увлеченный новыми идеями, по просьбе Амброуза отправился в административный корпус за схемами расположения туннелей шахты. Когда он вернулся, Амброуз клейкой лентой прикрепил схемы к стене и подробно расспросил Мёрфи о точном положении тех мест, где появлялись призраки, после чего прочертил на разрезе шахты две горизонтальные линии. Измерив расстояние между ними, он через равные промежутки провел еще несколько линий над двумя первыми. Восьмая линия оказалась как раз над уровнем земли.

— Нижняя линия расположена примерно там, где авернианцев впервые заметил этот шахтер, Харпер, — сказал Амброуз. — Вторая линия показывает уровень, которого они достигли на следующее утро, когда Гил их сфотографировал. Как следует из масштаба схемы, это на пятьсот с лишним метров выше. Если предположить,

что скорость расхождения Земли и Авернуса постоянна, мы можем предсказать уровни, куда они поднимутся в следующие дни. С момента последнего наблюдения прошло больше двух суток, значит, можно ожидать, что завтра на рассвете авернианцы поднимутся вот до этого уровня.— Амброуз коснулся пятой снизу линии, которая проходила сразу сквозь множество туннелей.

— Можно, конечно, ждать их на любом из нижних уровней, но, как свидетельствует геометрия движения, по достижении наивысшей точки подъема должен быть период, когда они почти останавливаются относительно нас. Из схемы видно, что, по счастью, этот уровень хорошо разработан. Нам следует разойтись как можно дальше в горизонтальном направлении, лучше по одному человеку в туннель, и высматривать, где появятся здания. На данной стадии нас интересуют не столько сами авернианцы, сколько их постройки.

— Похоже, я что-то пропустил,— сказал Снук, ставя на стол кофейник.— Почему такой интерес к зданиям?

— Они лучше всего помогут установить с авернианцами контакт, хотя и это не наверняка. Мы ведь смогли увидеть их лишь потому, что в шахте очень темно; как говорится, идеальные условия для появления призраков. Днем их бы никто не заметил.

— Но Планету Торнтона было видно и днем,— возразил Калвер.

Амброуз кивнул.

— Да, но в своей собственной вселенной Планета Торнтона — это очень плотное скопление

антинейтрино, и она весьма интенсивно испускает нейтрино. Авернус — менее плотная планета в своей собственной вселенной, поэтому ее поверхность видится нам тем самым молочным сиянием, что описывали Гил и Джордж. А обитатели Авернуса имеют еще меньшую плотность — как, например, моя рука по сравнению со стальной балкой. Значит, исходящий от них поток нейтрино еще слабее, и увидеть их гораздо труднее. Понятно?

— Кажется, я понял, но объясняет ли это, почему авернианцы возникали из пола постепенно? Если мы видим их благодаря испускаемым ими нейтрино, они должны быть видны более или менее постоянно. Мы должны видеть их даже сквозь землю, разве нет?

— Нет. Во всяком случае, не в такой степени. Плотность потока нейтрино уменьшается обратно пропорционально квадрату расстояния, а если источник излучения с самого начала слабый, как обитатели Авернуса, плотность потока быстро достигает нижнего порога чувствительности «амплитов», и изображения не возникает. Эти очки — не самый надежный способ наблюдения за авернианской вселенной — в лучшем случае мы в них отчаянно близоруки.

— Зато они чрезвычайно эффективны в нашей Вселенной, — вставил Квиг. — Даже в темноте они позволяют хорошо видеть пол, а это мешает разглядеть слабые очертания того, что находится под ним.

— Верно, — согласился Амброуз, кивая. — Примерно так же, как днем мы не видим на небе звезд, хотя на самом деле они там. А постройки нам нужны, — продолжал он, обращаясь к Сну-

ку,— по той причине, что внутри авернианских зданий может быть темно, следовательно, у авернианцев будет больше шансов нас разглядеть. Не забывайте, что для них мы — призраки, и даже сейчас, сидя в этой комнате, мы проплываем в их атмосфере. Благодаря вращению наших двух планет мы как бы движемся по скользящей траектории, которая пересечет их эквивалент Баранди где-то перед рассветом.

Пруденс вскинула голову.

— На Авернусе сейчас ночь?

— В этом полушарии — да.

— Тогда, быть может, они о нас знают. Может, видят нас в своем небе.

— Нет. Если вы снова посмотрите на эти два круга, то заметите, что авернианцы находятся под поверхностью Земли, поэтому если они и видят что-либо, то всего лишь свечение вокруг. Так же было, когда Гил и Джордж оказались под их поверхностью. Единственное время, когда мы будем в состоянии вступить с ними в контакт, наступит при совпадении поверхностей обеих планет.

— Черт побери! Мне только что пришла в голову мысль, которая ломает все наши планы,— вмешался Калвер, хлопнув себе по лбу.— Мы бы вообще никогда не обнаружили авернианцев, если бы шахтеры не носили магнилюкты очки. Значит, и авернианцам нужны будут какие-то оптические приборы, чтобы нас увидеть, верно? Слишком мало шансов на то, что они окажутся у авернианцев под рукой в нужный нам момент.

— Верно подмечено,— Амброуз улыбнулся Калверу, явно довольный, что затронули эту проблему.— Но, к счастью, две вселенные не сим-

метричны, и на нашей стороне преимущество. В том смысле, что мы — более мощные излучатели. Я проделал кое-какие вычисления, и получается, что, если мы создадим вокруг себя переходное векторно-бозонное поле, результатом будет довольно сильное свечение в их вселенной.

— Бозоны?.. Это тот самый вид излучения с непонятными свойствами?..

— Да. Но для авернианцев это эквивалент протонного душа.

— Понадобится генератор Монкастера? У нас с Десом есть друг на электростанции, он иногда с ним работает.

— Лабораторная модель имеет большой вес и размеры. Я захватил с собой из Штатов кое-какое портативное оборудование. Оно генерирует маломощное поле, но для наших целей его должно хватить. Правда, генератор только один, так что в шахте нам понадобится хорошая связь друг с другом. Любой, кто увидит что-то похожее на авернианское здание, должен будет подать остальным сигнал, и мы по возможности быстро постараемся перетащить туда генератор.

Дес Квиг поднял руку, словно старательный ученик.

— Если понадобятся переговорные устройства, я смогу собрать что-нибудь на заводе.

— Спасибо, но у нас слишком мало времени. Потому-то я и привез все оборудование, какое только смог купить за несколько часов до отлета: аналого-цифровые модуляторы и...

— Ого! Похоже, вы собираетесь говорить с призраками.

Амброуз взглянул на него с удивлением.

— Конечно! Технически ведь это возможно!

Если они нас видят и мы их видим, значит, происходит обмен световыми волнами. Достаточно промодулировать излучение, и можно передавать речь.

— При условии, что авернианцы пользуются речью. При условии, что их техническая цивилизация достигла того же уровня развития, как наша, или выше. При условии, что мы сумеем передать им идею превращения света в звук. И все это, если нам вообще удастся сделать так, чтобы они нас видели.

— Верно. Я понимаю, что тороплю события. Если мы ошибаемся хотя бы в одном из упомянутых вами предположений, весь наш план рухнет, но мы должны попытаться, и начать нужно сегодня же.

Квиг расхохотался.

— Боже, с чего я взял, что все астрономы терпеливые, медлительные люди? Но к чему такая спешка?

— По той простой причине, что лишь чисто случайно авернианцы впервые были замечены в глубокой шахте, и это дало нам несколько дней, в течение которых мы должны попытаться вступить с ними в контакт.

Амброуз постучал пальцем по схеме разреза шахты.

— Позвольте напомнить вам, что происходит. Мы имеем дело с двумя типами движения. Во-первых, разделение двух миров: Авернус расходится с Землей со скоростью выше пятисот метров в сутки. Одно это уже создает проблемы, потому что при каждой встрече авернианцы будут подниматься все выше и выше. Сегодня утром они будут на глубине около полутора тысяч

метров от поверхности, завтра — около километра, послезавтра — пятисот метров, а еще через сутки их можно будет увидеть на поверхности, прямо там, среди деревьев и зданий шахты, или здесь, в комнате.

Амброуз замолчал и улыбнулся Пруденс, которая в этот момент задрожала, разыгрывая испуг.

— На этой стадии поверхность Авернуса со-впадет с поверхностью Земли, но по мере разделения планет авернианцы начнут подниматься в небо с каждым днем на пятьсот метров выше. Одно это уже неудобно, но суточное вращение двух миров еще больше осложняет ситуацию, так как оно приводит к вертикальному разделению точек на поверхностях обеих сфер.

— Здесь я чего-то не понимаю, — признался Мёрфи, качая головой.

— Ну вы же сами видели. Мы находимся на поверхности вращающейся сферы, на Земле. Прямо под нами есть еще одна вращающаяся сфера меньшего размера, которая смешалась от центра первой до тех пор, пока с одной стороны их поверхности не соприкоснулись. При вращении сфер соответствующие точки на поверхностях будут сближаться, пока не сойдутся в зоне контакта, но, так как вращение продолжается, они снова начнут расходиться. Через двенадцать часов, то есть через половину суток, они окажутся на максимальном удалении друг от друга, и внутренняя точка будет находиться глубоко под внешней. Именно поэтому авернианцы поднимаются из пола, а затем снова оседают. Лучше всего вступать с ними в контакт, когда они на вершине траектории, а движение вниз еще не

началось. Как называется положение поршня в верхнем конце хода?

— Верхняя мертвая точка,— ответил Снук.

— Вот когда мы должны попытаться наладить с авернианцами первый контакт. Когда они будут в верхней мертвой точке. И именно поэтому у нас нет лишнего времени. Завтра утром и еще три утра после этого мертвые точки будут находиться в более или менее удобных для нас местах, а затем с каждым днем все выше и выше над шахтой.

— Четыре попытки,— сказал Квиг.— Если трезво оценить ситуацию, Бойс, чего вы надеетесь достичь, даже если с первого раза нам повезет? За четыре короткие встречи у авернианцев едва ли будет времени на то, чтобы отреагировать.

— Ну, мы не обязательно ограничимся четырьмя встречами,— беззаботно ответил Амброуз.

— Но вы только что сказали...

— Я сказал, что надеюсь установить с ними контакт, пока верхняя мертвая точка находится или под землей, или на поверхности. Когда она переместится в воздух над шахтой, у нас будет достаточно времени для длительных встреч.

— Но как, черт побери?

— Подумайте сами, Дес. Если вы хотите медленно подняться над землей, зависнуть, а потом снова опуститься, какая машина для этого понадобится?

— Вертолет! — догадался Квиг, удивленно раскрывая глаза.

— Вот именно. И я предусмотрительно оформил сегодня прокат.— Амброуз обвел слушателей сияющим взглядом, словно любящий отец,

удививший своих детей необычным подарком.— Ну а теперь, поскольку мы все выяснили, давайте обсудим стоящие перед нами проблемы.

Прислушиваясь к разговору, Снук снова изменил свое мнение о Бойсе Амброузе. Категория, к которой он его отнес,— плейбой-ученый — все еще казалась уместной, но, с другой стороны, Амброуз взялся за дело всерьез, как человек, поставивший перед собой определенную цель и решивший преодолеть любые препятствия для ее достижения.

Хотя работы на шахте были прекращены, огра-да все еще освещалась прожекторами и охрана исправно несла службу. Приближаясь к воротам в компании Джорджа Мёрфи и остальных четырех членов их группы под пытливыми взгля-дами охранников, Снук чувствовал себя уязви-мым и неловким. Ему выпало нести шесть тяже-лых картонных плакатов, которые они подгото-вили по настоянию Амброуза, и справляться с ними оказалось не так-то легко. Предрассвет-ный бриз едва задувал, но даже от малейшего движения воздуха гладкие картонные листы изгибались и вырывались у него из рук. Снук про себя проклинал Картье, который запретил провести на территорию шахты машину.

Охранники хорошо знали Мёрфи в лицо, но тем не менее ему пришлось остановиться и предъявить бумагу, подписанную Картье. Толь-ко тогда всю группу пропустили за ворота. На-груженные всевозможными ящиками с оборудо-ванием, которое привез Амброуз, они двину-лись дальше. Пруденс все время держалась возле Амброуза и о чем-то тихо с ним говорила, что вы-

зывало у Снука смутное раздражение. Он пытался объяснить это себе тем, что Пруденс, если не помеха, то по крайней мере наименее полезный член их группы, и ей не следовало бы отнимать столько времени у руководителя. Однако другая часть его разума, которую невозможно было обмануть, с презрением отметала такое объяснение.

— Я смотрю, они вняли твоему совету.— Мёрфи подтолкнул Снука локтем и указал на новые, отпечатанные красным объявления, которые требовали, чтобы все работающие под землей сдали магнилюкты очки в связи с установкой на шахте новой осветительной системы.

— Оправдание для закрытия шахты,— сказал Снук, думая о чем-то другом. Он только что заметил в темноте у ворот два армейских джипа, в каждом из которых сидели по четыре человека из полка «леопардов». Завидев Пруденс, солдаты принялись улюлюкать и свистеть. Водители включили фары и направили пучки света на ее ноги, а один солдат выскочил из машины под радостные вопли товарищей и подбежал поближе для более детального изучения. Пруденс, не глядя по сторонам, спокойно продолжала идти вперед, держа Амбруза под руку. Тот тоже игнорировал поведение солдат.

Снук достал из нагрудного кармана «амплиты», надел и взглянул в сторону машин. В голубом псевдосвещении он разглядел в одном из джипов лейтенанта, того самого, что предыдущим утром был у него дома. Лейтенант сидел, сложив руки на груди, и, похоже, не собирался вмешиваться в действия своих солдат.

— Что делают, подонки?!..— гневно прошеп-

тал Мёрфи и повернулся к подбежавшему солдату.

Снук придержал его за руку.

— Это не наша проблема, Джордж.

— Но этот мерзавец просто просит пинка под зад.

— Бойс привез ее сюда,— твердо произнес Снук,— Бойс о ней и позаботится.

— Что с тобой, Гил? — Мёрфи уставился на Снуга, потом, усмехнувшись, прищелкнул языком.— Все ясно. Мне показалось, что ты поглядываешь в ту сторону, но я не был уверен.

— Тебе показалось.

После того как солдату наскучила забава и он вернулся к товарищам, Мёрфи некоторое время шел молча.

— Думаешь, никаких шансов, Гил? Иногда эти аристократки клюют на парней погрубее, знаешь, так, для разнообразия.

— Как в полку «леопардов» с дисциплиной? — спросил Снук ровным голосом.— Я считал, что их крепко держат в узде.

— Так оно и есть.— Мёрфи задумался.— Там был офицер?

— Да.

— Впрочем, это еще ничего не значит.

— Я знаю, что это ничего не значит.

Они достигли входа в шахту, и беспокойство Снуга по поводу поведения солдат мгновенно испарилось. Он понял, что совсем скоро ему предстоит еще одна встреча с молчаливыми призрачными существами, бродящими в глубинах шахты. Хорошо Амброузу, который никогда этих призраков не видел, с умным видом рассуждать о геометрических соотношениях и движении пла-

нет. Совсем другое дело, когда встречаешься с голубым привидением лицом к лицу. Снук вдруг обнаружил в себе острое нежелание спускаться под землю, но ничем не выдал этого, когда группа собралась у подъемника и Мёрфи включил механизм. Больше всего ему не хотелось снова увидеть рты авернианцев, эти нечеловечески широкие, нечеловечески подвижные щели, которые порой, казалось, выражали совершенно непостижимую для него печаль. И Снку вдруг подумалось, что Авернус, названный в честь мифологического ада, возможно, не очень счастливый мир.

— Я пойду первым, потому что знаю, какой уровень нам нужен, — заявил Мёрфи. — Подъемник движется безостановочно, так что придется соскакивать быстро, когда вы меня увидите. Не волнуйтесь, это так же просто, как сойти с эскалатора. Если не успеете вовремя, дождитесь нижней галереи, там сойдете, обойдете вокруг и подниметесь на идущей вверх клети. До сих пор мы не потеряли ни одного гостя.

Все облегченно рассмеялись, сбрасывая с себя чувство неловкости, навеянное едва не произошедшим у ворот инцидентом. По двое в клетях они спустились вниз. Снук со своей неуклюжей охапкой плакатов был последним. От долгого лязгающего спуска у него заложило уши, и, когда он наконец выбрался на кольцевую площадку третьего уровня, Амброуз уже вел совет, назначая людей в различные радиальные тунNELи. Генератор излучения размером с небольшой чемоданчик оставили у подъемника с тем, чтобы позже быстро доставить его к тому, кто первый крикнет, что нашел авернианское здание.

— Я хочу, чтобы каждый взял у Гила по плакату,— сказал Амброуз.— Конечно, шансы на контакт невелики, но мы позволили себе столько допущений, что еще одно вряд ли что-нибудь изменит.

Он взял один из плакатов и поднял его над головой. На плакате толстыми черными линиями была нанесена синусоидальная кривая, стрелка от которой указывала на другую, гораздо более пологую волну.

— Это полотнище со знаками символизирует трансформацию света в звук.— Амброуз взглянул на Квига и Калвера.— Я полагаю, значение его понятно?

Квиг неуверенно кивнул.

— Если у авернианцев есть глаза, если они имеют хоть какое-нибудь представление об акустике, если они разработали волновую теорию света, если пользуются электроникой и если...

— Не продолжайте, Дес. Я уже признавал, что шансы на успех у нас невелики. Но слишком многое от этого зависит, и поэтому я готов попробовать все, что угодно.

— Ладно. Я не против того, чтобы тащить плакат,— сказал Квиг.— Но меня больше интересует возможность фотосъемки.— Он потрогал рукой камеру, висящую на ремне.— Я думаю, это самое большее, на что мы можем рассчитывать.

— Очень хорошо. На данной стадии я с благодарностью принимаю любую помощь.— Амброуз взглянул на часы.— У нас осталось около четверти часа. Авернианцы уже, вероятно, на нижних уровнях шахты, так что пора по местам. Звук в туннелях должен разноситься

хорошо, но здесь акустика неважная, так что не уходите дальше, чем на сотню метров от центральной шахты. «Амплиты» не снимайте, через десять минут выключите все фонари и не забудьте кричать во весь голос, если обнаружите то, что нам нужно.

Все снова рассмеялись. Снук злорадно усмехнулся, подумав: многие ли из них сохранят веселье, когда (и если) авернианцы все же появятся. Он двинулся к южному туннелю и тут заметил, что Пруденс идет рядом, направляясь в смежный туннель. В руках она несла фонарь и картонный плакат. На фоне каменных стен и шахтного оборудования ее изящная фигурка в изысканной одежде выглядела как-то неуместно. Снука неожиданно для него самого вдруг кольнуло беспокойство.

— Вы идете туда одна? — спросил он.

— А вы думаете, мне не следует этого делать? — Выражение ее лица за голубыми стеклами «амплитов» разобрать было невозможно.

— Откровенно говоря, да.

Губы ее чуть изогнулись.

— Я что-то не заметила, чтобы вы проявляли заботу о моей безопасности, когда ваши друзья развлекались там, у ворот.

— Мои друзья?! — Снук так растерялся от несправедливого обвинения, что даже не успел сформулировать ответ, а Пруденс тем временем скрылась в туннеле. Беззвучно шевеля губами, он поглядел ей вслед, затем пошел своей дорогой, ругая себя за то, что вообще с ней заговорил.

Отложения алмазоносной глины были здесь широкие и глубокие, и после того, как глину удалили, осталось некое подобие подземной пеще-

ры. Паразвуковые излучатели, превращавшие камень и глину в пыль, не причиняли вреда алмазам; к тому же они не вызывали трещин в породе и не создавали остаточных напряжений. Поэтому туннели почти не приходилось укреплять. Следуя по изогнутому просторному коридору, Снук прошел, как ему показалось, метров сто, затем остановился и закурил. Место, где он стоял, почти не освещалось флуоресцентными лампами в стволе шахты, но «амплиты» превращали эти жалкие отблески в зrimую светящуюся стену, которая, решил Снук, может помешать ему разглядеть призраков. Он повернулся к свету спиной, встав лицом к самой темной части туннеля. Но даже в таком положении светящийся кончик сигареты показался ему невыносимо ярким, когда он взглянул на него через магнилюкты очки. Снук затоптал окурок и замер в ожидании.

Потянулись минуты, долгие, как часы, затем вдруг — без предупреждения — из стены на уровне его головы выпорхнула большая светящаяся птица, бесшумно пронеслась мимо Снуга и исчезла в изломах камня на другой стороне туннеля. Изображение было слабым, но у него сложилось впечатление, что еще секунду после того, как птица исчезла в стене, он ее видел, словно сам камень стал прозрачным и нематериальным.

Судорожно вздохнув, Снук обернулся и взглянул в направлении ствола шахты. Стена голубоватого сияния все еще оставалась на месте, но теперь в ней проглядывали какие-то прямоугольные участки. Задумавшись, как он мог не заметить эти прямоугольники раньше, Снук нахму-

рился, затем вдруг понял, что перед ним изображения окон.

— Сюда! — закричал он, потом несмотря на охвативший его страх, не удержался и бросился вперед. — Южный туннель! Здесь что-то есть!

Снук подбежал к одному из темных прямоугольников на светлой стене, задержался там на мгновение и нырнул сквозь мерцающий вертикальный барьер. Прямо перед ним стоял авернианец с каким-то предметом в руках. Сложное переплетение его одежд чуть колыхалось от движений авернианского воздуха. Глаза медленно вращались почти у самой макушки, увенчанной пучком растительности, широкий рот приоткрылся.

— Скорей! — кричал Снук. — Я в комнате с одним из них!

— Сейчас, Гил! — эхом прокатился по туннелю обнадеживающий ответ.

Звук человеческого голоса помог Снуку справиться с замешательством. Заставив себя напрячь внимание, он заметил, что этот авернианец значительно выше других. Снук взглянул на свои ноги и увидел, что голубое сияние авернианского пола поднялось ему до колен. Прямо у него на глазах уровень пола становится все выше. При такой скорости подъема призрачное сияние скоро поглотит его, Снуга, с головой. Он обежал взглядом помещение, замечая предметы, в которых без особого труда угадывалась мебель: стол и стулья необычных пропорций. Авернианец чуть покачивался, словно в каком-то танце, и совершенно не подозревал, что его уединение нарушено наблюдателем из другой вселенной.

— Ради бога, быстрее! — крикнул Снук. — Где вы там, Бойс?

— Уже здесь,— голос раздался совсем рядом, и Снук увидел движущиеся фигуры людей.— Машина оказалась гораздо тяжелее, чем я думал. Стойте на месте. Я попробую вас подсветить. Так! Теперь поднимите плакат над головой и покачайте его.

Снук совершенно забыл про плакат. Уровень голубого сияния достиг уже его груди, но скорость подъема теперь уменьшилась. Он поднял плакат над головой и двинулся чуть в сторону, чтобы оказаться лицом к лицу с авернианцем. Взглянул на него в упор. Глаза авернианца, казалось, смотрели прямо на него. Но ничего не произошло.

«Я не реален для него,— подумал Снук.— Не существую».

— Не вышло,— обратился он к Амброузу.— Он не реагирует.

— Подождите. Я увеличу напряженность поля.

— Хорошо.

Откуда-то из темноты слышались щелчки фотокамер. Снук заметил, что уровень пола призрачной комнаты начал опускаться, и тут до него дошло, что авернианец уже несколько секунд стоит неподвижно, не отводя от него взгляда. Широкая щель его рта зашевелилась.

— Кажется, что-то происходит,— сказал Снук.

— Возможно.— Амброуз прошел в комнату из иного измерения и встал рядом со Снуком.

Внезапно авернианец повернулся (Снук впервые увидел, как представитель их расы делает что-то быстро), прошел через комнату, сел на стул, и его руки с непривычными сочленениями

забегали по поверхности стола. Просвечивающий пол продолжал оседать, пока не слился с каменным полом туннеля, после чего перепончатые ноги авернианца стали уходить в землю.

— Времени осталось немного,— сказал Амброуз.— Видимо, нам не следовало ожидать какой-то реакции.

Не отрываясь от видоискателя фотокамеры, подошел Квиг.

— На всякий случай я снимаю на пленку все, что успеваю.

В этот момент авернианец медленно, плавно встал и повернулся к ним. Выпростав руки из складок одежды, он протянул их вперед, держа перед собой едва заметный прямоугольник из какого-то тонкого материала. Из-за полупрозрачности самого авернианца и всего, что его окружало, Снук не сразу заметил, что на прямоугольном листке изображены какие-то знаки. Сощурив глаза, он с трудом разобрал почти невидимые символы: сжатая синусоида, стрелка, растянутая синусоида.

— Это наш рисунок,— выдохнул Амброуз.— Мы прорвались к ним! И так быстро!

— Там есть еще что-то,— сказал Снук.

Чуть ниже располагался второй рисунок: два не очень ровных круга почти полностью один в другом.

— Это астрономия! — Амброуз даже охрип от возбуждения.— Они знают, что происходит!

Снук, не отрываясь, смотрел на второй набросок, и где-то глубоко внутри у него зарождалось холодное предчувствие. Символы на верхнем рисунке были выполнены безукоризненно: пра-

вильные синусоиды и совершенно прямая линия стрелки, что свидетельствовало о графических способностях авернианца. И тут же ниже две неуверенно вычерченные, наложенные друг на друга окружности, по мнению Амброуза, символизирующие две почти правильные сферы. Там даже есть какие-то помарки в середине...

Между тем авернианец вместе со своим миром медленно погружался в пол туннеля. Двигаясь почти по колено в камне, он приблизился к Снуку и вытянул вперед просвечивающие перепончатые руки, пытаясь обхватить дрожащими длинными пальцами его голову.

— Нет! — закричал Снук, потеряв контроль над собой, и кинулся назад от протянутых к нему рук. — Нет! Никогда!

Потом он повернулся и бросился бежать к стволу шахты.

Глава 8

— Гил, я не понимаю, почему вы не хотите принять случившееся, — нетерпеливо произнес Бойс Амброуз, швырнув на стол пачку фотографий. — Еще по дороге сюда, через каких-нибудь несколько часов после того, как мы познакомились, я предположил у вас телепатические способности. В наши дни телепатия считается вполне реальным и достоверным с научной точки зрения явлением. Почему вы этого никак не признаете?

— А почему вы хотите, чтобы я это признал? — сонным голосом спросил Снук, грея в руках стакан с джином.

— Мне кажется, тот факт, что вы первый правильно поняли рисунок авернианца, тогда как я принял его за схему расположения планет, достаточно убедительно доказывает, что у вас есть телепатические способности.

— Вы все еще не сказали, почему вам так хочется, чтобы я это признал,— настаивал Снук.

— Потому что...

— Продолжайте, Бойс.

— Я бы сделал это,— сказал Амброуз, и в голосе его послышались нотки горечи.— Сделал бы, если бы обладал таким даром.

Снук раскрутил стакан, заставив джин двигаться в миниатюрном водовороте.

— Это потому, что вами движет дух ученого, Бойс. Вы из тех людей, что запускают воздушных змеев в грозу, невзирая на опасность. Я же не намерен позволять какому-то голубому чудовищу совать свою голову в мою.

— Они — люди.— Пруденс осуждающе взглянула на Снуга.

Снук пожал плечами.

— Пусть так. Я не намерен позволять каким-то голубым людям совать свои головы в мою.

— Меня, например, это вовсе не смущило бы.

— Здесь просто напрашивается в ответ что-нибудь неприличное, но я слишком устал.— Снук сел в кресло поглубже и прикрыл глаза, успев заметить, как сжались губы Пруденс.— «Счет сравнялся»,— обрадованно подумал он, одновременно удивляясь собственному ребячеству.

— Скорее слишком пьян.

Не открывая глаз, Снук поднял стакан в сторону Пруденс и сделал еще один глоток. Надви-

гающееся полупрозрачное голубое лицо до сих пор стояло у него перед глазами, и от этого в животе Снука все сжималось в плотный узел.

— По-моему,— озабоченно произнес Амброуз,— всем нам неплохо было бы отдохнуть. Мы не спали целую ночь и явно устали.

— Мне надо на завод,— сказал Калвер. Потом, повернувшись к Десу Квигу, который в этот момент разглядывал отснятые фотографии, спросил: — Ты поедешь, Дес? Могу подбросить.

— Я остаюсь,— ответил Квиг, задумчиво поглаживая свои белесые усы.— Здесь слишком интересно.

— А как же ваша работа? — спросил Амброуз.— Я, конечно, благодарен за помощь, но...

— Пошли они с этой работой!.. Знаете, чем я там занимаюсь? Проектирую радиоприемники.— Несколько порций неразбавленного джина на голодный желудок, да еще после бессонной ночи, сделали свое дело, и язык у Квига начал заплетаться.— Это бы еще ничего, потому что я проектирую хорошие радиоприемники, но они передают их коммерческим специалистам. И знаете, что эти паразиты делают? Начинают вытаскивать из приемника по одной детали и продолжают делать это до тех пор, пока он не перестанет работать. Потом ставят последнюю деталь на место и в таком виде запускают в производство. Меня от этого воротит. Нет, я обратно не поеду. Будь я проклят, если...

Услышав этот крик души, Снук открыл глаза и успел заметить, что Квиг уронил голову на руки и тут же заснул.

— Ну, я пошел,— сказал Калвер.— До вечера. Он вышел из гостиной, и вместе с ним ушел

Джордж Мёрфи, устало махнув на прощание за-
бинтованной рукой. Снук поднялся, помахал ру-
кой в ответ и повернулся к Амброузу.

— Что вы собираетесь делать?

Амброуз замялся, но потом ответил:

— За последние три дня я спал в общей слож-
ности не больше четырех часов. Чертовски не-
удобно, но мысль о том, что сейчас придется
ехать в Кисуму...

— Оставайтесь,— сказал Снук.— У меня две
спальни, но только по одной кровати в каж-
дой. Десу, похоже, и здесь удобно. Если я лягу
в этой же комнате на диване, вы с Пруденс
можете занять отдельные спальни.

Пруденс тоже встала.

— Ни в коем случае. Выгонять человека из
его собственной постели... Я пойду с Бойсом.
Думаю, ничего плохого со мной не случится.

Амброуз улыбнулся и потер глаза.

— Беда в том, что я чертовски устал. Поэтому,
боюсь, с тобой вообще ничего не случится.

Он обнял ее за плечи, и они двинулись в спаль-
ню через коридор, прямо напротив гостиной.
Закрывая дверь, Пруденс выглянула наружу, и на
мгновение ее взгляд встретился со взглядом Сну-
ка. Он попытался улыбнуться, но губы ему не
повиновались.

В окно другой спальни светило с востока яркое
утреннее солнце, и Снук опустил штору, отчего
в комнате воцарился мягкий золотистый полу-
мрак. Не раздеваясь, он лег на постель, но уста-
лость, такая настойчивая еще несколько минут
назад, оставила его, и лишь через какое-то время
ему удалось избавиться от одиночества, уйдя
в сон.

Проснулся Снук уже за полдень от звука нового громкого голоса, проникавшего в спальню из гостиной. Поднявшись, он расчесал пятерней волосы и вышел узнать, кто их посетил. Посреди комнаты, беседуя о чем-то с Амброузом, Пруденс и Квигом, стоял Джин Хелиг из «Ассоциации прессы», стройный седеющий англичанин с тяжелыми веками. Он окинул Снука критическим взглядом и сказал с чувством:

— Ты отвратительно выглядишь, Гил. Я никогда тебя таким не видел.

— Благодарю.— Снук попытался подыскать что-нибудь в ответ, но пульсирующая головная боль мешала думать.— Я пойду сварю кофе.

Дес Квиг тут же вскочил.

— Я уже сварил, Гил. Сиди, я принесу тебе чашку.

Снук благодарно кивнул.

— Четыре чашки, пожалуйста. По утрам я всегда выпиваю четыре чашки.

Он рухнул в освободившееся кресло и огляделся. Амброуз смотрел на него озабоченно. Пруденс делала вид, что не замечает его присутствия. Хотя на ней был вчерашний костюм, выглядела она так же безукоризненно, как всегда, и Снук отвлеченно подумал, удалось ли Амброузу хотя бы однажды за то время, которое они провели в одной постели, нарушить ее отработанную невозмутимость.

— На этот раз ты, что называется, запустил кота в голубятню,— прогремел Хелиг.— Знаешь, после того, как я опубликовал твою информацию, за мной постоянно ходят два человека Фриборна.

— Ради бога, Джин,— Снук сдавил ладонями виски.— Если ты будешь говорить нормальным

голосом, я вполне тебя расслышу.

Хелиг перешел на пронзительный шепот.

— Это убедило меня в том, что здесь кроется что-то важное. Раньше я не был уверен, и, боюсь, это заметно по тому, как я написал статью.

— Все равно спасибо.

— Не за что,— снова произнес Хелиг своим громоподобным голосом.— Теперь, когда твои призраки появились в Бразилии и на Суматре, все стало по-другому.

— Что? — Снук вопросительно взглянул на Амброуза.

— Я же говорил, что это должно случиться,— кивнул Амброуз.— Случилось, правда, немного раньше, чем я ожидал, но было бы неверно считать земной экватор правильным кругом. Планета деформирована приливными силами, и, кроме того, Земля колеблется относительно орбиты за счет движения барицентра системы Земля — Луна. Я не знаю, насколько точно Авернус повторяет эти движения, к тому же эффект либрации...

Амброуз замолчал, потому что Пруденс протянула руку и закрыла ладонью его рот. Заметив это прилюдное проявление интимности, Снук почувствовал укол ревности и быстро отвел взгляд.

— Извините,— закончил Амброуз.— Я иногда увлекаюсь.

— Интерес во всем мире к здешним событиям чертовски вырос,— сказал Хелиг.— Сегодня утром имя доктора Амброуза уже не раз упоминалось в передачах главной спутниковой системы.

Пруденс радостно рассмеялась и шутливо толкнула Амброуза.

— Наконец-то слава!

Снук, по-прежнему внимательно наблюдавший за Пруденс и всем, что вокруг нее происходило, успел заметить, как на лице Амбруза промелькнуло выражение мечтательности и торжества одновременно. Через мгновение оно сменилось обычной для него насмешливой внимательностью, но Снук почувствовал, что ему удалось увидеть истинного Амбруза. Плейбой-учебный, похоже, жаждал славы. Или уважения. Уважения своих коллег.

— Означает ли это, что скоро здесь будет много народа? — спросил Квиг, входя с кофе для Снука.

— Сомневаюсь, — ответил Хелиг томно, всем своим видом напоминая видавшего виды колониста, давно привыкшего к причудамaborигенов. — Из-за беспорядков на границе с Кенией канцелярия президента отменила все въездные визы на неопределенный срок. Кроме того, теперь нашим ученым парням есть куда поехать. Из Штатов гораздо легче смотаться в Бразилию, чем добираться сюда, верно? Опять же меньше шансов получить под зад. — Хелиг оглушительно расхохотался, отчего даже чашка в руках у Снука задрожала.

Снук прикрыл глаза, стараясь не отвлекаться от воплощенного в кофе аромата и вкуса разумности, и мысленно пожелал, чтобы Хелиг куда-нибудь провалился.

— Кстати, у вас-то как тут дела? — продолжал Хелиг, твердо встав в центре комнаты. — Если эти призраки и в самом деле обитатели другого мира, как, по-вашему, найдем ли мы когда-нибудь способ общения с ними?

— Мы надеемся, — осторожно ответил Ам-

броуз,— что нашли такой способ, но, разумеется, здесь не все просто.

Снук поднял глаза над краем чашки, и его взгляд встретился с взглядами Амбруоза и Пруденс.

Хелиг смотрел на индикаторы наручного магнитофона.

— Полно, доктор, исповедь облегчает душу.

— Слишком рано,— сказал Снук, неожиданно для себя приняв решение.— Возвращайся завтра или послезавтра, тогда, возможно, у нас будет для тебя неплохая история.

Когда Хелиг уехал, Амбруоз прошел вслед за Снуком на кухню, где тот готовил новую порцию кофе.

— Я правильно понял, что вы имели в виду? — спросил он спокойно.

— Видимо.

Снук занялся сполоскиванием чашек в раковине.

— Спасибо.— Амбруоз взял полотенце и принялся неумело вытираять чашки.— Послушайте, я не хотел бы, чтобы вы меня неправильно поняли, но те, кто работает на науку, как и все остальные, получают деньги. Я знаю, что у вас есть свои причины на участие в этом деле, однако я был бы счастлив поставить наши отношения на соответствующую деловую основу, если вы...

— Вы можете кое-что для меня сделать,— перебил его Снук.

— Слушаю.

— Где-то в Малакке находится мой канадский паспорт. Я хотел бы получить его обратно.

— Думаю, я смогу это организовать.

— Это, видимо, обойдется вам в немалую сумму — как это говорится? — комиссионных.

— Не беспокойтесь. Мы так или иначе вытащим вас из Баранди. — Вытерев две чашки, Амброуз, очевидно, решил, что славно потрудился, и отложил полотенце в сторону. — Кстати, завтрашний эксперимент будет совсем не такой, как сегодня.

— Почему?

— Я смотрел планы и вертикальный разрез шахты, и там, где завтра будет верхняя мертвая точка, разработок нет. Нам придется перехватить авернианца на ходу там же, где в прошлый раз. На этом этапе он будет подниматься довольно быстро, но, если захотите, у вас будет еще одна возможность при спуске.

Снук принялся вытирая оставшиеся чашки.

— Вы исходите из того, что он будет ждать нас там...

— Из всех предположений, что мы делали, это пока наименее рискованное. Авернианец отреагировал очень быстро, ни один человек не сумел бы дать такой быстрый и решительный ответ. Я думаю, мы имеем дело с расой, пре-восходящей нас во многих отношениях.

— Это меня не удивляет. Но вы и в самом деле полагаете, что я получу какое-то телепатическое сообщение, когда мой мозг и его будут занимать один и тот же объем?

Амброуз пожал плечами.

— Кто может предсказать, что произойдет, Гил? В соответствии с нашими научными представлениями — если иметь в виду ортодоксальные научные представления — скорее всего, вообще ничего не получится. В конце концов ваша

голова некоторое время занимала один и тот же объем с авернианским грунтом, и тем не менее у вас не было никаких головных болей.

— Не самый удачный пример.— Снук слегка прикоснулся кончиками пальцев к бьющейся вене на виске, словно проверял пульс.

— Зачем вы так много пьете?

— Это помогает спать.

— В этом лучше поможет женщина,— сказал Амбrouз.— Результат тот же, но побочные эффекты только положительные.

Снук с трудом отогнал от себя мучительное видение: Пруденс на его левой руке лицом к нему...

— Мы говорили о телепатическом эксперименте. Вы полагаете, ничего не получится?

— Я этого не говорил. Просто мы слишком мало знаем об этом явлении. Я имею в виду, что возможность телепатического общения между людьми была доказана всего несколько лет назад, когда наконец перестали заниматься глупостями с угадыванием карт. Да и сейчас многие сказали бы, что структура мозга, мыслительные процессы и структура языка инопланетных существ настолько отличны от наших, что ни телепатического, ни какого другого общения с ними просто быть не может.

— Но авернианцы не инопланетяне. Скорее наоборот,— сказал Снук, сражаясь с незнакомыми концепциями.— Если они существуют уже миллионы лет в нескольких сотнях километров у нас под ногами и если телепатия действительно возможна, то какая-то связь, видимо, уже есть. Что-то вроде резонанса... Симпатического резонанса... Может быть, именно существование

авернианцев объясняет...

— Общие элементы в религиях? Плутоническую мифологию? Повсеместные представления о том, что ад находится под землей? — Амброуз покачал головой. — Гил, эти вещи явно за пределами нашей работы. Не стоит с ними связываться. Не забывайте, что, хотя авернианцы и в самом деле существуют внутри нашей планеты, во многих отношениях они дальше от нас, чем Сириус. Самая далекая звезда, которую вы можете разглядеть в небе, все-таки часть нашей Вселенной.

— Но вы тем не менее думаете, что стоит попытаться?

Амброуз кивнул.

— Тут есть один момент, не позволяющий упустить такую возможность.

— Какой? — Снук даже перестал вытирая посуду в ожидании ответа.

— Сам авернианец, похоже, считал, что из этого что-то получится.

Когда их группа в предрассветной темноте отправилась к шахте, Снук обнаружил, что Пруденс осталась в бунгало, и с интересом отметил, что ни она, ни Амброуз ни словом об этом не обмолвились. Днем они ездили в Кисуму переодеться и пообедать в отеле, и, когда вернулись, их можно было принять за новобрачных. После их возвращения времени для обсуждения подготовлений оставалось достаточно, однако вопрос об участии Пруденс даже не затрагивался, по крайней мере в присутствии Снuka. Возможно, ее решение было продиктовано здравым смыслом: она осталась, чтобы избежать лишних не-

приятностей с охранниками у ворот. Но Снук подозревал, что Пруденс просто не пожелала участвовать в событиях, где ему предстояло играть главную роль, особенно после того, как она открыто осудила его бегство в прошлый раз. Снук сознавал, что это ребячество, но тем не менее происходящее доставляло ему какое-то непонятное удовольствие: события доказывали, что Пруденс выделяет его среди других, постоянно на него реагирует, пусть даже отрицательно.

У ворот к их четверке — Снуку, Амброузу, Квигу и Калверу — присоединился Джордж Мёрфи, который о чем-то разговаривал там с охранниками.

— Не хочется, чтобы вчерашнее повторилось, — сказал он, выходя им навстречу. — Я себя чувствую просто какой-то развалиной.

— По-моему, ты выглядишь отлично. — Снуку никогда прежде не доводилось видеть Мёрфи таким уверенным в себе и неукротимым, и присутствие этого здоровья придавало ему сил. — Чем ты занимался?

— Просиживал штаны на совещаниях. Картье продолжает втолковывать рабочим, что никаких призраков нет, потому что теперь они не могут их увидеть, и что это вообще никакие не призраки. А шахтеры твердят, что лучше него знают, что такое призраки, и что, даже когда они их не видят, они их чувствуют. Я думаю, на Картье давит полковник Фриборн.

Проходя в ворота, Снук подобрался поближе к Мёрфи и, шагая в ногу с ним, тихо сказал:

— Я думаю, он на всех давит. Сам знаешь, дела идут совсем не так, как мы ожидали.

— Знаю, Гил. Но все равно спасибо.

— А ты не смог бы втолковать шахтерам, что авернианцы не принесут им никакого вреда?

Мёрфи задумался.

— Ты сам в этом уверен, однако...

— ...однако я убежал. Ясно, Джордж.

Миновав освещенный участок у пропускного пункта, Снук заметил два джипа с солдатами на том же месте, что и вчера. Он надел «амплиты» и в возникшем голубом сиянии увидел уже знакомого ему надменного молодого лейтенанта. Глаза лейтенанта скрывали «амплиты» военного образца для ночных дежурств, но на его лице, словно высеченном скульптором из эбенового дерева, застыло выражение свирепой, беспощадной настороженности. От этого наблюдения у Снука по спине пробежали мурашки.

— Вот тот лейтенант, — спросил он, — он не родственник полковника?

Мёрфи надел свои магнилюкты очки.

— Племянник. Курт Фриборн. Держись от него подальше. Если возможно, даже не вступай с ним в разговор.

— Господи! — вздохнул Снук. — Сколько же их?!

В этот момент двигатели обоих джипов взревели, фары узкими пучками света ударили по группе идущих, отбрасывая на землю длинные тени. Подкатив ближе, машины принялись медленно объезжать группу кругами, иногда подбираясь так близко, что два-три раза людям пришлось уступать дорогу. С лиц всех сидящих в машинах, за исключением лейтенанта, во время этих маневров не сходили широкие ухмылки, но никто из них не проронил ни слова.

— Из такой открытой машины, — негромко

проговорил Мёрфи,— ты или я запросто можем вытащить водителя...

— Ты или я запросто можем получить пулю в лоб. А оно того не стоит, Джордж.

Снук продолжал ровным шагом двигаться к входу в шахту, и через некоторое время джипы вернулись на прежнее место. Вскоре вся группа собралась у освещенного флуоресцентными лампами подъемника. Амброуз с тяжелым стуком поставил на землю излучатель.

— Утром первым делом,— произнес он негодяюще,— доложу об этих безобразиях властям. Мерзавцы начинают мне надоедать.

— Давайте-ка спускаться,— сказал Снук, обменявшись взглядами с Мёрфи.— На встречу с дьяволом, которого мы еще не знаем.

— Право же, не следует о них так думать.— Амброуз подхватил свой черный ящик и двинул-ся впереди всех к подъемнику.

На сей раз похожий на пещеру туннель третьего уровня не оказал на Снука такого гнетущего действия, как он ожидал. Главным образом потому, что сейчас он ощущал себя частью группы, действующей заодно. Амброуз метался по туннелю, проверяя сделанные им светящиеся отметки на полу, настраивая излучатель и то и дело пробегая пальцами по клавиатуре карманного компьютера. Калвер занимался аналого-цифровым модулятором, Квиг — камерами и магнилюктовыми фильтрами. Мёрфи убирал со сцены ожидаемого «действия» мелкие обломки камней. Снук невольно почувствовал себя лишним.

— Еще минут десять,— сказал ему Амброуз, отрывая взгляд от компьютера.— И помните,

пожалуйста, Гил, я не вынуждаю вас. Это, скажем так, вспомогательный эксперимент. Я лично больше верю в модулятор. Так что не заставляйте себя терпеть больше, чем сможете. Идет?

— Договорились.

— Ладно. Следите внимательно, не появится ли в поле зрения какое-либо подобие крыши. Из вашего рассказа я понял, что вчера вы этот момент пропустили, а нам нужно быть готовыми заранее.— Амброуз заговорил громче, в голосе его снова послышались нотки удовлетворенности.— Если будет время, делайте наброски на листках, что я вам дал. Даже устройство крыши сможет рассказать нам что-то об авернианцах, например идут ли у них дожди. Так что прошу всех быть внимательными к деталям.

Прислонившись к стене туннеля и наблюдая за последними приготовлениями, Снук достал сигареты, но Амброуз строго покачал головой, и он с обреченным видом спрятал пачку, искренне желая оказаться в данный момент где-нибудь совсем на другом конце света и заниматься чем-то совсем иным. Например, лежать в тихой комнатах в тени золотистых от света штор, и чтобы голова Пруденс Девональд покоилась на его руке — на левой руке, как записано в «Песне песней» Соломона, главы вторая и восьмая,— так, чтобы правой удобно было касаться...

На каменном полу туннеля появилась светящаяся голубая линия. Через несколько секунд она превратилась в треугольный конек крыши, и Снук в оцепенении двинулся к назначенному ему месту. Пол туннеля выглядел необычно прозрачным.

Снук так увлекся возникающими образами,

что даже не заметил, как к нему подошел Джордж Мёрфи. Большая сухая рука Мёрфи отыскала его руку и вложила в ладонь какой-то маленький светлый предмет, на ощупь похожий на полированную слоновую кость.

— Возьми,— прошептал Мёрфи.— Это поможет.

— Что это? Амулет? — ошаращенно спросил Снук.

— Ты меня совсем дикарем считаешь? — В голосе Мёрфи послышалось шутливое осуждение.— Это жевательная резинка.

Он торопливо шагнул в сторону. Из камня постепенно поднялась слегка светящаяся крыша, своим переплетением стропил и балок удивительно похожая на земную.

Снук засунул резинку в рот, с благодарностью ощущая ее знакомую мятную теплоту, по мере того как он погружался в смутно различимые контуры квадратной комнаты, где, изгибая губы двигающихся щелевидных ртов, его ждали трое авернианцев. Двое из них держали в руках какие-то продолговатые аппараты, и внезапно туннель наполнился звуками — печальными, мяукающими, странными звуками из прибора в руках Калвера. Рядом послышался человеческий голос, но Снук не разобрал, кем и что было сказано, потому что в этот момент третий авернианец, вытянув руки, двинулся к нему.

«Я не могу,— пронеслась у Снука паническая мысль.— Это слишком...»

Вкус жевательной резинки во рту усилился, напоминая Снуку, что он не одинок в этом испытании, и, когда уровни пола сошлись, он послушно шагнул навстречу авернианцу.

Призрачное лицо становилось все ближе, туманные глаза все больше... Снук наклонил голову, отдавая себя, и слияние произошло.

Он удивленно выдохнул, почувствовав, как растворяется его сознание...

Покоя глубины тебе волны бегущей!

Меня зовут Феллет. Моя функция в нашем обществе — Ответчик. Это означает, что я должен давать советы другим. Советовать, как поступать или что нужно будет сделать. Нет, твоя концепция оракула не подходит. Наоборот. Оракул предсказывает события, предоставляя слушающим строить свои, возможно, неверные планы. Поскольку концепция предсказания теряет свой смысл, когда пытаешься пойти дальше простых причинно-следственных заключений, например о том, что растущее семя достигнет зрелости или падающий камень упадет на грунт, необходимо оценить значение того, что уже произошло, и дать безупречный совет, как поступать...

Оракул. Логическая стрелка, указывающая на близкую концепцию... Предсказания по звездам... Непогрешимые, как звезды над головой... Звезды... Взрывы...

Катастрофа!

Стой, подожди! Мне больно.

Звезды на своих курсах... Планеты? Во множественном числе? Циклическое движение? Что такое год?

Нет! Твои представления о времени неверны. Время — прямая нить, натянутая между Бесконечностью Прошлого и Бесконечностью Будущего, в ней сплетены черные и светлые волокна, ночи и дни. Кажется, что они чередуются, но

они непрерывны. Непрерывны и изогнуты...

Подожди! Боль все сильнее...

Солнце — даритель дня... Планеты, эллипсы, осевое вращение. Отсутствие крыши облаков, чистое небо, много солнц. Логическая стрелка, указывающая на близкую концепцию... Частицы, античастицы. Верно. Наша взаимосвязь определена почти правильно, но есть что-то еще... Планета из античастиц над крышей облаков... В году 1993...

Смятение. Непонимание. Время невозмож но измерить иначе, как в терминах «минус — сейчас» и «плюс — сейчас». И все же...

Тысячу дней назад вес наших океанов уменьшился. Воды поднялись в небо, почти достигая крыши облаков. А затем смели Людей. И дома Людей...

Ты говоришь, я должен был знать. Должен был предсказать.

Ты говоришь...

НЕТ!

Снук снова ощущил во рту теплый вкус мяты и понял, что стоит на коленях на твердом камне в кругу озабоченных лиц, и несколько рук удерживают его от падения. «Амплитов» на нем не было, и кто-то включил переносной фонарь, отчего испещренные следами обработки резко очерченные стены туннеля вдруг показались ему какими-то искусственными и нереальными.

— Ты в порядке, Гил? — Голос принадлежал Мёрфи. Вопрос был задан почти непринужденным тоном, но именно это свидетельствовало о том, что Мёрфи по-настоящему обеспокоен.

Снук кивнул и встал с колен.

— Надолго я отключился?

— Вы не отключались,— сказал Амброуз строгим профессиональным голосом.— Вы просто упали на колени. Джордж включил свет — вопреки моему распоряжению, должен добавить — и тем самым прервал эксперимент, чуть нас всех не ослепив.— Он повернулся к Мёрфи.— Джордж, вы же прекрасно знаете, что инструкция к магнилюктым очкам однозначно запрещает включать яркий свет там, где в них работают люди.

— Я думал, Гилу плохо.— Мёрфи упорно отказывался признать свою вину.

— С чего ему могло быть плохо? — Амброуз снова перешел к делу.— Ладно, сейчас бессмысленно устраивать разбирательство. Остается только надеяться, что те несколько секунд записи, что мы получили, оправдают...

— Подождите... — перебил его Снук неуверенно, все еще не прияя в себя после возвращения в знакомую ему Вселенную.— А Феллет? Вы видели, как он реагировал?

— Кто такой Феллет?

— Авернианец. Феллет. Разве вы...?

— О чём вы говорите? — Пальцы Амброуза вцепились в плечи Снука.— Что такое?..

— Я хочу узнать, как долго голова авернианца была... ну... внутри моей?

— Почти и не была вовсе,— ответил Кальвер, вытирая глаза.— Мне показалось, что он отскочил от тебя, и в этот момент Джордж чуть не сжег мне сетчатку своим...

— Тихо! — выкрикнул Амброуз взволнованно.— Неужели получилось, Гил? У вас создалось

впечатление, что вы знаете его имя?

— Впечатление? — Снук устало улыбнулся.— Гораздо больше. На какое-то время я стал частью его жизни. Потому-то я и хотел узнать, сколько длился контакт: мне показалось, что минуты, а может, часы.

— Что вы запомнили?

— Это не очень хорошее место, Бойс. Что-то там не так. Странно, но, когда мы спускались сюда, у меня появилась мысль...

— Гил, я хочу получить от вас максимум информации прямо сейчас и записать все на пленку, пока ничего не забылось. Вы в состоянии начать? Какие-нибудь болезненные ощущения остались?

— Я немного выбит из колеи, но в остальном все в порядке.

— Отлично.— Амброуз поднес свой наручный магнитофон к губам Снука.— Вы уже сказали, что его зовут Феллет. Он назвал как-нибудь свою планету?

— Нет. Похоже, они ее никак не называют. Это единственный мир, о существовании которого они знают, так что, может быть, им и не нужно название. И потом все произошло не так, как вы думаете. Мы не разговаривали.

Снук начал сомневаться в своей способности передать истинный характер контакта, и в этот момент до него наконец дошло, сколь огромно и невероятно случившееся с ним. Обитатель другой вселенной, «призрак» прикоснулся к его разуму. И жизни перемешались...

— Ладно. Попробуйте начать все с начала. С самого первого, что вы помните.

Снук закрыл глаза и произнес:

— Покоя глубины тебе волны бегущей...

— Это приветствие?

— По-моему, да. Но для него, я думаю, это нечто более важное. Их мир почти весь покрыт водой. И ветер может поднять волну до... Я не знаю...

— О'кей. Пропустите приветствие. Что было дальше?

— Феллет назвал себя Ответчиком. Это что-то вроде вождя, но он сам о себе так не думает. Потом был спор об оракулах и предсказаниях, но спорил только он. Он сказал, что предсказания невозможны.

— Спор? Я понял, что вы не разговаривали.

— Все так, но он, должно быть, каким-то образом воспринимал мои представления.

— Это важно, Гил,— живо заметил Амброуз.— Как вы думаете, он получил от вас столько же информации, сколько вы от него?

— Не знаю. Процесс, вероятно, был двусторонний, но как я могу сказать, кто из нас получил больше?

— Вам не показалось, что он принуждает вас к разговору?

— Нет. Ему даже было плохо. Он что-то говорил про боль.

— Ладно. Дальше, Гил.

— Его потрясла информация о звездах. У них, насколько я понял, не существует астрономии. Там постоянный облачный покров, и Феллет воспринимал его как какую-то крышу. Он не знал о связи звезд и планет.

— Вы уверены? Они вполне могли вывести астрономические закономерности.

— Но как? — Снук словно оправдывался.

— Я понимаю, что это не просто, но есть множество наводящих фактов: цикличность смены дня и ночи, времена года...

— Они все это воспринимают не так. Феллет не подозревал, что его мир вращается. День и ночь они воспринимают как белые и черные участки на нити времени. У них нет времен года. Они не знают, что такое летоисчисление. Для них время линейно. У них нет дат и календарей, как у нас. И время они отсчитывают вперед и назад от настоящего.

— Довольно неудобная система,— прокомментировал Амброуз.— Нужны постоянные точки отсчета.

— Откуда вы знаете? — Снук, все еще взволнованный проишедшим, не сумел справиться с раздражением, которое вызывала у него самоуверенность Амброуза.— Откуда вы знаете, как они думают? Вы даже не знаете, как думают другие люди...

— Извините, Гил. Но прошу вас, не отвлекайтесь. Что еще вы помните? — Амброуз был невозмутим.

— Единственное, пожалуй, что его не удивило, это объяснение двух вселенных, которое я усвоил от вас. Он так и сказал: «Частицы. Античастицы. Верно. Наша взаимосвязь определена почти правильно».

— Любопытно. Ядерная физика есть, а астрономии нет. Он так и сказал? «Почти правильно»?

— Да. Потом было что-то про время. И про Планету Торнтона... — Снук запнулся.

— Что такое?

— Я только что вспомнил. Именно здесь он

по-настоящему разволновался... Он сказал, что тысячу дней назад что-то случилось. Я запомнил цифру по тому, как ее воспринял. У меня создалось впечатление, что он имел в виду не ровно тысячу дней. Примерно, как мы говорим «около года назад», когда имеем в виду одиннадцать, двенадцать или тринадцать месяцев.

— Что случилось, Гил? Он упоминал приливы?

— Вы знали?! — Несмотря на смятение, Снук понял, что его мнение об Амброузе снова меняется.

— Выкладывайте, что он говорил.— Тон Амброуза был мягок и убедителен, но в то же время требователен.

— «Тысячу дней назад вес наших океанов уменьшился. Воды поднялись в небо, почти достигая крыши облаков. А затем смели Людей. И дома Людей».

— Это подтверждает все мои гипотезы,— умиротворенно сказал Амброуз.— Я буду знаменит. Отныне я буду знаменит.

— Кто говорит о вас? — Сбитый с толку и рассерженный, Снук почувствовал, как в нем зарождается непонятный страх.— Что случилось на Авернусе?

— Тут все просто. Планета Торнтона состоит из того же вещества, что и Авернус. Вот почему она изменила орбиту Авернуса. Разумеется, возникли сильные приливные явления, а мы уже знаем, что значительная часть Авернуса покрыта водой...

Снук прижал ладони к вискам.

— Большинство из них утонули.

— Разумеется.

— Но они же люди! Вас, похоже, это совершенно не волнует.

— Это не так, Гил,— произнес Амброуз ровным голосом.— Просто мы ничего не можем сделать. Никто ничем не может им помочь.

Что-то в этой последней фразе еще больше усилило смятение, охватившее Снука. Качнувшись, он шагнул вперед и ухватился за куртку Амброуза.

— Вы не все сказали?

— Гил, вы возбуждены,— Амброуз не двигался с места и не пытался вырваться.— Возможно, сейчас не время для этого разговора.

— Я хочу знать. Сейчас.

— Ладно. В любом случае мы не выслушали вас до конца. Что произошло после того, как авернианец узнал о Планете Торнтона?

— Я не... Кажется, он говорил что-то о предсказаниях. Последнее, что я помню, это его крик «нет!». Крик — неверное слово, не было никакого звука, но я почувствовал его боль.

— Поразительно,— сказал Амброуз.— Восприимчивость и легкость понимания, присущие вашему другу Феллету, просто... Другого слова, кроме как «сверхчеловеческие», не подберешь. А его способность к телепатическому общению... Мы открыли новую область для изучения.

— Почему Феллет закричал?

Амброуз осторожно высвободился из рук Снука.

— Я пытаюсь объяснить вам, Гил. Это только догадка, но главный вопрос заключается в том, сколько он мог от вас узнать. Вы когда-нибудь интересовались астрономией?

— Нет.

— Но вы помните хотя бы что-то из услышанного или прочитанного о том, что Планета Торнтона захвачена нашим Солнцем? Что-нибудь о ее новой орбите?

— Не знаю.— Снук попытался собраться с мыслями.— Было что-то о прецессирующей орбите... Планета должна вернуться. Через девяносто восемь лет, так?

— Продолжайте. Нам важно понять, есть ли в вашем сознании информация о том, что должно произойти.

Снук задумался на секунду, нейроны связались между собой, и его охватила глубокая печаль.

— В следующее прохождение Планеты Торнтона,— произнес он глухо,— по расчетам, она должна будет пройти сквозь Землю.

— Верно, Гил, вы в самом деле знали.

— Но Авернус уже удалится от Земли.

— На очень небольшое расстояние, и то, если отделение будет происходить с теперешней скоростью. В любом случае это не имеет значения: при столь малом промахе катастрофа будет не менее страшная, чем при лобовом столкновении.— Амброуз обвел взглядом молчаливых, внимательных людей.— Земли, конечно, это не коснется.

— Вы думаете, Феллет все это понял? — спросил Снук, будучи не в силах заглушить траурную фугу, звучащую у него в голове.— Вы думаете, он поэтому и закричал?

— Думаю, да,— сказал Амброуз, глядя в глаза Снку.— Вы сообщили ему, что его планета вместе со всеми ее обитателями погибнет меньше чем через столетие.

Глава 9

Как и прежде, выход из-под земли на чистый пастельный свет нового дня подействовал на Снука успокаивающе, позволил ему мысленно увеличить расстояние между собой и авернианцами.

Наполнив легкие пронизанным солнцем воздухом, он почувствовал, как к нему возвращаются силы, оставившие его после контакта с обитателем другого мира. Мир, его мир, казался ему теперь добрым, безопасным и устойчивым, отчего мысль о том, что совсем скоро на свет начнет появляться еще один мир, легко забывалась.

Впрочем, тут же поправлял он себя, говорить о том, что Авернус и его обитатели «появятся на свет», было бы неверно: для них земное желтое солнце просто не существует. На Авернусе останется та же самая облачная крыша, такая плотная, что днем мрак над головой лишь слегка тает. Залитый водой, туманный, слепой мир... Дома с высокими крышами из красновато-коричневого камня, словно моллюски, прилепившиеся к цепи экваториальных островов...

Это видение в духе Тёрнера возникло в сознании Снука с необычайной ясностью, и он мгновенно понял, что пришло оно от Феллета. Последействие, след удивительного контакта разумов, связавшего на миг две вселенные, две реальности. Он остановился, пытаясь осознать, сколько знаний об Авернусе он получил в момент этой полнейшей близости и сколько отдал взамен.

— Что с вами, Гил? — спросил Амбруэз, глядя на него с озабоченностью собственника.

— Все в порядке.— Желание избежать роли

подопытного животного заставило Снука умолчать о своем новом открытии.

— У вас на лице было какое-то мечтательное выражение...

— Думал об авернианской вселенной. Вы доказали, что внутри нашего солнца есть антинейтринное... Означает ли это, что все другие звезды в нашей Галактике устроены так же?

— У нас нет достаточных данных в поддержку этой гипотезы. Есть, правда, такое понятие — принцип усреднения; он гласит, что местные условия нашей Солнечной системы следует рассматривать как всеобщие. Соответственно, раз есть антинейтринное солнце, конгруэнтное нашему, все остальные звезды галактики с большой долей вероятности устроены так же. Но это всего лишь принцип, и я понятия не имею, какова средняя плотность распределения материи в авернианской вселенной. Не исключено, что таких солнц, как у них, на всю нашу Галактику лишь горстка.

— Едва хватит на венок.

— Венок? — На лице Амброуза отразилось недоумение.

— Авернианцы ведь погибнут?

— Не надо считать себя лично за все ответственным, Гил. Ни к чему хорошему это не приведет, — сказал Амброуз, понизив голос.

Ирония ситуации, в которой кredo всей своей жизни он услышал из уст другого, да еще в обстоятельствах, столь полно продемонстрировавших справедливость высказанного принципа, показалось Снуку забавной. Он сухо рассмеялся, делая вид, что не замечает встревоженного взгляда Амброуза, после чего двинулся к воротам.

Как он и ожидал, оба джипа стояли теперь с подветренной стороны от пропускного пункта, но, судя по всему, дежурные сменились, и их группа беспрепятственно миновала машины. Они почти завернули за угол здания, когда позади разбилась об асфальт брошенная кем-то из солдат пустая бутылка. Множество прозрачных осколков, брызнувших во все стороны, разбежались в дорожной пыли подобно юрким стеклянным насекомым. Солдат в одной из машин издевательски захохотал, словно гиена.

— Не обращайте внимания. Обо всех инцидентах я сообщу, — сказал Амброуз, — и кое-кто из этих горилл еще пожалеет о своем поведении.

После того как Мёрфи перебросился парой фраз с охранниками, вся группа вышла за ворота и, свернув налево, направилась по пологому склону к бунгало Снука. Среди деревянных хибар и сараев небольшого горняцкого поселка царила обманчивая тишина, но слишком много людей стояло на перекрестках. Некоторые из них весело приветствовали проходящих мимо Снука и Мёрфи, но сама их беззаботность служила показателем сгущавшейся в воздухе тревоги.

Снук шагнул к Мёрфи и сказал:

— Странно, что здесь до сих пор так много народу.

— У них нет выбора, — ответил Мёрфи. — Все дороги патрулируют «леопарды».

У самого бунгало Снук с ключом в руке чуть опередил группу, но, едва он поднялся на порог, дверь распахнулась, и к ним вышла Пруденс, спокойная, элегантная, всем своим обликом олицетворяющая недоступное другим совершенство.

В короткой блузке, подвязанной узлом, она, словно порыв дорогих духов, светлых волос и затянутой в шелк груди, прошелестела мимо Снука навстречу Амброузу. Снедаемый ревностью, Снук увидел, как они поцеловались, но, сохранивший не-проницаемый вид, решил оставить увиденное без комментариев.

— Трогательная встреча,— услышал он собственный голос, самовольно нарушивший все стратегические планы рассудка.— Нас не было целых два часа!

В ответ Пруденс только еще крепче прижалась к Амброузу.

— Мне было одиноко,— прошептала она ему.— И я хочу есть. Давай позавтракаем в отеле.

На лице Амброуза стразилось замешательство.

— Я думал остаться здесь, Пру. Слишком много работы.

— А ты не можешь работать в отеле?

— Без Гила не могу. Он у нас теперь гвоздь программы.

— В самом деле? — Пруденс с недоверием взглянула на Снука.— Ну, тогда, может быть...

— Я не рискну поехать в Кисуму в таком виде,— сказал Снук, потрогав свою короткую стрижку «ежиком».

Мёрфи, Квиг и Калвер заулыбались.

— Мы поедим позже,— торопливо сказал Амброуз, подталкивая Пруденс к двери.— Кроме того, у нас есть что отметить: мы только что вошли в историю науки. Ты сейчас сама все услышишь...

Продолжая уговаривать Пруденс, он увел ее в гостиную.

Снук прошел на кухню, включил перколатор и ополоснул лицо холодной водой над раковиной. Домашняя обстановка на время вытеснила из его мыслей безнадежно серый Авернус. Вернувшись с чашкой кофе в комнату, он застал всю компанию за обсуждением успешного эксперимента. Калвер и Квиг, развалившись в креслах в самых непринужденных позах, спорили о методах анализа тех нескольких авернианских звуков, что им удалось записать. Мёрфи стоял у окна, задумчиво пережевывая резинку и устремив взгляд в сторону шахты.

— Есть кофе и джин,— объявил Снук.— Выбирайте сами.

— Мне ничего,— сказал Амброуз.— Столько всего навалилось, что я, право, не знаю, с чего начать, однако давайте прежде всего прослушаем запись Гила.

Он снял с запястья магнитофон, настроил и вложил его в гнездо усилителя.

— Гил, слушайте внимательно, возможно, это вызовет у вас еще какие-нибудь воспоминания. Мы имеем дело с новой формой общения и совершенно не знаем, как воспользоваться ею наилучшим образом. Мне все еще представляется, что аналого-цифровой модулятор надежнее позволит нам связаться с авернианцами, но с вашей помощью мы сможем изучить их язык за несколько дней вместо того, чтобы тратить на это недели или месяцы.

Он включил воспроизведение, и голос Снука заполнил комнату:

«Покоя глубины тебе волны бегущей...»

Пруденс, сидевшая на подлокотнике кресла Амброуза, неожиданно прыснула.

— Извините,— сказала она,— но это просто смешно.

Амброуз выключил аппарат и укоризненно взглянул на нее.

— Пожалуйста, Пру... Все происходящее очень для нас важно.

Она закивала и вытерла глаза.

— Я знаю и прошу меня извинить, но, похоже, вы доказали всего лишь то, что авернианцы на самом деле кельты. Глупо.

— Что ты имеешь в виду?

— «Покоя глубины тебе волны бегущей» — это первая строка традиционного кельтского благословения.

— Ты уверена?

— Абсолютно. В колледже моя соседка по комнате прилепила его на дверцу шкафа. «Покоя глубины тебе волны бегущей; Покоя глубины тебе струи воздушной; Покоя глубины...» Когдато я помнила его наизусть.— Пруденс с вызовом взглянула на Снука.

— Никогда его не слышал,— сказал он.

— Непонятно...— Амброуз пристально посмотрел на него.— Хотя я могу предположить, что на самом деле вы когда-то очень давно слышали эти слова, и они отложились в вашем подсознании.

— Ну и что? Я же сказал, что мы с Феллетом не разговаривали. Я просто воспринимал его мысли, и вот в таком виде ко мне пришла первая.

— Удивительное совпадение фраз, но, очевидно, этому есть какое-то объяснение.

— Я могу предложить его прямо сейчас,— сказала Пруденс.— Мистер Снук остался без работы, и, будучи человеком изобретательным, он

тут же нашёл себе новое занятие.

Амброуз покачал головой.

— Ты несправедлива, Пру.

— Может быть, но ты же ученый, Бойс. Где подлинные доказательства, что этот замечательный телепатический контакт не выдумка мистера Снука?

— Рассказ Гила содержит достаточно доказательств, вполне меня удовлетворяющих.

— Мне наплевать, верите вы мне или нет,— вступил в разговор Снук,— но я повторяю: у нас с Феллетом был не обычный разговор. Часть информации я получал словесно, иначе я не узнал бы его имени, а часть — в представлениях, ощущениях и образах. Авернус по большей части покрыт водой. Вода там повсюду, не переставая дуют ветры, и авернианцам, похоже, нравится образ волн, постоянно бегущих вокруг планеты. Для них, мне кажется, они символизируют покой, мир или что-то в этом духе.

Амброуз сделал в блокноте какую-то запись.

— Вы не упоминали об этом раньше. Во всяком случае, не в деталях.

— Но так это происходит. Я могу говорить целый месяц, и все равно что-нибудь новое к концу этого срока вспомнится. Чуть раньше я вспомнил, как выглядят их дома. Не тот дом, что мы видели, а общее впечатление об их строениях.

— Продолжайте, Гил.

— Их строят из коричневого камня. Длинные пологие скаты крыш...

— По-моему, это очень похоже на обычные наши дома,— сказала Пруденс, снова улыбаясь. Чуть скошенные внутрь зубы делали выражение

ее лица еще более презрительным и надменным.

— А не пойти бы вам...— Снук замолчал, потому что в этот момент новый прилив воспоминаний принес ему яркий образ цепи невысоких островов, каждый из которых был буквально целиком застроен одним сложным зданием. Секции его сходились крышами к пику в центре. Вместе с отражениями жилищ в спокойной серой воде острова казались вытянутыми гранеными алмазами. Один из них особенно выделялся необычной двойной аркой, слишком большой, чтобы она могла быть целиком функциональной. Вероятно, арка соединяла две естественные возвышенности. Несколько секунд видение было настолько четким, что Снук ясно различил прямоугольники окон и двери, у порогов которых ласкался спокойный океан. Маленькие лодки неторопливо кивали, стоя на якоре...

— Так дело не пойдет,— в голосе Амброуза послышалось раздражение.

— Мне тоже так кажется.— Пруденс встала и, бросив на Мёрфи надменный взгляд, спросила: — Я полагаю, в этой деревне найдется какое-нибудь заведение, где можно поесть?

— Единственное открытое сейчас место — это «Каллинан Хаус», но вам лучше туда неходить,— неуверенно ответил Мёрфи.

— Я вполне способна сама принимать такие решения.

Мёрфи пожал плечами и отвернулся, но тут вмешался Снук:

— Джордж прав, вам не следуетходить туда одной.

— Благодарю за трогательное внимание, но позаботиться о себе я также вполне способна

сама.— Пруденс развернулась на каблуках и вышла из комнаты. Через секунду хлопнула входная дверь.

Снук повернулся к Амброузу.

— Бойс, я думаю, вы должны остановить ее.

— При чем тут я? — раздраженно отозвался Амброуз.— Я не просил ее присоединиться к нашей группе.

— Нет, но вы...— Снук решил не ссылаться на проведенную ими в одной постели ночь, чтобы не выдать собственных чувств.— Вы же не отка-зали ей.

— Гил, если вы еще не заметили, так я вам скажу: Пруденс Девональд в высшей степени своюенравная эмансипированная молодая особа, и, когда она говорит, что вполне способна поза-ботиться о себе в любой ситуации, я ей охотно верю. О господи! — Голос его от раздражения становился все выше.— Перед нами важней-шее научное событие века, а мы спорим из-за того, кто будет опекать эту юбку, которой здесь и быть не следовало! Давайте по крайней мере еще разок-другой пройдемся по пленке, а?

— У меня получился очень удачный снимок устройства крыши,— сказал Квиг, чтобы задоб-рить его.

Амброуз взял фотографию в руки и принял-ся внимательно изучать изображение.

— Спасибо. Это все будет нам очень полезно. Однако сейчас давайте снова прослушаем плен-ку, и каждый пусть записывает вопросы, которые придут ему в голову.— Он включил крошечный аппарат и сел, повернувшись к нему одним ухом и изображая предельное внимание.

Снук расхаживал по комнате, прихлебывая

кофе и стараясь сосредоточиться на странных звуках собственного голоса, доносящихся из магнитофона. Минут через десять он наконец поставил чашку на стол.

— Я голоден, — сказал он. — Пойду поем.

Амброуз удивленно посмотрел на него.

— Мы можем поесть потом, Гил.

— Но я хочу есть сейчас.

От окна повернулся Мёрфи.

— Мне здесь особенно делать нечего, и я, пожалуй, пойду с тобой.

— Приятного аппетита! —sarкастически произнес Амброуз и снова уткнулся в свои записи.

Снук кивнул и вышел. Они неторопливо спустились с холма, наслаждаясь теплым утренним воздухом и видом пламенеющих цветов бугенвиллей. Шли молча, затем свернули на главную улицу, украшенную линялыми вывесками заведений и рекламными плакатами. Тишина и отсутствие людей создавали атмосферу воскресного утра. Снук и Мёрфи дошли до перекрестка, где размещался «Каллинан Хаус». Как и ожидал Снук, у здания стоял джип. Обменявшись многозначительными взглядами, но стараясь все же не терять непринужденного вида, они пошли быстрее. Под пыльным навесом у входа на пивной бочке сидел молодой мулат в белом барменском переднике и курил черуту.

— Где девушка? — спросил Снук.

— Там, — ответил парень, нервничая, и указал на дверь слева. — Но я не советую вам туда ходить.

Снук толкнул дверь, и его взгляду представилась картина, мгновенно воспринятая до мель-

чайших деталей. В прямоугольном зале у дальней стены располагалась стойка бара, все остальное пространство занимали круглые столики и плетеные кресла. Двое солдат с пивными кружками в руках стояли, облокотясь о стойку. Автоматы «узи» лежали рядом на стульях. На одном из столиков, накрытом для завтрака, стояла Пруденс с выкрученными за спину руками. Ее удерживал капрал. Перед Пруденс стоял лейтенант Курт Фриборн. Он замер на миг, когда вошли Снук и Мёрфи, потом так же неторопливо, как и раньше, занялся узлом на кофточке Пруденс.

— Пруденс! — произнес Снук укоризненно.— Ты нас не подождала.

Двигаясь к столику, он заметил, как солдаты у стойки взяли автоматы в руки, но решил положиться на то, что его непринужденное поведение не спровоцирует их на поспешные действия. Фриборн бросил взгляд на окна, потом на дверь, и, когда убедился, что Снук и Мёрфи пришли одни, озабоченность на его лице сменилась улыбкой. Он снова перевел все внимание на Пруденс и наконец распутал узел. Полы кофточки разошлись, открывая взгляду грудь в шоколадного цвета кружеве. Бледное лицо Пруденс застыло.

— Мы с вашим другом уже встречались,— сказал Фриборн, обращаясь к Пруденс.— Он шутник.

Голос лейтенанта звучал так отвлеченно, словно говорил зубной врач, успокаивающий пациента. Он положил руки на плечи Пруденс и принялся стягивать кофточку, не сводя с ее лица пристального, хладнокровного, профессионального взгляда.

Снук посмотрел на столик и не нашел ничего, хотя бы отдаленно напоминающего оружие: даже ножи и вилки были из пластика. Но, решив так или иначе избавить Пруденс от этого унижения, он подошел еще ближе.

— Лейтенант,— сказал он бесстрастно.— Я не позволю вам сделать это.

— Шутки становятся все забавнее.— Фриборн ухватился за бретельку бюстгальтера двумя пальцами и потянул ее по изгибу плеча Пруденс. Удерживающий девушку капрал заулыбался в предвкушении долгожданного зрелища.

Мёрфи шагнул вперед.

— Ваш дядя едва ли сочтет происходящее здесь забавным.

Взгляд Фриборна скользнул в сторону.

— С тобой, мразь, я разберусь позже.

Воспользовавшись моментом, когда Фриборн отвлекся, Снук прыгнул, обхватил левой рукой его шею и согнул туловище в надежном захвате. Солдаты у стойки рванулись к ним, на бегу передергивая затворы. Снук протянул правую руку, схватил со стола вилку и ткнул ее тупыми зубьями сбоку в выпущенный от удивления глаз Фриборна, стараясь причинить ему боль, но не очень серьезно поранить. Фриборн дернулся изо всех сил, пытаясь оторвать Снука от пола.

— Не сопротивляйтесь, лейтенант,— предупредил Снук,— не то я подцеплю ваш глаз, как шарик мороженого.

От боли и ярости Фриборн закричал, и Снук подтвердил свои слова, чуть сильнее надавив на вилку. Капрал оттолкнул Пруденс в сторону; солдаты, распихивая столики с пути, придвигались все ближе.

— И прикажите своим подонкам положить оружие и отойти!

Один из солдат с выпученными белыми глазами поднял автомат и прицелился Снуку в голову. Снук чуть повернул вилку и почувствовал, как по его пальцам побежал теплый ручеек крови.

— Назад, идиоты,— в панике завизжал Фриборн.— Делайте, как он сказал!

Солдаты послушно положили короткоствольные автоматы на пол и отошли. Капрал встал рядом с ними. Руки Фриборна, как два огромных беспокойных мотылька, беспомощно шарили по ногам Снука.

— Всем лечь за стойкой! — приказал Снук пятающимся солдатам.

Мёрфи подхватил один из лежащих на полу автоматов.

— Гил, там за баром есть кладовая для спиртного.

— Это еще лучше. И нам будут нужны ключи от джипа.— Снук повернул голову к Пруденс, которая в этот момент дрожащими руками завязывала узел на кофточке.— Если хотите, можете выйти наружу, через минуту мы к вам присоединимся.

Она молча кивнула и побежала к выходу. Все еще сжимая шею Фриборна и удерживая вилку на месте, Снук повел лейтенанта к кладовой. Мёрфи только что затолкал в тесное помещение троих солдат. То, как непринужденно он держал автомат, невольно наводило на мысль, что он уже имел дело с подобного рода оружием. Фриборна, шаркающего ногами, словно обезьяна, Снук затащил за стойку бара и спиной вперед стал запихивать в кладовую к его людям.

— Это лучше забрать с собой, Гил.— Мёрфи расстегнул кобуру Фриборна и достал автоматический пистолет.

Фриборн вполголоса бормотал ругательства до тех пор, пока Снук не толкнул его в последний раз и не захлопнул тяжелую дверь. Мёрфи повернул ключ, швырнул его в дальний конец зала и, выбежав из-за стойки, подобрал два других автомата.

— Зачем они нам? — спросил Снук с сомнением.

— Так нужно.

Снук перебрался через стойку и присоединился к Мёрфи.

— Не будет ли хуже, если нам припишут еще и кражу армейского оружия? Я хочу сказать, что до сих пор мы только спасали Пруденс от группового изнасилования.

— Даже если бы мы спасали от изнасилования саму деву Марию, это ничего бы не изменило.— Мёрфи улыбнулся и по пути к джипу оглянулся на уставившегося им вслед бармена.— Я думал, ты знаешь эту страну, Гил. Единственное, почему мы — по крайней мере на время — в безопасности, это потому, что молодой Фриборн не посмеет пойти к своему дядюшке и доложить, что один безоружный белый справился с ним и тремя «леопардами» в публичном месте. Потеря оружия довершает его позор — ничего позорнее для «леопарда» и быть не может.

Мёрфи бросил автоматы на заднее сиденье и прыгнул в машину. Снук забрался на место водителя рядом с Пруденс и завел мотор.

— Кроме того, полковник — настоящий чернокожий расист. Известно, что он критиковал

даже самого президента за то, что тот иногда предпочитает белых женщин. Так что молодой Курт некоторое время будет очень осторожен.

Снук вывел машину на главную улицу.

— Ты хочешь сказать, что он не станет предпринимать никаких действий?

— Когда ты поумнеешь? Я хочу сказать, что его действия не будут официальными.— Мёрфи огляделся вокруг, словно генерал, обдумывающий тактическую операцию.— Джип следует оставить здесь, чтобы ни у кого из военных не было причин ходить к твоему дому. Автоматы я положу под заднее сиденье.

— Хорошо.— Снук заглушил мотор, и они выбрались из машины, не обращая внимания на любопытные взгляды редких прохожих.

Пруденс, которая за все это время не произнесла ни слова, казалось, справилась с потрясением, но была все еще бледна. Снуку очень хотелось сказать ей что-нибудь, но он никак не мог подобрать достаточно нейтральных слов. Когда они переходили через главную улицу, мимо них явно с превышением скорости пронеслась спортивная машина, и Снук инстинктивно оттащил Пруденс в сторону. Он ожидал, что она тут же отдернет руку, но, к его удивлению, она как-то обмякла и чуть ли не повисла на нем. Так они и перешли через дорогу, потом зашли в пустой магазинчик, где Пруденс, всхлипывая, прислонилась к стене. От ее плача Снуку стало не по себе.

— Ну что вы...— сказал он неуверенно.— Я думал, у вас нервы крепче.

— Это было ужасно.— Она прислонилась затылком к обклеенной плакатами стене, чуть покачивая головой из стороны в сторону, и по ще-

кам ее побежали слезы.— Этот лейтенант... совсем мальчишка... но я чувствовала себя, словно я никто...

Снук беспомощно взглянул на Мёрфи.

— По-моему, нам всем не помешает выпить.

— Меня будто препарировали,— всхлипывала Пруденс.— Прикололи булавками и препарировали, как насекомое...

— У меня есть кофе и джин,— деловито произнес Снук.— В вашем случае я бы рекомендовал джин. Что скажешь, Джордж?

— Джин — это как раз то, что нам надо,— в тон ему ответил Мёрфи.— Гил знает: он ведь практически живет на джине.

Пруденс открыла глаза и взглянула на обоих мужчин, словно только что их заметила.

— Я думала, вас убьют. Они же могли вас убить.

— Чушь! — с совершенно серьезным лицом ответил Мёрфи.— Просто никто там не знал, что кроме пластиковой вилки у Гила есть другое оружие.

— В самом деле?

Мёрфи понизил голос.

— В специальной кобуре под мышкой он носит вилку из нержавеющей стали.

Снук кивнул.

— Раньше у меня была еще и ослиная челюсть, но из-за запаха пришлось ее выбросить.

Пруденс захихикала, к ней присоединился Мёрфи, неуверенно рассмеялся Снук, и через несколько секунд они, словно троица пьянчуг, чуть не падали на пол, неудержимо хохоча и подывая, сбрасывая с себя сковывавшее их напряжение. Поднимаясь по склону холма к дому, они,

все еще опьяненные чувством облегчения и бьющей в голову радостью, которая приходит, когда обретаешь настоящих друзей, перебрасывались бесконечными шутками, казавшимися им дико смешными, если в них содержались слова «вилка» или «ослиная челюсть». В отдельные моменты Снук вдруг осознавал с некоторым недоумением, сколь неестественно их поведение, но предпочитал оставаться в состоянии безудержного веселья как можно дольше.

— Я должна сказать кое-что, прежде чем мы войдем,— произнесла Пруденс, когда они оказались у порога бунгало.— Если я не поблагодарю вас прямо сейчас, потом это будет для меня все труднее и труднее. У меня не самый легкий...

— Забудьте это,— сказал Снук.— И пойдемте выпьем.

Пруденс покачала головой.

— Пожалуйста, послушайте. Я столько не смеялась уже долгие годы... Я понимаю, зачем вы меня рассмешили... Но было бы совсем не смешно, если бы Бойс не послал вас за мной.

Мёрфи открыл было рот, но Снук, едва заметно покачав головой, заставил его промолчать.

— Пойдемте в дом,— сказал он.— Бойс будет рад вас видеть.

В полдень часть их группы в составе Снуга, Амброуза, Пруденс и Квига отправилась обедать в Кисуму в отель «Коммодор». Кроме того, Амброуз решил заказать оттуда несколько телефонных разговоров, поскольку, как обнаружилось, домашний телефон Снуга вдруг перестал работать. Пруденс сидела на переднем сиденье рядом с Амброузом и время от времени опускала голо-

ву ему на плечо. Ярко расцвеченны кусты и деревья, порой с гроздьями соцветий, непрерывным полотном проносились за окнами машины. Снук, сидевший на заднем сиденье с Квигом, расслабился и позволил мелькающему пейзажу загипнотизировать себя до сонной беспечности, в состоянии которой ему не нужно было слишком глубоко задумываться над сложившейся ситуацией. Оставаться в Баранди стало для него небезопасно, и все же, вместо того чтобы порвать со всем и ускользнуть, он разрешал втягивать себя все глубже и глубже.

— Мне не нравится обстановка, которая тут складывается,— произнес Амброуз, словно откликаясь на мысли Снука.— И без того, о чем вы рассказали, я ощущал явную враждебность во всем. Если бы нам так крупно не повезло в другом, я не задумываясь снялся бы отсюда и отправился в одну из тех стран, где тоже были замечены авернианцы.

— А ради чего тогда оставаться здесь? — выпрямившись, спросил Снук с интересом.— Почему не уехать?

— Это вопрос геометрии. Авернус сейчас как колесо, катящееся внутри другого колеса. Точка контакта при этом постоянно перемещается вдоль экватора. Значит, авернианцы, которых видели в Бразилии, это не те авернианцы, что появляются здесь, и нам просто невероятно повезло, что удалось свести тебя с Феллетом. Вот главное преимущество Баранди. Именно это и позволило мне опередить остальных.

Квиг очнулся от собственных раздумий.

— Чему бы вы еще хотели научиться от Феллета, Бойс?

— Ха! — Амброуз сгорбился над рулевым колесом и устало покачал головой. — Пока я только разучиваюсь.

— В смысле?

— Я не говорил об этом, потому что перед нами стояло слишком много неотложных практических задач, но данное Гилом описание Авернуса и даже фотографии устройства авернианской крыши перевернули множество наших представлений о природе материи. По современным физическим представлениям авернианская вселенная должна обладать очень слабыми связями между элементарными частицами. Я имею в виду, по сравнению с нашей. Если бы меня спросили об этом неделю назад, я бы сказал, что она может существовать только потому, что у них антинейтрино имеют различную массу, которая определяется их энергией, и что в этой вселенной все должно состоять из тяжелых частиц, окруженных облаками более легких. — Оседлав знакомого конька, Амброуз почувствовал себя увереннее. — Это означало бы, что их молекулы и другие соединения атомов должны формироваться совсем не за счет взаимодействия электронов в виде, скажем, ковалентных связей. Слабость взаимодействия предполагает, что все объекты в их вселенной, даже сами авернианцы, должны быть гораздо более... э-э-э... вероятности, чем в нашей.

— Ого! — возбужденно воскликнул Квиг. — Вы хотите сказать, что авернианцы должны обладать способностью проходить сквозь друг друга? Или сквозь стены?

Амброуз кивнул.

— Так я думал раньше, а сейчас мы узнали,

что эти представления неверны. Гил говорил о каменных зданиях, островах и океанах... И все мы видели их подобные земным крыши... Поже, мир авернианцев для них так же тверд и реален, как наш для нас. Нам чертовски много предстоит еще узнать, и Феллет — лучший из всех возможных источников информации. Я хочу сказать, Феллет в паре с Гилом. Вот почему я и не могу отсюда уехать.

Снук, который прислушивался к разговору с растущим недоумением, неожиданно для себя понял, что связь между миром ядерной физики Амброуза и его миром турбин и коробок передач столь же зыбка, как связь между Землей и Авернусом. Его часто удивляло, какие странные вещи порой необходимо знать людям, чтобы выполнять свою работу, но область знаний Амброуза, где сами люди представляли собой просто передвигающиеся сгустки атомов, казалась ему совершенно чужой и бездушной. В мозгу Снука проснулись какие-то воспоминания о том, что он уловил во время последнего контакта с Феллетом, и он тронул Бойса за плечо.

— Помните, я говорил, что Феллет сказал: «Частицы, античастицы... Наша взаимосвязь определена почти правильно»?

— Да?

— Я только что вспомнил кое-что еще.

— И что же?

— Я не очень в этом разбираюсь, но вместе со словами «частицы, античастицы» ко мне пришло изображение ребра куба, только этот куб был какой-то необычный. Казалось, он расходится сразу во все стороны... или каждое его ребро само по себе куб... Есть тут какой-то смысл?

— Похоже, вы сражаетесь с концепцией многомерного пространства, Гил.

— И в чем здесь дело?

— Я полагаю,— сказал Амброуз задумчиво,— Феллет знает, что связь между нашей Вселенной и его — всего лишь часть целого спектра подобных связей. Вселенная во вселенной... А у нас даже нет единственного математического аппарата, чтобы хотя бы начать думать об этом. Черт! Я просто должен остаться в Баанди как можно дольше!

Мысли Снука вернулись к земным аспектам их положения.

— Ладно, но если утром мы собираемся отправиться на шахту, я думаю, нам следует позвонить в штаб-квартиру «Ассоциации прессы», найти Джина Хелига и взять его с собой. Не то чтобы это было полной гарантией безопасности, но лучше Хелига у нас все равно никого нет.

Глава 10

Входа в шахту они достигли без каких-либо происшествий, главным образом потому, что после полудня Мёрфи побывал у Картье и добился специального разрешения провести на территорию шахты машину. У пропускного пункта по обыкновению стояли два джипа, и, когда машина Амброуза проследовала мимо, они включили фары, но не тронулись с места. Снук решил, что кто-то предупредил их о присутствии Джина Хелига. Тем не менее он был рад, что Пруденс предпочла остаться в отеле.

Выйдя из машины в предрассветную мглу, Снук поймал себя на том, что с особым вниманием

нием рассматривает звезды. Словно огни больших городов созвездия горели в небе множеством разноцветных искр. Испытывая странное чувство благодарности просто за то, что они существуют, Снук решил, что это подсознательная реакция на посетившее его видение слепой планеты, с которой даже без облачного покрова невозможно видеть светящиеся звездные очаги других цивилизаций. Стоя с запрокинутой головой, он дал себе слово, что обязательно проявит больший интерес к астрономии, когда ему удастся выбраться из Баранди.

— Там ничего нет, старик, на что стоило бы смотреть,— благодушно заметил Хелиг.— Мне дали понять, что сегодня все интересное под землей.

— Верно.

Снук вздрогнул от дуновения холодного воздуха, засунул руки поглубже в карманы и двинулся за всеми остальными к опускающимся клетям. По вычислениям Амброуза, сегодняшняя верхняя мертвая точка движения Авернуса должна была располагаться как раз над одной из отработанных штолен второго уровня. Не самое удачное место, поскольку авернианцы на несколько минут поднимутся к потолку туннеля, но относительное движение к этому моменту значительно замедлится, и у них будет две возможности встречи, которые Амброуз в нахлынувшем на него порыве хорошего настроения назвал «интервселенскими свиданиями».

Оказавшись в кольцевой галерее второго уровня, Снук с облегчением обнаружил, что настороженность, овладевшая им в такой же ситуации вчера, исчезла. Первый контакт с Феллетом вы-

бил его из колеи, но не столько своей необычностью, сколько эффективностью. Он вошел в чужой разум, живущий в неизвестном континууме, и все же этот разум казался ему ближе и понятнее, чем разум многих землян, с которыми ему доводилось встречаться. Разум, Снук был уверен, не способный на убийство или стяжательство, и эта уверенность усилила его удивление от того, что столь необычный способ общения оказался действенным.

Амброуз отвергал возможность существования телепатических связей между авернианцами и людьми в прежние времена, но в то же время вынужден был признать, когда они ехали в машине, что его знания ядерной физики, в которой он считал себя специалистом, ошибочны. Он же, Гилберт Снук, стал вдруг ведущим специалистом по мысленной передаче информации, хотя совсем к этому не стремился. Его ощущение порядка вещей позволяло предположить, что авернианцы и люди, миллионы лет живущие в концентрических биосферах, безусловно, влияли на мыслительные процессы друг друга телепатически. Такая теория объясняла и удивительное совпадение слов, обнаруженное Пруденс, и широко распространенную у примитивных народов веру в еще один мир, существующий под землей. Более того, и это было, по мнению Снука, особенно важно, теория объясняла совместимость образов мышления, благодаря которой контакт и стал возможен в первую очередь.

Двигаясь по галерее к туннелю, где собирались остальные, Снук спрашивал себя: не попробовать ли ему сыграть роль ученого-исследователя и самостоятельно провести эксперимент, который —

кто знает? — продвинет, быть может, его теорию на шаг вперед. Если ему удастся первый контакт с Феллетом, то почему бы не попытаться сделать это на расстоянии? Которое, кстати, будет не так уж и велико, поскольку сейчас Феллет поднимается сквозь толщу камня где-то у него под ногами. Можно попытаться доказать хотя бы принципиальную возможность. Снук остановился, снял «амплиты» и закрыл глаза, стараясь полностью отключиться от всех внешних раздражителей. Испытывая чувство вины за то, что по авернианским меркам он, быть может, чудовищно неуклюж, Снук попытался вызвать мысленный образ Феллета и передать имя авернианца через пропасть, разделяющую две вселенные.

Мозг оставался пуст. За экранами век тоже было пусто, если не считать медленно проплывающих пятен света, в последствии воссозданных сетчаткой глаз.

Случайные образы псевдосвета сходились и разбегались, но через некоторое время Снук почувствовал, что видит что-то за их фоном. Высокая зеленая стена, которая на самом деле оказалась не стеной, а чем-то движущимся с бесконечными взлетами, переворотами и падениями составляющих ее элементов. Видение сочетало в себе прозрачность и силу, твердость и текучесть, неизменное состояние вечных перемен...

Покоя глубины тебе волны...

— Гил! — позвал Амбrouз.— Мы почти готовы. Настраиваемся.

Рядом со Снуком стоял Хелиг в свитере до самого подбородка.

— И в самом деле, пойдем, а то какое же представление без клоуна?

Снук заморгал, глядя на них и пытаясь скрыть раздражение. Неужели он все это придумал? Или слова появились у него в голове лишь потому, что он этого очень хотел? Как телепат способен отличить свои мысли от чужих?

— Очнись, старина! — нетерпеливо, но добродушно произнес Хелиг.— Спишь на ходу?

— Что вы меня торопите, черт побери? — разозлился Снук.— Мы все равно ничего не можем сделать, пока авернианцы не поднимутся сюда.

— Ого! — поднял брови Хелиг.— Послушайте, как заговорила наша примадонна! — И он шутливо толкнул его в плечо.

Снук отбил второй удар и, усилием воли заставив себя расслабиться, двинулся по туннелю к месту, которое с помощью планов шахты и ruletki выбрали Амброуз и Мёрфи. «Через несколько минут,— подумал он,— у меня будет достаточно возможностей поупражняться в телепатии. Разумеется, если Феллет появится на этот раз». Амброуз, довольный, что ему удалось наконец собрать всю группу вместе, принялся наставлять Квига и Калвера.

— Джин,— сказал Снук тихо,— ты знаешь эту страну лучше других. Как долго, по-твоему, Огилви будет мириться с простоем на шахте?

— Как ни странно, президент переносит все это неплохо. Известность, которую получила Баанди, ему льстит — такие вещи для него важны — и, я думаю, он пока не решил, что делать. А вот Томми Фриборн начинает проявлять беспокойство.— Выражения лица Хелига за стеклами «амплитов» разглядеть было невозможно.— Сильное беспокойство.

— Думаешь, он готовится «внять зову судьбы»?

— Не понимаю, о чем ты.

— Будет тебе, Джин. Все знают, что Фриборн спит и видит, как бы показать ООН кукиш, закрыть границы, а потом перерезать всех белых и азиатов.

— Хорошо, только я тебе этого не говорил.— Хелиг огляделся, словно ожидал увидеть торчащие из стен микрофоны.— Те, кто поумнее, уже переводят деньги за границу. Я не думаю, что Томми Фриборн вытерпит это больше недели.

— Ясно. Ты уезжаешь?

Хелиг взглянул на него с удивлением.

— Это теперь-то, когда начинается настоящая работа?

— Твоя карточка представителя прессы едва ли будет значить что-то для полковника.

— Она значит кое-что для меня.

— Восхищаюсь твоими принципами,— сказал Снук,— но я вряд ли останусь посмотреть, как ты претворяешь их в жизнь.

Они вернулись к остальным членам группы, и Снук отошел в сторону, пытаясь разобраться в своих мыслях. Пришло время менять место жительства. Все признаки налицо, тревожные сигналы звучат громко и отчетливо, и, хотя он позволил вовлечь себя в чужие проблемы, эту ошибку нетрудно исправить. Не остается никаких сомнений, что на шахте произойдет бойня, подобная той, что устроили в Шарпвилле, но здесь он ничего не может поделать, и беспокойство об этом ни к чему хорошему не приведет. Природа еще не создала нервной системы, способной в одиночку выдержать груз вины за дей-

ствия многих.

Амброуз и Пруденс — еще один аспект. Они утонченные, образованные взрослые люди, и если он порой относился к ним как к малым детям, этот вовсе не означает, что он ответствен за их благополучие. Пруденс Девональд просто не станет слушать его советов, и если ей хочется «прицепить свой вагон к поезду Амброуза», то...

Подобный ход мыслей неожиданно заставил Снука усомниться в самом себе. Стал бы он хладнокровно планировать собственное исчезновение, если бы после инцидента в «Каллинан Хаус» Пруденс бросилась в его объятья? Если верить книгам, это было бы вполне уместной наградой рыцарю, спасшему даму от опасности, но неужели он, Гилберт Снук, человек-нейтринно, всерьез ожидал, что она может обратить романтические мечты в реальность? И неужели он, пусть даже в порыве ребяческого упрямства, собирался бросить ее здесь на произвол судьбы?

Встревоженный тем, что он погряз в зыбучих песках эмоций, Снук чуть ли не с облегчением вздохнул, заметив, как Амброуз посмотрел на часы и жестом показал, что аверианцы вот-вот появятся. Затем Амброуз произвел последнюю настройку генератора векторно-бозонного поля и принялся объяснять Хелигу предстоящую процедуру. Места здесь было гораздо меньше, чем в туннелях, где происходили прежние встречи, и члены их группы стояли довольно близко друг от друга, когда наконец над каменным полом появилась уже знакомая им светящаяся голубая линия.

— Боковое смещение меньше метра, — проформотал Амброуз в наручный магнитофон.

Позади него защелкала камера Квига.

Снук, весь во власти противоречивых чувств, шагнул вперед и замер. Тем временем линия поднялась и превратилась в вершину треугольной светящейся призмы. Призма становилась все выше и шире, верхнее ее ребро переросло Снука, после чего взглядам открылась призрачная геометрия крыши. Вскоре над камнем появилась горизонтальная плоскость потолка, она поднялась сначала до лодыжек, потом до колен, как поверхность неосыпаемого озера. Снук наклонился, чтобы опустить голову в авернианскую комнату. Трое полупрозрачных существ с Феллетом в центре уже ждали его, медленно поднимаясь вверх сквозь твердый камень, словно скульптурные колонны из голубого дыма.

Феллет на пока еще скрытых в полу туннеля ногах двинулся ближе к Снуку и вытянул вперед руки. Снова увеличились сгустки тумана его глаз. Снук наклонил голову и еще до того, как произошел контакт, увидел неровное движение зеленой, как море, стены...

Покоя глубины тебе волны бегущей.

Я прошу прощения, Равный Гил. Я заблуждался, не понимая, что ты непривычен к той самоконгруэнтности, которую вы называете телепатией. Некоторые несчастные члены нашей расы страдают «молчанием, которое разделяет», и, когда ты не ответил на приветствие, я поспешил решить, что у тебя такой же дефект. Меня обрадовало, когда ты попытался вступить в контакт со мной некоторое время назад, ибо я убедился, что моя ошибка не принесла тебе вреда. Во время этой встречи я буду пользоваться чисто последовательной структурой мысли, чтобы не

перегружать твои нервные пути. Такая техника, которую мы используем при обучении наших детей, снижает плотность потока информации, но у нее есть и преимущество: твой мозг сможет функционировать почти в обычном режиме.

Прошу прощения также за то, что в своей слепой гордыне я осмелился отвергнуть твой прочный дом проверенных знаний и построить свою тростниковую хижину догадок. Меня извиняет лишь состояние шока и боли, вызванное тем, что в одну секунду я получил больше новых знаний, чем было собрано Людьми за последний миллион дней, и почти вся эта информация носит такой характер, что я предпочел бы ее не иметь. Признаюсь, я также был смущен и встревожен манерой твоего появления. У Людей существует множество мифов о странных существах, живущих в облаках, и, когда ты спустился с неба, я на мгновение решил, что все старые суеверия оказались правдой. Конечно, это слабое оправдание моей реакции, поскольку характер твоего появления сам по себе служил доказательством твоей правоты. Один миг логических рассуждений подтвердил бы, что твое вертикальное перемещение относительно меня было вызвано гипоциклоидальным движением планетарного масштаба. Но когда я сделал этот первый шаг, все остальные выводы стали казаться неизбежными, включая и последний, касающийся судьбы моего мира.

Снук: Мне жаль, что я сообщил тебе такие плохие новости.

Не печалься. В интеллектуальном плане это был уникальный опыт, и он еще не закончен. Кроме того, знания, полученные от тебя, принес-

ли пользу. Я, например, смог объяснить Людям некоторые встревожившие их явления, имевшие место в далеких землях, расположенных около линии равного дня, которую вы называете экватором. Кое-кто был напуган видениями и предсказаниями конца нашего мира. Не зная того, поскольку они не могли ничего увидеть, Люди попали в зону конгруэнтности других обитателей вашей планеты, что живут в экваториальных областях, в результате чего случайно возникли частичные телепатические связи.

Почему я могу видеть тебя и твоих друзей?

Не торопись, тебе вовсе не обязательно складывать предложения: у нас мало времени для столь трудоемкого метода. У тебя есть друг, обладающий знаниями ядерной физики, и по его предложению вы освещаете себя, находясь внутри поля, которое он называет «переходным векторно-бозонным». Я хотел бы пообщаться с ним, но он окружен «молчанием, которое разделяет», и это не в моих силах. Жаль, что планетарные перемещения дают нам так мало времени, но ты можешь нам помочь, если захочешь.

Снук: Я сделаю все, что смогу.

Я благодарен. Когда мы будем вновь разделены, пожалуйста, запасись материалом для записей и возьми его в руки к моменту нашего воссоединения. Тогда я смогу связаться с Равным Бойсом. Кроме того, у меня есть очень важная просьба к тебе и ко всем членам вашей расы. Я понял, что ваш мир разделен и тревожен. Чтобы моя просьба была правильно понята, я хочу передать тебе достаточно информации о Людях. Это поможет вам осознать, что принятие нашей

просьбы не увеличит число ваших проблем. Через несколько секунд мы разделимся, и, чтобы выполнить эту задачу, я прибегну к способу полной самоконгруэнтности. Не тревожься и не пытайся пока обозначить концепции словами.

Просто принимай...

...Люди — млекопитающие, двуполые, вегетарианцы (образы авернианцев, идеализированные/преображеные видением самого Феллета; подводные фермы; пловцы, обрабатывающие посадки похожих на деревья растений).

...средняя продолжительность жизни девяносто два ваших/наших года (незнакомый метод отсчета).

...общение друг с другом телепатическое, дополненное звуками, выражениями лица, жестами (образы лиц авернианцев, идеализированные/преображеные, исполненные значимости и смысла; яростный белый свет истины).

...социальное устройство родственное, гибкое, неформальное — в земных языках отсутствует соответствующий термин (образ философ-руководителя, ведущего совет в огромном коричневом здании, раскинувшемся на двух островах, соединенных двойным арочным пролетом).

...в последнее время случаи массовой агрессии и агрессивности отдельных индивидуумов неизвестны; исправительной процедурой служил добровольный отказ от размножения всех Людей, наделенных теми же генетическими признаками (образ маленьких волн, теряющих разбег и сглаживающихся в единстве океана).

...население планеты сейчас 12 000 000 жите-

лей; до того как вес океана уменьшился, было 47 000 000 (маленькие дети, плавающие в воде лицами вниз, словно опавшие осенние листья, неподвижные, качающиеся на волнах).

— О, господи,— прошептал Снук.— Это слишком... Слишком.

Он почувствовал коленями неровный камень. Руки его придерживали гладкую пластиковую оправу магнилюктовых очков. Где-то за силуэтами стоящих людей, отбрасывая прыгающие и мелькающие тени на стены узкого туннеля, плясал луч фонаря.

— Будь я проклят! — сказал Хелиг.— Ничего подобного я в жизни не видел!

Мёрфи и Хелиг подошли к Снку и помогли ему встать на ноги. Он огляделся и увидел, что Амброуз тут же рядом, все еще в «амплитах», делает мелом отметки на стенах туннеля и, поглядывая на часы, шепчет что-то в наручный магнитофон. Квиг, направив камеру вверх, продолжал снимать, Калвер склонился над аналого-цифровым модулятором. На мгновение сцена показалась Снку совершенно бессмысленной, он чувствовал себя потерянным, но что-то переключилось в его восприятии, и чужие вновь стали своими, а их намерения снова понятными.

— Долго сегодня продолжалось? — В горле у Снку пересохло, и от этого голос его звучал хрипло.— Сколько длился контакт?

— Почти минуту вы с Феллетом касались лбами,— сказал Мёрфи.— Кстати, это Феллет?

— Да, он.

— Я их не различаю,— сухо произнес Мёрфи.— Потом он наклонился, и его голова была внутри твоей, как и вчера, почти секунду.

— Секунду? — Снук прижал тыльную сторону ладони ко лбу.— Я так не могу... Всю жизнь я избегаю людей, только потому что не хочу знать их проблем, а тут...

— Они ушли,— сказал Амброуз твердо.— Всем снять «амплиты» — я включаю свет.

Через мгновение туннель заполнился мраморно-белым сиянием. Все зашаркали ногами, разминаясь и расправляя плечи. Снук нащупал в кармане пачку сигарет.

— Мы можем отдохнуть минут десять, пока авернианцы не пройдут верхнюю мертвую точку и не опустятся снова,— сказал Амброуз.

— На модуляторе никаких сигналов,— сказал Калвер.— Я думаю, сегодня они даже не пытались передать звуковые сигналы светом. По крайней мере, я не видел аппаратуры.

— Да, похоже, они решили работать через Гила.— Амброуз дал Снуку прикурить, и его голос стал неожиданно мягким.— Как вы, Гил? Тяжело было?

Снук вдохнул ароматный дым.

— Если кто-нибудь когда-нибудь засунет вам в ухо шланг компрессора и раздует вашу голову раз в пять больше, чем она должна быть, вы примерно представите, как я себя чувствую.

— Что-нибудь сейчас вы мне расскажете?

— Не сейчас. Мне придется провести все утро у магнитофона.— Тут память его всколыхнуло.— Феллет хочет передать вам послание, Бойс. К его возвращению мне понадобятся блокнот и ручка.

— Письмо? Вы догадываетесь, о чем?

— Что-то техническое. И очень важное...— Снук почувствовал, как его охватывает холодное ощущение предвидения будущего, но справился

с ним усилием воли.— Дайте мне блокнот и ручку, хорошо?

— Конечно.

Снук взял у него письменные принадлежности, прошел по туннелю чуть в сторону от остальных и, стоя в одиночестве, сосредоточенно продолжал курить уже вторую сигарету. Желание оказаться где-нибудь далеко, на поверхности, под лучами солнечного света, не оставляло его. Главное, чтобы было солнце. И чистое бездонное небо — простое средство от чувства безысходности, которое вызывает слепое серое небо Авернуса. Снку с невероятной силой захотелось бежать от этого тесного, обреченного, никогда не знавшего приливов мира с его низкими островами, отражающимися, словно бриллианты, в водах океана, и телами маленьких инопланетян, гонимыми волнами, как осенняя листва...

— Мы готовы, Гил,— позвал Амброуз, и в тот же миг туннель снова погрузился в темноту.

Снук надел «амплиты». В ложном голубом сиянии кончик сигареты светился ослепительно ярко. Затоптав окурок каблуком, Снук двинулся на прежнее место.

Покоя глубины тебе волны бегущей.

Тебе будет интересно узнать, Равный Гил, что, хотя система транспортного сообщения Людей была уничтожена катастрофой, случившейся тысячу дней назад, это никак не повлияло на нашу связь. С возможностью использования электрических явлений для передачи сигналов на большие расстояния мы знакомы давно, и в чисто научных целях этот метод применялся, но для постоянной связи друг с другом мы полагаемся

на самоконгруэнтность, которую вы называете телепатией.

Таким образом, информация, полученная от тебя вчера, уже известна Людям. Ответчики объединились, дали свои рекомендации, и в конце концов было принято решение. Сдаваться силам энтропии противоречит нашей философии, но мы решили, что не хотим, чтобы дети наших детей рождались в мир, который ничего, кроме смерти, им предложить не может. Следовательно, мы прекратим заинать потомство.

Для нас это не трудно: логическим следствием нашей формы телепатии стала возможность управлять проторазумом зародыша. Отсюда способность заранее планировать пол будущего ребенка и возможность оставаться стерильными, если мы того пожелаем.

Нам повезло — некоторые бы даже сказали, что это рука Провидения, ибо оставшееся нам время чуть больше средней продолжительности жизни членов нашей расы. Соответственно небольшая часть Людей все еще будет производить потомство в течение последующих четырехсот дней. Грустной обязанностью этого последнего поколения будет забота обо всех остальных, об их уходе из жизни, и организация сокращающихся ресурсов таким образом, чтобы в последние дни Люди не испытывали ни голода, ни страданий, ни унижения. Когда снова восстанет океан, он никому не принесет страха или смерти, потому что нас уже не будет.

Снук: Как вы могли прийти к такому единодушному решению за столь короткое время?

Наши Люди не похожи на ваше человечество. Я не хочу сказать, что мы выше. Просто от любо-

го телепатического общества можно ожидать, что здравый смысл в нем, всегда укрепляющий себя и становящийся все сильнее за счет распространения истины, в конце концов победит заблуждения, слабеющие и теряющие убедительность по мере того, как отдельные их носители изолируются в их собственных нереальностях. В этом последнем испытании Люди будут единодушны, как и в менее серьезных испытаниях, выпадавших на нашу долю в прошлом.

Снук: Но как они смогли принять это решение так быстро, если еще два дня назад у вас даже не было астрономии? Откуда они знают, что сказанное мной верно?

Я не знаю, сможешь ли ты понять разницу между нашими философскими системами, но астрономии мы не имели, только потому что в ней не было необходимости. Ей просто не было приложения. И наша физика отличается от вашей. Из твоего запаса знаний я понял, что у вас есть радиоастрономия, и ее средствами можно было бы узнать о существовании других планет и звезд, даже если бы Землю постоянно окутывали облака. Но, хотя волновые явления в моей вселенной аналогичны вашим, таких средств у нас тоже нет, потому что у нас никогда не возникало необходимости их использования. Однако, ознакомившись с твоим личным опытом, мы воспользовались им как основой для соответствующих логических построений. Людей убедил не ты, и не я. Их убедила истина.

Снук: Но так быстро!

Тебя поражает не скорость принятия решения, а само решение. Но ты ошибешься, если будешь думать, что мы приняли его без печали. Мы не

пассивны и не покорны. Люди не хотят склоняться перед угрозой смерти. Мы понимаем, что большинство из нас перестанут существовать, но до тех пор, пока останутся в живых хотя бы несколько, наша волна жизни сохранит свой разбег и когда-нибудь она снова обретет силу.

Снук: Это возможно? Я понял, что ваш мир будет полностью уничтожен. Как вы сможете выжить?

Есть только один путь, Равный Гил. Перейти в ваш мир.

От имени всех Людей... И во имя Жизни... Я прошу твою расу дать нам место на Земле.

Снова вспыхнул яркий свет, превращая туннель в пантомиму с участием все тех же незнакомых актеров. Снук поочередно оглядывал их, пока не вернулись воспоминания о том, кто они такие. Мёрфи смотрел на него чуть нахмурясь, остальные стояли у осветителя, внимательно изучая какой-то плоский прямоугольный предмет. Лишь через несколько секунд Снук сообразил, что это блокнот, который давал ему Амброуз.

— Что это, Гил? — спросил Амброуз, окинув Снука долгим внимательным взглядом. — Что там случилось?

Снук несколько раз сжал пальцы правой руки, приходя в себя.

— Извините. Феллет, должно быть, забыл передать послание или ему не хватило времени.

— Но я получил его послание! Посмотрите! — Амброуз сунул блокнот под нос Снуку. Весь верхний лист был исписан текстом и математическими формулами, вытянувшимися в строгие, словно машинописные, строчки.

Снук коснулся листа кончиками пальцев, ощущая выдавленные на бумаге углубления от ручки.

— Это я написал?

— Примерно за тридцать секунд, старина, — сказал Хелиг. — И скажу тебе, я в жизни не видел ничего подобного. Я слышал об автоматическом письме, но никогда в эти дела не верил. Должен заметить...

— Это позже, — перебил его Амброуз. — Гил, вы знаете, что это такое?

Снук с трудом сглотнул и, пытаясь выиграть время, чтобы подумать, спросил:

— А вам это что-нибудь напоминает?

— Похоже, эти уравнения описывают использующий бета-распад процесс, с помощью которого можно превратить антинейтринную материю в протоны и нейтроны, — сказал Амброуз обеспокоенным тоном. — И на первый взгляд — это предложение перевести предметы из авернианской вселенной в нашу.

— Почти угадали, — ответил Снук, с облегчением услышав из чужих уст подтверждение того, что начало казаться ему собственной выдумкой. — Но Феллет имел в виду не предметы. Он хочет послать нам людей.

Глава 11

Молча, словно каждый из них укрылся в крепости собственных мыслей, они вернулись к машине и погрузили оборудование. Выбравшись на поверхность, Снук даже не удивился, обнаружив, что небо заволокло облаками в преддверии «травяных» дождей, которые обычно тянутся

в этих краях недели две. Мир словно пытался подстроиться под его видение Авернуса, готовясь к встрече гостей. Снук передернул плечами и, потирая ладони, почувствовал, как устала и онемела правая рука. Все сели в машину, Амброуз занял место за рулем, но тяжелое молчание не оставляло их до тех пор, пока машина не выехала за ворота шахты.

— Телефон Гила не работает, — сказал Амброуз, поворачиваясь к Хелигу. — Первым делом, я полагаю, мы должны доставить вас к исправному аппарату.

Хелиг самодовольно улыбнулся, и его веки, казалось, набухли чуть больше обычного.

— Вовсе не обязательно, старина. Последнее время там, где я нахожусь, телефоны по какой-то причине вдруг перестают работать. Я к этому успел привыкнуть и купил радиопередатчик. — Он похлопал себя по карману пиджака. — Свое сообщение я передам через коллегу в Матса. Мне нужно лишь посидеть где-нибудь в спокойном месте минут двадцать.

— Это не проблема. Вы хотите переписать сообщение, чтобы я его просмотрел?

— Извините, это не мой метод.

— Я думал, вам будет спокойнее, если я проверю научную сторону.

— Я уже перепроверил все, что нужно. — Хелиг бросил на Амброуза насмешливый взгляд. — Кроме того, наука тут не самое главное. Это прежде всего новости.

Амброуз пожал плечами и, когда в пыльное лобовое стекло ударили первые капли дождя, включил стеклоочистители. Пыль мгновенно размыло в два коричневатых сектора, исчезаю-

ших по мере того, как ливень становился сильнее. В машине снова воцарилось молчание, и только остановившись у бунгало, Амброуз повернулся на сиденье и постучал Квига по коленке. Квиг, сидевший с опущенной головой и закрытыми глазами, вздрогнул от неожиданности.

— Помнится, вы говорили, что у вас есть друг в лаборатории на новой энергостанции? — спросил Амброуз.

— Да. Джек Постлтвейт. Он приехал в то же время, что и мы с Бенни.

— Вы точно знаете, что у них в лаборатории есть генератор Монкастера?

— Да. Это ведь что-то вроде генератора сигналов, только он может создавать любые радиационные поля?

— Он самый.— Амброуз вытащил ключ зажигания и бросил его прямо в руку Квига.— Дес, я хочу, чтобы вы с Бенни взяли мою машину, съездили на энергостанцию и уговорили вашего друга расстаться на время с генератором.

У Квига отвисла челюсть.

— Но эта штука стоит целое состояние, а, кроме того, генератор — собственность энергостанции.

Амброуз раскрыл бумажник, достал тысячедолларовый банкнот и бросил его Квигу на колени.

— Это для вашего друга за прокат генератора на пару дней. Столько же вы получите на двоих, когда вернетесь. Разумеется, если привезете генератор. Идет?

— Спрашиваете! — Калвер энергично закивал, а Квиг выскочил из машины, бегом обогнул ее и остановился, подпрыгивая под дождем от

нетерпения, у дверцы водителя.

— Не так быстро,— сказал Амброуз, выби-
раясь из машины.— Нам еще нужно выгрузить
аппаратуру.

Снук, с интересом следивший за сделкой, продолжал наблюдать за Амброузом, пока разгружали машину. Ему казалось, что всего за одну ночь Амброуз стал старше: чуть жестче стали морщины у глаз и вокруг рта, и двигался он теперь энергично, словно человек, сжигаемый какой-то идеей. Когда машина с Квигом за рулем скатилась вниз по холму, Амброуз посмотрел на Снуга и губы его искривились в улыбке.

— Пойдемте в дом,— сказал он.— Вам еще предстоит бог знает сколько рассказывать.

Снук не трогался с места, прислонившись к деревянному столбу веранды.

— Подождите минуту.

— Зачем?

— Затем, что здесь разговаривать удобнее, чем в доме. Вы прекрасно понимаете, что Квигу, Калверу и их приятелю грозит тюрьма или еще что-нибудь похуже, если их поймают. Энергостанция — собственность государства.

— Они не попадутся,— небрежно ответил Амброуз, раскрывая пачку сигарет и предлагая Снугу.

— Генератор нужен вам, чтобы перетащить авернианцев на Землю?

— Да. Сами они не смогут осуществить переход, если мы не создадим здесь требуемые условия. Сегодня же мне нужно будет достать где-то запас водорода.

— Почему такая спешка? — Снук посмотрел Амброузу в глаза над прозрачным голубым фа-

келом пламени зажигалки.— Почему вы торопитесь сделать все именно сейчас, когда условия хуже некуда?

— Насчет условий, Гил, я с вами не согласен. Лучше они никогда не будут. Вы сами знаете, что завтра верхняя мертвая точка будет всего в двух метрах над уровнем грунта, а впоследствии Авернус будет постоянно расти над поверхностью Земли. Словно приплюснутый купол, с каждым днем вырастающий на полкилометра. Это не так много, но мы имеем дело с углом касания, практически равным нулю, из чего следует, что края купола будут расползаться во все стороны с огромной скоростью. Правда, к северу и к югу от экватора появятся две вторичные верхние мертвые точки, но они будут постоянно удаляться от экватора. Установить оборудование в одной из них, сохраняя при этом положение относительно соответствующей точки на Авернусе, очень трудно. Сейчас и только сейчас у нас есть возможность учитывать движение лишь в одном направлении...— Под взглядом Снука Амброуз оборвал поток слов.— Но вы имели в виду не эти условия.

— Да.

— Вас интересует, почему я хочу сделать эту попытку, когда мы застряли в самом центре этой богом забытой земли в окружении штурмовиков, готовых пристрелить нас при первой же возможности?

— Что-то вроде.

— Одна из причин заключается в том, что сегодня никому на всей Земле не придется по вкусу мысль о расе инопланетных суперменов, пытающихся примазаться к остаткам наших при-

родных ресурсов. ООН, скорее всего, запретит это мероприятие из одних только карантинных соображений, так что вернее будет поставить их перед свершившимся фактом. Такой шанс упускать нельзя.

Амброуз ткнул пальцем в куполообразную дождевую каплю на перилах веранды и размазал ее по поверхности.

— А вторая причина?

— Я первый додумался до всего этого. Я первый сюда прибыл. Это мое, Гил, это *нужно* мне. Это мой единственный шанс стать тем, кем я мечтал стать давным-давно... Вы можете меня понять?

— Видимо, да. Но неужели это так много для вас значит, что вам безразлична судьба других людей?

— Я никому не хочу зла и, кроме того, полагаю, Деса и Бенни отсюда пушкой не выгонишь.

— Я больше имел в виду Пруденс,— сказал Снук.— Почему бы вам не использовать свое влияние на нее и не отправить ее из страны?

— Она самостоятельная женщина, Гил,— беззаботно ответил Амброуз, поворачиваясь к дверям.— И с чего вы взяли, что я могу как-то на нее повлиять?

— Но вы же спали с ней, верно? — с горечью спросил Снук, не справившись с собой.— Или это теперь не в счет?

— Вот именно — спал. И только. Я был так измотан в то утро, что ни на что другое просто не годился.— Амброуз взглянул на Снуга с пробудившимся интересом.— Оно и к лучшему, ибо это избавило меня от довольно неловкой сцены.

— В смысле?

— Наша мисс Девональд далеко не так легкомысленно относится к сексу, как хочет это показать. Когда пытаешься вести себя с ней как с женщиной, она начинает действовать как мужчина. И не какой-нибудь, а сам генерал Джордж С. Паттон, я бы сказал.— Амброуз дошел до двери, потом вернулся и спросил: — А вы, Гил? Вы собираетесь дать ходу?

— Нет. Я остаюсь.

— Спасибо. Но почему?

На лице Снука промелькнула улыбка.

— Вы же не поверите, если я скажу, что мне просто нравится Феллет?

К последней декаде двадцатого столетия уровень жизни даже в наиболее развитых странах стал понятием весьма расплывчатым. Предсказание Оруэлла о том, что люди смогут позволять себе лишь предметы роскоши, полностью оправдалось. Например, становилось все труднее промышлять рыбу, которую можно было бы без опаски употреблять в пищу, и Всемирная организация здравоохранения официально и с полной видимостью убежденности вдвое уменьшила рекомендованную ею же в середине века ежедневную норму животных белков, необходимых взрослому человеку для поддержания здоровья.

С другой стороны, связь стала превосходной. Геосинхронные спутники и германиевые транзисторы создали такие условия на планете, что практически каждый ее житель мог получить информацию о каком-либо важном событии буквально через несколько минут после того, как оно произошло. Однако появив-

лась возможность лишь передавать и получать информацию. Понять и оценить ее — это совсем другое дело, и многие считали, что людям в большинстве своем было бы гораздо лучше (во всяком случае, они жили бы более счастливо) без этого сумбурного потока новостей, который обрушивается на них с небес. Сторонники такой точки зрения утверждали, что главное, чего добилась телекоммуникационная индустрия это невероятная скорость возникновения беспорядков, которые вспыхивали в считанные минуты там, где раньше требовалось несколько дней.

Сообщение Джина Хелига о событиях на национальной шахте номер три в Баанди попало в руки его коллеги в соседнем крохотном государстве Матса еще до восьми утра по местному времени, а еще через десять минут тот передал его в родезийский центр «Ассоциации прессы» в Солсбери. Поскольку оба репортера обладали высочайшей профессиональной репутацией, сообщение было принято на веру и тут же передано через спутник в несколько крупных центров, включая Лондон и Нью-Йорк. Оттуда оно попало в другие информационные агентства с различными этническими, культурными, политическими или географическими интересами. До этого момента сообщение ничем не отличалось от крохотного ручейка электронов на сетке электронной лампы. Но теперь его характеристики внезапно усилились полной мощью всепланетных служб новостей, и оно пошло гулять от полюса к полюсу, заполняя собой все новые каналы средств массовой информации. Как

и в случае с электронной лампой, чрезмерное усиление неизбежно привело к искажениям.

Реакция последовала почти мгновенно.

Положение в тех экваториальных странах, где были замечены авернианцы, и без того оставалось напряженным, а когда последовало сообщение о том, что бестелесные «призраки» собираются превратиться в материальное и вполне ощутимое «вторжение», люди повалили на улицы. Терминатор — линия, отделяющая день от ночи и, кроме того, указывающая место появления призрачной планеты и ее обитателей,— неторопливо двигался на запад со скоростью на экваторе всего лишь 1700 километров в час, и, разумеется, слухи о якобы надвигающейся с ним опасности легко его опережали. В то время как утренний свет едва сочился сквозь дождевые облака над Баанди, ночная тьма, все еще укрывающая Эквадор, Колумбию и три новых государства, расположенных в северной части Бразилии, была потревожена классическими симптомами паники. Далеко на севере, в Нью-Йорке, прямо с постелей поднимали членов специальных комитетов при ООН.

Президент Поль Огилви внимательно ознакомился с выборкой новостей, подготовленной для него личным секретарем, после чего нажал клавишу интеркома и потребовал:

— Полковника Фриборна ко мне, немедленно.

Достав сигару из серебряной шкатулки на столе, он занялся неторопливым ритуалом, состоящим из снятия ленточки, обрезания

запечатанного конца сигары и закутивания ее таким образом, чтобы табак горел совершенно ровно. Руки его двигались уверенно и спокойно, хотя он и отдавал себе отчет в том, что новости действительно его напугали. Его второе «я», то самое, что упорно цеплялось за племенное имя, с которым он начал свою жизнь, ощущало глубокое беспокойство при мысли о «призраках», прячущихся среди деревьев на берегу озера, а перспектива их материализации вообще казалась настоящим колдовством. Тот факт, что дело не обошлось без ядерной физики, отнюдь не мешал колдовству оставаться колдовством, так же как понимание, что шаманы-лекари используют в своем ремесле психологические приемы, во все не означает, что к ним можно относиться легкомысленно.

На другом уровне сознания Огилви беспокоила настойчивая мысль о том, что события на шахте каким-то образом угрожают его теперешнему благосостоянию и всем планам на будущее. Ему нравилось иметь пятьдесят дорогих костюмов и целый гараж престижных автомашин; он уже давно привык к превосходным блюдам, винам и экзотическим женщинам, которых он ввозил в страну, как любой другой товар; но более всего он упивался растущим признанием Баанди среди других стран и приближающимся вступлением страны в ООН. Баанди была его детищем, и официальное признание в ООН стало бы исторической печатью одобрения на Поле Огилви, человеке.

Он мог потерять больше, чем любой другой в этой стране, и соответственно его чувство

опасности было острее. Теперь он понимал, что недооценил события на шахте номер три. Быстрые крутые меры в самом начале, безусловно, положили бы им конец, но теперь этот путь непригоден, и опасность заключалась в том, что Фриборн может сорваться с поводка на виду у всего мира. И вообще, если подумать, полковник Фриборн быстро становился анахронизмом и помехой сразу в нескольких отношениях...

Мягко прожужжал интерком, и секретарь объявил о прибытии полковника.

— Пусть войдет,— сказал Огилви, на время закрывая мысленное досье.

— Здравствуй, Поль.— Фриборн влетел в просторный кабинет с едва скрываемым раздражением. Его длинные, мускулистые, словно у раба на галерах, руки блестели под короткими рукавами форменной рубашки.

— Ты видел это? — Огилви ткнул пальцем в листки, лежащие в его бюваре.

— Я получил копию.

— И что ты об этом думаешь?

— Я думаю, что мы слишком долго ходили на цыпочках, и вот тебе результат. Пришло время двинуться туда...

— Меня интересует, что ты думаешь о существах из другого мира, которые якобы должны появиться из какой-то машины?

Фриборн взглянул на него с удивлением.

— Ничего не думаю — отчасти потому, что не верю в сказки, но главным образом потому, что собираюсь вышвырнуть этих белых *вабва* с шахты, пока мы не потеряли еще больше времени и денег.

— Мы не можем действовать так поспешно,— сказал Огилви, разглядывая пепел сигары.— Я только что получил информацию из Нью-Йорка о том, что ООН высыпает группу наблюдателей.

— ООН! ООН! В последнее время, Поль, я только это от тебя и слышу! — Фриборн сжал в руке свою трость с золотым набалдашником.— Что с тобой случилось? Это наша страна, и мы не обязаны пускать сюда кого-то, кто нам не нужен.

Огилви вздохнул, выпустив плоское облачко серого дыма, заклубившегося на полированной поверхности стола.

— Все можно сделать гораздо дипломатичнее. Люди из ООН хотят, чтобы доктор Амбрууз прекратил свои эксперименты, а нас это вполне устраивает. Кстати, твой друг Снук информировал тебя о ходе работ, как мы условились?

— Я не получал от него никаких сообщений.

— Вот видишь! Снук нарушил нашу договоренность, следовательно, я вправе приказать, чтобы он и доктор Амбрууз убирались с шахты. И это полностью совпадает с желаниями ООН.

Фриборн уселся в кресло и подпер лоб рукой.

— Черт побери, Поль, меня от всего этого тошнит. Мне наплевать на Амбруза, но Снук мне нужен. Если я пошлю туда своих «леопардов»...

— Ты уверен, что они справятся с ним, Томми? Я слышал, будто Снук, вооруженный

одной пластиковой вилкой, стоит целого взвода «леопардов».

— Я узнал об этом инциденте совсем недавно, и у меня не было времени разобраться, но, очевидно, произошло недоразумение, бanalное недоразумение с тремя моими солдатами.

— С тремя солдатами и одним офицером, не так ли?

Фриборн не поднял головы, но на его бритом черепе начала пульсировать вена.

— Чего ты от меня хочешь?

— Восстанови телефонную линию Снука,— сказал Огилви.— Я хочу переговорить с ним прямо сейчас.

Полковник достал из кармана рубашки маленький армейский коммуникатор и произнес в микрофон несколько слов. Откинувшись в кресле, Огилви с удивлением отметил, что даже для такой мелочи полковник воспользовался заранее оговоренной кодовой фразой. Минутой позже Фриборн кивнул и спрятал коммуникатор в карман. Огилви приказал секретарю соединить его со Снуком. Задумчиво разглядывая дождевые капли, стекающие по оконному стеклу, он старательно изображал человека, полностью контролирующего обстоятельства. Зазвонил телефон.

— Добрый день, Снук,— сказал Огилви.— Доктор Амброуз у тебя?

— Нет, сэр. Он на шахте. Устанавливает какое-то оборудование.

Фриборн беспокойно заерзал, когда до него донесся усиленный выносным динамиком голос Снука.

— В таком случае,— продолжал Огилви,— мне, видимо, придется иметь дело с тобой.

— Что-нибудь не так, сэр? — В голосе Снуга звучала услужливость и готовность помочь.

Огилви одобрительно рассмеялся, оценив его манеру обращения.

— «Не так» сразу несколько вещей. Прежде всего, я не люблю узнавать о том, что происходит в моей стране, из сообщений Би-би-си. Где же наша договоренность о том, чтобы держать полковника Фриборна в курсе событий на шахте?

— Виноват, сэр, но все происходило так быстро, а мой телефон не работал. Ваш звонок первый за эти несколько дней. Право, не знаю, в чем дело, сэр, до сих пор у меня никогда ничего с телефоном не случалось. Видимо, это...

— Снуг! Не переигрывай. Что там насчет плана материализовать этих так называемых призраков?

— Вы имеете в виду то самое, о чем говорили по радио?

— Ты сам знаешь.

— Честно говоря, это скорее по части доктора Амбруза, сэр. Я даже не представляю, как это можно сделать.

— Я тоже,— сказал Огилви,— но, очевидно, кое-кто из советников по науке при ООН считает, что здесь есть рациональное зерно, и им это не нравится — так же, как и мне. Они высыпают комиссию, которой я намерен оказать полное содействие. До ее прибытия доктор Амбруз должен прекратить всякую деятельность. Понятно?

— Понятно, сэр. Я сейчас же передам все доктору Амброузу.

— Надеюсь.— Огилви положил трубку на место и, постукивая по ней ногтем, сказал: — Этот твой друг Снук скользок как угорь. Ты заметил, сколько раз он назвал меня «сэр»?

Фриборн поднялся, взмахнув тростью.

— Я лучше отправлюсь на шахту и удостоверюсь, что они оттуда убрались.

— Нет. Я хочу, чтобы ты снял с шахты «леопардов», а сам, Томми, оставайся в Кисуму: Снук слишком быстро достает тебя до печенок,— сказал Огилви, окинув Фриборна задумчивым взглядом.— Кроме того, мы ведь договорились, что все эти пришельцы из другого мира — просто сказки.

Глава 12

Снук только начал спускаться с холма к шахте, когда рядом с ним, плеснув веером грязной желтоватой воды, затормозила незнакомая машина. Дверца напротив водительского места открылась, и он увидел перегнувшуюся через пустое сиденье Пруденс.

— Где Бойс? — спросила она.— Его машины нет на месте.

— Он на шахте, устанавливает какую-то новую аппаратуру. Я как раз иду к нему.

— Садитесь в машину, Гил, я подвезу, а то вымокнете.— Когда Снук сел в машину, Пруденс неуверенно спросила: — Мне не опасно будет появляться на шахте?

— Нет. Теперь все в порядке. «Мои друзья» отбыли на своих джипах примерно с час назад.

— Они не ваши друзья, Гил. Мне не следовало так говорить.

— А мне, видимо, не следовало об этом напоминать. Просто...— Усилием воли Снук сдержал слова, способные сделать его уязвимым.

— Что «просто»? — Пруденс смотрела ему прямо в глаза. Она все еще сидела вполоборота к нему, отчего юбка и блузка плотно облегали ее тело диагональными складками. Нейркий послеполуденный свет проникал в машину лишь настолько, что создавалось впечатление сумерек; затуманенные дождем окна отгораживали весь остальной мир, и Пруденс улыбалась своей мечтательной, безупречной улыбкой.

— Просто,— сказал Снук, и сердце его забилось медленными мощными ударами,— я думаю о вас постоянно.

— Придумываете новые колкости?

Снук покачал головой.

— Я ревную вас, а этого со мной никогда не случалось. Увидев вас в «Коммодоре» рядом с Бойсом, я испытал первый укол ревности... Все это, конечно, глупо, но я чувствовал себя так, словно он меня ограбил. И с тех пор...— Снук замолчал, не в силах подобрать слова.

— Что, Гил?

— Знаете, что сейчас со мной происходит? — Снук улыбнулся.— Я пытаюсь вас обнять, не касаясь руками. А это не легко.

Пруденс тронула его за руку, и он увидел, как на ее лице появляется то самое незабываемое, нежное выражение. Губы Пруденс медленно, словно против воли, дрогнули, и Снук наклонился вперед... Но тут заднюю дверцу

рывком открыли, и с шуршанием пластика, брызгами дождя и запахом мяты в машину ввалился Джордж Мёрфи. Когда он рухнул на сиденье, машина качнулась.

— Ну, мне повезло,— сказал Мёрфи, тяжело дыша.— Я уж думал, придется тащиться под дождем до самой шахты. Чертова погода!

— Привет, Джордж.— Снук охватило чувство утраты, словно перед ним только что с грохотом захлопнулись двери в будущее.

— Вы на шахту?

— Куда же еще? — Пруденс пустила машину под горку и с внезапной переменой настроения, наполнившей Снuka необъяснимой болью, добавила: — Гил хочет испытать новый пластиковый топор.

— Он должен быть гораздо эффективнее обычного топора из стали и дерева,— хмыкнул Мёрфи.— Если только... Как насчет того, чтобы сделать ручку из дерева, а лезвие из стали, а?

— Слишком революционно,— улыбнулась Пруденс через плечо.— Все знают, что топоры должны иметь деревянное лезвие.

Не в силах поддерживать разговор в таком легкомысленном тоне, Снук сказал:

— Мне недавно звонил Огилви. Он приказал нам убираться с шахты.

— Почему?

— Ну, с его точки зрения это вполне законное требование.— С каким-то похожим на злорадство чувством Снук принялся отстаивать доводы президента.— В конце концов Бойса пустили на шахту, чтобы он изгонял духов, а не материализовывал их.

Амброуза и Квига они нашли в трехстах метрах южнее спуска в шахту посреди ничем не примечательного ровного участка земли, куда раньше сваливали пустые ящики, обломки древесины и испорченное оборудование. По расчетам Амброуза, авернианцы должны были достичь высоты максимум два метра над уровнем земли, и для размещения аппаратуры он соорудил временную платформу соответствующей высоты. И Квиг, и Амброуз промокли насеквоздь, но продолжали работать с каким-то бесшабашным энтузиазмом, напомнившим Снку снимки солдат Великой войны, смертельно усталых, но перед фотокорреспондентом делающих вид, что у них все отлично. На платформе уже стоял массивный куб, закрытый пластиковой пленкой, и Снук решил, что это и есть генератор Монкастера. Амброуз подошел к машине и, увидев Пруденс, неуверенно улыбнулся.

— Что ты здесь делаешь? — спросил он, открывая водительскую дверцу.

Пруденс достала из рукава носовой платок и вытерла ему лицо.

— У меня сильно развито чувство истории, друг мой. И я не собираюсь пропускать представление. Если оно, конечно, состоится.

— Что ты имеешь в виду? — нахмурился Амброуз.

Мёрфи выбрался из машины, и, пока он раздавал голубые пластиковые плащи, Снук пересказал Амброузу содержание разговора с президентом Огилви. Амброуз принял от Мёрфи плащ, но так и продолжал держать его в руках. Губы его сжались в тонкую суровую линию, и, еще не дослушав рассказ Снку до конца, он на-

чал покачивать головой, медленно и ритмично, словно автомат.

— Они меня не остановят,— произнес он неожиданно резким чужим голосом.— Ни президент Огилви, ни кто-либо другой.

Лейтенант Курт Фриборн слушал эти слова, испытывая чувство удовлетворения, которое в значительной степени смягчало уже давно сжигающую его душу ярость.

Осторожно, чтобы не задеть повязку на правом глазу, он снял наушники телемонитора и уложил их в чемоданчик рядом с видеокамерой. Иноземцы находились в сотне шагов от него и за своими делами не замечали ничего вокруг, но, покидая свой наблюдательный пост, он тем не менее прополз какое-то расстояние на четвереньках, чтобы исключить риск быть замеченным. Выбравшись из угловатых джунглей свалки, Фриборн поднялся на ноги, отряхнул с колен грязь и траву и быстрыми шагами направился к воротам шахты. Никто из охранников на пропускном пункте не осмелился бы поинтересоваться, что он тут делал, но, выходя за ворота, Курт на всякий случай дружелюбно помахал им рукой. Теперь он располагал сведениями, оправдывающими жесткие меры против Снука и его компании, и от этого его настроение заметно улучшилось. Более того, добывшие сведения станут доказательством его предпримчивости и значимости как офицера полка «леопардов», доказательством, которое его дядюшка вынужден будет принять.

Перейдя через залитую лужами улицу, он остановился в подъезде здания и достал из внутреннего кармана коммуникатор. Всего несколько

секунд потребовалось оператору местной релейной станции, чтобы соединить его с кабинетом дяди в Кисуму.

— Это Курт,— сказал он коротко, услышав голос полковника Фриборна.— Ты можешь сейчас со мной поговорить?

— Могу, лейтенант, но не имею желания.— Голос дяди звучал словно голос чужого человека, и то, что он обратился к нему столь официально, показалось Курту дурным предзнаменованием.

— Я только что в одиночку провел разведку на шахте,— торопливо заговорил Курт.— Я подобрался достаточно близко, чтобы слышать, о чем говорят Снук и *дактари*, и...

— Как ты это сделал?

— Э-э-э... Я воспользовался направленным микрофоном К.80.

— Ясно. Он у тебя с собой?

— Конечно,— ответил Курт.— А почему ты спрашиваешь?

— Я просто подумал, что, быть может, мистер Снук или его дружок Мёрфи решили тебя от него избавить. Ходят слухи, ты снабжаешь их армейским снаряжением.

Курту показалось, будто множество острых льдинок впилось ему в лоб.

— Ты уже слышал...

— Я думаю, в Баранди уже все слышали об этом, даже президент.

Леденящий холод распространился по всему телу Курта, его била дрожь.

— Я не виноват. Мои люди...

— Не скули, лейтенант. Тебя потянуло на белую бабу, хотя ты прекрасно знаешь, как я отношусь к такого рода поведению, и ты позволил

двум паршивым штатским обезоружить себя в публичном месте.

— Через несколько минут я вернул наши автоматы.— Курт решил не упоминать о том, что его пистолета в джипе не оказалось.

— Твои блестящие успехи после стычки мы обсудим в другой раз, когда ты объяснишь мне, почему сразу не доложил о случившемся,— рявкнул полковник Фриборн.— А сейчас проваливай с линии и не мешай мне работать.

— Подожди,— в отчаянии сказал Курт,— ты же не слышал моего сообщения о шахте.

— И что там?

— Они не уходят. Они намерены продолжать работу.

— Ну?

— Но президент хотел, чтобы они убрались.— Реакция полковника на его сообщение обескуражила Курта.— Он ведь дал четкий приказ...

— Четкие приказы вышли в Баанди из моды.

— У тебя — возможно.— Курт понимал, что говорит лишнее, но тем не менее продолжал: — Однако не все у нас размякли от непрерывного сидения за столом.

— С этой минуты ты отстраняешься от своих обязанностей,— холодным отдаленным голосом сказал полковник.

— Ты не сделаешь этого со мной.

— Я сделал бы это раньше, если бы знал, где ты прячешься. Троих солдат, которых ты зарезил своей глупостью, я велел бить кнутом и разжаловать в кухонный наряд. Ты же, я думаю, заслуживаешь трибунала.

— Нет, дядя, нет!

— Не смей называть меня так!

— Но я могу убрать их с шахты,— произнес Курт, борясь с пробивающимися в голосе листьевыми нотками.— Президент будет доволен, и все поймут...

— Подотри нос, лейтенант,— приказным тоном сказал полковник.— А когда закончишь, отправляйся в казарму. Это все.

Несколько секунд Курт Фриборн недоуменно смотрел на коммуникатор, потом разжал пальцы и уронил его под ноги на бетон. В сгущающейся темноте маленький, с горошину, индикаторный огонек продолжал гореть, словно кончик сигареты. Курт растоптал аппарат кованым каблуком и с лицом, похожим на резную маску из эбенового дерева, вышел из укрытия под дождь.

Ближе к ночи Амброуз объявил перерыв, и все забрались под платформу попить кофе, который он разливал из огромного термоса. Дождь чуть поутих, и, когда выдалась возможность немного отдохнуть и перекусить в дружеской обстановке, грубый навес, под которым они укрылись, показался им даже уютным. Вскоре появился Джин Хелиг, добавивший к праздничной обстановке «пикника» бумажный пакет с шоколадом и бутылку южно-африканского бренди. Калвер и Квиг захмелели почти сразу.

Дважды за время этой веселой суэты Снук оказывался рядом с Пруденс. Застенчиво, словно школьник, он пытался коснуться ее руки в надежде вернуть недавно возникшую между ними близость, но всякий раз она отходила в сторону, казалось, совершенно его не замечая, и он снова оставался один на один со своими мыслями и желаниями.

Совершенно машинально Снук обратился к защитному приему, не раз выручавшему его во многих странах мира: выплеснув из чашки остатки кофе, он до краев наполнил ее бренди, отошел в дальний конец навеса и закурил. Спиртное разожгло в нем огонь, но и он проигрывал сражение с темнотой, подступающей снаружи. Снука охватила мрачная убежденность, что в продуманном Амброузом эксперименте вот-вот что-то пойдет совсем не так, как планировалось. Он равнодушно оглянулся и обнаружил, что Амброуз стоит рядом.

— Крепитесь,— сказал Амброуз.— Утром мы даем отсюда ходу.

— Вы уверены?

— Полностью. Сначала я намеревался двигаться за последующими расположениями верхних мертвых точек на вертолете, но обстановка здесь становится слишком напряженной: сегодня я отменил заказ на вертолет. В любом случае я сомневаюсь, что нам позволили бы им воспользоваться.

Снук отпил из чашки.

— Бойс, а с чего вы взяли, что Феллет будет готов к попытке перехода завтра к утру?

— Он ученый. И так же, как я, отлично понимает, что завтра утром для эксперимента будут оптимальные условия.

— Оптимальные, но не уникальные. Я думал о том, что вы говорили, и, насколько мне удалось понять, когда поверхность Авернуса окажется выше поверхности Земли, появятся две верхние мертвые точки — одна, движущаяся к северу, другая — к югу, и это только на нашей долготе. Но даже если они будут смещаться в сторону,

с международным финансированием и некоторыми затратами времени эту проблему можно решить. Ведь есть еще полюса. Там должно быть лишь небольшое смещение за счет разделения планет.

— А вы действительно все обдумали.— Амброуз приподнял свою чашку в шутливом тосте.— Только откуда возьмется это международное финансирование? Сейчас нас пытаются остановить именно ООН.

— Но это их первая реакция.

— Хотите пари?

— Ладно. Как насчет других моих выводов?

— А могут сами аверианцы перемещаться у себя по экватору? Есть ли у них материки в зонах умеренного климата? В состоянии они добраться до своих полюсов?

Снук погрузился в свои фрагментарные воспоминания.

— Я не думаю, но...

— Поверьте мне, Гил, лучших условий для эксперимента, чем завтра утром, не будет.

Снук поднес было чашку к губам, но тут до него дошло значение сказанного Амброузом.

— Постойте-ка. Уже второй раз я слышу слово «эксперимент». Выходит, вы не уверены в результате?

— Да.— Амброуз натянуто улыбнулся.— Тот листок бумаги, что вы исписали, безусловно, продвинет нашу ядерную физику лет на двадцать вперед, когда я привезу его в Штаты. Но ваш друг Феллет явно на пределе своих теоретических познаний в этой области. Я просмотрел его уравнения и выкладки, по правде говоря, я недостаточно силен, чтобы предсказывать, выйдет

из этого что-нибудь или нет. На мой взгляд, там все правильно, но я не уверен, что Феллет сможет осуществить переход. Кроме того, остается опасность, что переход удастся, но сам он не выживет.

— И тем не менее вы хотите попытаться? — спросил Снук, ошарашенный новой информацией.

— Я думал, вы поймете, Гил, — сказал Амброуз. — Феллет просто должен воспользоваться этой возможностью и доказать, что переход осуществим. Его людям нужен луч надежды, и нужен сейчас. Поэтому мы не можем отступать.

— Тогда... Вы полагаете, что, получив доказательства работоспособности такой схемы, Земля со временем позволит им перейти к нам?

Амброуз обаятельно улыбнулся, наклонив сигарету губами на манер популярного киноактера.

— Учитесь думать масштабно, Гил. Времена меняются, а впереди еще почти целый век. Кто знает, может, через каких-нибудь полсотни лет мы будем перевозить авернианцев на космических кораблях.

— Будь я прок... — Снук невольно схватил его за руку. — А я-то считал вас самовлюбленным сукиным сыном!

— И не ошиблись, — успокоил его Амброуз. — Просто в данном случае так удачно сложились обстоятельства, что мне удается это скрывать.

В этот момент, придерживая здоровой рукой забинтованную, к ним подошел Джордж Мёрфи.

— Пройдусь-ка я к медицинскому корпусу, поищу какое-нибудь обезболивающее, а то этой руке слишком достается.

— Я вас подвезу, — сказал Амброуз.

— Не надо, я доберусь пешком за пару минут, да и дождь почти перестал.

Мёрфи двинулся в темноту.

— Я пойду с тобой,— крикнул Снук, догоняя его.

Там, куда не доставал свет от установки Амброуза, пробираться стало труднее, и даже в «амплитах» им пришлось двигаться очень осторожно, пока они не вышли к туманному зеленому сиянию, окружавшему здания шахты. У медицинского корпуса было так же темно и безлюдно, как и у всех остальных.

— Вот ключи.— Мёрфи передал Снку звякающую связку.— Найдешь номер восемь?

— Надо думать. Если уж я в состоянии отремонтировать авиамотор, я должен...— Снук замолчал на мгновение, всеми своими чувствами зондируя окружающую их темноту, затем, понизив голос, добавил:— Не оборачивайся, Джордж. Позади тебя кто-то есть.

— Забавно,— прошептал Мёрфи, пытаясь левой рукой расстегнуть плащ.— То же самое я хотел сказать тебе.

— Не двигаться! — скомандовал высокий молодой мужчина, появляясь из-за угла приземистого здания. На нем были армейские брюки и каска с полосками лейтенанта. Правый его глаз закрывала белая повязка.

Тоскливо предчувствие охватило Снку, когда он узнал Курта Фриборна. Пытаясь оценить шансы на побег, он оглянулся и увидел, что их окружают трое солдат с длинными широкими ножами.

Это были те самые люди, с которыми Снук и Мёрфи столкнулись в «Каллинан Хаус», и на

сей раз они, похоже, рассчитывали на иную развязку.

— Какая удача! — сказал Фриборн.— Сразу два человека, которых я люблю больше всего на свете: белый шутник и его «дядя Том».

Снук и Мёрфи молча переглянулись.

— У вас пропало желание шутить, мистер Снук? — Фриборн заулыбался.— Вы нездоровы?

— Хотел бы я знать,— сказал Мёрфи, все еще пытаясь левой рукой справиться со скользкой пластиковой застежкой плаща,— почему это так называемые «леопарды» ползают в темноте, как крысы?

— Я не с тобой разговариваю, мразь.

— Не горячись, Джордж,— озабоченно сказал Снук.

— Нет, все же интересно,— продолжал Мёрфи.— Сам полковник, например, вломился бы сюда в полном боевом порядке. Похоже...

Фриборн чуть заметно кивнул, и в тот же миг Мёрфи получил удар в спину. Движение слилось с треском рвущегося пластика, и в первый момент Снук подумал, что капрал просто ударил Джорджа лезвием ножа плашмя. Но Мёрфи повалился на колени, и краем глаза Снук успел заметить, что капрал с трудом выдернул нож из его спины. Он подхватил Мёрфи, чувствуя страшную расслабленность его мышц, мертвый вес, неумолимо тянувший тело к земле. Опустившись на колени и поддерживая Мёрфи левой рукой, Снук рывком расстегнул его плащ и приложил правую руку к груди, пытаясь уловить сердцебиение, но с ужасом обнаружил, что, хотя удар был нанесен в спину, вся грудь Мёрфи залита теплой липкой влагой. Мёрфи открыл рот, и даже в момент смерти

от него пахло мятой.

— Ты поторопился,— с бесстрастным лицом за стеклами «амплитов» произнес Фриборн, укоризненно обращаясь к капралу.— «Дядя Том» умер слишком быстро.

— Ты...— Снук попытался что-то сказать, но горло его сдавило, да и не могли слова выразить всю его печаль и ненависть. Он обнял тело Мёрфи, и его правая рука, скользкая от крови, наткнулась на твердый, знакомой формы предмет. И этот предмет в его металлическом совершенстве, превосходящем совершенство любого самого бесценного произведения искусства, показался Снку в тот момент прекраснейшей вещью в мире. Не поднимая головы, он огляделся и увидел четыре пары ног. Все четыре, словно его молитва была услышана, стояли недалеко друг от друга сбоку от Снку. Одним движением он опустил тело Мёрфи, встал, держа пистолет в руке, и повернулся лицом к ним.

Пульсирующая, звенящая тишина длилась, казалось, бесконечно.

— Мы можем договориться,— спокойно произнес лейтенант Фриборн.— Я знаю, ты не нажмешь на курок, потому что слишком долго ждал. Такие, как ты, действуют либо под влиянием момента, либо вообще не действуют. Я признаю, что случившееся сейчас неприятно, но не вижу причин, почему бы нам...

Снук выстрелил ему в живот. Молодой Фриборн, согнувшись вдвое, отлетел к стенке, и Снук повернулся к бросившимся бежать солдатам. Твердо держа пистолет обеими руками, он навел его на капрала и нажал на курок. Пуля попала в плечо, и капрала развернуло на месте лицом в ту

сторону, откуда он бежал. Снук выстрелил еще дважды, каждый раз замечая, как пластиковый плащ капрала бьется при попадании, словно парус в шторм. Когда капрал упал на землю, он продолжал стоять в том же положении для стрельбы до тех пор, пока не осознал, что больше делать ничего не надо: двое оставшихся солдат успели скрыться.

Все замерло.

Когда окружающий мир вернулся к Снуку, он глубоко, с дрожью вздохнул, положил пистолет в карман и, не оглядываясь на Мёрфи, пошел в ту сторону, где его ждали остальные члены группы. Увидев Снуга, они настороженно двинулись ему навстречу.

— Что случилось? — спросил Амброуз.— Где Джордж?

Снук шел, не останавливаясь, пока не оказался рядом с Квигом и не забрал из его несопротивляющихся пальцев бутылку.

— Джордж мертв. Мы наткнулись на Фриборна-младшего с тремя людьми, и они убили Джорджа.

— О нет...— пробормотала Пруденс, и Снук успел подумать: «Догадывается ли она, что это те самые, с которыми довелось столкнуться ей?»

— Но этого не может быть.— Бледное лицо Амброуза стало суровым.— Зачем им стрелять в Джорджа?

Снук отпил из бутылки и покачал головой.

— Джорджа они убили ножом. Стрелял я. Вот из этого.— Он достал из кармана пистолет и поднес к свету, где все могли его видеть. Руки его были темными от крови.

— Ты попал в кого-нибудь? — спросил Хелиг

деловым тоном.

Пруденс взглянула Снку в лицо.

— Попали, да?

Снук кивнул.

— Я стрелял в Фриборна-младшего. И в человека, который убил Джорджа... Убил их обоих.

— Не нравится мне все это, старик. Позволька...— Хелиг взял у него бутылку, отлил немного себе в чашку и отдал бутылку обратно.— Через полчаса здесь будет полно солдат.

— Ну вот,— тупо произнес Амброуз.— Все кончено.

— Особено для Джорджа.

— Я знаю, о чем вы думаете, Гил, но Джордж Мёрфи тоже хотел, чтобы наш проект осуществился.

Думая о Мёрфи, человеке, который стал ему по-настоящему близок всего несколько дней назад, Снук с удивлением понял, что знает о нем очень мало. Он не знал, где жил Мёрфи, не знал даже, есть ли у него семья. Он знал только, что Мёрфи убили, потому что тот был смел и честен, потому что он по-настоящему заботился о своих друзьях и шахтерах, работавших с ним. Джордж Мёрфи хотел, чтобы проект перехода осуществился. Чем необычнее оказался бы результат, тем, он считал, было бы лучше: чем больше мир проявил бы интереса к событиям в Баанди, тем меньше возникло бы у правительства возможностей расправиться с шахтерами.

— Может быть, время еще есть,— сказал Снук.— Не думаю, чтобы молодой Фриборн и его банда действовали по приказу. Если это

была их личная инициатива, возможно, их не хватятся до утра.

Хелиг нахмурился в сомнении.

— Я бы не рассчитывал на это, стариk. Охранники у ворот, должно быть, тоже слышали выстрелы. Всякое может случиться.

— Все, кто хочет уйти, свободны,— сказал Амброуз.— Я остаюсь, пока возможно. Вдруг нам повезет.

«Повезет!» — подумал Снук, осознавая, сколь относительным стал смысл этого слова. В бутылке еще оставалось на треть бренди, и Снук с общего молчаливого согласия забрал ее с собой в тот самый угол, где всего десять минут назад они разговаривали с Амброузом. Десять минут — короткий промежуток времени, но Снуку он показался длиной в годы, даже века. Эти десять минут отделяли его от той эпохи, когда Мёрфи был жив. Собственное везение Снука кончилось в тот день в Малакке, три года назад, когда он отправился по вызову на аэродром. Если взглянуться в цепь событий попристальнее, становилось понятно, что тогдашняя напряженная обстановка, вызванная прохождением Планеты Торнтона, не была явлением обособленным. Снук быстро забыл всего один раз виденный им бледный шар в небе, но и древние, и современные примитивные народы не даром мудро считали подобные события знанием грядущих бед. Тогда пострадал Авернус: его сорвало с орбиты. Но и Снук, сам того не подозревая, оказался захваченным тем же гравитационным вихрем. Бойс Амброуз, Пруденс, Джордж Мёрфи, Феллет, Курт Фриборн, Хелиг, Калвер, Квиг — все это не что иное, как названия астероидов, втяну-

тых в смертоносный вихрь, движущая сила которого исходила из другой вселенной.

Вглядываясь в темноту и потягивая из бутылки мелкими глотками, Снук никак не мог согласиться с тем, что именно астрономия — самая отвлеченная от человеческих проблем наука — оказала на его судьбу столь разрушительное влияние. Хотя теперь едва ли было бы справедливо считать астрономию отвлеченной наукой. Теперь, когда вдоль всего экватора врывается в жизнь эра новой астрономии, когда люди могут увидеть чужой мир с расстояния, измеряемого метрами. А еще через несколько лет, когда над поверхностью Земли вырастет массивный купол Авернуса, астрономия, возможно, станет просто популярным развлечением. Стоя в «амплитах» ночью на вершине какого-нибудь холма, можно будет увидеть огромный светящийся купол чужой планеты, заполняющий небо до самого горизонта. Вращение Земли будет нести наблюдателей все ближе и ближе к полупрозрачной громаде планеты, открывая взору детали материальных плит, дома, их жителей и в конце концов увлекая с собой под ее поверхность, чтобы через какое-то время вынести их на дневную сторону, где Авернус станет уже невидим.

Эти непривычные мысли, обнаружил Снук, в какой-то мере облегчили его боль, вызванную смертью Мёрфи. Он попытался представить себе взаимное расположение планет лет через тридцать пять, когда оба мира будут пересекаться лишь на половину диаметра меньшей планеты. В экваториальных районах поверхности будут сходиться почти под прямым углом, и в этом случае зрители увидят вертикальную стену, не-

сущуюся на них со сверхзвуковой скоростью. А на поверхности стены с такой же огромной скоростью бьющим в небо фонтаном будут появляться очертания ландшафта Авернуса, видимые зрителю будто бы с высоты. Пожалуй, не у каждого достанет выдержки не закрыть глаза в момент бесшумного столкновения. Но еще более величественное зрелище предстанет глазам людей по прошествии следующих тридцати пяти лет, когда два мира разделятся полностью. В точке последнего контакта направление вращения планет будет противоположным. Может быть, к тому времени магнилюкторовая оптика сделает шаг вперед и авернианцев можно будет видеть, как обычные твердые тела. Если такое случится, людям доведется испытать удивительные незабываемые минуты, когда прямо над головой можно будет увидеть висящий «вверх тормашками» мир, поверхность которого проносится мимо зрителей со скоростью выше трех тысяч километров в час. Мир с перевернутыми домами и деревьями, врывающимися, несмотря на их нематериальность, в человеческое сознание, как зубья циркулярной пилы космических размеров.

А позже, в 2091 году, наступит грандиозный финал с возвращением Планеты Торнтона.

К тому времени расстояние между двумя планетами увеличится почти до четырех тысяч километров, следовательно, для человека в «амплификаторах» Авернус заполнит собой все небо. Земля станет своего рода зрительным залом вокруг арены, где должен погибнуть целый мир...

Внезапно Снук вернулся к действительности, где у него было достаточно своих проблем. По-

нимают ли все остальные, особенно Пруденс, что он скоро умрет? Если да, то ни она, ни кто другой не подают вида. Пожалуй, он обошелся бы без соболезнований всех остальных, но было бы неплохо, совсем неплохо, если бы Пруденс подошла к нему со словами сожаления и любви и прижалась своей золотистой головкой к сгибу его левой руки...

Вспоминая так сблизивший их недавно разговор в машине, Снук даже усомнился, было ли это на самом деле. Или, может быть, она повела себя так под влиянием момента, как люди, бывает, не задумываясь, приласкают потерявшегося несчастного щенка и тут же об этом забудут. Какой парадокс — он, предположительно, обладал редким телепатическим даром, но угадать ход ее мыслей ему удавалось не лучше, чем какому-нибудь неопытному подростку на первом свидании. «Если ты не окружен подобными себе,— подумал он,— телепатия только усиливает одиночество. Ни одна квартира не бывает более одинокой, чем та, в которой слышны звуки веселья за стеной».

Снук понял, что быстро пьянеет, но продолжал отхлебывать из бутылки. Окутывающий сознание туман позволял легче принять тот факт, что живым из Баанди ему уже не выбраться. И так же легко пришло нужное решение. Когда появится полковник Фриборн, он станет искать Гилберта Снука, а не других членов группы, и, заполучив Снука, он, надо полагать, займется им надолго, что даст Амбrouзу возможность закончить его великий эксперимент.

Решение, безупречное по своей логике, было

одно: когда на шахту прибудут «леопарды», ему нужно будет пойти и сдаться самому.

Глава 13

Солдат был настолько пьян, что не держался бы на ногах, если бы двое людей из военной полиции не поддерживали его под руки. При взгляде на форму солдата становилось ясно, что он не раз падал и что недавно его сильно тошнило. И в таком вот жалком, беспомощном состоянии, до смерти напуганный присутствием полковника Томми Фриборна, он докладывал о произошедшем с ним бессвязными отрывочными фразами, то и дело срывааясь на суахили, отчего смысл рассказа был понятен только тем, кто уже знал, о чем идет речь. Когда солдат рассказал наконец все, полковник уставился на него тяжелым презрительным взглядом.

— Ты уверен,— спросил он, выдержав паузу,— что пистолет был у белого, у Снука?

— Да, сэр.— Когда он говорил, голова солдата валилась то влево, то вправо.— Но я делал только то, что мне приказывал лейтенант.

— Уберите,— распорядился Фриборн.

Пока полицейские в красных фуражках волокли солдата к дверям кабинета, сержант, сопровождавший их, обернулся и вопросительно взглянул на полковника. Тот кивнул и изобразил руками такой жест, словно натягивал шляпу на уши. Сержант, человек опытный и знающий, что невидимая шляпа означает полиэтиленовый мешок, четко отсалютовал и вышел из кабинета.

Оставшись в одиночестве, полковник Фриборн опустил голову и задумался о сыне своего брата,

затем включил коммуникатор и отдал несколько приказов, целью которых было собрать у ворот национальной шахты номер три боевое подразделение численностью около сотни человек. Затем взял в руки трость, стряхнул пылинку с форменной рубашки с короткими рукавами и твердым, размежеванным шагом направился к ожидающей его машине. До рассвета оставалось два часа, задувал холодный ночной ветер, но он жестом отказался от плаща, предложенного шофером, и уселся на заднее сиденье.

Всю дорогу от Кисуму он сидел неподвижно, сложив на груди обнаженные руки, и мысленно делил вину за смерть своего племянника. Одну часть он приписал себе: в стремлении искоренить слабости Курта он перегнул палку, пригрозив ему слишком суровым наказанием. Чуть большая порция досталась Полю Огилви, без чьего вмешательства на шахте просто не было бы никаких нежелательных иностранцев. Но самую большую долю вины он возложил на этого наглого ловкача, Гилберта Снука, которого следовало пристрелить как собаку еще в тот день, когда он впервые ступил на землю Баранди.

Для Огилви время еще не настало, но Снук скоро, очень скоро пожалеет, что его не приудишили три года назад. При мысли о Снуке в голове Фриборна словно открывалась дверца пылающей печи, и по мере приближения к шахте он чувствовал себя так, будто обжигающие потоки воздуха поднимают его все выше и выше. Поэтому вид одного из президентских лимузинов у входа на территорию шахты подействовал на него как падение в ледяную воду. Сияющие лощеные обводы лимузина выглядели нелепо рядом с армейскими

грузовиками в окружении солдат. Полковник вышел из машины и, понимая, чего от него ждут, направился прямо к лимузину, открыл заднюю дверцу и сел рядом с Полем Огилви.

Не поворачивая головы, президент сказал:

— Я хотел бы услышать объяснение всему этому, Томми.

— Ситуация изменилась с тех пор, как мы...— Тут полковник оставил официальный тон, что было ему совсем несвойственно, и добавил: — Снук убил Курта.

— Я слышал об этом. И тем не менее я хочу знать, что здесь делают все эти люди.

— Но...— Фриборн почувствовал, как в висках у него забилась кровь.— Я же сказал, убит мой племянник.

— Тот факт, что твой племянник и трое его солдат отправились на шахту вопреки моему приказанию, не объясняет, почему ты собрал здесь целое армейское подразделение, также вопреки моему приказу,— сухим, холодным тоном выговаривал Огилви.— Ты что же — отказываешься повиноваться мне?

— Ни в коем случае,— ответил Фриборн, вложив в свой голос всю искренность, на которую был способен, и одновременно взвешивая в уме факторы, столь часто определяющие судьбу наций. Свой автоматический пистолет он мог легко достать правой рукой, но для этого нужно расстегнуть кобуру. Вряд ли президент отправился сюда без телохранителей, хотя, судя по всему, после получения сигнала от информаторов он действовал довольно быстро. Сейчас, в полу-мраке машины, могло бы произойти поворотное для Баранди событие, и тогда смерть Курта еще

принесла бы пользу...

— Хотел бы я знать, о чем ты думаешь.— Нотка самоуверенности в голосе президента сообщила Фриборну все, что ему было нужно: президента охраняют, и до поры до времени положение должно оставаться таким, как есть.

— Если отбросить личные мотивы,— сказал Фриборн,— полк «леопардов» — основа нашей внутренней безопасности. Эти люди понятия не имеют о международной политике и дипломатии, но они знают, что двое их товарищей были хладнокровны убиты белым иностранцем. Они не так уж много думают, но если им придет в голову, что за подобными действиями не обязательно следует быстрое наказание...

— Не надо объяснять мне прописные истины, Томми. Но завтра здесь будут люди из ООН.

— Ты полагаешь, на них произведет хорошее впечатление тот факт, что убийцы в Баранди остаются безнаказанными? — Чувствуя, что он нашел правильный подход, Фриборн продолжал гнуть свою линию.— Я не предлагаю перерезать здесь всех невиновных, Поль. Мне нужен только Снук. Он, я полагаю, и у них поперек горла. Они охотно избавятся от него.

— Что же ты предлагаешь?

— Чтобы ты разрешил мне отправиться туда с парочкой моих людей и потребовать сдачи Снуга. Мне достаточно лишь намекнуть, что всем остальным от этого будет только лучше. Включая девицу.

— Ты думаешь, этого будет достаточно?

— Думаю, достаточно,— сказал Фриборн.— Снук на это клюнет.

Расправившись с бренди, Снук взобрался на

платформу посмотреть, как идут дела. После известия о смерти Мёрфи все продолжали работать с каким-то мрачным упорством. Разговаривали редко, только когда было необходимо. Амброуз, Калвер и Квиг почти все время ползали на коленях у панели управления на задней стенке генератора Монкастера. Даже Хелиг и Пруденс были заняты делом: сколачивали деревянное ограждение, на чем из соображений безопасности настоял Амброуз. На платформе появилось новое сооружение из досок и прозрачных листов пластика, напоминающее кабину для душа. Внутри кабины стояли два баллона с водородом.

Все эти действия, в которых Снук не принимал участия, еще более усилили охватившее его ощущение отчужденности, и, когда вдали послышался шум двигателей, он даже почувствовал какое-то облегчение.

Кроме Снуга, никто, похоже, не обратил внимания на шум, и он промолчал. Медленно тянулись минуты, но солдаты не показывались, и Снук уже решил, что принял за шум двигателей порывы ветра. Наверное, сейчас правильнее всего было бы неторопливо двинуться к воротам шахты, но ему страшно не хотелось просто так вот растаять в темноте. Он вроде бы уже и не был членом группы, но альтернатива его совсем не радовала.

— Ну вот.— Амброуз выпрямился, потирая руки.— Мини-реактор даст нам столько энергии, сколько потребуется для эксперимента. Теперь, кажется, все готово.— Он взглянул на часы.— Оставалось меньше получаса.

— Сильная машина,— произнес Снук, внезапно осознав всю значительность задуманного.

— Еще бы. Всего десять лет назад для создания такого радиационного поля, какое мы можем получить здесь, потребовался бы ускоритель километров пять длиной.— Амброуз ласково погладил генератор по крышке, словно перед ним стояла любимая собака.

— Это не опасно?

— Опасно, если встать прямо перед ним, но ведь то же можно сказать и про велосипед. Именно эти машины так помогли развитию ядерной физики за последнее десятилетие, а с тем, что мы узнаем от Феллета... Осторожней с кабиной! — крикнул он Хелигу.— Не порвите пластик. Кабина должна быть герметичной.

Снук с растущим сомнением обследовал хлипкую постройку.

— Феллет должен материализоваться здесь?

— Именно здесь.

— Ему придется оставаться внутри? Откуда вы знаете, что он дышит водородом?

— Водород нужен не для дыхания, Гил. Такая среда, по мысли Феллета, необходима для осуществления перехода. По крайней мере, это одно из условий. Его знания гораздо глубже моих, но я полагаю, что таким образом можно обеспечить приток протонов, которые...

— Доктор Амброуз! — прогремел усиленный мегафоном голос из окружающей их темноты.— С вами говорит полковник Фриборн, глава Управления внутренней безопасности Баанди. Вы меня слышите?

Снук двинулся к лестнице, но Амброуз с неожиданной силой схватил его за руку.

— Я слышу вас, полковник.

— Сегодня днем президент Огилви распоря-

дился о прекращении ваших работ. Вам передали это распоряжение?

— Да.

— Почему вы не подчинились?

Помедлив, Амброуз ответил:

— Я не собирался противиться этому распоряжению, полковник. Но дело в том, что один из наших приборов содержит миниатюрный ядерный реактор, и его пульт управления вышел из строя. Последние шесть часов мы пытались погасить реакцию.

— Довольно удобное объяснение, доктор Амброуз.

— Если вы захотите подняться сюда, я покажу вам, что я имел в виду.

— Пока я верю вам на слово,— продолжал греметь голос Фриборна.— Надо полагать, Снук с вами.

— Да, *мистер Снук* здесь.

— Я прибыл, чтобы арестовать его за убийство двух военнослужащих вооруженных сил Баранди.

— За что? — От крика голос Амброуза стал хриплым.

— Я думаю, вы прекрасно слышали меня, доктор.

— Да, но это было так неожиданно, что я... Мы действительно слышали какие-то выстрелы, но я понятия не имел, что произошло. Это ужасно...— Амброуз отпустил руку Снука и отошел чуть в сторону.

— Я разговариваю с вами на расстоянии, потому что Снук вооружен. Это, разумеется, не спасет его от ареста, но я бы предпочел обойтись без стрельбы. Мне бы не хотелось случайно за-

деть кого-нибудь из непричастных к убийству членов вашей группы, и этого легко будет избежать, если Снук сдастся добровольно.

— Благодарю вас, полковник.— Амброуз взглянул на Снуга, но тень скрывала выражение его лица.— Вы, конечно, понимаете, что все это несколько неожиданно для меня и моих товарищ по работе, как вы сами сказали, непричастных к убийству. Мы понятия не имели, что произошло. Могу я попросить у вас время на обсуждение?

— Пятнадцать минут. Не больше!

Наступило молчание. Видимо, Фриборн счел разговор оконченным.

— Отличная работа, Бойс,— сказал Снуг, понизив голос на тот случай, если на них направлено подслушивающее устройство. Он прекрасно понимал, что Амброуз поступил весьма разумно, отрекшись от него, чтобы обезопасить себя и остальных, но вместе с тем его не покидала мысль, что его предали. Он кивнул Пруденс, троим мужчинам и повернулся к лестнице.

— Гил,— яростно прошептал Амброуз,— куда вас черт понес?

— Куда еще может унести черт? В ад. Теперь уже все равно.

— Стойте здесь. Я намерен вытащить вас из этой заварухи.

Снуг грустно усмехнулся.

— Едва ли это возможно. И потом этот маленький маневр даст вам как раз достаточно времени для завершения эксперимента. Сейчас на повестке дня это главный пункт, не так ли?

Амброуз покачал головой.

— Гил, мы ведь договорились, что я само-

влюбленный сукин сын, однако не настолько же! Признаюсь, я надеялся, что меня оставят в покое хотя бы до окончания запланированного эксперимента, но сейчас ситуация изменилась.

— Послушайте...— Снук ткнул себя в грудь.— Я не хочу показаться героем мелодрамы, но я уже покойник. Вы ничего не сможете сделать.

— Я знаю, что вы уже покойник,— сердито произнес Амброуз.— Иначе я не рискнул бы предложить единственный оставшийся у вас выход.

— Выход? — Снук взглянул на куб генератора и почувствовал уже знакомый ему холодок предвидения.— Какой?

— Вам действительно ничего больше не остается,— ответил Амброуз.— Только Авернус.

Снук невольно отступил назад, затем взглянул на удрученные лица собравшихся вокруг него людей. Все с искренним удивлением смотрели на Амброуза.

— Конечно, риск есть,— сказал Амброуз,— и я могу сделать это только с вашего согласия и с вашей помощью. Я не решился бы на такой вариант, будь у вас хоть какая-то надежда отсюда выбраться.

Снук проглотил болезненный комок в горле.

— Что вы намерены сделать?

— Сейчас нет времени на то, чтобы читать вам курс ядерной физики, Гил. Если в самых общих чертах, то это процесс, обратный тому, что предложил Феллет. Насыщение тела нейтронами... Короче, вам придется поверить мне на слово. Согласны?

— Согласен,— ответил Снук, и в его вообра-

жении всплыли вытянутые граненые формы авернианских островов.— Но ведь вы планировали другое?

— Неважно. В такой ситуации я не могу пойти на риск материализовать здесь Феллета или любого другого авернианца: кто-нибудь наверняка его пристрелит.— Амбрууз умолк и, не сводя взгляда со Снуком, закурил сигарету.— Но доказать принципиальную возможность перехода мы все же можем. Феллет останется доволен.

— Ладно.— Снук вдруг понял, что боится предстоящего еще больше, чем боялся смерти.— Что я должен делать?

— Прежде всего вы должны связаться с Феллетом и сообщить ему об изменении плана.

— Бойс, вы... У вас что, есть номер его телефона?

— Ему потребуется время, Гил. У него достаточно опыта, но даже он должен знать заранее, чтобы подготовиться к вашему переходу.— Лицо Амбрууза оставалось бесстрастным, но Снук чувствовал, что его мозг работает с невероятной скоростью, словно мозг первоклассного профессионала-картежника.

— Вы полагаете, он успеет? — Снук понимал, что ответ на этот вопрос требовал объема знаний, не существующих на Земле, но все-таки не удержался.

— В этой области Феллет выше нас на голову, кроме того, энергетические соотношения благоприятствуют переходу из нашей Вселенной в его. Я думаю, если он будет сильно тянуть, а мы немножко подтолкнем, все получится, как задумано.

Снук внезапно ощущил, что потерял всякий человеческий контакт с Амбрууза. Он даже не

мог сказать с уверенностью, просто ли тот подружески успокаивает его или печется о собственном эксперименте. Впрочем, для Снуга это уже не имело значения: его выбор лежал между предопределенностью смерти на Земле и возможностью жизни на Авернусе. Он обернулся к Пруденс, но она сразу отвела взгляд в сторону, и Снуг понял, что она боится. У него тут же возникла новая беспокойная мысль.

— Бойс, допустим, все получится, и я вроде как исчезну... — сказал он — Что случится здесь потом? Вряд ли Фриборн это понравится.

Амбруэз невозмутимо ответил:

— Проблема решится своим ходом. Но вы потеряете свой шанс на переход, если не побеспокоитесь о контакте с Феллетом прямо сейчас. — Он взглянул на часы, пощелкав кнопками на корпусе. — Через четыре с небольшим минуты он будет проходить пункт, отмеченный нами на втором уровне.

— Я иду, — спокойно сказал Снуг, поняв, что время для обсуждения кончилось.

Все спустились по лестнице и собрались плотной группой под платформой, чтобы заслонить Снуга, когда он выскоцил и побежал по направлению к спуску в шахту. Он бежал изо всех сил, надеясь, что «амплиты» помогут ему вовремя разглядеть препяды, и молясь, чтобы Фриборн не окружил свалку своими людьми. Ему вдруг пришло в голову, что Фриборн почему-то действует неожиданно мягко, но размышлять о причинах такого его поведения было некогда.

Приближаясь к спуску в шахту он старался как можно дольше оставаться под прикрытием вакуумных труб, тянувшихся от входа, словно

щупальца огромного осьминога. Повторив все действия, которые обычно производил Мёрфи, он включил подъемник. Благодаря судьбу за то, что он работает бесшумно, Снук прыгнул в опускающуюся клеть и доехал до второго уровня. Когда он выскоцил в кольцевой галерее, его на мгновение охватила паника, оттого что он не может найти вход в южный туннель. Затем он справился с собой и бросился в нужном направлении, рассекая холодный, свистящий в ушах воздух.

Добежав до отмеченного Амброузом места, Снук обнаружил, что Феллет и еще несколько авернианцев уже на месте и поднялись из пола туннеля до пояса. С каждой секундой они поднимались все выше и выше, непрерывно двигая губами неестественно широких ртов. Их полуопрозрачные фигуры накладывались на очертания предметов, напоминающих блоки приборов и высокие прямоугольные шкафы.

Авернианцы никак не отреагировали на его появление, и Снук догадался, что без специальной подсветки с помощью аппаратуры Амброуза они его не видят. Он остановил взгляд на Феллете, успев удивиться, что узнал его, и двинулся вперед. Феллет резко поднял перепончатые руки к голове, и Снку почудилось изображение живой зеленой стены на фоне знакомых контуров туннеля. Он наклонил голову к Феллету, снова увидев перед собой его туманные глаза. Глаза становились все больше и больше, пока наконец не поглотили его целиком.

Покоя глубины тебе волны бегущей.

Я понял тебя, Равный Гил. Можешь приходить.

Покоя глубины тебе волны бегущей.

Снук обнаружил, что стоит на коленях на сыром неровном каменном полу туннеля и видит сквозь «амплиты» — помимо нормального окружения — лишь слабое размытое сияние. Это означало, вспомнил он, что уровень поверхности Авернуса уже поднялся выше его головы. Взглянув на обтесанный по дуге потолок, Снук попытался определить, сколько времени он потерял. Чтобы спасти свою жизнь, ему нужно будет встретиться с Феллетом и Амброузом в точке непосредственно над его теперешней позицией. Феллет уже движется, прямо через несуществующие для него геологические пласти, а Снуку ничего не оставалось, кроме как вернуться тем же путем, что привел его сюда.

Он встал, стряхивая с себя ощущение уже знакомой ему слабости, наступающее после телепатического контакта, и побежал к стволу шахты. Оказавшись в галерее, он вскочил в клеть подъемника и, вцепившись в сетчатую стенку, добрался до поверхности. Пригнув голову, побежал к платформе, уже не беспокоясь, что его кто-нибудь остановит. Вскоре в лишенной звезд темноте впереди показались огни, окружающие платформу. И одновременно к Снуку пришло понимание, что где-то здесь могут прятаться враги. Он сбавил шаг, пригнулся и бесшумно добрался до платформы, где у основания лестницы его ждали Амброуз и Хелиг.

— Феллету сообщил... — проговорил он, тяжело дыша. — Все в порядке.

— Отлично, — сказал Амброуз. — Пора подниматься и начинать. Времени осталось мало.

Они поднялись на платформу, где их ждали остальные. У Снука создалось впечатление, что

они совещались о чем-то шепотом и прервали разговор при его появлении. Все чувствовали себя неловко, отводили взгляд, и Снук понял, что между ними возник барьер, как бывает, когда становится известно, что один из членов семьи или кто-то из близкого круга друзей должен скоро умереть. Как бы они ни старались, люди, знающие, что у них есть будущее, не могут не чувствовать отчуждения, вызываемого аурой, которая окружает стоящего на пороге смерти человека. Теоретически колдовство с элементарными частицами спасало Снuku жизнь, но практически переход на Авернус обрывал его существование на Земле столь же окончательно, как могила, и подсознательно все это чувствовали.

— Это нам не понадобится, — сказал Амброз, спихивая пластиковую водородную палатку с платформы и устанавливая на ее место небольшой деревянный ящик. — Вам лучше сесть сюда, Гил.

— Хорошо.

Снук изо всех сил старался выглядеть уверенно и непринужденно, но внутри у него собирался смертельный холод. Чувствуя, как дрожат колени, он пересек платформу и пожал руку Хелигу, Калверу и Квигу, не совсем понимая, почему эта формальность вдруг показалась ему необходимой. Пруденс сжала его руку в своих, но лицо ее, когда Снук на миг коснулся губами ее щеки, осталось неподвижным, словно маска жрицы. И только когда он уже отворачивался, она произнесла его имя.

— Что, Пруденс? — спросил он, и у него вдруг мелькнула надежда, что она скажет ему сейчас что-то важное, подарит какие-то слова, кото-

рые он возьмет с собой в другой мир.

— Я...— Голос ее был едва слышен.— Извините, что я смеялась над вашей фамилией.

Снук кивнул, неожиданно умиротворенный и от волнения не способный сказать ничего в ответ, потом перешел на край платформы и сел на ящик. Единственный случай, когда Пруденс позволила себе посмеяться над его фамилией, произошел при их первой встрече, и в его состоянии острой тяги к простому человеческому теплу Снук решил для себя, что этим странным извинением она хочет очистить всю цепь последовавших событий. «Ничего другого ты и не получишь,— подумал он.— Наверное, при данных обстоятельствах даже это больше, чем ты мог бы ожидать». И он оглянулся вокруг, стремясь вобрать в себя то, что — если не принимать в расчет какого-нибудь гротескного поворота событий с нежелательной связкой — должно было стать его последним впечатлением о Земле.

Пятеро его товарищей неотрывно смотрели на него, но голубые стекла «амплитов», помогающие видеть в темноте, делали их похожими на слепых. Окружающая деревянный помост завеса ночи начинала понемногу растворяться, и Снук понял, что близится рассвет. Только плотный покров низких облаков, так напоминающих облачка Авернуса, помогал сохранять мрак. Амброуз подошел к генератору Монкастера и занялся пультом управления, но в этот момент из темноты прогремел голос Фриборна.

— Пятнадцать минут истекли, доктор. Мне надоело ждать.

— Мы не закончили обсуждение,— прокричал Амброуз в ответ, не прерывая работу.

— Что тут еще обсуждать?

— Вы должны понять, что требуете от нас слишком много, когда настаиваете на выдаче человека, доказательств вины которого мы не имеем.

— Не советую вам играть со мной, доктор.— Усиление и отражающееся отовсюду эхо создавали впечатление, что голос Фриборна гремит одновременно со всех сторон.— Вы пожалеете об этом. Если Снук не сдастся немедленно, я сам приду за ним.

Эти слова вернули Снука к действительности: несмотря на возможный поворот судьбы, он пока еще оставался обитателем Земли со всеми вытекающими отсюда моральными обязанностями.

— Мне надо идти, Бойс,— сказал он.— Нам не хватит времени.

— Сидите на месте! — приказал Амбrouз.— Дес, вырубите свет!

Квиг наклонился, выдернул соединительный кабель, и слабый свет расположенных по кругу ламп внезапно погас.

— Какой в этом смысл?

Снук привстал, но тут же опустился обратно. С наступлением темноты у края платформы вдруг стали видны призрачные голубые пальцы. Обитатели Авернуса, полупрозрачные, молчаливые и ужасные на вид, двигались сквозь кучи мокрых досок, врашая невидящими глазами и беззвучно шевеля широкими ртами. Через несколько секунд послышались испуганные крики, потом выстрелы, но стреляли не в людей, и в конце концов снова вернулась тишина. Авернианцы продолжали бродить по свалке, не замечая того, чего не было в их вселенной.

— Я был уверен, что таким образом мы выиграем немного времени,— сказал Амброуз, судя по всему довольный ролью главного волшебника, когда над ними показались неясные очертания здания.— Начинаем, Гил. Феллет достигнет этого уровня через несколько минут, и я должен вас подготовить.

Теперь, когда одна опасность миновала, Снуком овладели прежние страхи, и он снова попытался найти утешение в разговоре.

— Что вы собираетесь со мной делать? — Какой-то инстинкт заставил его вынуть пистолет из кармана и оттолкнуть ногой в сторону по неровным доскам.

— Я окружую вас нейтронным потоком, и пока все,— невозмутимо ответил Амброуз.— Мне нужно провести насыщение тела нейтронами.

Снук с удивлением обнаружил, что еще способен думать.

— Но различные детали ядерных реакторов годами подвергаются бомбардировке нейтронами и остаются на месте. Разве не так?

— Это не одно и то же, Гил. В реакторах нейтроны живут недолго, а кроме того, они участвуют в других реакциях.— Амброуз продолжал говорить в той же успокаивающе-монотонной манере, когда фигуры Феллета, других авернианцев и очертания оборудования поднялись до их уровня.— Большую часть работы делает, разумеется, Феллет: ему предстоит синтезировать ваше тело из существующих в их вселенной элементов. Я знаю только, что свободные нейтроны, из которых вы будете состоять, должны разложиться на протоны, электроны и антинейтрино. Задача Феллета заключается в том,

чтобы сохранить антинейтрин...»

Снук перестал прислушиваться, когда авернианцы со светящимися туманными кругами на месте глаз установили вокруг него призрачные контуры какого-то шкафа. Он взглянул на Пруденс, но она закрыла лицо руками, и Снук едва успел подумать, что, быть может, она плачет из-за него...

Путешествие в запредельный мир началось.

Глава 14

Комната была около десяти квадратных метров площадью, но казалась гораздо меньше из-за установленной в ней аппаратуры и присутствия авернианцев.

Снук молча, не двигаясь, глядел на них, пока его организм справлялся с ощущениями, похожими на последствия сильного удара. Дышалось нормально, и в целом он чувствовал себя вроде бы как обычно, но нервы все еще вибрировали от парализующей встряски, словно туннели, в которых бьется эхо пронзительного крика.

Авернианцы тоже внимательно его разглядывали, и тоже молча. Снук обнаружил, что их уже знакомый ему внешний вид, воспринимаемый с Земли как контурные наброски в светящемся тумане, совсем не подготовил его к твердой трехмерной реальности. Во время прежних встреч его всегда поражало сходство авернианцев с людьми, теперь же, когда он оказался в одной с ними комнате и дышал тем же, что и они, воздухом, его с огромной силой охватило чувство отчуждения.

Где-то в глубине души Снук испытывал к ним молчаливую благодарность за то, что он жив, но с каждой уходящей секундой эта мысль теряла свою важность и все большую значимость приобретал тот факт, что он оказался один в мире неизвестных, непонятных существ с близко посаженными ко лбу глазами и носами, существ, чьи губы изгибались и шевелились с пугающей подвижностью. Кожа авернианцев, бледно-желтая у глаз и рта, была медно-коричневого оттенка на руках и ногах и отсвечивала восковым блеском. Запах, окружавший их, отдавал чем-то похожим на формальдегид или, быть может, кардамон, и от этого непривычный внешний вид авернианцев вызывал у Снука легкую тошноту.

«Пять секунд, как тридцать лет... — подумал он, и с приходом этой мысли его охватила паника.— Почему Феллет молчит? Почему он не поможет мне?»

— Я... пытался говорить с тобой, Равный Гил... — произнес Феллет натужным, хриплым голосом.— Все сложилось не так удачно... Мы чувствуем твои мысли... Но наши ты не воспринимаешь... И ты не хочешь, чтобы я... подошел ближе...

— Нет! — Снук вскочил на ноги и покачнулся, задев плечом шкаф, окружавший его с трех сторон. Шкаф откатился назад на колесиках. Снук посмотрел под ноги и увидел, что ящик, на котором он сидел, стоит на неровном куске мокрой доски, совсем неуместной на полированном белом полу. Слова «Пиво «Дженнингс», отпечатанные на боковой стенке ящика, простые, домашние слова, остро напомнили ему, что все знакомое и

привычное осталось теперь по другую сторону бесконечности.

— Мне надо назад,— сказал он.— Отправь меня назад, Феллет. Куда угодно, но только на Землю.

— Это невозможно... Энергетические соотношения неблагоприятны... Нет приемного устройства...— Грудь Феллета тяжело вздыхалась, очевидно, от усилий, требующихся для воспроизведения человеческой речи.— Тебе нужно время... Ты привыкнешь...

— Я не смогу. Ты не понимаешь...

— Мы понимаем... Мы чувствуем... Мы знаем, что кажемся тебе отвратительными...

— Я ничего не могу с собой поделать.

— Постарайся понять, что нам тяжелее, чем тебе... Мы чувствуем твои мысли... Ты убил...

Снук взглянул на авернианцев в длинных балахонах, и до него постепенно дошло: им для того, чтобы оставаться с ним в одной комнате, требуется гораздо больше смелости. Авернианцы, вспомнил он, дружелюбная, невоинственная раса, и он должен казаться им опасным дикарем. Снук невольно бросил взгляд на свою правую руку и увидел, что на ней до сих пор остались следы крови Джорджа Мёрфи. Его ксенофобия тут же уступила место стыду.

— Иzzини,— сказал Снук.

— Я думаю, тебе нужно отдохнуть... Оправиться после душевного потрясения и усталости от перехода...— Срывааясь на

присвист, тяжело дыша, Феллет превращал в звуки слова, выхваченные из мозга Снука.— Это не жилое помещение... Но в соседней комнате... мы приготовили постель... Следуй за мной...

Ровной, скользящей походкой Феллет направился к сужающемуся вверху открытыму проему в стене. Снук, не двигаясь с места, несколько секунд смотрел ему вслед. Сама мысль о том, что сейчас он завалится спать, казалась ему неуместной, но, сообразив, что это позволит ему наконец остаться одному, он двинулся за Феллетом, потом вернулся и забрал с собой ящик из-под пива. Феллет провел его по короткому коридору, в конце которого было окно с видом на серый океан и серое небо, светлеющее с приходом рассвета. Последовав за своим провожатым, Снук оказался в маленькой комнате, единственным предметом обстановки которой служила простая койка. Одно окно. Стены, окрашенные чередующимися без всякого видимого порядка горизонтальными полосами нейтральных цветов.

— Мы увидимся позже...— сказал Феллет.— Тебе станет лучше...

Снук кивнул, все еще не выпуская ящик из рук, и подождал, пока Феллет выйдет. Дверной проем здесь был такой же трапецидальной формы, но он закрывался двумя вертикальными створками, выезжающими из пазов в стене. Снук подошел к окну и выглянулся в мир, которому предстояло стать его домом. Из окна открывался вид на ступенчатую, спускающуюся к океану панораму

коричневых черепичных крыш, изредка прерываемую аллеями и площадями, где по своим таинственным делам неторопливо двигались Люди. Почти все носили белые или голубые ниспадающие одежды и издалека напоминали жителей Древней Греции. Ни экипажей, ни фонарных или телефонных столбов, ни антенн Снук не увидел.

Океан начинался сразу же за домами и тянулся до самого горизонта. Сотни островов, разбросанных по водной глади, казались флотилией кораблей на якоре. Большинство из них сходилось крышами к невысоким центральным пикам, отчего вместе со своими отражениями в воде они делались похожими на вытянутые граненые алмазы. Но неподалеку располагались два острова, соединенные в единое целое двойной аркой. Все это Снук уже видел в переданных Феллетом образах.

Насмотревшись на чужой пейзаж, Снук отвернулся от окна и подошел к койке, поставил выкрашенный в оранжевый цвет ящик рядом, снял часы и положил их на ящик, создав для себя маленький уголок знакомого и привычного. Затем снял голубой плащ, до сих пор влажный от земного дождя, свернул его и положил рядом с ящиком. Чувствуя невыразимую усталость во всем теле, он прилег на койку, но далеко не сразу к нему пришло спасительное забвение.

Снку снилось, что он вместе с Пруденс Девональд и они покупают кофе и сыр в маленьком

магазинчике какого-то провинциального городка. За стеклами витрины с золотыми буквами жила своей жизнью центральная улица с красными автобусами, шпилем собора и опавшими листвами, гонимыми октябрьским ветром. От кристальной чистоты этого видения сон казался ему настоящей жизнью, и простое счастливое чувство, которое он испытывал, тоже казалось совсем подлинным. Когда сон стал ускользать, Снук цеплялся за него изо всех сил — какая-то крохотная часть его сознания, не поддавшаяся обману, твердила, что, когда он проснется, ему снова станет плохо и одиноко.

Так и произошло.

Опустив голову, Снук сел на край койки, но через какое-то время устоявшаяся за всю жизнь привычка к иронии взяла свое. «Парень девушку повстречал, парень девушку потерял... — пронеслось в голове. — А сейчас парню нужно узнать, есть ли в этом доме туалет».

Он встал, обвел пустую комнату взглядом и взял с ящика часы, сообщившие ему, что время уже перевалило за полдень. Усилившийся поток света от единственного окна подтвердил то, что Снук и так уже знал: на Авернусе время шло, как и на Земле. Он подошел к дверям и попытался раздвинуть створки, но они даже не подались, а разделяющая их линия оказалась слишком узкой, чтобы уцепиться за края пальцами. Мысль о том, что его заперли, даже не пришла Снуку в голову. Он был уверен, что дверь открывается очень просто для того, кто знает, как это делается, и потому просить у кого-то помощи не хотелось. Он потоптался у порога, пытаясь обнаружить скрытую педаль, но вскоре у него созрела

новая мысль. Стараясь не думать ни о чем постороннем, он ровным шагом пошел прямо на дверь, внушая себе уверенность, что она откроется.

Створки мгновенно отъехали в стороны, и, даже не успев осознать, что произошло, Снук оказался в коридоре. Он взглянул на дверь одновременно удивленно и оценивающе, потом решил, что его представления об уровне авернианской технологии явно нуждаются в пересмотре. Несколько фраз, брошенных Амброузом, создали у него впечатление, что Феллет и его коллеги намного опередили землян в области ядерной физики, но до сих пор он полагал, что все эти передовые знания на Авернусе скорее просто накапливаются, нежели используются. Его первое впечатление от острова, на котором он оказался, утвердило его во мнении о нетехнической культуре авернианцев, но, вероятно, суждение это было слишком поспешным, и только того, что он видит, для выводов недостаточно. Может быть, это цветное пятно на стене — эквивалент обогревательного устройства, а скругленный камень, отличающийся от всех остальных прямоугольных, — на самом деле приемник-распределитель энергии...

Снук прошел до конца коридора и спустился вниз по короткому лестничному пролету с не-привычными размерами и странным наклоном ступеней, от которого ему казалось, что он вот-вот упадет вперед. Внизу оказалась просторная комната, гораздо больше тех, что он видел здесь до сих пор, хотя и в ней не было мебели. За расположенными вдоль двух стен окнами с матовыми стеклами колыхались тени похожей на кустарник растительности, и Снук понял, что он

уже на первом этаже. То тут, то там на зеленоватом каменном полу виднелись более светлые пятна. Вероятно, совсем недавно отсюда что-то вынесли. Снук вспомнил, как Феллет сказал, что это нежилое помещение, и у него тут же возник целый ряд вопросов. Что было здесь раньше? Какое-нибудь хранилище? Библиотека? Что подумал авернианец, когда впервые увидел, как он появился в маленькой комнате на втором этаже всего неделю назад?

Дверь в одной из стен открылась, и в комнату вошел Феллет. Своими большими бледными глазами он взглянул на Снука, и тому показалось на мгновение, что он видит перед собой образ вздывающейся и опадающей в брызгах полу-прозрачной зеленой волны. Молча он попытался сфокусировать образ, представляя океан символом покоя и бесконечного могущества.

— Я верю, что ты научишься слышать и говорить,— произнес Феллет натужным шепотом.

— Спасибо.— Снук почувствовал какое-то удовлетворение, потом понял, что раз уж у него появилась способность отвечать этому странному ящероподобному существу в классическом средиземноморском одеянии положительными эмоциями, значит, он начинает принимать свое положение.

— Мы приготовили для тебя туалет и ванную комнату.— Феллет указал перепончатой рукой на вторую дверь.— Они не сообщаются с внешней средой... и, следовательно, не самого высокого качества... Но это временно.

В первый момент Снук не понял, о чем идет речь, потом все же сообразил:

— Ясно. Я на карантине.

— Это ненадолго.

Только сейчас Снук осознал, что, торопясь выбраться из Баранди живым, он, не задумываясь, многое об Авернусе принял на веру. Атмосфера, например, могла оказаться совершенно непригодной для человека, а местные микроорганизмы, возможно, уже создали в его легких смертоносные поселения. Не исключено также, что и он представляет для авернианцев опасность с точки зрения медицины. Надо полагать, поэтому у всех помещений такой выскобленный вид.

— Я не перевел бы тебя к нам... если бы не был уверен, что ты сможешь здесь жить,— ответил Феллет на его мысли.— В любом случае я мог бы подготовить газы, пригодные для дыхания, и маску.

— Ты обо всем думаешь заранее.— Снук вспомнил, что Феллет считается на Авернусе своего рода эквивалентом ведущего философа/ученого.

— Не обо всем. Есть важные дела, которые мы обсудим... пока ты будешь есть.

Воспользовавшись предоставленными ему удобствами в комнате из полированного металла, Снук присоединился к Феллету в другом помещении, где были установлены стол и стул, похоже, совсем недавно изготовленные из незнакомой плотной древесины. На столе стояли керамические тарелки с овощами, какой-то кашей и фруктами, а также бутыль с водой. Осознав, что ел он в последний раз уже давно, Снук тут же сел к столу. Вкус у пищи оказался странный, но, впрочем, вполне приятный, и ему не понравилось лишь, что все, даже фрукты и овощи, имело слабый привкус соли и йода.

— Должен сказать, Равный Гил,— начал Феллет,— что, доставив тебя сюда, я неправильно оценил одни факторы... и совсем не учел другие.

— Это на тебя не похоже, Феллет.— Снук попробовал мысленно отвечать на реплики авернианца, но решил, что говорить вслух гораздо проще, ибо речь требует меньше умственных усилий.

— В настоящее время моя репутация не очень высока... Ни у коллег Ответчиков, ни у остальных Людей... Потому что я дал рекомендации, касающиеся очень важного вопроса... не изучив до конца доступные мне данные.

— Я тебя не понимаю.

— Например, я, не оспаривая, принял все... что узнал об астрономии... из твоих мыслей.

Снук поднял глаза на все еще загадочного для него собеседника.

— На мой взгляд, это едва ли можно считать твоей ошибкой. В конце концов, вы только что узнали о существовании этой науки, а на Земле астрономией занимаются тысячи лет.

— В том-то и дело, что на Земле... ваши астрономы изучают другую вселенную...

— Я все равно не понимаю, что ты имеешь в виду.— Снук отставил тарелку в сторону, чувствуя, что речь сейчас пойдет о чем-то важном.

— Картина нашей вселенной, представленная ими... содержала только известные им элементы... Солнце, этот мир и бродячую планету, названную вами Планетой Торнтона.

— И что же?

— Выполненные ими вычисления орбиты для Планеты Торнтона... базировались лишь на этой упрощенной модели вселенной.

— Извини, Феллет, я не астроном...

Феллет приблизился к столу.

— Ты не астроном, но ты знаешь, что любое тело планетарной системы... подвержено влиянию всех остальных тел.

— Это понятно,— сказал Снук.— Но если других тел нет, то...— Он умолк, внезапно осознав смысл слов Феллета.— Вы начали изучать небо?

— Мы спроектировали радиотелескоп и построим их по крайней мере штук двадцать.

— Но это же отлично! — Снук вскочил и повернулся к Феллету.— Это значит, есть надежда. Я имею в виду, если вы обнаружите где-то там хотя бы еще одну планету, она уведет Планету Торнтона от столкновения с вашей...

— Это-то я и должен был предвидеть... С самого начала...

— Каким образом?

— Люди требуют от Ответчика высочайших стандартов. Это их право.

— Но...

— Равный Гил, твоя память несовершенна по нашим стандартам... но она может содержать информацию, которая позволит мне... вернуть доверие Людей... Исправить ошибку... Пожалуйста, разреши мне еще раз коснуться тебя...

Почти не раздумывая, Снук шагнул к Феллету и, наклонив голову, взглянул на него. Тот подошел ближе и прикоснулся головой ко лбу Снука. Контакт длился всего лишь секунду, потом Феллет сделал шаг назад.

— Благодарю тебя,— сказал он.— Я получил ценную информацию.

— Я ничего не почувствовал. Какую информацию?

— Когда ты впервые услышал о Планете Торнтона... предполагалось, что она пройдет точно через ваш мир... Но она прошла на расстоянии нескольких планетарных диаметров... Это отклонение от предсказанного курса... было отнесено за счет ошибки наблюдения.

— Кажется, я что-то припоминаю... — проговорил Снук. — Это что-нибудь доказывает? Значит, в вашей системе есть другие планеты.

— Это не очень убедительное доказательство.

— Для меня оно вполне убедительно.

— Единственное, что можно сказать определенно, — заключил Феллет, — это то, что я не достоин доверия Людей.

— Да что с тобой? — Снук почти кричал. — Они обязаны тебе всем.

Широкая прорезь рта Феллета изогнулась в эмоциональном сигнале, который Снук был не в состоянии понять.

— Люди обладают умственными способностями, отличными от способностей вашей расы... Но они не выше, как ты полагаешь... Мы успешно избавились от сильных разрушительных страстей... Но искоренить мелкие и незначительные пороки гораздо труднее... Тот факт, что я пользуюсь этими словами, говорит, что я тоже... — Феллет оборвал болезненный для него процесс звукового общения, и в его бледных глазах, глядящих в глаза Снуга, застыло удивительно похожее на человеческое выражение беспомощности.

Снуг молча смотрел на него, и где-то в его подсознании начали складываться и таять новые догадки.

— Феллет, — спросил он, — ты хочешь сказать мне что-то еще?

Каждый день тянулся, как месяц, каждый месяц — как год.

На выделенном Снуку маленьком острове вполне можно было жить, если старательно обрабатывать землю присланными инструментами и регулярно прочесывать мелководье в поисках съедобных морских растений. Ни табака, ни алкоголя не было — на Авернусе процесс брожения просто не использовался нигде, кроме лабораторий,— но Снук привык обходиться без них. Сами авернианцы, как он узнал, иногда вдыхали пары, испускаемые семенами определенного вида морских растений, и уверяли, что они обладают способностью поднимать дух и обогащать восприятие. Снук пробовал экспериментировать с этими семенами, но всегда с отрицательными результатами, что, видимо, объяснялось различиями в метаболизме. «Должно быть, одним из основных законов мироздания,— записал он на кусочке бумаги,— является то, что по-настоящему хорошо может быть только дома».

Когда у него оставалось время от работы в огороде, Снук всегда находил для себя другие занятия. Единственный дом на острове постоянно нуждался в ремонте, особенно крыша. Приходилось также чинить одежду и обувь. С обогревом проблем не было: каменные плиты пола по ночам нагревались сами по себе, но Снук иногда жалел, что в доме нет чего-нибудь более примитивного. С камином, например, было бы гораздо веселее. Особенно он пригодился бы в те темные вечера, когда Снук, случалось, неосторожно начиндал думать о Пруденс и огни других островов напоминали ему, что жизнь планеты движется без его участия.

«Ни одна квартира не бывает более одиночной,— вспомнил он собственный афоризм,— чем та, в которой слышны звуки веселья за стеной».

Жизнь в заключении на маленьком необитаемом островке, со временем осознал Снук, не так уж много добавляла к выпавшему на его долю испытанию — жизни в заточении в чужой вселенной, хотя Люди оказались гораздо гуманнее, чем можно было ожидать. Узнав одного только Феллета, он создал для себя некий идеализированный образ авернианцев — сверхразумных существ, восстанавливающих свою цивилизацию после одной всепланетной катастрофы и стоячески готовящих себя к последнему испытанию.

Он был просто ошеломлен, узнав, что раса, как ему казалось, движимых лишь разумными соображениями существ, не желает присутствия в их мире представителя планеты, отказавшей им в помощи. А известие о том, что Феллет отстранен от своих обязанностей Ответчика, поскольку в глазах авернианцев он с ними не справился, одновременно опечалило и рассердило Снука. Кроме всего прочего Феллета критиковали и за то, что он единолично принял решение о перевправке Снука в этот мир.

«Искоренить мелкие и незначительные пороки,— сказал Феллет в тот день, когда Снук оказался на Авернусе,— гораздо труднее».

Обо всем этом Снук старался не думать, неся свой груз забот, состоявший в том, чтобы выдержать от одного дня до другого, потом снова повторить этот процесс, потом снова и снова... Жить в мире, где никто не хочет тебя убить,— одна сторона медали, но у нее была и оборотная: Снук существовал во вселенной, где никто не да-

рил ему жизнь и где он не мог передать жизнь другим. Мысли эти были особенно болезненными для человека с его жизненной историей, для человека-нейтринно, но свою ошибку он осознал еще в тот день, когда вошел в отель в Кисуму и увидел...

Добираясь в своих размышлениях до этого места, Снук обычно приступал к уже привычному вечернему ритуалу, который заключался в том, что он снимал часы и клал их на оранжевый ящик у кровати. Если он хорошо потрудился днем, спасительное забвение приходило к нему быстро. И иногда ему что-нибудь снилось.

Каждый день тянулся, как месяц, каждый месяц — как год.

Глава 15

По расчетам Снука, минуло уже двенадцать месяцев с тех пор, как он очутился на Авернусе, когда однажды утром он получил мысленное послание: авернианцы подтвердили существование других планет в их солнечной системе.

С самого начала своего пребывания в этом мире он понял, что его способности к телепатической связи здесь, на Авернусе, немногим отличаются от способностей, которыми он обладал, когда жил на Земле и периодически улавливал обрывки мыслей других людей. Как ни парадоксально, полной «самоконгруэнтности» с Феллетом он мог достичь, только когда они находились в разных вселенных и Снук имел возможность совмещать свой мозг в одном объеме с мозгом Феллета. Во время регулярных визитов своего друга на остров Снук пробовал развить

способность к телепатическому обмену мыслями, но прогресс тут был едва заметен, если он вообще был.

Однако в этот особенный день он безошибочно уловил настроение Людей. Радость и триумф, усиленные в миллионы раз, разлились над островами, словно золото заката, которого авернианцам никогда не доводилось видеть.

— Неплохо,— вслух произнес Снук, оторвавшись от грядки.— От полного незнания о том, что творится за облаками, до развитой радиоастрономии всего за один год. Неплохо.

Вернувшись к работе, он то и дело окидывал взглядом морской простор в надежде, что Феллет нанесет ему неожиданный визит и расскажет о подробностях открытия. Ведь массы и параметры орбит новых небесных тел должны определить расстояние, которое будет разделять Авернус и Планету Торнтона при ее следующем прохождении, и Снук испытывал к этой проблеме живейший интерес. Понять соответствующие уравнения он не мог, но они повлияли на всю его жизнь, и он хотел знать, что ожидает Авернус: новая катастрофа, большая или меньшая по масштабам, или же планета будет наконец в безопасности. Кроме того, ему казалось, что, обретя уверенность в будущем, Люди будут более терпимы к его пребыванию среди них.

Если так, то он будет просить разрешения перемещаться по планете так же свободно, как он когда-то путешествовал по Земле. Феллет говорил ему, что на востоке и на западе есть большие материки, и их исследование, а возможно, и кругосветное путешествие по планете могли бы придать его жизни здесь какое-то подобие смысла.

В тот день мимо его острова не проходили суда, но, когда опустилась темнота, Снук увидел на других островах множество цветных огней, зажженных в честь торжества. Перед отходом ко сну он несколько часов кряду наблюдал за движущимися яркими точками. Возможно, думал он, еще одним всеобщим законом мироздания является то, что счастье и радость побед все разумные существа празднуют фейерверками, символизирующими рождение космических миров.

На следующее утро мимо его острова на большой скорости прошла на северо-восток флотилия из четырех катеров. Не припоминая, чтобы в этом направлении когда-либо двигались суда, Снук несколько озадаченно посмотрел им вслед. Катера работали от батарей, в которых электролитом служила морская вода; такие суда имели практически неограниченный радиус действия, но там, куда они направлялись, насколько Снук знал, не было суши.

Когда маленькая флотилия проходила неподалеку от острова, кто-то в белых одеждах помахал Снку рукой с первого катера. Снук помахал в ответ, обрадованный этим простым актом общения. Может быть, это был Феллет? Но зачем ему понадобилось с такой поспешностью плыть в бескрайний океан?.. Через несколько минут катера скрылись из виду среди серых вод.

Даже начинавшийся несколько раз ливневый дождь не прогнал Снку в дом, но в тот день он так и не увидел возвращения катеров. На следующий день происшествие волновало его уже не так сильно, и он почти все время провел дома, поглощенный желанием соорудить печь из найденной на острове глины. Жители Авернуса,

помимо того что придерживались строгой вегетарианской диеты, еще и ели все в сыром виде, и Феллет даже не подумал обеспечить Снука приспособлениями для приготовления пищи. Снук в известной мере привык к сырым продуктам, но с недавнего времени его буквально преследовала мысль о горячем супе. А больше всего он мечтал о том, чтобы, перемолов зерно, испечь из муки хлеб и съесть его с вареньем. Снук как раз выкладывал фундамент будущей печи, когда до него донесся шум мотора медленно приближающегося катера.

Он подошел к двери и увидел прикаливающее авернианское судно, на носу которого стоял Феллет. Три других катера обогнули остров по крутой дуге и ушли на юг, бороздя гладкую серую воду. Снук двинулся навстречу Феллету и заметил, что авернианец держит в руке какой-то зеленый с белым предмет. Пристально взглянув на Феллета, Снук послал ему традиционное мысленное приветствие и получил в ответ неустойчивый образ вечно бегущей волны.

— Я надеялся, что ты появишься,— сказал он, когда Феллет ступил на древние доски причала.— Хорошие новости?

— Я думаю, их можно оценить именно так,— сказал Феллет. После годичной практики он говорил почти бегло, хотя голос его оставался низким и в нем слышались сиплые нотки.

— Вы нашли еще одну планету.

— Да.— Губы Феллета изогнулись в гримасе, которую Снук никогда не видел и не мог интерпретировать.— Хотя нам помогли.

Снук покачал головой.

— Я тебя не понимаю, Феллет.

— Может быть, это поможет тебе понять.

И он показал Снуку предмет, который принес с собой. Сердце его дрогнуло, когда он увидел, что это зеленая бутылка, в содержимом которой, будь Снук на Земле, он безошибочно угадал бы джин. Вместо этикетки к бутылке был приклеен исписанный от руки листок. Феллет протянул бутылку Снуку, и тот дрожащими руками принял этот неожиданный подарок, наполненный чистой прозрачной жидкостью.

— Феллет, — спросил Снук слабым голосом, — что это такое?

— Не знаю, — ответил Феллет. — Текст написан на английском или еще на каком-то из земных языков, и я не смог его прочесть. Думаю, это прислано тебе.

— Но... — Несколько секунд Снук ошарашенно смотрел на Феллета, потом перевел взгляд на плотно исписанный листок бумаги и стал читать.

«Дорогой Гил, это еще один из моих невероятных проектов, но, Вы ведь знаете, ради науки я готов попробовать все, что угодно. Мы обнаружили две антинейтринные планеты: внутри Плутона и внутри Урана, и они достаточно массивны, чтобы сильно изменить орбиту Планеты Торнтона. В 2091 году на Авернусе будут довольно высокие приливы, но при соответствующей подготовке, я думаю, все обойдется без трагических потерь. Информацию, касающуюся этого вопроса, я изложил в виде диаграмм, разобраться в которых для Феллета не составит труда, и все это я вкладываю в буй, оснащенный радиомаяком.

Я знаю, что авернианцы не используют для связи электромагнитные явления, но надеюсь, они так или иначе этот буй найдут. Если, конечно, нам удастся переправить его на Авернус. За прошедший год мы добились больших успехов как в ядерной, так и в «трансвселенской» физике и, похоже, способны самостоятельно осуществлять перенос небольших предметов между двумя мирами в одном направлении. Это письмо я пишу на корабле в Аравийском море и почти уверен, что мы сможем удержаться в районе северной верхней мертвой точки достаточно долго, чтобы произвести перенос. Если Вы читаете сейчас эти строчки, значит, эксперимент увенчался успехом, и я предлагаю Вам отпраздновать это событие содержимым бутылки.

Вам, видимо, небезынтересно будет узнать, что всем нам удалось выехать из Баранди буквально перед самым началом охватившей всю страну народной революции, в которой бесследно исчезли и Огилви, и Фриборн. Пруденс вернулась к своей работе в ЮНЕСКО, но я уверен, что она захотела бы, чтобы я передал Вам привет. Дес Квиг работает теперь со мной и тоже шлет Вам привет. Вам также, может быть, будет интересно узнать, что я женился на прелестной девушке по имени Джоди: она много говорит, но не позволяет мне слишком раздуваться от внимания, которым последнее время меня одаривает пресса. Весь мир проявляет огромный интерес к самой концепции перехода между двумя вселенны-

ми, и деньги на исследования текут рекой. Поговаривают даже о серьезной экспедиции на Авернус через несколько лет, и, если авторитет мой к тому времени не померкнет, я собираюсь принять в ней участие, хотя я и трус. Не хочу обещать слишком много, Гил, но, если Вы получите эту бутылку в целости и сохранности, сделайте из нее подсвечник. И поставьте свечу на своем окне.

Ваш Бойс»

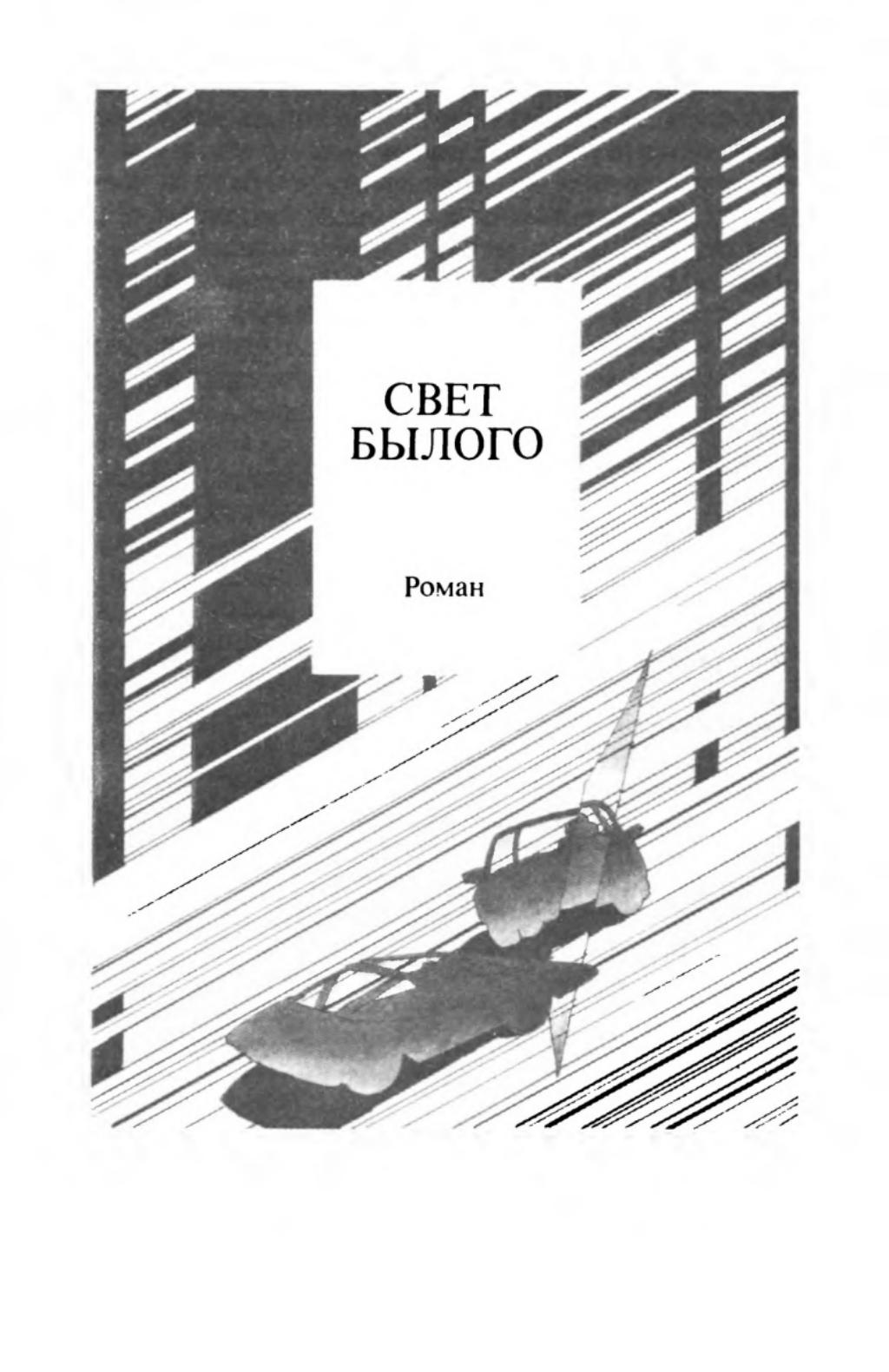
Закончив читать, Снук взглянул на Феллета, стоявшего на фоне покрытых туманом островов. Он открыл было рот, собираясь пересказать ему содержание письма, но тут же понял, что Феллет и так все уже знает из его мыслей. Молча они продолжали смотреть друг на друга, не замечая шепота океанского ветра, странствующего вокруг всей планеты.

— Будущее, похоже, складывается несколько иначе, чем я представлял, — сказал Снук.

— Настоящее тоже изменилось, — ответил Феллет. — Если ты захочешь жить среди Людей и путешествовать по большим островам, это можно будет организовать. Я могу взять тебя к себе домой прямо сейчас.

— Спасибо, но мне не хотелось бы покидать этот остров до завтра. — Снук взвесил в руке бутылку с джином. — Сегодня мне составит компанию один старый приятель.

Он попрощался с Феллетом и двинулся к своему одинокому дому, осторожно ступая по крутоя каменистой тропе.

СВЕТ
БЫЛОГО

Роман

Глава 1

Мчащийся навстречу автомобиль казался всего лишь кроваво-красным пятном, но, даже на таком расстоянии и несмотря на жжение в радиальной оболочке левого глаза, Гаррод умудрился определить модель — спортивный «стилет». Повинуясь необъяснимому порыву, он убрал ногу с акселератора, и машина, летевшая со скоростью девяносто миль в час, стала замедлять ход. Несмотря на плавность движения водителя, турбодвигатель недовольно взывал при переходе в режим наката.

— Что случилось? — Его жена была, как всегда, начеку.

— Ничего.

— Но почему ты тормозишь? — Эстер всегда бдительно следила за своей собственностью, а именно в эту категорию она включала мужа,

Пер. изд.: Shaw Bob. Other Days, Other Eyes.— Lnd.: Pan Books, 1974.

Печатается с незначительными сокращениями.

и сейчас ее широкополая шляпка задвигалась словно антенна локатора.

— Просто так.

Не сводя глаз со стремительно приближающегося автомобиля, Гаррод улыбкой выразил недовольство допросом. Внезапно «стилет» замигал оранжевым огоньком указателя левого поворота. Гаррод увидел боковую дорогу, отходящую от шоссе примерно на полпути между машинами. Он резко нажал на тормоз, и передок «турболинкольна» еще теснее прильнул к бетону. Красный «стилет» круто завернулся, молнией пронесся перед капотом «линкольна» и исчез в облаке пыли. Через боковое окно спортивной машины Гаррод разглядел потрясенного юнца с раскрытым от негодования ртом.

— Бог мой, ты видел? — Обычно бесстрастное лицо Эстер было искажено ужасом.— Ты видел?!

Раз выразителем эмоций стала жена, Гаррод сумел сохранить спокойствие.

— Еще бы.

— Не сбрось ты скорость, этот ублюдок врезался бы в нас...— Эстер умолкла и, пораженная неожиданной мыслью, обернулась к мужу.— Почему ты притормозил, Элбан? Словно предвидел, что могло произойти.

— Просто научился не доверять юнцам в красивых спортивных машинах.

Гаррод беззаботно рассмеялся, но вопрос жены глубоко его растревожил. В самом деле, что заставило его сбросить газ? Особый интерес к «стилету» вполне объясним — это первый автомобиль, который оборудован ветровым стеклом из термогарда, выпускаемого его за-

водом. Но откуда это засевшее в подсознании, холодное как лед, щемящее чувство, будто воплотился кошмар, казалось бы, вычеркнутый из памяти?..

— Вот ведь знала, что надо лететь на самолете,— проговорила Эстер.

— Ты же сама хотела немного развеяться.

— Да, но разве могла я предположить...

— Вот и аэродром,— перебил Гаррод, когда слева появилась высокая проволочная ограда.— Добрались довольно быстро.

Эстер нехотя кивнула и уставилась на бегущие мимо маркеры посадочных полос. Сегодня была вторая годовщина их свадьбы, и Гаррода мучило подозрение, что Эстер обижена, недовольна тем, что большую часть дня занимает деловая встреча. Но изменить он ничего не мог, хотя именно деньги семьи Эстер спасли предприятие Гаррода от краха. Соединенные Штаты приступили к созданию сверхзвукового гражданского самолета с опозданием, внушающим большие опасения, но «Аврора», способная развить скорость 4 М, выходит на линии как раз в то время, когда лайнера других стран начинают морально устаревать, и он, Элбан Гаррод, внес свою лепту в рождение новой машины. Он не отдавал себе отчета в том, почему присутствие на первом показательном полете «Авроры» было для него столь важным, но одно знал определенно: ничто не сможет помешать ему увидеть взлет титановой птицы, которую он оснастил глазами.

Через пять минут машина подъехала к главному входу испытательного аэродрома. Гаррод предъявил пригласительный билет, и затянутый

в свежайшую светлую форму охранник отдал честь. Автомобиль медленно двигался по бурлящей жизнью территории административного комплекса. Красочные указатели, сияющие на утреннем солнце, создавали праздничную атмосферу ярмарки. Везде, куда ни падал взгляд, улыбались длинноногие девушки в формах авиалиний — заказчиков «Авроры».

Эстер с видом собственницы опустила руку на колено Гаррода.

— Милы, не правда ли? Теперь я понимаю, почему ты так сюда рвался.

— Без тебя бы я не поехал, — солгал Гаррод. Чтобы подчеркнуть свои слова, он сжал ногу Эстер и почувствовал, как внезапно напряглись ее мышцы.

— Смотри, Элбан! — воскликнула Эстер высоким голосом. — «Аврора»! Почему ты не сказал, что она так красива?!

При виде огромной серебристой птицы, математически выверенного аппарата, в котором сочетались черты доисторического животного и футуристического создания, Гаррода захлестнула гордость. Он не ожидал, что Эстер оценит «Аврору», и теперь чувствовал себя совершенно счастливым. Нелепый случай со «стилетом» стерся из памяти. Другой охранник указал им на маленькую стоянку, выделенную специально для фирм-подрядчиков. Гаррод вышел из машины и глубоко вздохнул, словно пытаясь наполнить легкие утренними красками. В теплый воздух интригующе вкрадывался слабый запах керосина.

Эстер все еще не сводила глаз с «Авроры», высияющей над красно-белым навесом для зри-

телей.

— Иллюминаторы совсем маленькие...

— Да, по сравнению с таким огромным самолетом. Мы от него ярдах в четырехстах, если не больше.

— Все же мне он кажется... близоруким. Будто птица прищурилась и пытается разглядеть что-то вдали.

Гаррод взял жену под руку и повел к навесу.

— Главное, у «Авроры» есть глаза, и дали их ей — мы. Термогард позволил обойтись без тяжелой и сложной тепловой защиты, необходимой на нынешних сверхзвуковых самолетах.

— Я вас просто дразнила, мистер Гаррод, сэр! — Эстер игриво схватила его руку и прижалась всем телом. Когда они ступили под тень навеса, правильные, тонкой лепки черты ее лица преобразились. Гаррод отстраненно заметил, что его богатая женушка, как всегда, умело распоряжается своей собственностью, но, захваченный предстоящим, отогнал от себя эту мысль. Сквозь толчью незнакомых людей к ним пробился высокий мужчина со светло-золотистыми волосами и загорелым мальчишеским лицом. Это был Вернон Магуайр, президент «Юнайтед эйркрафт констракторс».

— Рад, что вы сумели приехать, Эл. — Магуайр окинул Эстер восхищенным взглядом. — Не любимая ли это крошка Бойда Ливингстона? Как ваш отец, Эстер?

— Весь в делах — вы ведь знаете его отношение к работе, — отозвалась она, пожимая ему руку.

— Я слышал, он собирается заняться политикой. По-прежнему ярый противник азарт-

ных игр?

— Дай ему волю, в стране не останется ни одного ипподрома.

Эстер улыбнулась, и Гаррод с удивлением почувствовал укол ревности. Его жена не имеет ни малейшего отношения к авиапромышленности, присутствует здесь только благодаря любезности организаторов — и все же находится в центре внимания Магуайра. Деньги тянутся к деньгам.

— Передайте ему сердечный привет.— Лицо Магуайра выразило театральную скорбь.— Жаль, что вы не прихватили его с собой.

— Просто не догадались ему предложить,— ответила Эстер.— Уверена, что он с удовольствием приехал бы на первый полет.

— Это не первый полет.— Помимо воли Гаррода слова прозвучали резче, чем он ожидал.— Это первая демонстрация для публики.

— Не придирайтесь к нашей маленькой девочке, Эл! — Магуайр рассмеялся и шутливо ткнул кулаком в плечо Гаррода.— А что касается вашего термогарда, это действительно первый полет.

— Вот как? Я думал, его установили на прошлой неделе.

— Так предполагалось вначале, Эл. Но мы гнали программу испытаний на малых скоростях, и жаль было тратить время на замену.

— Не знал,— произнес Гаррод, и перед его глазами почему-то возникло изумленное, укоризненное лицо водителя красного «стилета».— Значит, это первый полет с моими ветровыми стеклами?

— А я о чем tolкую? Их поставили сегодня

ночью. Если не будет никаких осложнений, в пятницу «Аврора» пойдет на сверхзвуковую. Возьмите что-нибудь выпить и располагайтесь поближе к полю. Я, к сожалению, должен идти.— Магуайр улыбнулся и исчез.

Гаррод остановил официантку и попросил апельсиновый сок для Эстер и водку с тоником для себя. Они взяли бокалы и сели в кресла, рядами обращенные к взлетной полосе. Левый глаз — в детстве Гаррод перенес операцию на зрачке — болезненно запротестовал против яркого света, и Гаррод надел темные очки. Рядом оживленные группы мужчин и женщин наблюдали за суматохой вокруг огромной, будто нахолившейся «Авроры». У самолета теснились грузчики наземных служб, по трапу сновали техники в белых халатах.

Гаррод, как правило, не пил в ранние часы, тем более что одна утренняя порция оказывала на него такое же действие, как три, выпитые вечером. Но по такому поводу, решил он, можно сделать исключение. Пока «Аврору» готовили, Гаррод, не привлекая излишнего внимания, опрокинул три бокала и блаженствовал в волшебном мире, где красивые веселые люди пили солнечный свет из бриллиантовых чаш. Подходили руководители других фирм-подрядчиков, и на несколько минут появился улыбающийся Уэн Ренфрю, главный испытатель ЮЭК, с отработанной грустной миной он отказывался от предлагаемых бокалов.

Ренфрю был небольшого роста симпатичным человеком с красноватым носом и начинающими редеть коротко подстриженными волосами, но во всем его облике сквозила уверенная вы-

держка, которая напоминала людям, что именно он должен научить эту груду экспериментального оборудования стоимостью два миллиарда долларов летать, как летают самолеты. Гарроду было приятно, что Ренфрю выделил его из прочих и сделал какое-то замечание относительно важности термогарда для всего проекта. Он проследил благодарным взглядом за невысокой прямой фигурой пилота, пробиравшегося сквозь толчью к выходу. Поджидавший белый джип подвез его прямо к «Авроре».

— Ты про меня не забыл? — ревниво спросила Эстер.— Я, конечно, не умею управлять самолетом, зато недурно готовлю.

Гаррод обернулся, желая понять смысл ее слов. Цепкие карие глаза Эстер перехватили его взгляд — словно лязгнул ружейный затвор, и он понял, что в день второй годовщины их свадьбы, во время важной полуделовой-полусветской встречи она раздражена, недовольна тем, что его внимание не отдано ей безраздельно. Он мысленно отметил этот факт, а затем как мог тепло улыбнулся.

— Любимая, позволь я принесу тебе что-нибудь еще.

Эстер тут же смягчилась и улыбнулась в ответ.

— Теперь я, пожалуй, выпила бы мартини.

Он сам сходил в бар и уже ставил бокал на столик, когда заработали двигатели «Авроры». Воздух наполнился ревом, казалось, колеблется даже земля. Звук усилился, когда самолет тронулся с места, и стал почти невыносимым, когда «Аврора» вырулила на взлетную полосу, на какой-то момент повернувшись дюзами к навесу,

под которым расположились гости. Гулом отозвалась грудь Гаррода. Чувство, близкое к животному страху, овладело им, но машина откатилась подальше, и стало почти тихо.

Эстер отняла ладони от ушей.

— Разве не поразительно?!

Гаррод кивнул, не сводя глаз с «Авроры». Блестящая титановая громада неуклюже, словно раненый мотылек, уползала вдаль на своих удлиненных шасси. Вот, сверкнув на солнце, она повернулась носом к ветру, после секундной паузы начала разбег, набрала скорость и оторвалась от земли. Вихри пыли устремились за «Авророй», меж тем как она, готовясь к настоящему полету, втянула в себя закрылки и прочие выступающие части, заложила вираж и взяла курс на юг.

— Это прекрасно, Эл! — Эстер схватила его руку. — Я счастлива, что ты привез меня.

У Гаррода перехватило горло от переполнившей его гордости. За спиной с хриплым звуком ожил громкоговоритель, и мужской голос стал невозмутимо описывать возможности «Авроры», пока та не скрылась в мерцающей голубизне неба. Затем громкоговоритель подключили к каналу связи пилота с диспетчером.

— Приветствую вас, дамы и господа! — раздался голос Ренфрю. — «Аврора» находится примерно в десяти милях к югу, высота четыре тысячи футов. Сейчас я делаю левый поворот и меньше чем через три минуты буду над аэродромом. «Аврора» легка, как пушинка, и...

Профессионально ленивый голос Ренфрю на миг затих, а потом зазвучал с ноткой замешательства.

— Сегодня она что-то медленно выполняет команды, но это, вероятно, следствие малой скорости и прогретого разреженного воздуха. **Как я говорил...**

Внезапно под навесом раздался обиженный голос **Магуайра**:

— Вот вам типичный испытатель. Мы его транслируем, чтобы он расхваливал «Аврору», а он выискивает недостатки в системе управления!

Магуайр рассмеялся, и большинство окружающих подхватили его смех. Гаррод всматривался в небо, пока не появилась «Аврора» — звездочкой, планетой, маленькой луной, обратившейся серебряным дротиком. Высоко задрав нос, самолет на небольшой скорости прошел чуть восточнее аэродрома, на высоте около тысячи футов.

— Сейчас я сделаю еще один левый вираж, а затем пройду над главной посадочной полосой, чтобы показать изумительную послушность «Авроры» на этом участке траектории полета.

Теперь голос Ренфрю звучал совершенно спокойно, и щемящее чувство напряжения у Гаррода исчезло. Он взглянул на Эстер. Та достала зеркальце и припудривала нос.

Она заметила его взгляд и состроила гримасу.

— Женщина всегда должна быть...

В динамики ворвался тревожный голос Ренфрю.

— Опять эта неповоротливость... Тут что-то не то, Джо. Я захожу...

Раздался громкий щелчок — отключили громкоговорящую систему. Гаррод закрыл глаза и увидел мчащийся навстречу красный спор-

тивный «стилет».

— Не думайте, что на борту неполадки,— уверенно сказал Магуайр.— Уэн Ренфрю — лучший испытатель страны, и достиг этого своей осторожностью. Если хотите увидеть безупречную посадку — смотрите.

«Аврора» прорезала небо в северном секторе аэродрома и стала быстро терять высоту. Толпа под навесом замерла; все стихло. «Аврора» расправила крылья и выпустила шасси, словно опасливо приглядываясь к земле, в характерной манере всех высокоскоростных самолетов в последние секунды полета. Все ближе надвигалась мерцающая белизна посадочной полосы, и Гаррод поймал себя на том, что затаил дыхание.

— Выравнивай,— прошептал кто-то рядом.— Ради бога, Уэн, выравнивай!

«Аврора» продолжала спускаться с той же скоростью, ударила о бетон и неуклюже подпрыгнула в небо. На миг она, казалось, зависла в воздухе, затем одно крыло резко качнулось вниз. Шасси смялось, опять встретившись с бетоном, и самолет завалился на землю, скользя и разворачиваясь. Скрежет металла заглушили выстрелы взрывных болтов, отделяющих фюзеляж от крыльев с их смертоносным грузом топлива. Крылья разлетелись, вставая на дыбы, одно взорвалось фонтаном огня и черного дыма. Фюзеляж еще с полмили скользил вперед, словно копье, брошенное на поверхность замерзшего озера, гася кинетическую энергию в снопах искр раскаленного металла, затем нехотя остановился.

Наступил миг полной тишины.

Все оцепенели.

Над аэродромом завыли сирены, и Гаррод тяжело сполз на сиденье. В глазах у него маячило лицо юноши из красного «стилета» — ошеломленное, обвиняющее.

Гаррод притянул жену к себе.

— Это сделал я, — сказал он безучастным голосом. — Я уничтожил самолет.

Глава 2

«Компьютерное бюро» Лейграфа занимало несколько маленьких помещений в старом деловом районе Портстона. Гаррод вошел в приемную, приблизился к восседавшей за столом строгой серолицей женщине и протянул ей свою карточку.

— Я бы хотел повидать мистера Лейграфа.

Секретарша виновато улыбнулась.

— Прошу прощения, но у мистера Лейграфа идет совещание, и если вам не назначено...

Гаррод тоже улыбнулся и посмотрел на часы.

— Сейчас ровно одна минута пятого, верно?

— Ммм... да.

— Значит, Карл Лейграф сейчас один в кабинете и блаженствует над своим первым коктейлем. Пьет он слабенький виски с содовой, набив стакан льдом, и я не прочь составить ему компанию. Пожалуйста, сообщите обо мне.

Женщина поколебалась и включила селектор. Через несколько секунд из внутренней двери с запотевшим бокалом в руке вышел Лейграф — стройный, небрежно одетый, преждевременно полысевший мужчина с серьезными серыми глазами.

— Заходите, Эл. Вы подоспели в самый раз.

— Знаю.— Гаррод вошел в отсвечивающий серебром кабинет, где видное место занимали модели сложных геометрических фигур из проволоки.— Выпить не откажусь. Моя машина испустила дух в двух кварталах отсюда. Пришлось ее бросить и идти пешком. Вы не разбираетесь в турбодвигателях?

— Нет. Но опишите мне симптомы, и я попробую что-нибудь придумать.

Гаррод покачал головой. Его всегда восхищала готовность Лейграфа заинтересоваться любой темой и принять участие в ее обсуждении.

— Я пришел не ради этого.

— Вот как? Вам водку с тоником?

— Спасибо, только послабее.

Лейграф наполнил бокал и отнес его к столику, где сел Гаррод.

— Все еще беспокоитесь из-за «стилетов»?

Гаррод кивнул и не спеша пригубил.

— У меня есть для вас новые данные.

— А именно?

— Полагаю, вы слышали о катастрофе «Авроры» два дня назад?

— Слышал! Только об этом и трубят! Жена купила в прошлом году по моему совету новый выпуск акций ЮЭК и теперь...— Лейграф поднес бокал к губам.— Какие данные?

— На «Авроре» стоял термогард.

— Я знаю о вашем контракте, Эл, но самолет наверняка летал не один месяц.

— Да, однако не с моими стеклами. Программу испытательных полетов на малых скоростях гнали с обычными.— Гаррод заглянул в бокал:

от дробленого льда спускались крохотные струйки холодной жидкости.— Во вторник «Аврора» первый раз полетела с термогардом.

— Совпадение! — фыркнул Лейграф.— Зачем вы себя мучаете?

— Это вы пришли ко мне, Карл. Помните?

— Но сам же предупредил, что это дикая флюктуация чисел. При анализе такого сложного комплекса, как движение городского транспорта, непременно столкнешься с самыми невероятными статистическими причудами...

— По пути на аэродром в нас с Эстер едва не врезался «стилет», делавший левый поворот.

— Вы портите мне лучшее время дня! — в сердцах воскликнул Лейграф, отодвигая бокал.— Отвлекитесь на минуту. Ну как новый тип ветрового стекла способен вызывать аварии? Бога ради, Эл, разве это возможно?

Гаррод пожал плечами.

— Я вырастил необычный вид кристалла, прочнее любого известного стекла. Он даже прозрачным не должен был быть, потому что отражает энергию практически на всех длинах волн, кроме видимого спектра. Так я запатентовал лучший в мире материал для ветровых стекол... Но, положим, он пропускает какое-то иное излучение? Даже усиливает или фокусирует? Неизвестное нам?

— Излучение, которое превращает хороших пилотов и водителей в плохих? — Лейграф схватил бокал и осушил его одним глотком.— А волосы по всему лицу от него не отрастают? Или вот такие зубы? — Он поднес ко рту кулак и растопырил пальцы.

Гаррод рассмеялся.

— Я и сам понимаю, что это звучит дико. Но попробуем взглянуть с другой стороны. Мне доводилось читать о дороге во Франции, где происходили частые аварии. Никто не понимал почему — прямое широкое шоссе, окаймленное тополями. Потом выяснилось, что деревья располагались на таком расстоянии друг от друга, что при движении с максимальной разрешенной скоростью солнце было в глаза водителя с частотой десять раз в секунду.

— При чем тут... — недоуменно начал Лейграф. — Ага, кажется, понял. Альфа-ритм мозга. Гипноз.

— Да. А эпилепсия? Вы знаете, что эпилептику нельзя смотреть телевизор, у которого медленно «плывет» картинка?

Лейграф покачал головой.

— Совсем разные явления, Эл.

— Не уверен. Что, если термогард генерирует? Производит некий пульсирующий эффект?

— Это не объясняет значения поворотов. Анализ аварий со «стилетами», проведенный моей компанией, показывает, что практически все они происходили во время левых поворотов. Мое мнение — виновато рулевое управление.

— Нет, — твердо сказал Гаррод. — Это уже доказано.

— Разумеется, в момент катастрофы «Аврора» поворачивала... — Серые глаза Лейграфа слегка расширились. — Ведь можно сказать, что при посадке самолет поворачивает в вертикальной плоскости?

— Да. Это называется выравниванием. Только Ренфрю не успел выровняться. Он практически вогнал самолет прямо в землю.

Лейграф вскочил на ноги.

— Он повернул слишком поздно! И в том же беда водителей «стилетов». Они недооценивают время, которое требуется для пересечения противоположной полосы движения. Вот оно, Эл.

Сердце Гаррода тяжело осело.

— Что — оно.

— Общий фактор.

— Но куда он нас приводит?

— Никуда. Подтверждает ваши новые сведения, только и всего. Но я начинаю склоняться к мысли, что термогард действительно как-то влияет на пропускаемый свет... Предположим, изменяет длину волны обычного света и делает его опасным? Большой водитель или пилот...

Гаррод покачал головой.

— В таком случае менялся бы видимый через стекло цвет. К ветровым стеклам предъявляют много разных требований...

— Но что-то же замедляет реакцию водителей! — сказал Лейграф. — Послушайте, Эл, мы имеем дело с двумя факторами. Сам свет — фактор неизменный и человеческий...

— Стоп! Не говорите ничего! — Гарроду показалось, что пол под ним угрожающе накренился, и он стиснул подлокотники кресла. По лбу, по щекам пробежали холодные мурашки. И столь глубока была пропасть между логикой и пришедшей ему в голову мыслью, что он даже не смог сразу облечь ее в слова.

Через два часа, после мучительной поездки в бурлящем потоке транспорта, двое мужчин вошли в здание кремового цвета — исследова-

тельский и административный центр компании «Гаррод транспэрансис». Стоял изумительный октябрьский вечер, теплый нежный воздух навевал тоску по прошлому. С автостоянки виднелся теннисный корт, окруженный деревьями, где белые фигурки доигрывали, быть может, последнюю партию сезона.

— Вот чем мне следовало бы заниматься, — горько посетовал Лейграф, подойдя к главному входу. — Ну объясните, наконец, зачем вы меня сюда притащили?

— Потерпите. — Гаррод словно со стороны чувствовал свою осторожность, осторожность человека, не уверенного в твердости почвы под ногами. — Боюсь каким-то образом заранее вас настроить. Я кое-что вам покажу, а вы мне скажете, что это значит.

Они вошли в здание и поднялись на лифте на третий этаж, где находился кабинет Гаррода. Помещения казались вымершими, но в коридоре их встретил коренастый мужчина с отвертками вместо авторучек в нагрудном кармане.

— Привет, Винс, — сказал Гаррод. — Вам передали мою просьбу?

Винс кивнул.

— Да, но я ничего не понял. Вам в самом деле нужна подставка с двумя лампами? И ротационный переключатель?

— Именно. — Гаррод хлопнул Винса по плечу, словно извиняясь за тайну, и вошел в кабинет, где рядом с большим неприбранным столом стоял кульман.

Лейграф указал на доску, занимавшую целиком одну стену.

— Вы действительно ею пользуетесь? Я думал, что их можно увидеть только в старых фильмах Уильяма Холдена.

— Мне так легче сосредоточиться. Когда задача на доске, я могу работать, что бы ни творилось вокруг.

Гаррод говорил медленно, рассматривая импровизированное оборудование на столе. На маленькой фанерной подставке были установлены две лампы и ротационный переключатель с регулировкой скорости, соединенные изолированным проводом. «Наступит день,— безучастно подумал Гаррод,— когда лучшие научные музеи мира будут драться за эту кустарщину». Он включил схему в сеть, лампы замигали, после чего он отрегулировал переключатель таким образом, что секунду лампы горели, секунду гасли.

— Как на Таймс-сквер,— насмешливо фыркнул Лейграф.

Гаррод взял его за руку и подвел к столу.

— Посмотрите внимательно: две лампы и переключатель, включенные последовательно.

— У нас в Калифорнийском технологическом в компьютерном курсе такого не было, но суть, кажется, я улавливаю. Полагаю, мой мозг в состоянии постичь представленное хитросплетение передовой техники.

— Я просто хотел убедиться, что вы понимаете...

— Ради бога, Эл! — Терпение Лейграфа начало истощаться.— Что тут понимать?!

— Смотрите.— Гаррод открыл шкафчик и достал кусок на вид обычного, хотя и довольно толстого стекла.— Термогард.

Гаррод поднес его к столу со схемой и поставил вертикально перед одной из ламп.

— Ну, как там себя ведут лампы? — не глядя, спросил он.

— А как они могут себя вести, Эл? Вы ничего... О боже!

— Вот именно.

Гаррод наклонился и посмотрел на лампочки сбоку, примерно под тем же углом зрения, что и Лейграф. Лампочка за стеклом все так же вспыхивала с интервалом в одну секунду, но несинхронно с другой. Гаррод убрал стекло, и лампы стали вспыхивать одновременно. Снова поставил — появился разнобой.

— Я бы не поверил, — произнес Лейграф.

Гаррод кивнул.

— Помните, я говорил, что термогард не должен был быть прозрачным? Очевидно, свет проходит сквозь него с трудом — с таким трудом, что на сантиметр пути требуется чуть ли не секунда. Вот почему у водителей «стилетов» столько аварий, вот почему пилот практически вогнал «Аврору» в землю. Они сбились с шага времени, Карл. *Они видели мир таким, каким он был секунду назад!*

— Но почему же эффект особенно проявляется при поворотах?

— Он оказывается и в иных обстоятельствах, вызывая неправильную оценку дистанции и, вероятно, слабые столкновения машин, едущих в одном направлении. Но в этих случаях относительная скорость мала, оттого и повреждения незначительны. Только когда водитель пересекает полосу встречного движения — а просто удивительно, как тонко мы чувствуем доли се-

кунды при таких поворотах, Карл,— относительная скорость достаточно высока, и в результате — авария.

— А повороты направо?

— Их обычно делают медленнее, да и перекресток не летит навстречу со скоростью шестьдесят миль в час. Кроме того, водитель посматривает и в боковое стекло, и машинально компенсирует погрешность. А при пересечении встречной полосы его внимание целиком сосредоточено на приближающихся машинах — через ветровое стекло,— и он получает ложную информацию.

Лейграф потер подбородок.

— Вероятно, все это относится и к авиации?

— Да. В полете по прямой задержка сказываться не будет — и не забудьте, что «Аврора» находилась в небе одна,— но поворот усиливает проявление эффекта.

— Каким образом?

— Простая тригонометрия. Если за сто миль до горного пика пилот изменит курс хотя бы на два градуса, то пик останется в стороне на расстоянии... Ну, Карл, вы же математик.

— Э... трех или четырех миль.

— Таким образом, пилот может очень точно судить о степени маневренности самолета. И разумеется, при посадке, всего в нескольких футах от земли и все еще на скорости двести миль в час...

Лейграф задумался.

— Знаете, если удастся усилить эффект, у вас в руках окажется нечто фантастическое.

— Как раз это я и собираюсь выяснить,— ответил Гаррод.

— И этим ты занимался все последние недели? — Эстер с недоверием смотрела на прозрачную прямоугольную пластинку, закрывавшую правую руку мужа. — Обыкновенное стекло.

— Так только кажется. — Гаррод испытывал детское удовольствие, оттягивая момент торжества. — Это... медленное стекло.

Он пытался прочесть выражение ее холодного, словно из камня высеченного лица, отказываясь признавать в нем неприязнь.

— Медленное стекло... Хотела бы я понять, что с тобой случилось, Элбан. По телефону ты заявил, что принесешь кусок стекла в два миллиона миль толщиной.

— Он и есть в два миллиона миль толщиной — по крайней мере, для луча света. — Гаррод понимал, что выбрал неверный подход, но понятия не имел, как исправить положение. — Иными словами, толщина этого куска стекла почти одиннадцать световых секунд.

Губы Эстер беззвучно задвигались. Она отвернулась к окну, за которым будто факел горело в закатном сиянии солнца одинокое буковое дерево.

— Смотри, Эстер, — напряженно проговорил Гаррод. Он перехватил пластинку стекла левой рукой и быстро отвел правую. Эстер проследила за движением и вскрикнула, увидев еще одну правую руку за стеклом.

— Прости, — виновато произнес Гаррод. — Глупый поступок. Я забыл, каково это увидеть в первый раз.

Эстер не сводила глаз со стекла, пока рука, живущая своей жизнью, не исчезла, скользнув вбок.

— Что ты сделал?

— Ничего, дорогая. Просто держал руку за стеклом, пока не возникло ее изображение, то есть пока отраженный свет не прошел сквозь стекло. Это особый вид стекла, свет идет сквозь него одиннадцать секунд, так что изображение было видно еще одиннадцать секунд после того, как я убрал руку. Здесь нет ничего сверхъестественного.

Эстер покачала головой.

— Мне это не нравится.

Гаррод почувствовал, как в нем зарождается отчаяние.

— Эстер, ты будешь первой в истории человечества женщиной, увидевшей свое лицо таким, какое оно на самом деле. Посмотри в стекло.

Он поднес к ней прямоугольную прозрачную пластинку.

— Что за глупость... Я пользуюсь зеркалом...

— Это не глупость — смотри. Ни одна женщина не видела по-настоящему своего лица, потому что зеркало меняет стороны местами. Если у тебя родинка на левой щеке, то у отражения в зеркале родинка на правой щеке. Но медленное стекло...

Гаррод повернул пластинку, и Эстер увидела свое лицо. Изображение, беззвучно шевеля губами, держалось одиннадцать секунд, пока свет проходил сквозь кристаллическую структуру материала,— и исчезло. Гаррод молча ждал.

Эстер усмехнулась.

— Это должно меня поразить?

— Честно говоря — да.

— Увы, мне жаль, Элбан...

Она отошла к окну и устремила взгляд на

расстилающуюся за ним зелень. Глядя на ее силуэт, Гаррод видел, как беспомощно повисли ее чуть согнутые в локтях руки. Из антропологии он помнил, что такое положение рук естественно для женщин. Но в его воображении фигурка Эстер казалась напряженной, готовой на саждать свою волю. Гаррод почувствовал, как внутри разгорается холодное пламя ярости.

— Тебе жаль,— резко повторил он.— Что ж, мне тоже жаль. Жаль, что ты не в состоянии понять значения этого материала для нас и для всего остального мира.

Эстер повернулась к нему лицом.

— Я не хотела говорить об этом сейчас, когда мы оба устали, но раз уж ты начал...

— Продолжай.

— Маусон, из финансового отдела, сказал мне на прошлой неделе, что ты намерен истратить больше миллиона на исследования своего... медленного стекла.— Она печально улыбнулась.— Тебе, разумеется, ясно, что об этом даже думать нелепо.

— Не понимаю, почему.

— Не понимаю, почему...— презрительно повторила Эстер.— Такие деньги на детские забавы?!

— Мне в самом деле жаль тебя, Эстер.

— Не жалей.— Ее голос набрал силу. Она приготовилась выложить на стол козырную карту, которую за два года супружества часто держала в руках, но ни разу не пускала в ход.— Боюсь, что я просто не могу позволить тебе такое беззаботное отношение к деньгам отца.

Гаррод глубоко вздохнул. Он давно страшился этого момента, но теперь, перед тем как разы-

грать маленькую сценку, чувствовал лишь стран-
ный подъем.

— Ты не беседовала с Маусоном в последние
два дня?

— Нет.

— Я сделаю ему выговор от твоего имени —
из него плохой шпион.

Эстер кинула на мужа настороженный взгляд.

— О чём ты?

— Маусон обязан был донести тебе, что на
этой неделе я продал несколько второстепенных
патентов на термогард. Это делалось втайне,
разумеется, но ему следовало пронюхать.

— Всего лишь? Послушай, Элбан, то, что ты
наконец сумел заработать несколько долларов,
вовсе не означает...

— Пять миллионов, — приятно улыбаясь,
сказал Гаррод.

— Что? — Лицо Эстер побелело.

— Пять миллионов. Сегодня утром я рас-
платился с твоим отцом. — Эстер открыла рот,
и каким-то уголком сознания Гаррод отметил,
что это выражение предельного, откровенного
изумления делало ее куда красивее, чем при
любых других обстоятельствах на его памяти. —
Он был поражен не меньше тебя.

— Не удивительно. — Эстер, всегда быстро
ориентирующаяся, немедленно изменила такти-
ку. — Я не понимаю, как ты ухитрился выжать
пять миллионов из материала для ветровых сте-
кол, который не годится для ветровых стекол,
но так или иначе трамплином тебе послужили
деньги отца. Не забывай, он ссудил тебя без
обеспечения, под минимальный процент. Поря-
дочный человек дал бы ему возможность...

— Войти в дело? Извини, Эстер, термогард принадлежит мне. Только мне.

— Ты ничего не добьешься,— пообещала она.— Ты потеряешь все до последнего гроша.

— Полагаешь?

Гаррод приблизился к окну, поднял прозрачную пластинку, а затем быстро отошел в самый темный угол комнаты. Когда он повернулся лицом к жене, Эстер сделала шаг назад и прикрыла глаза. Ослепительное в красно-золотом великолепии в руке Гаррода сияло заходящее солнце.

ОТСВЕТ ПЕРВЫЙ. СВЕТ БЫЛОГО*

Деревня осталась позади, и вскоре крутые петли шоссе привели нас в край медленного стекла.

Мне ни разу не приходилось бывать на таких фермах, и вначале они показались мне жутковатыми, а воображение и обстоятельства еще усиливали это впечатление. Турбодвигатель нашей машины работал ровно и бесшумно, не нарушая безмолвия сырого воздуха, и мы неслись по серпантину шоссе среди сверхъестественной тишины. Справа, по горным склонам, обрамлявшим удивительно красивую долину, в темной зелени могучих сосен, вбирая свет, стояли огромные рамы с листами медленного стекла. Лучи вечернего солнца порою вспыхивали на растяжках, и казалось, будто там кто-то ходит. Но на самом деле вокруг было полное безлюдье. Ряды этих окон годами стояли на склонах над долиной,

* Перевод И. Гуровой.— В сб.: «Практическое изобретение».— М.: Мир, 1974, с. 249—259.

и люди приходили протирать их только изредка в глухие часы ночи, когда ненасытное стекло не могло запечатлеть их присутствия.

Зрелище было завораживающее, но ни я, ни Селина ничего о нем не сказали. Мне кажется, мы ненавидели друг друга с таким неистовством, что не хотелось портить новые впечатления, бросая их в водоворот наших эмоций. Я все острее ощущал, что мы напрасно затеяли эту поездку. Прежде я полагал, что нам достаточно будет немного отдохнуть, и все встанет на свое место. И вот мы отправились путешествовать. Но ведь в положении Селины это ничего не меняло, и (что было еще хуже) беременность продолжала нервировать ее.

Пытаясь найти оправдание тому, что ее состояние так вывело нас из равновесия, мы говорили все, что обычно говорят в таких случаях: нам, конечно, очень хочется иметь детей, но только позже, в более подходящее время. Ведь Селина из-за этого должна была оставить хорошо оплачиваемую работу, а вместе с ее заработком мы лишились и нового дома, который совсем было собирались купить,— приобрести его на то, что я получал за свои стихи, было, разумеется, невозможно. Однако в действительности наше раздражение объяснялось тем, что нам против воли пришлось осознать следующую неприятную истину: тот, кто говорит, что хочет иметь детей, но только позже, на самом деле совсем не хочет ими обзаводиться — ни теперь, ни после. И нас бесило сознание, что мы попали в извечную биологическую ловушку, хотя всегда считали себя особенными и неповторимыми.

Шоссе продолжало петлять по южным скло-

нам Бенкрайчена, и время от времени впереди на мгновение открывались далекие серые просторы Атлантического океана. Я притормозил, чтобы спокойно полюбоваться этой картиной, и тут увидел прибитую к столбу доску. Надпись на ней гласила: «МЕДЛЕННОЕ СТЕКЛО. Качество высокое, цены низкие. Дж. Р. Хейген». Подчинившись внезапному побуждению, я остановил машину у обочины. Жесткие стебли травы царапнули по дверце, и я сердито поморщился.

— Почему ты остановился? — спросила Селина, удивленно повернув ко мне лицо, обрамленное платиновыми волосами.

— Погляди на это объявление. Давай сходим туда и посмотрим. Вряд ли в такой глуши за стекло просят слишком дорого.

Селина возразила насмешливо и зло, но меня так захватила эта мысль, что я не стал слушать. У меня было нелепое ощущение, что нам нужно сделать что-то безрассудное и неожиданное. И тогда все утрясется само собой.

— Пошли, — сказал я. — Нам полезно размять ноги. Мы слишком долго сидели в машине.

Селина так пожала плечами, что у меня на душе сразу стало скверно, и вышла из машины. Мы начали подниматься по крутой тропе, по вырезанным в склоне ступенькам, которые были укреплены колышками. Некоторое время тропа вилась между деревьями, а потом мы увидели одноэтажный каменный домик. Позади него стояли высокие рамы с медленным стеклом, повернутые к великолепному отрогу, отражающемуся в водах Лох-Линна. Почти все стекла были абсолютно прозрачны, но некоторые казались панелями отполированного черного дерева.

Когда мы вошли в аккуратно вымощенный двор, нам помахал рукой высокий пожилой мужчина в сером комбинезоне. Он сидел на низкой изгороди, курил трубку и смотрел на дом. Там у окна стояла молодая женщина в оранжевом платье, держа на руках маленького мальчика. Но она тут же равнодушно повернулась и скрылась в глубине комнаты.

— Мистер Хейген? — спросил я, когда мужчина слез с изгороди.

— Он самый. Интересуетесь стеклом? Тогда лучше места вам не найти.— Хейген говорил деловито, с интонациями и легким акцентом шотландского горца. У него было невозмутимо унылое лицо, какие часто встречаются у пожилых землекопов и философов.

— Да,— сказал я.— Мы путешествуем и прошли ваше объявление.

Селина, хотя обычно она легко заговаривает с незнакомыми людьми, ничего не сказала. Она смотрела на окно, теперь пустое, с легким недоумением — во всяком случае, так мне показалось.

— Вы ведь из Лондона? Ну, как я сказал, лучшего места вы выбрать не могли, да и времени тоже. Сезон еще не начался, и нас с женой в это время года мало кто навещает.

Я рассмеялся.

— То есть мы сможем купить небольшое стекло, не заложив последнюю рубашку?

— Ну вот! — сказал Хейген с виноватой улыбкой.— Опять я сам все испортил! Роза, то есть моя жена, говорит, что я никогда не научусь торговать. Но все-таки садитесь и потолкуем,— он указал на изгородь, а потом с сомнением по-

глядел на отглаженную голубую юбку Селины и добавил: — Погодите, я сейчас принесу коврик.

Хейген, прихрамывая, вошел в дом и закрыл за собой дверь.

— Может быть, нам и незачем было забираться сюда, — шепнул я Селине, — но ты все-таки могла бы держаться с ним полюбезнее. Помоему, мы можем рассчитывать на выгодную покупку.

— Держи карман шире, — ответила она с нарочитой вульгарностью. — Даже ты мог бы заметить, в каком доисторическом платье расхаживает его жена. Он не станет благодетельствовать незнакомых людей.

— А это была его жена?

— Конечно, это была его жена.

— Ну-ну, — сказал я с удивлением. — Только ты все равно постараися быть вежливой. Не ставь меня в глупое положение.

Селина презрительно фыркнула. Но когда Хейген вышел из дома, она очаровательно улыбнулась, и меня немного отпустило. Странная вещь — мужчина может любить женщину и в то же время от души желать, чтобы она попала под поезд.

Хейген расстелил плед на изгороди, и мы сели, чувствуя себя несколько неловко в этой классической сельской позе.

Далеко внизу, за рамами с бессонным медленным стеклом, неторопливый пароходик чертил белую полосу по зеркалу озера.

Буйный горный воздух словно сам рвался в наши легкие, перенасыщая их кислородом.

— Кое-кто из тех, кто растит здесь стекло, — начал Хейген, — расписывает приезжим вроде

vas, до чего красива осень в этой части Аргайла. Или там весна, или зима. А я обхожусь без того — ведь любой дурак знает, что место, которое летом некрасиво, никогда не бывает красивым. Как, по-вашему?

Я послушно кивнул.

— Вы просто хорошенко поглядите на озеро, мистер...

— Гарленд.

— Гарленд. Вот что вы купите, если вы купите мое стекло. И красивее, чем сейчас, оно не бывает. Стекло в полной фазе, толщина не меньше десяти лет, и полуметровое окно обойдет-ся вам в двести фунтов.

— Двести фунтов! — Селина была возмуще-на.— Даже в магазине пейзажных окон на Бонд-стрит стекла не стоят так дорого.

Хейген улыбнулся терпеливой улыбкой, а затем внимательно посмотрел на меня, проверяя, достаточно ли я разбираюсь в медленном стекле, чтобы в полной мере оценить его слова. Сумма, которую он назвал, была гораздо больше, чем я ожидал, но ведь речь шла о десятилетнем стекле! Дешевое стекло в магазинчиках вроде «Панорамплекса» или «Стекландшафта» — это самое обычное полуторасантиметровое стекло с на-кладной пластинкой медленного стекла, которой хватает на год, а то и всего на десять месяцев.

— Ты не поняла, дорогая,— сказал я, уже твердо решив купить.— Это стекло сохранится десять лет, и оно в полной фазе.

— Но ведь «в фазе» значит только, что оно соответствует данному времени?

Хейген снова улыбнулся ей, понимая, что меня ему убеждать больше незачем.

— Только! Простите, миссис Гарленд, но вы, по-видимому, не отдаете себе отчета, какая чудесная, в буквальном смысле слова чудесная, точность нужна для создания стекла в полной фазе. Когда я говорю, что стекло имеет толщину в десять лет, это означает, что свету требуется десять лет, чтобы пройти сквозь него. Другими словами, каждое из этих стекол имеет толщину в десять световых лет, а это вдвое больше расстояния до ближайшей звезды. Вот почему отклонение в реальной толщине на одну миллионную долю сантиметра приводит...

Он вдруг замолчал, глядя в сторону дома. Я отвернулся от озера и снова увидел в окне молодую женщину. В глазах Хейгена я заметил жадную тоску, которая смутила меня и одновременно убедила, что Селина ошиблась. Насколько мне известно, мужья никогда так не смотрят на жен — во всяком случае, на своих собственных.

Молодая женщина оставалась у окна лишь несколько секунд, а затем теплое оранжевое пятно снова исчезло в глубине комнаты. Внезапно у меня, не знаю почему, возникло совершенно четкое ощущение, что она слепа. По-видимому, мы с Селиной случайно стали свидетелями эмоциональной ситуации, столь же напряженной, как наша собственная.

— Извините, — сказал Хейген, — мне показалось, что Роза меня зовет. Так на чем я остановился, миссис Гарленд? Десять световых лет, сжатые в половину сантиметра, неминуемо...

Я перестал слушать, отчасти потому, что твердо решил купить стекло, а отчасти потому, что уже много раз слышал объяснения свойств медленного стекла — и все равно никак не мог по-

нять его принципа. Один знакомый физик как-то посоветовал мне для наглядности представить себе лист медленного стекла как голограмму, которой для воссоздания визуальной информации не требуется лазерного луча и в которой каждый фотон обычного света проходит сквозь спиральную трубку, лежащую вне радиуса захвата любого из атомов стекла. Эта, на мой взгляд, жемчужина неудобопонимаемости не только ничего мне не объяснила, но еще сильнее убедила в том, что человеку, столь мало склонному к технике, как я, следует интересоваться не причинами, а лишь результатами.

Наиболее же важный результат, на взгляд среднего человека, заключался в том, что свету, чтобы пройти сквозь лист медленного стекла, требовался большой срок. Новые листы были всегда угольно-черными, потому что ни единый луч света еще не прошел сквозь них. Но когда такое стекло ставили, например, возле лесного озера, это озеро в нем появлялось. И если затем стекло вставлялось в окно городской квартиры где-нибудь в промышленном районе, то в течение года из этого окна словно открывался вид на лесное озеро. И это была не просто реалистичная, но неподвижная картина — нет, по воде, блестя на солнце, бежала рябь, животные бесшумно приходили на водопой, по небу пролетали птицы, ночь сменяла день, одно время года сменяло другое. А через год красота, задержанная в субатомных каналах, исчертывалась, и в раме возникала знакомая серая улица.

Коммерческий успех медленного стекла объяснялся не только его новизной, но и тем, что оно создавало полную эмоциональную иллюзию,

будто все это принадлежит тебе. Ведь владелец ухоженных садов и вековых парков не занимается тем, что ползает по своей земле, щупая инюхая ее. Он воспринимает землю как определенное сочетание световых лучей. С изобретением медленного стекла появилась возможность переносить эти сочетания в угольные шахты, подводные лодки, тюремные камеры.

Несколько раз я пытался выразить в стихах свое восприятие этого волшебного кристалла, но для меня эта тема исполнена такой глубочайшей поэзии, что, как ни парадоксально, воплотить ее в стихи невозможно. Во всяком случае, мне это не по силам. К тому же все лучшие песни и стихотворения об этом уже написаны людьми, которые умерли задолго до изобретения медленного стекла. Например, ведь не мог же я превзойти Мура с его

Когда, не зная сна, лежу
В плену безмолвия ночного,
Я счастье давнее бужу,
И мне сияет свет былого.

Потребовалось всего несколько лет, чтобы медленное стекло из технической диковинки превратилось в товар широкого потребления. И к большому удивлению поэтов — то есть тех из нас, кто верит, что красота живет, хоть розы увядают, — став товаром, медленное стекло приобрело все свойства товара. Появились хорошие стекландшафты, которые стоили очень дорого, и стекландшафты похуже, которые стоили много дешевле. Цена в первую очередь определялась толщиной, измеряемой годами, но значительную роль при ее установлении играла и реальная тол-

щина, или фаза.

Даже самое сложное и новейшее оборудование не могло обеспечить постоянного достижения точно заданной толщины. Грубое расхождение означало, что лист стекла, рассчитанный на пятилетнюю толщину, на самом деле получал толщину в пять лет с половиной, так что свет, попадавший в стекло летом, покидал его зимой. Не столь грубая ошибка могла привести к тому, что полуденное солнечное сияние загоралось в стекле в полночь. В таких несоответствиях была своя прелест — многим из тех, кто работает по ночам, например, нравилось существовать в своем собственном времени, но, как правило, стекландшафты, которые точнее соответствовали реальному времени, стоили дороже.

Хейген замолчал, так и не убедив Селину. Она чуть заметно покачала головой, и я понял, что он не нашел к ней правильного подхода. Внезапно платиновый шлем ее волос всколыхнулся от удара холодного ветра, и с почти безоблачного неба на нас обрушились крупные прозрачные капли дождя.

— Я оставлю вам чек, — сказал я резко, и зеленые глаза Селины сердито сфокусировались на моем лице. — Вы сможете переслать стекло мне?

— Переслать-то нетрудно, — сказал Хейген, соскользнув с изгороди. — Но, может, вам будет приятнее взять его с собой?

— Да, конечно, если это не доставит вам хлопот, — я был пристыжен его безоговорочной готовностью принять мой чек.

— Я пойду выну для вас лист. Подождите здесь. Я сейчас, вот только вставлю его в раму

для перевозки.

Хейген зашагал вниз по склону к цепочке окон — в некоторых из них виднелось озеро, залитое солнцем, в других над озером клубился туман, а два-три были совершенно черными.

Селина стянула у горла воротник блузки.

— Он мог хотя бы пригласить нас в дом! Уж если к нему завернул идиот, он мог быть и полюбезнее.

Я пропустил эту шпильку мимо ушей и начал заполнять чек. Огромная капля упала мне на палец, и брызги разлетелись по розовой бумаге.

— Ну, ладно,— сказал я.— Постоим на крыльце, пока он не вернется.

«Крыса,— думал я, чувствуя, что все получилось совсем не так.— Да, конечно, я был идиотом, раз женился на тебе... Призовым идиотом, идиотом из идиотов... А теперь, когда ты носишь в себе частицу меня, мне уже никогда, никогда, никогда не вырваться».

Чувствуя, как внутри меня все сжимается, я бежал рядом с Селиной к домику. Чистенькая комната за окном, где топился камин, была пуста, но на полу валялись в беспорядке детские игрушки. Кубики с буквами и маленькая тачка цвета очищенной моркови. Пока я смотрел, в комнату вбежал мальчик и принялся ногами расшвыривать кубики. Нас он не заметил. Несколько секунд спустя в комнату вошла молодая женщина и подхватила мальчика на руки, весело смеясь. Она, как и раньше, подошла к окну. Я смущенно улыбнулся, но ни она, ни мальчик не ответили на мою улыбку.

У меня по коже пробежали мурашки. Неужели они оба слепы? Я тихонько попятился.

Селина вскрикнула. Я обернулся к ней.

— Коврик! — сказала она.— Он намокнет.

Перебежав двор под дождем, она сдернула с изгороди рыжеватый плед и побежала назад, прямо к двери дома. Что-то конвульсивно вскользнулось у меня в подсознании.

— Селина! — закричал я.— Не входи туда!

Но я опоздал. Она распахнула деревянную дверь, заглянула внутрь и остановилась, прижав ладонь ко рту. Я подошел к ней и взял плед из ее безвольно разжавшихся пальцев.

Закрывая дверь, я обвел взглядом внутренность домика. Чистенькая комната, в которой я только что видел женщину с ребенком, была заставлена колченогой мебелью, завалена старыми газетами, рваной одеждой, грязной посудой. В комнате стояла сырая вонь, и в ней никого не было. Единственный предмет, который я узнал, была маленькая тачка — сломанная, с облупившейся краской.

Я закрыл дверь на щеколду и приказал себе забыть то, что я видел. Некоторые мужчины содержат дом в порядке и когда живут одни. Другие этого не умеют.

Лицо Селины было белым как полотно.

— Я не понимаю... не понимаю...

— Медленное стекло, но двустороннее,— сказал я мягко.— Свет проходит через него и в дом и из дома.

— Ты думаешь?..

— Не знаю. Нас это не касается. А теперь возьми себя в руки. Вон идет Хейген со стеклом.— Судорога ненависти, сжимавшая мои внутренности, вдруг исчезла.

Хейген вошел во двор, держа под мышкой пря-

моугольную раму, запакованную в клеенку. Я протянул ему чек, но он глядел на Селину. Он, по-видимому, сразу понял, что наши бесчувственные пальцы рылись в его душе. Селина отвела взгляд. Она стала вдруг старой и некрасивой и упрямо всматривалась в горизонт.

— Позвольте взять у вас коврик, мистер Гарленд,— сказал наконец Хейген.— Вы напрасно затруднялись.

— Ничего. Вот чек.

— Благодарю вас.— Он все еще смотрел на Селину со странным выражением мольбы.— Спасибо за покупку.

— Спасибо вам,— ответил я такой же стереотипной фразой.

Я взял тяжелую раму и повел Селину к тропе, по которой нам предстояло спуститься на шоссе. Когда мы добрались до первой смоченной дождем и скользкой ступеньки, Хейген окликнул меня:

— Мистер Гарленд!

Я неохотно оглянулся.

— Я ни в чем не виноват,— сказал он ровным голосом.— Их обоих сшиб грузовик на шоссе шесть лет назад. Шофер был пьян. Моему сыну только исполнилось семь. Я имею право сохранить что-то.

Я молча кивнул и начал спускаться по лестнице, крепко обнимая жену, радуясь ощущению ее руки у меня на плече. Перед поворотом я оглянулся и за струями дождя заметил, что Хейген, ссгутившись, сидит на изгороди там, где мы увидели его, когда вошли во двор.

Он смотрел в сторону дома, но я не мог различить, виднеется ли кто-нибудь в окне.

Глава 3

В день одиннадцатой годовщины свадьбы Гарроду предстояла важная встреча в Пентагоне. Чтобы успеть отдохнуть, он решил вылететь в Вашингтон накануне вечером. Эстер стала выговаривать ему за пренебрежительное отношение к гостям, приглашенным на ужин, но Гаррод был готов к возражениям и легко отговорился. Его личный самолет вылетел из Портстона в 19.00, через несколько минут перешел звуковой барьер и на высоте десяти миль начал полуторачасовой полет на восток.

Этот стремительный, словно на ракете, подъем на крейсерскую высоту никогда не оставлял Гаррода безучастным. Он подсчитал, что если кто-то, летя над аэродромом, сбросит с высоты пятидесяти тысяч футов камень, то самолет Гаррода, в тот же миг поднявшись в воздух, настигнет его прежде, чем камень упадет на землю. Гаррод отстегнул ремень, кинул взгляд в иллюминатор из освидетельствованного термогарда с нулевой задержкой на залитое солнцем царство облаков далеко внизу и задумался об Эстер.

Девять лет прошло с тех пор, как их роли поменялись. Из неудачливого инженера-химика, чье предприятие давно бы прогорело без денег тестя, он вдруг превратился в миллиардера, который мог купить на корню все семейство Ливингстонов. Эти годы принесли ему огромное удовлетворение практически во всех отношениях, и все же — невероятно! — Гаррод с тоской вспоминал раннюю пору супружества.

На их отношения серьезный отпечаток накладывала потребность Эстер относиться к мужу

как к личной собственности, что в то время соответствовало действительности. Эта жесткая прочная связь каким-то странным образом компенсировала неспособность Гаррода испытывать подлинную любовь или ревность — то, чего требовала от него Эстер. Теперь, разумеется, она уже ничего не требовала. Казалось, глубоко захороненная неуверенность не позволяла ей устанавливать отношения на равных. Лишь чувствуя себя хозяйкой положения, располагая неоспоримым преимуществом, могла она совладать с любой неожиданностью. С тех пор, как Гаррод обрел финансовую независимость, они с Эстер словно образовали двойную звезду — были связаны друг с другом, оказывали взаимное влияние, но никогда не сходились. Гаррод подумывал о разводе, однако ни недостатки нынешнего брака, ни прелести нового не были достаточно сильны, чтобы толкнуть его к решительным действиям.

Как всегда, попытка всерьез поразмыслить о своей эмоциональной жизни — вернее, об ее отсутствии — вызвала раздражение и усталость. Гаррод открыл портфель, чтобы подготовиться к утренней встрече, и замер в нерешительности, увидев на папках яркие красные пометки:

«СЕКРЕТНО! ОТКРЫВАТЬ ТОЛЬКО В РАЗРЕШЕННЫХ УСЛОВИЯХ — ПРИ НУЛЕВОЙ ОСВЕЩЕННОСТИ ИЛИ В ОСВИДЕТЕЛЬСТВОВАННОЙ НАКИДКЕ БЕЗОПАСНОСТИ ТИПА 183».

Гаррод заколебался. Его накидка, аккуратно сложенная, покоялась в надлежащем отделении портфеля, но сама мысль о необходимости за-

креплять на голове поддерживающий каркас с крохотной лампочкой была ему неприятна. Он оглядел салон самолета, прикидывая, можно ли работать открыто, и тут же спохватился — разве найти крошку-соглядатая? Медленное стекло — теперь официально именуемое «ретардит» — полностью вытеснило камеры из всех видов шпионской деятельности. Агенту внедряли в кожу микростерженек, а потом выдавленная словно угорь стеклянная пылинка показывала под увеличением все, что «видела». Кто угодно, даже личный пилот Гаррода, мог воткнуть в обивку салона иголку медленного стекла, и обнаружить ее было невозможно. Гаррод закрыл портфель и решил отдохнуть.

— Я немного вздремну, Лу, — сказал он в селектор. — Разбудите меня минут за пятнадцать до посадки, хорошо?

— Да, мистер Гаррод.

Гаррод опустил спинку сиденья и закрыл глаза, вовсе не надеясь заснуть, но очнулся, лишь когда голос пилота объявил о прибытии. Он прошел в туалет и освежился, глядя в зеркало на худое угрюмое лицо. Привычка мыть лицо и руки перед встречей с людьми родилась в детстве, воспитанная весьма своеобразными, мягко говоря, тетушкой и дядей.

Болезненная мелочная склонность дяди Люка, безусловно, оставила свой след на Гарроде, но в целом он находился под влиянием тетушки Мардж. Пожилая школьная учительница испытывала патологический страх перед грязью и микробами. Если она роняла карандаш, то больше уже до него не дотрагивалась — кто-нибудь из учеников должен был сломать его

пополам и выбросить в корзину. А еще она никогда не касалась голыми руками дверных ручек. Если дверь не открывалась локтем, тетушка Мардж ждала, пока ее кто-нибудь откроет. От нее Гаррод приобрел некоторую привередливость и даже в зрелом возрасте мыл руки перед совершением туалета, чтобы избежать инфекции.

Вскоре маленький самолет бежал по посадочной полосе вashingtonского аэропорта. Почувствовав свежий ночной воздух, Гаррод внезапно испытал необычное желание пройтись пешком, но у трапа его ждала машина, предусмотрительно заказанная сотрудниками его секретариата, и через тридцать минут он уже расположился в гостиничном номере. Ранее он намеревался лечь пораньше, но теперь, в другом часовом поясе, после отдохна в самолете даже мысль о сне казалась нелепой.

Раздраженный своей неспособностью расслабиться, Гаррод открыл портфель и достал накидку безопасности. Сидя под черным балахоном, при свете прикрепленной ко лбу лампочки он стал просматривать досье. Работать в такой тесноте с документами было чертовски неудобно. Ему пришлось иметь дело, в частности, с протоколом предыдущего совещания, записанным «скоростным Брайлем», который он не удосужился перевести в обычный текст. Речь шла о поставках ретардитных дисков с разным замедлением для обширной системы стратегических спутников-наблюдателей. Кипели споры технического характера об увеличении длительности задержки и о создании композита из набора дисков, который можно вернуть на Зем-

лю для расщепления в желаемой точке.

Гаррод примерно с час водил пальцем по выпуклым значкам, мечтая, чтобы утреннее совещание состоялось в одном из новых пентагоновских «освидетельствованных помещений». Последние два совещания проходили в старых комнатах «нулевой освещенности» — незримые голоса, шуршание бумаг и деловитый перестук брайлевских стенографических машинок. Гаррода охватывал ужас при мысли, что кто-нибудь изобретет столь же вездесущее и эффективное регистрирующее устройство для звука, как ретардит — для света. Тогда конфиденциальные встречи придется проводить не только в кромешной тьме, но и в полнейшем молчании.

Он уже хотел отложить бумаги, когда зазвонил стенной видеотелефон. Радуясь возможности освободиться от накидки, Гаррод закрыл портфель, подошел к экрану и нажал кнопку ответа. Перед ним возникло изображение черноволосой девушки с бледным овальным лицом и серыми глазами; губы блестели серебристой помадой. Такое лицо Гаррод мог видеть во сне — однажды, давным-давно. Он молча смотрел на нее, пытаясь разобраться в своих ощущениях, но понимал лишь одно: только смотреть на нее — уже честь. Неожиданно ему пришло в голову, что мужчина может считать женщину красивой долгие годы, даже целую жизнь, потому что никогда не встречал свой собственный идеал и оттого довольствовался чужими стандартами. Но стоит ему встретить единственную, и все изменится, никакую другую женщину не сможет он считать совершенной. Девушка, воз-

никшая перед ним, с крупным чувственным ртом героини комикса, с ничтожной примесью восточной утонченности и, быть может, жестокости...

— Мистер Гаррод? — Голос был приятным, но непримечательным. — Простите, что беспокою в такой поздний час.

— Вы меня не беспокоите, — ответил Гаррод. «По крайней мере, — подумал он, — не в этом смысле».

— Меня зовут Джейн Уэйсон. Я работаю в министерстве обороны.

— Никогда прежде вас там не видел.

Она улыбнулась, показывая очень аккуратные, очень белые зубы.

— Я работаю в секретариате, в тени.

— Вот как? Что же вывело вас на свет?

— Я связалась с вашим управлением в Порт-стоне, и мне дали этот номер. Полковник Манхейм просит его извинить — он, к сожалению, не сможет встретиться с вами завтра утром.

— Печально. — Гаррод попытался изобразить огорчение. — Вы не откажетесь поужинать со мной сегодня вечером?

Ее глаза чуть расширились, но вопрос остался без ответа.

— Полковник вынужден был вылететь в Нью-Йорк, но к утру он вернется. В 15.00 вас устраивает?

— В общем-то устраивает, но тогда полдня в Вашингтоне я буду предоставлен самому себе. Может, позавтракаем вместе?

Щеки Джейн Уэйсон слегка порозовели.

— Итак, ровно в три.

— Не поздновато ли? В это время у меня встреча с полковником.

— Именно об этом я и говорю,— твердо сказала Джейн Уэйсон. Экран потемнел.

— Поздравляю, ты все угробил,— вслух произнес Гаррод, не в силах прийти в себя и удивляясь своему поведению. Даже в юности он отдавал себе отчет, что не принадлежит к тем счастливчикам, кто способен мгновенно вскружить девушке голову. И все же сейчас словно лишился здравого смысла. Почему-то он был уверен, что встретит с ее стороны такой же отклик. Теперь — приходилось признаваться — наступило горькое разочарование. Разочарование — потому что какая-то девушка с серебристыми губами не влюбилась в него с первого взгляда. По общему каналу видеотелефона... Недоуменно качая головой, Гаррод прошел в ванную, чтобы принять перед ужином душ. Раздеваясь, он обратил внимание на табличку возле крана.

«Администрация гостиницы предприняла все возможные меры к тому, чтобы в номерах не было ни одного предмета из «шпионского стекла» — ретардита или аналогичного материала. Однако выключатели зеленого цвета, расположенные в удобных местах, обеспечат желающим условия нулевой освещенности».

Гаррод слышал о подобных новшествах, появившихся в крупных городах, но впервые сам столкнулся с проявлением общественной реакции на медленное стекло. Он пожал плечами, нашел зеленый выключатель и потянул за шнурок с кисточкой на конце. Комната погру-

зилась в кромешную тьму, нарушающую только слабым свечением кисточки. «Принимать душ в таких условиях,— подумал он,— все равно, что тонуть». Гаррод зажег свет, разделся, шагнул в ванную и тут же заметил крохотный черный блестящий предмет, лежащий в углу. Он поднял его и внимательно рассмотрел. Предмет напоминал бусинку или обломок пуговицы, упавшей с женского платья, но что-то подтолкнуло Гаррода аккуратно спустить его в дренажное отверстие.

Глава 4

Встреча, к немалому облегчению Гаррода, была короткой и проходила в одном из тех новых помещений, которые Пентагон считал достаточно защищенными от ретардита. Практически это означало, что буквально за несколько минут до начала важного совещания под бдительным оком официальных лиц потолок, стены и пол опрыскивали быстротвердеющим пластиком. То же проделывалось со столом и стульями, и это придавало им сходство с детской мебелью. В воздухе стоял маслянистый запах свежего пластика. Когда совещание закончилось, Гаррод помедлил у двери и, пытаясь унять заколотившееся в груди сердце, словно невзначай обратился к полковнику Маннхейму.

— Неплохо придумано, Джон, и все же есть один недостаток. Комната будет становиться все меньше и меньше. Когда-нибудь она вовсе исчезнет.

— Ну и что? — у Маннхейма, хорошо сохра-

нившегося пятидесятилетнего мужчины, были ясные глаза и красноватая кожа, наводившая на мысль о том, что он любит активный отдых на свежем воздухе.— В этом проклятом здании и так чересчур много свободных помещений.

— Согласен с вами. Если с толком разместить...— Гаррод напустил на себя вид полнейшего изумления.— Послушайте! Я ведь не был в вашей Группе применения ретардита! Где там она?..

— В Мейконе, в Джорджии.

— Да-да.

Манхейм замялся.

— Я только что оттуда, Эл, и собирался возвращаться лишь через неделю.

— Жаль. Остаток дня у меня свободен, а завтра с утра надо быть в Портстоне.

— Конечно...— Манхейм задумался, и эти секунды показались Гарроду вечностью.— В сущности, мое присутствие необязательно, хотя несколько наших трюков с ретардитом я с удовольствием показал бы вам сам — в конце концов, вы же его изобрели.

— Скорее открыл,— поправил Гаррод.— Вам действительно ни к чему тратить время. Поручите меня заботам научного руководителя. Честно говоря, мне хочется взглянуть, как у вас поставлено дело.

Гаррод боялся, что голос выдает его волнение.

— Хорошо. Поручу вас молодому Крису Зитрону. Он руководит исследовательскими работами и будет счастлив с вами познакомиться. Пойдемте позовним.

Пока Манхейм связывался по видеофону с центром в Мейконе, Гаррод стоял у него за

спиной и не сводил глаз с экрана. Ему удалось увидеть трех сотрудниц, но Джейн Уэйсон среди них не было. Огорчение Гаррода смешалось с изумлением, когда он осознал, что, собственно, творит. Его действия поразительно напоминали поступки других мужчин, совершенно потерявших голову из-за женщин, но он не ощущал никакого загадочного возбуждения, которое должно было бы сопровождать подобное чувство. Им владела лишь упрямая решимость увидеть девушку воочию.

После того как, договорившись обо всем, Маннхейм заторопился по делам, Гарродшел в будку видеофона, вызвал своего пилота в Даллесе и велел подготовить план полета в Мейкон. Затем поднялся на крышу и спецрейсом на вертолете добрался до аэропорта. Воздушное движение было перегружено, и его самолету удалось вылететь только после четырех. Существовала опасность, что он не попадет в Мейкон до конца рабочего дня служащих. В таком случае вся поездка оказалась бы напрасной.

Гаррод включил селектор.

— Я спешу, Лу. Давайте на полной.

— Мы должны подняться до двадцати тысяч футов в этом коридоре, мистер Гаррод. Но на такой высоте не очень эффективны отражатели шума.

— Мне все равно.

— Диспетчерская засечет нас. В том же коридоре наверняка запланированы другие...

— Под мою ответственность, Лу. Вперед!

Гаррод откинулся назад и почувствовал, как ускорение вжимает его тело в кресло. Самолет вышел на сверхзвуковую скорость, без малей-

шего покачивания летя на крыле-рефлекторе, которое отражало большую часть ударной волны наверх, в стратосферу. Расстояние в шестьсот миль они преодолели за тридцать две минуты, включая взлет и посадку. Гаррод сбежал по трапу, едва самолет остановился.

— Мы почти все время вели переговоры с компьютером диспетчерской, мистер Гаррод, — сказал вслед Лу Нэш, недовольно нахмутив рыжебородое лицо. — Им пришлось убрать с нашего пути два запланированных грузовых рейса...

— Не волнуйтесь, Лу, я уложу.

Какая-то трезвая часть сознания подсказывала Гарроду, что он допустил серьезное нарушение, которое вряд ли сойдет с рук даже человеку его положения, но он был просто не в состоянии думать об этом. «Так вот, значит, на что это похоже... — лихорадочно билась мысль, пока Гаррод торопился навстречу едущей к нему от группы низких песочного цвета строений армейской машине. — Если так, то раньше мне было лучше...»

Подполковник Крис Зитрон оказался моложавым человеком с продолговатым лицом, узловатыми пальцами и манерой говорить горячо. Без всяких вступлений он сразу принялся рассказывать о работе над применением медленного стекла и углубился в детали систем двойных изображений — одно, проходящее через обычное стекло, другое — через ретардит с малым периодом задержки — для компьютеров, определяющих скорость движущейся цели, систем наведения ракет класса «воздух — земля» и систем слежения за рельефом местности для скоростных низколетящих са-

молетов. Гаррод краем уха прислушивался к потоку слов, время от времени задавая какой-нибудь вопрос, чтобы показать свое внимание, а сам вглядывался в сотрудников. Всякий раз, когда он замечал темноволосых девушек, им на миг овладевала паника, которая тут же смеялась разочарованием. Казалось невероятным, что девушку, облик которой запечатлелся в его памяти как нечто неповторимое, могут напоминать довольно многие.

— Не понимаю, как Джон Маннхейм следит за всеми направлениями работ,— заметил Гаррод во время одной из нечастых передышек Зитрона.— Здесь в исследовательском центре работают его люди?

— Нет. Служба полковника расположена в административном корпусе. Вон там.— Зитрон указал на двухэтажное здание, окна которого в лучах вечернего солнца отливали медью. Из центрального входа изливался поток мужчин и женщин. Подобно панцырям жуков, поблескивали выезжающие со стоянки машины.

— До которого часа вы работаете? Надеюсь, я вас не задерживаю?

Зитрон рассмеялся.

— Я обычно сижу до тех пор, пока жена не начинает рассыпать поисковые партии, но большинство подразделений заканчивает в пять пятнадцать.

Гаррод взглянул на часы. Пять пятнадцать.

— Знаете, меня все больше интересует влияние четкого администрирования на общую эффективность научных работ. Не возражаете, если мы пройдем туда?

— Что ж, пожалуйста,— с некоторым удив-

лением ответил Зитрон и пошел к выходу из лаборатории. Гаррод едва не побежал, увидев у подъезда главного корпуса черноволосую девушку в костюме молочного цвета. Неужели Джейн Уэйсон? Невольно он вырвался вперед.

— Постойте, мистер Гаррод! — неожиданно воскликнул Зитрон. — Что же это я?!

— Простите?

— Чуть не забыл показать вам самое интересное. Зайдите на секунду сюда. — Зитрон приглашающе открыл дверь в длинное сборное здание.

Гаррод кинул взгляд на административный корпус. Девушка была уже на стоянке, над машинами виднелась только темная голова.

— Боюсь, что меня начинает поджимать...

— Вы это оцените, мистер Гаррод. Здесь мы используем самые фундаментальные принципы.

Зитрон взял Гаррода под руку и ввел в здание, которое оказалось скорее просто четырьмя стенами, накрытыми стеклянной крышей. Вместо пола — трава и редкий кустарник; у противоположного конца виднелись бутафорские бульдожники. Здание было пустым, но Гарроду стало не по себе, словно за ним наблюдали.

— Теперь смотрите, — сказал Зитрон. — Не спускайте с меня глаз.

Он поспешил прочь и исчез в кустарнике. В прогретом душном помещении наступила тишина, только с улицы едва доносилось хлопанье автомобильных дверей. Прошла минута. Зитрон не появлялся, в висках Гаррода нетерпеливо запульсировала кровь. Он полуобернулся к выходу и застыл, услышав поблизости в траве какой-то шорох. Неожиданно в нескольких ша-

гах от него буквально из воздуха возник Зитрон с торжествующей улыбкой на лице.

— Это была демонстрация ТСП — техники скрытого приближения, — объявил он. — Ну, что вы думаете?

— Великолепно. — Гаррод открыл входную дверь. — Очень эффектно.

— В экспериментах мы используем ретардитные панели с малым периодом задержки — сейчас увидите, как я к вам подкрадываюсь.

Теперь по отдельным бликам отраженного света Гаррод угадывал установленные в траве пластины из медленного стекла. Двойник Зитрона неестественно тихо перебегал зигзагами, пока не исчез в ближайшей панели.

— Разумеется, — продолжал подполковник, — в реальных условиях мы намерены применять стекло с большим замедлением, чтобы дать пехоте время на установку ТСП-экрана. Сейчас мы стремимся определить оптимальный срок задержки — сделай его слишком малым, и люди не успеют сосредоточиться, чересчур большим — и у наблюдателя будет больше шансов заметить несоответствия в освещенности и в углах падения теней. Предстоит решить проблему выбора кривизны панелей с целью сведения на нет бликов...

— Прошу прощения, — перебил Гаррод. — Я, кажется, увидел знакомого.

Он зашагал к стоянке у административного корпуса быстро и решительно, чтобы отбить у Зитрона охоту следовать за ним. Девушка в костюме молочного цвета смотрела в его сторону. Она была стройной, черноволосой и — по мере того как расстояние сокращалось — на

ее губах стало заметно серебристое поблескивание. У Гаррода перехватило дыхание, когда он убедился, что перед ним Джейн Уэйсон.

— Привет! — бросил он как можно более непринужденно и весело. — Вы меня помните?

— Мистер Гаррод? — неуверенно произнесла девушка.

— Я приехал сюда по делу, и вдруг увидел вас... Послушайте, я был очень дерзок, когда мы говорили вчера по видеофону, и просто хочу извиниться. Обычно я не...

Речь внезапно отказалась ему. Гаррод почувствовал себя уязвимым и беспомощным, и тут увидел, как по ее щекам разлилась краска, и понял, что ему удалось установить контакт, недостижимый никакими словами.

— Все хорошо, — тихо произнесла она. — Право, не стоило...

— Стоило.

Он смотрел на нее с благодарностью, будто впитывая самый ее облик, когда к тротуару подъехал светло-голубой «понтиак». Сидевший за рулем невозмутимого вида лейтенант в очках с золотой оправой еще загодя опустил боковое стекло.

— Быстрей, Джейн, — бросил он. — Мы опаздываем.

Распахнулась дверца, и Джейн в замешательстве села в машину. Ее губы беззвучно шевельнулись. Когда «понтиак» рванул с места, она смотрела на Гаррода, и тому показалось, что в глазах ее сожаление, грусть. Или просто неловкость за внезапно прерванный разговор?

Бормоча проклятия, Гаррод зашагал к подполковнику Зитрону.

ОТСВЕТ ВТОРОЙ. БРЕМЯ ДОКАЗАТЕЛЬСТВА

Харпур вглядывался в заливаемые водой стекла. Стоянки вблизи полицейского управления не было, и здание казалось отделенным милями покрытого лужами асфальта и сплошной завесой дождя. Темное небо набухло и грузно провисало между окружавшими площадь домами.

Неожиданно почувствовав свои годы, Харпур долго смотрел на здание полицейского управления и захлебывающиеся водосточные решетки, потом вылез из машины и с трудом разогнулся. Не верилось, что в подвальном помещении западного крыла сияет теплое солнце. Но он это знал точно, потому что перед выходом из дома специально позвонил.

— Внизу сегодня отличная погода, господин судья,— сказал охранник с уважительной непринужденностью, сложившейся за долгие годы.— На улице, конечно, не очень приятно, но там здорово.

— Репортеры не появлялись?

— Да кое-кто... Вы приедете, господин судья?

— Пожалуй,— ответил Харпур.— Займи для меня местечко, Сэм.

— Обязательно, сэр!

Харпур шагал быстро, как только мог себе позволить, засунув руки в карманы и ощущая тыльной стороной кисти холодные струйки дождя. При каждом движении пальцев подкладка прилипала к коже. Поднимаясь по ступеням к главному входу, Харпур почувствовал предостерегающее трепетанье в левой стороне груди — он слишком спешит, слишком нажимает.

Дежурный у входа молодцевато отдал честь. Харпур кивнул.

— Прямо не верится, что сейчас июнь, правда, Бен?

— Да, сэр. Но внизу, я слышал, очень хорошо.

Харпур приветливо махнул рукой и шел уже по коридору, когда его захлестнула боль. Жгучая, пронзительная боль. Словно кто-то тщательно выбрал стерильную иглу, насадил ее на антисептическую рукоятку, раскалил добела и с милосердной быстротой вонзил в бок. Он застыл на миг и прислонился к кафельной стене, пытаясь скрыть слабость; на лбу выступила испарина. «Я не могу сдаться сейчас,— подумал он,— когда осталось всего несколько недель... Но если это конец?»

Харпур боролся с паникой, пока боль немного не отпустила. Он облегченно вздохнул и снова пошел по коридору, сознавая, что враг затаился и выжидает. К солнечному свету удалось выйти без нового приступа.

Сэм Макнамара, охранник у внутренней двери, по обыкновению расплылся было в улыбке, но, увидев напряженное лицо судьи, быстро провел его в комнату. Между Харпуром и этим дюжим ирландцем, единственным желанием которого было кружка за кружкой поглощать кофе, установилась прочная симпатия, странным образом согревающая душу старого судьи. Макнамара поставил у стены складной стул и придержал его, пока Харпур садился.

— Спасибо, Сэм,— произнес судья, оглядывая собравшуюся толпу. Никто не заметил его прихода; все смотрели в сторону солнечного света.

Запах влажной одежды репортеров казался

совершенно неуместным в пыльном подвале. В этом, самом старом, корпусе полицейского управления еще пять лет назад хранились ненужные архивы. С тех пор все это время, кроме дней, когда допускались представители печати, голые бетонные стены вмещали лишь записывающую аппаратуру, двух смертельно скучающих охранников и раму со стеклянной панелью.

Стекло имело особое свойство — свет через него шел много лет. Такими стеклами люди пользовались, чтобы запечатлять для своих квартир виды особой красоты.

По мнению Харпуря, картина, которую он видел, как в окне, особой красотой не блистала: довольно живописный залив где-то на Атлантическом побережье, но вода была буквально забита лодками, а сбоку нелепо громоздилась, крича яркими красками, станция техобслуживания. Тонкий ценитель пейзажных окон, не раздумывая, разбил бы панель булыжником, но владелец, Эмиль Беннет, привез ее в город — потому что именно этот вид открывался из дома его детства. Панель, объяснял он, освобождала его от необходимости совершать двухсотмильную поездку в случае приступа ностальгии.

Стекло было толщиной в пять лет, то есть пять лет пришлось ему простоять в доме родителей Беннета, прежде чем первый лучик света вышел с обратной стороны панели. И естественно, спустя пять лет, уже в городе, в стекле открывалась все та же панорама, хотя сама панель была конфискована у Беннета полицией, выказавшей глубочайшее безразличие к его отчemu дому. Она безошибочно покажет все, что видела, — но только в свое время.

Тяжело сгорбившемуся на стуле Харпуре казалось, что он сидит в кино. Свет в помещении исходил от стеклянного прямоугольника, а беспокойно ерзающие репортеры располагались рядами, будто зрители. Их присутствие отвлекало Харпур, мешало с обычной легкостью погрузиться в воспоминания.

Беспокойные воды залива бросали в комнату солнечные блики, взад-вперед сновали прогулочные лодки, беззвучно въезжали на станцию техобслуживания случайные автомобили. Через сад на переднем плане прошла симпатичная девушка в коротком платьице по моде пятилетней давности, и Харпур заметил, как некоторые журналисты сделали пометки в блокнотах.

Один из наиболее любопытных встал с места и обошел стекло, чтобы заглянуть с другой стороны, но вернулся разочарованный. Харпур знал, что сзади панель закрыта металлическим листом. Как определили власти, выставление напоказ того, что происходило в доме, являлось бы вторжением в личную жизнь старших Беннетов.

Бесконечно долго тянулись минуты, и разомлевшие от духоты репортеры стали громко зевать. Откуда-то из первых рядов доносились монотонный храп и тихое поругивание. Курить вблизи контрольной аппаратуры, от имени штата жадно фиксировавшей изображение, было запрещено, и в коридор с сигаретами потянулись группки из трех-четырех человек. Харпур услышал сетования на долгое ожидание и улыбнулся — он ждал пять лет. А иногда казалось, что даже больше.

Этого дня, седьмого июня, вместе с ним ждала вся страна. Но точно время не мог назвать никто.

Дело в том, что Эмиль Беннет так и не сумел припомнить, когда именно в то жаркое воскресенье приехал он в дом родителей за своим медленным стеклом. Следствию пришлось довольствоваться весьма расплывчатым «около трех пополудни».

Один из репортеров — модно одетый, светловолосый и невероятно молодой — наконец заметил сидящего у двери Харпуря и подошел.

— Прошу прощения, сэр. Вы не судья Харпур?

Харпур кивнул. Глаза юноши на миг расширились, когда он осознал важность присутствия судьи для готовящегося в печать материала.

— Если не ошибаюсь, вы вели слушание дела... Рэддоля?

Он собирался сказать «дела Стеклянного Глаза», но вовремя спохватился.

Харпур снова кивнул.

— Верно. Но я больше не даю интервью. Простите.

— Да, сэр, конечно. Понимаю.

Репортер быстрой пружинистой походкой вышел в коридор. Харпур догадался, что молодой человек только что определил для себя, как пойти на материал. Он и сам мог бы написать этот текст:

«Судья Кеннет Харпур — тот, кто пять лет назад вел спорное «дело Стеклянного Глаза» по обвинению Эвана Рэддоля, двадцати одного года, в убийстве,— сегодня сидел на стуле в одном из подвальных помещений полицейского управления. Этому сейчас уже старому человеку нечего сказать. Железный Судья ждет, наблюдает, терзается...»

Харпур криво улыбнулся. Он давно перестал испытывать горечь от газетных насоков и отказался разговаривать с журналистами только потому, что к этому эпизоду в своей жизни ему не хотелось возвращаться. Харпур достиг того возраста, когда человек отбрасывает все малозначительное и сосредоточивает силы на главном. Через каких-нибудь две недели он будет волен греться на солнышке, любоваться игрой оттенков морской воды и засекать время между появлением первой вечерней звезды и второй. Если разрешит врач, он не откажется от капельки доброго виски, а не разрешит — все равно не откажется. Будет читать, а может, и сам напишет книгу...

Как оказалось, Эмиль Беннет определил время довольно точно.

В восемь минут четвертого Харпур и ждущие репортеры увидели приближающегося с отверткой в руке Беннета. На его лице была смущенная улыбка, как у многих из тех, кто попадал в поле зрения ретардита. Некоторое время он возился с креплением, потом небо вдруг безумно накренилось — стекло выбрали из рамы. Через секунду на изображение легло коричневое армейское одеяло, и комната погрузилась во тьму.

Контрольная аппаратура защелкала, но тихие звуки заглушил гомон спешащих к телефонам газетчиков. Харпур поднялся и медленно вышел вслед за ними. Теперь можно было не спешить. Завернутое в одеяло стекло два дня пролежит в багажнике машины, прежде чем Беннет соберется вмонтировать его в оконную раму своей городской квартиры. И еще две недели оно будет показывать повседневные события, которые происходили пять лет назад на детской площадке

во дворе дома Беннета.

Эти события не представляли ровно никакого интереса. Но в ночь на двадцать первое июня на площадке была изнасилована и убита двадцатилетняя машинистка Джоан Кэлдеризи. Также был убит ее приятель, автомеханик Эдвард Джером Хэтти, двадцати трех лет, видимо, пытавшийся защитить девушку.

Убийца не знал, что за этим двойным преступлением наблюдает свидетель. И теперь этот свидетель готовился дать точные и неопровергимые показания.

Предусмотреть проблему было нетрудно.

С тех пор как в нескольких фешенебельных магазинах появилось медленное стекло, люди задумывались: что произойдет, если перед ним свершится правонарушение? Какова будет позиция закона, если подозрение падет, скажем, на трех человек, а через пять или десять лет кусок стекла однозначно укажет преступника? С одной стороны, нельзя наказать невиновного, а с другой — совершенно недопустимо оставлять на свободе злодея... Так вкратце писали журналисты.

Для судьи Кеннета Харпуря проблемы не существовало. Меньше пяти секунд понадобилось ему, чтобы принять решение. И он остался непоколебимо спокоен, когда именно на его долю выпало подобное дело.

Это получилось случайно. В округе Эрскин было не больше убийств и не больше медленного стекла, чем в любом другом, ему подобном. Собственно говоря, Харпур и не сталкивался с новинкой, пока вместо обычных электрических ламп

не установили над проездной частью улиц Холтсити чередующиеся панели из восьми- и шестнадцатичасового ретардита.

Потребовалось немало времени, чтобы после первых образцов, замедляющих свет примерно на полсекунды, получить задержки, измеряемые годами. Причем пользователь должен был быть абсолютно уверен в длительности желаемой задержки — способа ускорить процесс не знали. Будь ретардит «стеклом» в полном смысле слова, его можно было бы отшлифовать до требуемой толщины и получить информацию быстрее. Но в действительности это был совершенно непрозрачный материал — свет сквозь него не проходил.

Излучение на длинах волн, близких к видимому диапазону, поглощалось поверхностью ретардита, а информация преобразовывалась в соответствующий набор напряжений внутри материала. В пьезооптическом эффекте, посредством которого осуществлялась передача информации, участвовала вся кристаллическая структура, и любые ее нарушения немедленно уничтожали закономерность распределения напряжений.

Это приводило в бешенство многих исследователей, но сыграло важную роль в коммерческом успехе ретардита. Люди не стали бы столь охотно устанавливать в своих домах пейзажные окна, зная, что все за ними происходящее спустя годы неминуемо откроется чужим глазам. Но бурно расцветшая пьезоиндустрия выкинула на рынок недорогой «щекотатель» — устройство, с помощью которого медленное стекло можно было очистить для повторного использования словно ячейки компьютерной памяти.

По этой же причине на протяжении пяти лет два охранника несли в подвале круглосуточное дежурство у стеклянного шахта — свидетеля по делу Рэддоля. Существовала опасность, что кто-нибудь из родственников преступника или жаждущий известности маньяк проникнет в помещение и «сотрет» информацию в стекле, прежде чем она разрешит все сомнения.

За пять лет ожидания были периоды, когда болезнь и усталость не оставляли Харпур сил для беспокойства, были периоды, когда он мечтал, чтобы идеальный свидетель сгинул навсегда. Но, как правило, существование медленного стекла его не волновало.

Он принял решение по делу Рэддоля, решение, которое, по его убеждению, должен был принять любой судья. Все последующие дискуссии, нападки прессы, враждебность общественного мнения и даже кое-кого из коллег поначалу причиняли боль, но он превозмог ее.

Закон, сказал Харпур в своем заключительном слове, существует лишь потому, что люди в него верят. Стоит подорвать эту веру — хотя бы единожды, — и Закону будет нанесен непоправимый ущерб.

Насколько можно было определить, убийства произошли за час до полуночи.

Имея это в виду, Харпур поужинал раньше обычного, затем принял душ и второй раз побрился. На это усилие ушла значительная доля его дневной квоты энергии, но в зале суда стояла невыносимая духота. Текущее дело было сложным и в то же время скучным. Харпур замечал, что такие дела попадались все чаще и чаще — признак, что пора уходить на пенсию. Но ему

предстояло выполнить еще один долг. Профессиональный.

Харпур набросил куртку и повернулся спиной к зеркалу-камердинеру, купленному женой несколькими месяцами раньше. Оно было покрыто 15-секундным ретардитом — немного погодя, обернувшись, можно было увидеть себя со спины. Судья бесстрастно оглядел свою хрупкую, но все еще прямую фигуру и отошел прочь, прежде чем незнакомец в зеркале повернулся и посмотрел ему в глаза.

Харпур не нравились зеркала-камердинеры, как не нравились и столь же популярные натуровиды — пластины ретардита с малым периодом задержки, вращающиеся на вертикальной оси. Они служили тем же целям, что и обыкновенные зеркала, но не переворачивали изображение слева направо. «Вы впервые имеете возможность увидеть себя такими, какими видят вас окружающие!» — гласила реклама. Харпур не принимал эту идею по соображениям, как он надеялся, смутно-философским, но определить их не мог даже для себя.

— Ты неважно выглядишь, Кеннет, — сказала Ева, когда он поправлял галстук. — Неужели ты обязан туда идти?

— Нет — и потому обязан. В этом все дело.

— Тогда я тебя отвезу.

— Ни в коем случае. Тебе пора спать. Я не позволю, чтобы ты среди ночи колесила по городу.

Он обнял жену за плечи. В пятьдесят восемь лет Ева Харпур отличалась завидным здоровьем, но они оба делали вид, что это он заботится о ней.

Харпур сам сел за руль, но улицы были на-

столько забиты, что, повинуясь внезапному порыву, он остановил машину в нескольких кварталах от полицейского управления и пошел пешком. «Живи рискуя,— подумал он,— но двигайся с осторожностью,— на всякий случай». Нависающие над дорогой шестнадцатичасовые панели в этот светлый теплый июньский вечер оставались темными, зато чередующиеся с ними восьмичасовые без нужды изливали яркий свет, впитанный в дневное время. Таким образом система обеспечивала достаточное освещение круглые сутки, причем бесплатно.

А дополнительное ее преимущество состояло в том, что она давала полиции идеальные показания о дорожных происшествиях и нарушениях правил движения. Собственно говоря, только-только в ту пору установленные на Пятьдесят третьей авеню панели и предоставили большую часть фактов по делу Эвана Рэддоля.

Фактов, на основании которых Харпур приговорил его к электрическому стулу.

Реальные обстоятельства несколько отличались от классической схемы, обсосанной бульварными листками, но все же были достаточно яркими, чтобы возбудить интерес общественности. Рэддол был единственным подозреваемым, но улики против него носили по преимуществу косвенный характер. Тела обнаружили только на следующее утро — Рэддол мог спокойно вернуться домой, смыть все следы и выспаться. Когда его арестовали, он был спокоен, бодр и собран, а экспертиза оказалась бессильна что-либо доказать.

Улики против Рэддоля заключались в том, что его видели в соответствующее время подхо-

дящим к детской площадке, в соответствующее время уходящим оттуда и что синяки и царапины вполне могли быть получены в процессе совершения преступления. К тому же в промежуток между полуночью и половиной десятого утра, когда его забрали, он «потерял» синтетическую куртку, которую носил накануне вечером. Куртку так и не нашли.

Удалившимся на совещание присяжным понадобилось меньше часа, чтобы прийти к решению о виновности. Однако в последующей апелляции защита заявила, что на вердикт повлиял факт регистрации преступления медленным стеклом в окне Эмиля Беннета. Требуя пересмотра дела, адвокат убеждал, что присяжные пренебрегли «естественному сомнению», полагая, будто судья Харпур не прибегнет к более суровой мере, чем пожизненное заключение.

Но, по мнению Харпура, закон не оставлял места для выжидания, особенно в случае убийства с отягчающими обстоятельствами. В должное время Рэддол был приговорен к казни.

Суровая, пронизанная убежденностью речь Харпура и заслужила ему прозвище Железного Судьи. Судебный приговор, считал он, всегда был и должен оставаться священным. Не подобает Закону униженно склоняться перед куском стекла. В случае введения в судебную практику «меры выжидания», говорил он, преступники просто не будут выходить из дома без пятидесятилетнего ретардита.

Спустя два года неповоротливые жернова правосудия сдвинулись с места, и Верховный суд утвердил решение Харпура. Приговор был приведен в исполнение. То же самое, только в неиз-

меримо меньших масштабах, часто происходило в спорте, и единственным возможным, единственным реальным выходом было положение «арбитр всегда прав» — что бы ни показали потом камеры или медленное стекло.

Несмотря на утверждение приговора, а может быть, именно поэтому пресса так и не подобрела к Харпурю. Он умышленно не обращал внимание на то, что о нем говорили и писали. Все эти пять лет его поддерживала уверенность в правильности принятого решения. Сейчас ему предстояло узнать, было ли оно таковым.

Хотя момент истины уже пять лет маячил на горизонте, с трудом верилось, что через считанные минуты все выяснится. Эта мысль вызвала в груди щемящую боль, и Харпур на миг остановился, чтобы перевести дыхание. В конце концов, какая разница? Не он создает законы — откуда это чувство личной причастности?

Ответ пришел быстро.

Судья не может быть равнодушным, потому что является частью закона. Именно он, а не некое абстрактное воплощение правосудия вынес приговор Эвану Рэддолу — и потому остался работать вопреки советам врачей. Если совершена ошибка, он не имеет права уйти в кусты. Ему держать ответ.

Новое понимание, как ни странно, успокоило Харпура. Он заметил, что улицы необычно оживлены для позднего вечера. Центр был буквально забит иногородними машинами, а тротуары переполнены пешеходами, причем, судя по тому, как они глазели по сторонам, — не местными жителями. В густом воздухе плыл запах жарящихся бифштексов.

Харпур удивлялся такому столпотворению, пока не обратил внимание, что людской поток движется к полицейскому управлению. Люди не изменились с тех пор, как их притягивали арены, гильотины и виселицы. И пускай не на что смотреть — зато они рядом с местом происшествия, и одного этого достаточно, чтобы насладиться извечной радостью продолжающейся жизни в то время, как кто-то только что свел с ней счеты. Опоздание на пять лет значения не имело.

Даже сам Харпур, захоти он того, не смог бы попасть в подвальное помещение. Там стояли только записывающая аппаратура и шесть кресел с шестью парами специальных биноклей — для правительственные наблюдателей.

Харпур не рвался увидеть преступление собственными глазами. Ему нужно было только узнать результат — а потом долго-долго отдыхать. Мелькнула мысль, что он ведет себя совершенно неразумно — вылазка к полицейскому управлению требовала большого напряжения и таила для него смертельную опасность, — и все же он не мог поступить иначе. «Я виновен, — внезапно подумал Харпур, — виновен, как...»

Он вышел на площадь, где находилось здание управления, и стал пробиваться сквозь изматывающую толчью. Вскоре впитавшая пот одежда так сковала движения, что он едва отрывал ноги от земли. И в какой-то момент этого долгого путешествия возник крадущийся по пятам скорбный друг с раскаленной добела иглой.

Добравшись до нестройных рядов автомобилей прессы, Харпур понял, что пришел слишком рано — оставалось по меньшей мере полчаса. Он повернулся и начал двигаться к противопо-

ложной стороне площади, когда его настигла боль. Один точный укол, и Харпур пошатнулся, судорожно хватаясь за воздух.

— Что за!.. Поосторожней, дедуля!

Зычный голос принадлежал верзиле в светло-голубом комбинезоне, смотревшему т्रивизионную передачу. Пытаясь удержаться на ногах, Харпур сорвал с него очки-приемники. В стеклах, словно зарево далеких костров, полыхнули крошечные картинки, из наушника выплеснулась музыка.

— Простите,— выдавил Харпур.— Я споткнулся. Простите.

— Ничего... Эй! Вы случайно не судья...

Здоровяк возбужденно потянул за локоть свою спутницу, и Харпур рванулся вперед. «Меня не должны узнать»,— панически пронеслось в голове. Он зарывался в толпу, теряя направление, но через несколько шагов игла вновь настигла его, вошла до самого конца. Площадь угрожающе накренилась, и Харпур застонал. «Не здесь,— взмолился он,— не здесь. Пожалуйста».

Каким-то чудом он сумел удержаться на ногах и продолжал идти. Прямо под боком, и одновременно бесконечно далеко, звонко и беспечно рассмеялась невидимая женщина. На краю площади боль вернулась еще более решительно — один укол, второй, третий. Харпур закричал, ощущив, как сжимается в спазме сердце.

Он начал оседать и тут почувствовал, как его подхватили крепкие руки. Харпур поднял глаза на смуглого юношу. Красивое, озабоченное лицо, видневшееся сквозь красноватую пелену, казалось странно знакомым. Харпур силился заговорить.

— Ты... ты — Эван Рэддол?

Темные брови удивленно нахмурились.

— Рэддол? Нет. Никогда не слыхал. Пожалуй, надо вызвать скорую помощь.

Харпур сосредоточенно думал.

— Верно. Ты не можешь быть Рэддолом. Я убил его пять лет назад.— Затем громче: — Но если ты не слыхал о Рэддоле, что тебе здесь делать?

— Я возвращался из кегельбана и увидел толпу.

Юноша стал выводить Харпура из толчеи, одной рукой поддерживая его, а второй разводя прижатые друг к другу тела. Харпур пытался помочь, но чувствовал, как бессильно волочатся по асфальту ноги.

— Ты живешь в Холте?

Парень кивнул.

— Знаешь, кто я такой?

— Я знаю только, что вам нужно быстрее в больницу. Позвоню в «скорую» из магазина.

Харпур смутно осознал, что в сказанном таится какой-то тайный смысл, но не имел времени об этом думать.

— Послушай,— произнес он, заставив себя на миг встать на ноги.— Обойдемся без «скорой». Я приду в себя, если доберусь домой. Поможешь мне взять такси?

Парень нерешительно пожал плечами.

— Дело ваше...

Харпур осторожно отпер дверь и ступил в дружелюбный полумрак большого старого дома. За время поездки из города влажная от пота одежда стала липко-холодной, и Харпура била

дрожь.

Включив свет, он сел возле телефона и посмотрел на часы. Почти полночь — значит, уже не существует никакой тайны, ни малейшего сомнения в том, что же произошло пять лет назад на детской площадке. Он снял трубку и тут услышал, как ходит наверху жена. Харпур мог набрать любой из нескольких номеров и выяснить, что показало медленное стекло, но обращаться в полицию или муниципалитет было выше его сил. Он позвонит Сэмю Макнамаре.

Конечно, официально охране еще ничего не сообщали, но Сэм наверняка уже все знает. Харпур попытался набрать номер дежурной комнаты, но пальцы не слушались, сгибались от ударов по кнопкам, и он сдался.

По лестнице сошла в халате Ева Харпур и с тревогой подошла к мужу.

— Кеннет! — Ее рука поднялась ко рту. — Что ты наделал?! Ты выглядишь... Я немедленно вызову доктора Шермана.

Харпур слабо улыбнулся. «Я много улыбаюсь в последнее время, — не к месту подумал он. — Как правило, это единственное, что остается старику».

— Лучше свари мне кофе и помоги лечь в постель. Но прежде всего — набери-ка номер на этом чертовом телефоне.

Ева протестующе открыла рот, но их взгляды встретились, и она промолчала.

Когда Сэм подошел, Харпур произнес ровным голосом:

— Привет, Сэм. Судья Харпур. Ну, потеха закончилась?

— Да, сэр. Потом устроили пресс-конфе-

ренцию, но все уже разошлись. Вы, должно быть, слышали новости по радио.

— Между прочим, не слышал, Сэм. Я... я недавно пришел. Вот решил перед сном поинтересоваться у кого-нибудь и вспомнил твой номер.

Сэм нерешительно засмеялся.

— Ну что же, личность установлена точно. Это действительно Рэддол — да, впрочем, вы-то знали все с самого начала.

— Знал, Сэм.— Харпур почувствовал, как глаза наполняются горячими слезами.

— И все равно, наверное, камень с души, господин судья.

Харпур устало кивнул, но в трубку сказал:

— Естественно, я рад, что ошибки не было, но судьи не создают законов, Сэм. Они даже не решают, кто виновен, а кто нет. Что касается меня, наличие необычного стеклышка не имело ровно никакого значения.

Эти слова были достойны Железного Судьи.

На линии долго стояла тишина, а потом Сэм продолжил, и в голосе его звучало чуть ли не отчаяние.

— Я, конечно, понимаю... и все-таки, должно быть, на душе легче...

С неожиданным теплым удивлением Харпур осознал, что дюжий ирландец молит его. «Теперь это не играет роли,— подумал он.— Утром я выйду в отставку и вновь стану человеком».

— Хорошо, Сэм,— проговорил он наконец.— Скажем так — сегодня я засну спокойно. Устраивает?

— Спасибо, господин судья. Всего доброго.

Харпур опустил трубку и с плотно сжатыми веками стал ожидать, пока снизойдет покой.

Глава 5

Гаррод вернулся домой после полуночи. Прислуга уже разошлась, но, судя по пробивающейся из-под двери библиотеки полоске желтого света, Эстер еще не легла. Читала она не много, отдавая предпочтение телевидению, но любила сидеть в коричневом уюте библиотеки — скорее всего, подозревал Гаррод, потому что это было единственное помещение, которое он не тронул при реконструкции дома, когда пять лет назад купил его. Эстер свернулась калачиком в высоком кожаном кресле; телевизионные очки закрывали ее глаза.

— Что-то ты поздно,— она подняла руку в приветствии, но очки не сняла.— Где пропадаешь?

— Мне пришлось поехать в армейский исследовательский центр, в местечко под названием Мейкон.

— Что ты имеешь в виду — «местечко под названием Мейкон»?

— Так оно называется.

— У тебя был такой тон, словно ты не рассчитывал, что я могла о нем слышать.

— Прости. Я не хотел...

— Мейкон в Джорджии, да?

— Верно.

— Думаешь, все, кроме тебя, полные идиоты, Элбан? — Эстер поправила телечки и устроилась поудобнее.

— Кто говорит?..— Гаррод прикусил губу и подошел к бару, где в круге света тепло сияли графины.— Будешь?

— Благодарю, не нуждаюсь.

— Я тоже не нуждаюсь, однако с удоволь-

ствием выпью.

Гаррод старался говорить спокойно, не понимая, почему Эстер язвит, будто знала наперед, что он собирается сказать. Он сильно разбавил бурбон содовой и сел у камина. В очаге тихо потрескивало пепельно-белое прогоревшее полено, редкие оранжевые искры исчезали во мраке дымохода.

— Там на столе накопилась груда бумаг,— неодобрительно заметила Эстер.— Человеку в твоем положении не следует пропадать целями днями, забывая о делах.

— Для этого я держу высокооплачиваемых управляющих. Какой в них прок, если они не в состоянии несколько часов обойтись без меня?

— Великий ум не должен мараться, думая о жалких деньгах, да, Элбан?

— Я не претендую на величие.

— О нет, прямо ты такого не говоришь, но держишься особняком. Когда ты снисходишь до разговора с людьми, у тебя на лице появляется легкая усмешка: «Я знаю, что эта фраза пропадет впустую, но уж скажу — так, для забавы. Вдруг кто-нибудь почти поймет».

— Ради бога! — Гаррод наклонился вперед в кресле.— Эстер, давай разведемся.

Она сняла очки и пристально на него посмотрела.

— Почему?

— Почему?! Какой смысл продолжать такую жизнь?

— Мы ведем ее не один год, однако прежде ты о разводе не заговаривал.

— Знаю.— Гаррод сделал большой глоток из бокала.— Но существует предел. Супруже-

ская жизнь должна быть не такой.

Эстер вскочила с кресла и заглянула ему в лицо.

— Боже мой,— хрюкло рассмеялась она.— Наконец-то! Свершилось!

— Что? — На миг Гарроду вспомнились полные, поблескивающие губы.

— Как ее зовут, Элбан?

Теперь настал его черед недоверчиво рас-смеяться.

— Другая женщина тут ни при чем.

— Ты познакомился с ней в этой поездке?

— У меня нет никакой женщины, кроме тебя. И этого достаточно.

— Она живет в Мейконе. Вот почему ты внезапно решил туда отправиться.

Гаррод бросил на жену презрительный взгляд, но внутри содрогнулся.

— Повторяю, дело не в сопернице. С тех пор как мы поженились, я даже за руку никого не брал. Просто мне думается, мы зашли чересчур далеко.

— Вот именно. Ты холoden, как рыба, Элбан,— это я выяснила чертовски быстро,— но теперь что-то тебя расшевелило. А она, должно быть, настоящая штучка, если сумела тебя разжечь.

— Довольно этой чепухи! — Гаррод встал и прошел через комнату к столу.— Ты согласна на развод?

— И не мечтай, дружок.— Эстер пошла за ним следом, не выпуская из рук очков; из наушников доносилось попискивание голосов.— С тех пор как отпала необходимость в деньгах отца, ты впервые обращаешься ко мне с прось-.

бой. Да, это первая твоя просьба — и я с огромным удовольствием отказываю тебе в ней.

— Ты настоящее сокровище, — тяжело произнес Гаррод, не в силах выразить гнев.

— Знаю.

Она вернулась к креслу, села и надела очки. Выражение умиротворенного блаженства разлилось по мелким чертам ее лица.

Гаррод сгреб со стола небольшую горку посланий, большинство из которых представляли расшифровку магнитофонных записей звонков. Так ему было удобнее, чем прослушивать сами записи одну за другой. Верхнее сообщение, от Тео Макфарлейна, руководителя научно-исследовательских работ в портстонских лабораториях, пришло лишь час назад:

«Строго доверительно. На 90 процентов уверен в возможности добиться эмиссии сегодня. Знаю, Эл, что ты хотел бы присутствовать, но мое терпение небеспредельно. Буду ждать до полуночи. Тео».

Гаррод в возбуждении просмотрел все записи и нашел еще несколько посланий от Макфарлейна на ту же тему, отправленных в разное время в течение дня. Взглянув на часы, он увидел, что уже первый час ночи. Гаррод пересек комнату и швырнул кипу лент на колени Эстер, чтобы отвлечь ее наконец от телепередачи.

— Почему меня не розыскали?

— Никому не позволено прерывать твои лихие прогулки, Элбан, не забывай. Для того ты и держишь управляемых, дорогой.

— Тебе известно, что исследований это не касается! — резко бросил Гаррод, борясь с желанием сорвать с лица Эстер очки и сломать их.

Он быстро подошел к видеотелефону и вызвал кабинет Макфарлейна. Через секунду на экране появилось худощавое лицо; устало мигающие глаза из-за выпуклых стекол казались совсем маленькими.

— Ага, вот и ты, Эл,— укоризненно сказал Макфарлейн.— Я тебя весь день ищу.

— Меня не было в городе. Ну, получилось? Макфарлейн покачал головой.

— Профсоюз мешает — техники требуют перерыв на кофе.— Он в отвращении скрипился.

— Ты никак не научишься работать с людьми, Тео. Я буду через двадцать минут.

Гаррод выбежал из дома и вывел из гаража двухместный «мерседес» с ротационным двигателем. Уже проезжая по обсаженной кустарником аллее, он спохватился, что ушел, ни слова не сказав Эстер. Впрочем, говорить было не о чем. Разве что о том, что развода он все равно так или иначе добьется,— а с этим можно подождать и до утра.

Гаррод взволнованно гнал машину и думал о значении полученного от Макфарлейна сообщения. Несмотря на девять лет постоянных исследований, в одном аспекте медленное стекло не претерпело никаких изменений: оно отказывалось выдавать информацию быстрее, чем это было определено периодом задержки, заложенным в его кристаллической структуре. Кусок ретардита толщиной в один год хранил впитанные изображения ровно год, и все ухищрения целой армии ученых оказывались тщетными. Даже с этой своей неподатливостью ретардит находил тысячи применений в самых

различных областях — от производства бижутерии до изучения далеких планет. Но если бы появилась возможность произвольно регулировать задержку и получать информацию по мере надобности, медленное стекло покорило бы весь мир.

Вся трудность заключалась в том, что изображения хранились в веществе не в виде образов. Характеристики распределения света и тени переводились в набор напряжений, которые постоянно перемещались от одной поверхности стекла до другой. Открытие этого факта разрешило теоретическое противоречие в принципе действия ретардита. Прежде, когда период задержки считался функцией толщины кристаллического материала, некоторые физики указывали, что изображения, идущие под углом, должны выходить значительно позже тех, что пересекают материал перпендикулярно поверхности. Чтобы преодолеть эту аномалию, необходимо было постулировать наличие у ретардита гораздо большего коэффициента преломления — мера, которая Гарроду интуитивно не нравилась. В глубине души он испытывал даже глубокое личное удовлетворение, установив истинную, пьезооптическую природу феномена, названного позднее эффектом Гаррода.

Научный успех, однако, никак не отразился на том факте, что хранимую информацию раньше времени не извлечешь. Будь период задержки прямо связан с толщиной, можно было бы рассеять ретардит на листы потоньше и получить информацию быстрее. А так любая попытка — сколь угодно изощренная или деликатная — приводила к почти мгновенной дестабилизации

набора напряжений. Наружу не вырывалось ни единого лучика света — материал просто «отпускал» прошлое и становился черным как смоль стеклом, ожидающим поступления свежих впечатлений.

Хотя времени на исследовательскую работу становилось все меньше, Гаррод сохранил личную заинтересованность в решении проблемы искусственной эмиссии. Отчасти это объяснялось ревниво-собственническим отношением ученого к своему открытию, отчасти — смутным осознанием того, что медленное стекло причиняет подчас поистине танталовы муки тем, кому жизненно необходимо испить из чаши знаний немедленно. Совсем недавно Гаррод прочитал в газете о судье, который умер спустя несколько месяцев после пятилетнего ожидания ответа. Пять лет ждал судья, пока медленное стекло, единственный свидетель совершенного убийства, покажет однозначно, действительно ли был виновен тот, кого он приговорил к смерти... Гаррод не запомнил имени судьи, но страдания этого человека поневоле отразились на его мировосприятии.

Панели медленного стекла над автострадой изливали голубизну дневного неба, и казалось, будто мчишься по широкому туннелю с прямоугольными прорезями наверху. В одной из них мелькнула серебряная точка самолета, пролетевшего здесь раньше.

Ночной охранник приветливо махнул рукой из своей будки, когда Гаррод подъехал к административно-исследовательскому корпусу. Почти все здание скрывалось во тьме и лишь ярко золотились окна Макфарлейна. Гаррод по пути

стянул с себя пиджак и, войдя в лабораторию, швырнул его на стул. Вокруг одного из столов собралась группа людей — все в рубашках, кроме Макфарлейна, который по обыкновению был в аккуратном деловом костюме. Говорили, что, возглавив научно-исследовательские работы, он ни разу не взял в руки паяльника, но руководство осуществлял твердо и с глубоким знанием дела.

— Как раз вовремя, — сказал Макфарлейн, кивнув Гарроду. — У меня ощущение, что мы на пороге успеха.

— Продолжаете воздействовать модифицированным излучением Черенкова?

— И вот результаты. — Макфарлейн указал на укрепленную в раме панель черного ретардита, которую окружали осциллографы и другие приборы. — Вчера этот кусок трехдневного стекла был стерт. Поступающие с тех пор изображения должны выйти завтра, но, полагаю, мы извлечем их пораньше.

— Почему ты так думаешь?

— Посмотри на дифракционную картину. Видишь, как она отличается от той, что мы получаем обычно, просвечивая ретардит рентгеном? Эффект мерцания указывает, что скорости прохождения образа и черенковского излучения начинают уравниваться.

— Может, вы просто замедлили черенковское излучение?

— Бьюсь об заклад, мы подстегнули изображение.

— Что-то не в порядке, — спокойным тоном заметил один из техников. — Кривая «расстояние — время» приобретает... экспоненциальный

характер.

Гаррод посмотрел на осциллограмму и подумал о световом излучении, которое вливалось в медленное стекло на протяжении примерно полутора суток, а теперь концентрировалось, формировало волну, пик...

— Закройте глаза! — закричал Макфарлейн.— Назад!

Гаррод заслонил лицо локтем, техники шарахнулись прочь, и в это время беззвучная, ослепительная вспышка взрывом водородной бомбы поразила сетчатку и сжала сердце Гаррода. Он медленно отвел руку. Перед глазами стояла мутная пелена, на которой плясали зеленые и красные пятна. Панель из ретардита была такой же черной и такой же мирной, как накануне.

Первым приглушенно заговорил Макфарлейн.

— Я же обещал выдавать из нее свет — и вот, пожалуйста.

— Все в порядке? — Гаррод оглядел людей, вновь настороженно подходящих к столу.— Успели закрыться?

— Нормально, мистер Гаррод.

— Тогда на сегодня достаточно. Запишите себе полную ночную смену и обязательно дайте глазам хорошенъко отдохнуть, прежде чем ехать домой.— Гаррод повернулся к Макфарлейну.— Тебе следует продумать новые правила безопасности.

— Еще бы! — Глаза Макфарлейна болезненно щурились за уменьшающимися стеклами очков.— Но мы извлекли свет, Эл. Впервые за девять лет упорных попыток воздействие на пространственную решетку ретардита не просто

разрушило структуру напряжений — мы сумели извлечь свет!

— Да уж... — Гаррод подхватил пиджак и медленно двинулся к кабинету Макфарлейна. — Утром сразу же свяжись с нашей патентной службой. Среди твоих ребят словоохотливых нет?

— Они не дураки.

— Хорошо. Я пока не представляю, какие могут быть применения у этого твоего устройства, но, думаю, их найдется предостаточно.

— Оружие, — мрачно бросил Макфарлейн.

— Вряд ли. Слишком громоздко, да и радиус действия, с учетом рассеивания в атмосфере, невелик... Но, к примеру, фотографирование со вспышкой. Или подача сигналов в космосе. Уверен, что если забросить зондом пятилетнюю панель хоть до Урана и там инициировать ее, вспышку можно будет наблюдать с Земли.

Макфарлейн открыл дверь кабинета.

— Давай отметим. У меня припасена бутылочка на случай праздника.

— Не знаю, Тео.

— Брось, Эл. К тому же я придумал новую фразу. Послушай. — Он скрчил зверскую гримасу, вытянул палец и закричал: — Оставь в покое этот пояс, Ван Аллен!

— Недурно. Не могу сказать, что блеск, но недурно.

Гаррод улыбнулся. Еще в колледже у них родилась шутка, основанная на выдумке, что все великие ученые, чьими именами названы открытия, — ученики в классе. Каждый еще в юном возрасте так или иначе был связан с областью, в которой позже добьется триумфа,

но затюканный учитель, естественно, не знает этого и пытается навести порядок. Пока он выкрикивает: «Что там у тебя в бутылке, Клейн?» начинающему топологу; «Не мельтеши, Броун» будущему первооткрывателю молекулярного движения и «Решись, наконец, на что-нибудь, Гейзенберг!» мальчишке, который со временем сформулирует принцип неопределенности. Гаррод практически спасовал перед сложностью выдумывания фраз с необходимой степенью универсальности, но Макфарлейн не прекращал попыток и каждую неделю выдавал новую реплику.

У двери Гаррод остановился.

— Праздновать пока рановато. Нам предстоит выяснить, почему возникла лавинообразная реакция и что с ней делать.

— Теперь это уже вопрос времени,— убежденно сказал Макфарлейн.— Гарантирую: через три месяца ты сможешь взять кусок медленного стекла и при желании просмотреть любую сцену — словно кинопленку в домашнем проекторе. Только подумай, что это значит.

— Например, для полиции.— Гарроду вспомнился старый судья.— И властей.

Макфарлейн пожал плечами.

— Ты имеешь в виду слежку? Недремлющее стеклянное око? Вторжение в личную жизнь? Пусть об этом волнуются мошенники.— Он достал из шкафа бутылку виски и щедро плеснул в стаканчики с золотым ободком.— Скажу только одно: не хотел бы я оказаться на месте того, кому есть что скрывать от своей жены.

— Я тоже,— произнес Гаррод. На дне стакана, где игра отраженных бликов рождала целую вселенную, он увидел черноволосую девушку

с серебристыми губами.

Когда часом позже Гаррод приехал домой, во многих комнатах горел свет. У распахнутой входной двери стояла Эстер в подпоясанном твидовом пальто; на волосы был накинут шарф. Гаррод вышел из «мерседеса» и, предчувствуя беду, поднялся по ступенькам. Фонари высвечивали бледное заплаканное лицо Эстер. «Что это,— подумал он,— замедленная реакция на требование развода? Но тогда она казалась такой спокойной...»

— Элбан,— быстро произнесла Эстер, не дав ему сказать ни слова.— Я пыталась дозвониться тебе, но охранник ответил, что ты уже ушел.

— Что-нибудь случилось?

— Ты можешь отвезти меня к отцу?

— Он заболел?

— Нет. Арестован.

Гаррод едва не расхохотался.

— Похоже на оскорбление его величества!

Что же он натворил?

Эстер дрожащей рукой прикрыла губы.

— Его подозревают в убийстве.

Глава 6

— Доказательства налицо.— В тоне лейтенанта Мэйрика, молодого человека с преждевременной сединой и отмеченным шрамом широким волевым лицом, звучала готовность помочь, свидетельствующая о такой уверенности, которая не страшится откровенности.

— Какие доказательства? Пока мне никто ничего не объяснил.— Гаррод тоже пытался вести разговор деловито и хладнокровно, но сказы-

вался изнурительный долгий день, а выпитое с Макфарлейном виски выветрилось.

Мэйрик устремил на него невозмутимый взгляд.

— Я знаю, кто вы такой, мистер Гаррод, знаю, сколько у вас денег. Но знаю и то, что объяснений вам давать не обязан.

— Простите, лейтенант. Я страшно устал и хочу лишь скорее добраться до постели, но моя жена не даст мне спать, пока я ее не успокою. Что же случилось?

— Не думаю, что это поможет вам ее успокоить.— Мэйрик закурил сигарету и бросил пачку на стол.— Около часа ночи патрульная группа обнаружила на Ридж-авеню автомашину мистера Ливингстона, заехавшую одним колесом на тротуар. Сам он, накачанный наркотиками до беспечности, навалился грудью на руль. На противоположной стороне дороги нашли мертвого человека. Позже установили его личность — некий Уильям Колкмен. Причина смерти — удар движущегося со значительной скоростью автомобиля. Вмятина на левой части переднего бампера машины мистера Ливингстона полностью соответствует характеру повреждения тела Колкмена, как и пробы краски, взятые с одежды покойного и кузова. Ну, какой вывод можно сделать? — Мэйрик откинулся на спинку стула и с удовлетворением затянулся.

— Похоже, вы уже приговорили моего тестя.

— Это вы так считаете. А я лишь привел вам факты.

— И все-таки в голове не укладывается, — медленно проговорил Гаррод.— Взять хотя бы эти наркотики. Бойд Ливингстон родился в три-

дцатых, так что спиртного он не чурается, но ко всем химическим препаратам питает врожденную неприязнь.

— У нас есть заключение медицинской экспертизы, мистер Гаррод. Ваш тестя принимал MCP — Мэйрик открыл голубой конверт и выложил перед Гарродом несколько крупных фотографий.— Так легче поверить?

Снимки, с обязательной отметкой времени в уголках, показывали навалившегося на рулевое колесо Ливингстона, невзрачно одетого мертвеца, скрючившегося в гигантской луже крови, помятый бампер и общие виды места происшествия.

— Что это? — Гаррод указал на разбросанные по бетонной мостовой темные предметы, похожие на камни.

— Комки грязи из-под крыльев машины, выплетевшие при ударе.— Мэйрик слегка улыбнулся.— То, о чем забывают наши кинорежиссеры, ставя реалистические сцены аварий.

— Ясно.— Гаррод поднялся.— Спасибо за все, что вы мне рассказали, лейтенант. Пойду готовить жену.

— Хорошо, мистер Гаррод.

Они обменялись рукопожатием, и Гаррод вышел из маленького, освещенного холодным светом кабинета. Эстер и Грант Морган, адвокат Ливингстонов, ждали в приемной у главного входа в здание полиции. Карие глаза Эстер жадно ловили его взгляд, словно умоляя сказать желанное.

Гаррод покачал головой.

— Увы, Эстер. Дело дрянь. Похоже, твоему отцу не избежать обвинения в убийстве.

— Нелепость!

— Для нас — да. Для полиции... Они лишь придерживаются закона.

— Пожалуй, этим лучше заняться мне, Эл,— вмешался Морган, шестидесятилетний мужчина аристократической наружности, безукоризненно одетый даже среди ночи. Сейчас он отрабатывал гонорар уже тем, что своей невозмутимостью успокаивал Эстер.— Мы быстро разберемся с этим недоразумением.

— Желаю удачи,— бросил Гаррод, чем вызвал сердитый взгляд жены.

— Мистер Морган,— сказала Эстер.— Я уверена, что произошла ошибка, и хочу выслушать отца. Когда можно его увидеть?

— Немедленно — я так думаю.— Морган открыл дверь, вопросительно посмотрел на кого-то снаружи и с удовлетворением кивнул.— Все в порядке, Эстер. Мне не хотелось, чтобы вы волновались из-за кажущейся сложности ситуации.

Он подтолкнул Эстер и Гаррода в коридор, а капитан и двое в штатском провели их в помещение в недрах здания. Когда они вошли, полицейский собрал на поднос кофейные чашки и удалился. Капитан и сопровождающие пошептались с Морганом и вышли в коридор. На койке, напоминающей больничную, лежал одетый в смокинг Бойд Ливингстон. Его лицо было неестественно бледным, и все же он слабо улыбнулся Моргану и Гарроду, когда Эстер кинулась к нему.

— Чертовский переплет,— прошептал Ливингстон через ее плечо.— Газетчики уже пронохали?

Морган покачал головой.

— Прессу я возьму на себя, Бойд,— успокаивающе сказал он.

— Спасибо, Грант, но этим должны заниматься специалисты. Свяжись с Таем Бомонтом, нашим агентом по связям с общественностью, пусть срочно повидается со мной. Дело может приобрести скандальный характер, и тут нужна деликатность.

Слушая разговор, Гаррод не сразу вспомнил, что его тесть выставил свою кандидатуру от республиканской партии Содружества на представление Портстона в совете округа. Он никогда не относился серьезно к запоздалой страсти Бойда к мелкомасштабной политике, но, похоже, сам Ливингстон принимал ее близко к сердцу. И безусловно, ультраправая республиканская партия Содружества вряд ли будет в восторге, если ее кандидата обвинят в злоупотреблении наркотиками и убийстве. Ливингстон возглавлял крестовый поход против азартных игр, но объявил войну и всем другим порокам.

Морган сделал пометку в блокноте.

— С Бомонтом я свяжусь, Бойд, но сперва главное. Ты не был ранен при аварии?

Ливингстон казался озадаченным.

— Ранен? Как я мог быть ранен? — взревел он, обретя часть былой энергии.— Я возвращался домой с вечера попечителей оперного театра и неожиданно почувствовал головокружение и слабость. Поэтому подъехал к тротуару и решил переждать. Возможно, я задремал или потерял сознание, но никакой аварии не было. Не было! — Его воинственные, покрасневшие от напряжения глаза, обежав всех, остановились на Гарроде.— Здравствуй, Эл.

Гаррод кивнул.

— Ну хорошо, об этом мы еще поговорим,— произнес Морган, делая пометки.— На вечере сильно налегали на наркотики?

— Как обычно, я полагаю. Официанты разносили их словно воду.

— Сколько ты принял?

— Погоди-ка, Грант.— Ливингстон приподнялся на кровати.— Тебе известно, что я этим не увлекаюсь.

— Ты хочешь сказать, что вовсе не принимал наркотиков?

— Вот именно.

— Тогда как объяснить, что медицинская экспертиза обнаружила у тебя в крови наряду с алкоголем следы MCP?

— MCP? — Ливингстон отер проступивший на лбу пот.— Это еще что за чертовщина?

— Нечто вроде синтетической конопли, весьма сильнодействующее средство.

— Отец плохо себя чувствует,— начала Эстер.— Зачем вы...

— Задать эти вопросы необходимо,— сказал Морган с решительностью, которой Гаррод от него не ожидал.— Рано или поздно их все равно зададут, и нам надо иметь ответы наготове.

— Я дам тебе хороший ответ.— Ливингстон хотел похлопать Моргана по плечу, но руки его не слушались, и удар пришелся по воздуху.— Эту дрянь мне подсунули. Умышленно, чтобы я провалился на выборах.

Морган тяжко вздохнул.

— Боюсь...

— Нечего вздыхать, Грант. Говорю тебе — именно так все и было. Впрочем, сейчас это не-

существенно. В том, что под воздействием наркотиков я сбил человека, меня обвинить нельзя — потому что едва все началось, как я съехал на обочину и остановил машину.

Гаррод подошел к койке.

— Не вяжется, Бойд. Я видел фотографии места происшествия.

— Плевать мне на фотографии! Даже если меня кто-то чуть не отравил, я знаю, что делал и чего не делал!

Ливингстон схватил руку Гаррода и заглянул ему в лицо. Гаррод почувствовал волну жалости к этому человеку и одновременно необъяснимую уверенность, что тот говорит правду, что, несмотря на все убедительные доказательства, есть место сомнению.

Морган убрал записную книжку.

— Полагаю, для начала достаточно, Бойд. Первым делом тебя надо отсюда вытащить.

— Я собираюсь снова побеседовать с лейтенантом Мэйриком, — внезапно сказал Гаррод. — Подумайте хорошенько, Бойд, не припомните ли еще что-нибудь?

Ливингстон опустился на подушку и прикрыл глаза.

— Я... я съехал на обочину... был слышен шум двигателя... нет, не может быть, я же его выключил... Я... вижу перед собой человека, приближаюсь к нему очень быстро... теперь двигатель ревет... жму на тормоз, но безрезультатно... Удар, Эл, ужасный чавкающий удар...

Ливингстон замолчал, словно пораженный тем, что впервые осознал случившееся, и из-под его сжатых век потекли слезы.

Наутро Гаррод встал рано и позавтракал в оди-

ночестве — Эстер осталась ночевать в доме родителей. Глаза от недосыпания горели, словно в них попал песок, но он все равно поехал прямо на завод, намереваясь поработать с Макфарлейном и юристами-патентоведами.

Однако сосредоточиться никак не удавалось, и после часа тщетных усилий Гаррод бросил дела на помощника, Макса Фуэнте, а сам из личного кабинета позвонил в управление портстонской полиции и попросил к аппарату лейтенанта Мэйрика. Симпатичная телефонистка сообщила, что до полудня Мэйрика не будет.

Гарроду пришло в голову, что он ведет себя безрассудно. Судя по всему, такой опытный законник, как Морган, не сомневается в виновности Ливингстона. Смирилась уже и Эстер и, в конечном счете, даже сам Ливингстон. И все же что-то в доказательствах не давало Гарроду покоя. А может быть, всего лишь дает о себе знать самомнение, в котором его упрекала Эстер? Когда все убеждены, что Ливингстон, одурманенный наркотиками, задавил человека,— не пыжится ли Элбан Гаррод сразить их, поставить себя выше, эффектно раскрыв правду? «Так или иначе,— решил он,— результат будет один».

Гаррод на секунду задумался, а потом прибег к испытанному средству, чтобы вызвать вдохновение: достал из ящика стола большой лист бумаги и обозначил на нем на некотором расстоянии друг от друга все существенные моменты заявлений Мэйрика и Ливингстона. Их он разбил на группы в зависимости от деталей, подробностей и собственных умозаключений. Через полчаса лист был почти полностью исписан. Гар-

род попросил принести кофе и, потягивая горячую жидкость, не сводил с бумаги глаз. Наконец, уже допивая вторую чашку, он взял ручку и обвел фразу, которую предыдущим вечером произнес Ливингстон. Она стояла под заголовком МАШИНА: «Теперь двигатель ревет».

Гаррод ездил в «роллсе» Ливингстона, был хорошо знаком с подобными автомобилями и знал, что даже на полных оборотах услышать шум турбодвигателя практически невозможно.

Допив кофе, Гаррод взял в кружок еще один подзаголовок и по видеофону связался с Грантом Морганом.

— Доброе утро. Как там старики?

— Принял успокоительное и спит,— нетерпеливо ответил Морган.— У вас что-нибудь важное, Эл? Я сейчас очень занят делом Бойда.

— Я, между прочим, тоже. Вчера вечером он сказал, что наркотики ему, должно быть, подмешали политические противники. Я понимаю, это звучит дико, и все же: кто заинтересован, чтобы Ливингстон не попал в совет округа?

— Послушайте, Эл, по-моему, вас понесло...

— Причем неизвестно куда. Знаю. Однако — вы ответите или мне самому наводить справки в городе?

Морган, будто изменяя своей натурае, пожал плечами.

— Ни для кого не секрет, как Бойд относится к азартным играм. Он давно подбирается к казино и, если войдет в совет, наверняка хорошенько прижмет их. Я тем не менее сомневаюсь...

— Вполне достаточно. В сущности, мотив мне неважен; главное, такая возможность не исключена. Теперь скажите, вы когда-нибудь

сидели в машине Бойда?

— В «роллсе»? Да, я несколько раз с ним ездил.

— Двигатель шумит сильно?

Морган позволил себе слабо улыбнуться.

— Разве там есть двигатель? Мне казалось, нас тянет невидимая сила.

— Иными словами, работает он практически беззвучно?

— Да...

— Тогда как объяснить фразу, сказанную Бойдом вчера вечером? — Гаррод взял свой листок и прочитал: «Теперь двигатель ревет».

— Если бы мне пришлось объяснить, я бы предположил, что возможным побочным действием МСР является обострение восприятия...

— А сочетается ли обострение восприятия с одновременной потерей сознания за рулем?

— Я не специалист по наркотикам, но...

— Ладно, Грант, я и так отнял у вас много времени.

Гаррод выключил аппарат и вновь принялся изучать записи. Незадолго до полудня он предупредил секретаря, миссис Вернер, что уезжает по личному делу, и под серо-стальным небом повел машину к полицейскому управлению. Коридоры были буквально запруженны людьми, и ему пришлось ждать минут двадцать, пока освободился лейтенант Мэйрик.

— Прошу прощения, — сказал Мэйрик, когда они уже сидели за его столом. — Но вы сами отчасти виновны в нашей перегруженности.

— Каким образом?

— Всюду куда ни плюнь — медленное стекло. Раньше любители подсматривать в замочную

скважину особых хлопот нам не доставляли — поступала жалоба, и они либо скрывались, либо попадали к нам. Риск не давал этому занятию вылиться в повальное увлечение. Сейчас ничего не стоит оставить стеклышко в гостиничном номере, в ванной комнате, где угодно. А если кто-либо замечает его и обращается в полицию, нам приходится устраивать засаду и ждать, пока любитель острых ощущений придет за своей собственностью. Потом еще надо доказывать, что это *его* собственность...

— Простите.

Мэйрик едва заметно покачал головой.

— Что привело вас ко мне?

— Дело моего тестя, разумеется. Вы совершенно не допускаете мысли, что улики против него могут быть сфабрикованы?

Мэйрик улыбнулся и потянулся за сигаретами.

— У нас не принято сознаваться в подобных вещах, но порой надоедает строить из себя эдакого все допускающего, широких взглядов либерала. Поэтому — да, я и мысли такой не допускаю. Что дальше?

— Не возражаете, если я обращу ваше внимание на некоторые моменты?

— Милости прошу.— Мэйрик великодушно махнул рукой, взвинтив водоворотики табачного дыма.

— Благодарю вас. Первое. Сегодня утром по радио я слышал, что Уильям Колкмен — тот, кого сбила машина,— работал в биллиардной в пригороде у реки. Так что же он делал ночью не где-нибудь, а на самой Ридж-авеню? Гулял?

— Кто знает? Может, собирался вломиться в один из тамошних роскошных особняков. Но

это не дает права автомобилистам начать на него охоту.

— Стало быть, значения вы этому не придаете?

— Никакого. Что еще?

— Мой тестя, в частности, припоминает, что слышал громкий звук двигателя, но...— Гаррод заколебался, внезапно осознав, как неубедительно звучат его слова,— ... но двигатель в его машине работает практически бесшумно.

— У вашего тестя, должно быть, прекрасная машина,— подчеркнуто ровным голосом заметил Мейрик.— И какое же отношение это имеет к делу?

— Ну, раз он слышал...

— Мистер Гаррод,— потеряв терпение, резко перебил его лейтенант.— Не говоря уже о том, что ваш тестя был так накачан наркотиком, что с успехом мог возомнить себя летящим на бомбардировщике, этот якобы бесшумный автомобиль заявил о себе достаточно громко. У меня лежат письменные заявления людей, которые слышали удар, были на месте происшествия спустя тридцать секунд, когда Колкмен еще истекал кровью, и видели мистера Ливингстона в машине.

Гаррод был потрясен.

— Вчера вечером вы не говорили о свидетелях...

— Возможно, потому, что вчера вечером я был занят. Как, между прочим, и сегодня.

Гаррод встал, собираясь уйти, но будто помимо собственной воли упрямо продолжил:

— Ваши свидетели не видели самого происшествия?

— Нет, мистер Гаррод.

— Какое освещение на Ридж-авеню? Панели из ретардита?

— Пока нет.— Мейрик злорадно усмехнулся.— Понимаете ли, денежные мешки, живущие в том районе, возражают против установки шпионского стекла у своих домов, и городской совет до сих пор ничего не может сделать.

— Ясно.

Гаррод кое-как извинился перед лейтенантом за беспокойство и вышел из здания. Слабый, совершенно нелогичный проблеск надежды, что он сумеет убедить мир в невиновности Ливингстона, исчез. И все же вернуться на завод оказалось выше его сил. Он поехал в северном направлении, сперва медленно, затем постепенно набирая скорость, по мере того как признавался себе, куда ведет машину.

Трехполосное бетонное шоссе, на территории города называвшееся Ридж-авеню, змейлось к отрогам Каскадных гор. Гаррод отыскал место происшествия, отмеченное на дороге желтым мелом, и остановился. Ощущая смутную неловкость, он выбрался из автомобиля и окинул взглядом погруженные в полуденную дремоту покатые зеленые крыши, лужайки и темную растительность. В этом районе нужды в стеклоландафтах не было — вид из окон открывался и без того приятный,— и все же панели медленного стекла оставались достаточно дорогими, чтобы служить символами положения в обществе. Из шести выходящих на автостраду особняков у двух вместо окон зияли прямоугольники, словно вырезанные из склона холма.

Гаррод сел в машину, включил видеотелефон и вызвал секретаря.

— Миссис Вернер, прошу вас выяснить, какой магазин поставил стеклодомы жителям дома 2008 по Ридж-авеню. Пожалуйста, займитесь этим немедленно.

— Хорошо, мистер Гаррод.— Лицо на миниатюрном экране недовольно надулось, как при всяком поручении, выходящем, на взгляд миссис Вернер, за рамки ее служебных обязанностей.

— Свяжитесь с управляющим магазина. Пусть он выкупит стекла под любым предлогом. Цена не имеет значения.

— Хорошо, мистер Гаррод.— Миссис Вернер нахмурилась еще сильнее.— Это все?

— Доставьте их ко мне домой. Сегодня к вечеру, если возможно.

Гаррод собирался дать себе передышку, но накопившиеся за пять дней отсутствия дела да еще намеки об уходе со стороны миссис Вернер заставили его на несколько часов заехать на завод. Он поставил машину на обычное место и бессильно обмяк за рулем, пытаясь отряхнуть с себя усталость. В красно-золотом мареве вечернего солнца окружающие строения казались миражом; вдали, на фоне промышленного ландшафта, крошечные белые фигурки играли в теннис. Нежный мягкий луч высветил беззвучную картинку, превратив ее в идеальную средневековую миниатюру. У Гаррода родилось смутное ощущение, что он уже видел это много лет назад, причем воспоминание казалось насыщенным особым смыслом, словно

было связано с важным этапом его жизни; и все же точно вспомнить никак не удавалось. Ход его мыслей прервал скрип гравия — к машине приближался Тео Макфарлейн. Гаррод подхватил портфель и вышел.

Макфарлейн поднял указующий перст.

— А ты все не меняешься, Планк?

— Брось, Мак, — отозвался Гаррод, кивнув в знак приветствия. — Какие новости?

— Пока никаких. Прикинул целый диапазон волн и прогоняю на компьютере кривые «время — расстояние». Но тут быстро не управляешься. Что у тебя?

— Практически то же самое, только я пытаюсь наложить колебания нескольких частот и посмотреть, можно ли ускорить маятниковый эффект.

— Мне кажется, ты чересчур торопишься, Эл, — задумчиво сказал Макфарлейн. — Мы вызвали в лаборатории эмиссию еще около пятидесяти панелей и каждый раз получали лавинообразное нарастание. В одновременном облучении волнами разной длины что-то есть, однако добиться стабилизации...

— Я же объяснял, почему не могу ждать. Эстер считает, что отец не выдержит тюремного заключения. И ему грозит политическая смерть в случае...

— Но, Эл! Подстроить такое просто невозможно, даже если бы кто-нибудь захотел! Совершенно очевидно: он совершил наезд и убил человека.

— Может быть, даже слишком очевидно, — упрямо заявил Гаррод. — Может быть, это все чересчур убедительно.

Макфарлейн вздохнул и поковырял ногой во влажном гравии.

— Тебе не следует работать дома с двухлетним стеклом, Эл. Ты же видел, какую вспышку дает всего лишь двухдневная аккумуляция.

— Накопления тепла не происходит. Так что лавинообразное выделение мою лабораторию не подожжет.

— Все равно...

— Тео,— перебил Гаррод.— Не надо со мной об этом спорить.

Макфарлейн, смирившись, пожал плечами.

— Мне? С тобой? Я ведь старый любитель интеллектуального дзюдо. Ты же знаешь, как я смотрю на взаимоотношения людей — нет действия без противодействия.

Слова эти неожиданно будто пронзили Гаррода. Макфарлейн помахал на прощание рукой и зашагал к своей машине. Гаррод попытался махнуть в ответ, но тело его словно разладилось: в коленях возникла слабость, сердце застучало тяжело и неритмично, в животе разлился холодок. Внезапно родившаяся мысль стремительно набрала силу и взорвалась экстатической вспышкой.

— Тео,— почти беззвучно проговорил Гаррод.— Мне не нужна помощь медленного стекла. Я знаю, как это было сделано.

Макфарлейн, не рассыпав, сел в автомобиль и уехал, а Гаррод, словно окаменев, замер посреди стоянки. Только когда машина скрылась из виду, он очнулся от транса и побежал к зданию. Возле кабинета его поджидала миссис Вернер с искаженным от нетерпения желтоватым лицом.

— Я могу задержаться лишь на два часа,— объявила она.— Так что...

— Ступайте домой. Увидимся завтра.

Едва не оттолкнув ее, Гаррод прошел в кабинет, захлопнул дверь и тяжело упал в кресло. *Действие и противодействие.* Все так просто. Автомобиль и человек сталкиваются с достаточной силой, чтобы помять бампер машины и лишить человека жизни. Так как автомобили обычно движутся быстро, а пешеходы — медленно, повседневный опыт предрасполагает следователя толковать происшествие единственным образом: машина ударила человека. Но с точки зрения механики, с тем же результатом человек мог ударить машину.

Гаррод закрыл лицо руками и попытался представить себе, как могло произойти убийство. Вы одурманиваете водителя наркотиком, рассчитав дозу и время так, чтобы тот потерял контроль приблизительно на желаемом отрезке пути. Если он при этом убьет себя или кого-либо другого — тем лучше, необходимость во второй части плана отпадает. Но если водитель все же сумел благополучно остановить машину, то у вас наготове оглушенная или одурманенная жертва. Вы подвешиваете ее к движущемуся механизму — грузовик-кран с длинной стрелой подойдет идеально — и с размаху бьете в неподвижный автомобиль. Жертва отлетает в сторону и позже ее находят мертвой в нескольких ярдах от машины. Вам остается только скрыться, скорее всего, выключив габаритные фонари.

Гаррод достал из ящика бумагу и отметил все непонятные ранее места, объясняемые новой теорией. Теперь прояснялось присутствие Колк-

мена в поздний час на Ридж-авеню, а также рев двигателя, который слышали Ливингстон и другие свидетели. «Я жму на тормоз, но безрезультатно», — сказал еще не вышедший из шокового состояния Ливингстон. Естественно — ведь машина стояла на месте.

Как же найти подтверждение? В крови покойного должны обнаружиться следы одурманивающих веществ, на теле — повреждения, которые не могли возникнуть вследствие удара. На одежде неминуемо останется отметка от крюка или иного приспособления для подвески. Проверка ретардитовых мониторов на дорогах, пересекающихся с Ридж-авеню, вероятно, покажет приближение в соответствующее время грузовика-крана или аналогичного механизма.

Гаррод решил позвонить Гранту Моргану и повернулся к видеофону, когда раздался сигнал вызова. Он вдавил кнопку и увидел жену. Судя по полкам и разнообразным приборам на заднем плане, Эстер находилась в его домашней лаборатории.

Она нервно поправила пышные бронзовые волосы.

— Элбан, я...

— Как ты сюда попала? — потребовал Гаррод. — Я запер дверь и велел тебе держаться подальше от этого места.

— Да, но я услышала какое-то жужжание, поэтому взяла запасной ключ, которым пользуется уборщица, и вошла.

Гаррод оцепенел от тревоги. Жужжало автоматическое устройство, сигнализирующее о том, что скорость прохождения информации через ретардит перестала быть постоянной. Запро-

граммированное оборудование должно было немедленно прекратить облучение в таком случае, но никто не гарантировал, что это сработает. Медленное стекло могло в любой момент вспыхнуть, словно «новая».

— очень странно,— говорила Эстер.— Стекландшафт стал гораздо ярче, и все в нем ускорилось. Посмотри.

Экран видеофона заполнила панель медленного стекла, и Гаррод увидел обрамленное деревьями озеро на фоне гор. Этот тихий живописный пейзаж сейчас бурлил ненормальной активностью. В небе кружили облака, проносились почти не различимые глазом животные и птицы, бомбой падало солнце.

Гаррод попытался унять звучащую в голосе панику.

— Эстер, панель вот-вот взорвется. Сейчас же уходи из лаборатории и закрой за собой дверь. Немедленно!

— Но, по твоим словам, мы можем увидеть то, что поможет отцу.

— Эстер! — закричал Гаррод.— Если ты сию же секунду не уйдешь, то не увидишь больше ничего в жизни! Ради бога, скорей!

После некоторой паузы он услышал, как хлопнула дверь. Дикий страх утих — Эстер в безопасности,— но то, что происходило в стекландшафте, готовящемся выплеснуть накопленный за два года свет, приковало его к креслу. Солнце утонуло за горой, и упала тьма, но лишь на минуту, в течение которой серебряной пулей прочертила небосклон луна. За десять секунд в адском сиянии промчался еще один день, затем...

Экран видеофона вдруг померк.

Гаррод вытер со лба холодный пот, и в это время по резервным каналам восстановилась связь. На возникшем изображении «разрядившийся» стекландшафт предстал панелью полированного обсидиана, черной как смоль. Видневшаяся часть лаборатории казалась неестественно обесцвеченной, будто на экране черно-белого телевизора. Через несколько секунд он услышал, как открылась дверь и раздался голос Эстер.

— Элбан,— робко произнесла она.— Комната изменилась. Все краски исчезли.

— Ты сюда лучше до моего приезда не заходи.

— Теперь-то уже можно... А комната вся белая, посмотри.

Изображение переместилось, и он увидел Эстер. Ее бронзовые волосы и зеленое платье невероятно ярко выделялись на фоне выцветшего призрачного помещения. Гаррода вновь охватило смутное волнение.

— Послушай,— озабоченно сказал он,— все же я думаю, тебе лучше выйти.

— Тут все стало совсем другим. Взгляни на эту вазу — она была синей.— Эстер перевернула вазочку — на донышке, куда не попадал прямой свет, сохранилась первоначальная окраска. Тревога усилилась, и Гаррод попытался сбряхнуть сковавшее мозг оцепенение. Теперь, когда ретардит «разрядился», какая опасность могла существовать в лаборатории? Излученный свет поглотили стены, потолок и...

— Эстер, закрой глаза и уходи,— хрипло проговорил Гаррод.— Здесь полно образцов медленного стекла, и у некоторых период задержки всего...

Его голос сорвался, когда экран вновь озарила вспышка. Эстер закричала сквозь сверкающую пелену, и ее изображение полыхнуло призрачным сиянием, будто оказалось на скрещении лазерных лучей. Гаррод рванулся к двери кабинета, но голос Эстер преследовал его и в коридоре, и по пути домой.

— Я ослепла! — кричала она.— Я ослепла!

Глава 7

Для человека, достигшего самых больших высот в своей профессии, Эрик Хьюберт был на удивление молод. Этот розовощекий толстячок, вероятно, прежде временно полысел, потому что носил ультрамодный напыляемый парик. Кожу на голове покрывала какая-то черная клейкая органика, на которую сильной струей воздуха был нанесен хохолок тонких черных волос. Гарроду не верилось, что перед ним один из лучших офтальмологов западного полушария. Он даже чувствовал смутную радость, что Эстер, неестественно прямо сидящая напротив врача за огромным полированным столом, не может видеть Хьюберта.

— Настал момент, которого мы так долго ждали,— сказал Хьюберт низким протяжным голосом, совершенно не соответствующим его внешности.— Все утомительные проверки позади, миссис Гаррод.

«Дела, видно, плохи,— подумал Элбан.— Разве бы он начал так, имея хорошие известия?» Эстер чуть подалась вперед, но миниатюрное лицо за темными очками оставалось безмятежным. Расслабляющие интонации Хьюберта, каза-

лось, мирили ее с окружающей тьмой. Гаррод, страшась думать о трагедии, вспомнил средних лет даму, подругу тетушки Мардж, которая хотела научиться игре на фортепиано и, остро воспринимая свой возраст, нашла слепого преподавателя.

— Что же они показали? — Голос Эстер был твердым и четким.

— Да, миссис Гаррод, удар вы получили, что называется, не в бровь... От вспышки роговая оболочка и хрусталики обоих глаз потеряли прозрачность. На нынешнем уровне развития офтальмологии хирургия бессильна.

Гаррод недоуменно покачал головой.

— Но ведь роговицу легко пересадить! Что касается прозрачности хрусталика... разве это не катаракта? Почему же нельзя, с необходимым перерывом, прооперировать дважды?

— Мы имеем дело с особым случаем. Сама структура роговой оболочки так изменилась, что пересаженная ткань будет отторгаться уже через несколько дней. Еще счастье, что не началось прогрессирующее омертвление тканей. Мы, конечно, можем удалить хрусталики — вы совершенно верно заметили, — как при лечении обычновенной катаракты. — Хьюберт замолчал и поправил свой нелепый демонический хохолок. — Но без здоровой прозрачной роговицы вашей же не лучше не будет.

Гаррод посмотрел на умиротворенное лицо Эстер и тут же отвел взгляд.

— Невероятно! Тебе чуть ли не запросто могут вложить в грудную клетку сердце свиньи, а какая-то простая глазная операция...

— В данном случае операция была бы отнюдь

не простой, мистер Гаррод,— заметил Хьюберт.— Послушайте, ваша жена получила удар под дых, а вы хотите, чтобы она сразу встала и продолжала идти.

— Разве? — Использование подобных образных сравнений и поговорок, когда речь шла о несчастье — слепоте — внезапно вывело Гаррода из себя.— А мне кажется, что...

— Элбан! — Голос Эстер прозвучал неожиданно надменно.— Мистер Хьюберт уделил мне внимание и оказал помошь, какие только могут купить деньги. И я уверена, его ждут другие пациенты.

— Ты не понимаешь, что он говорит.— Гаррод чувствовал, как где-то глубоко внутри в нем зарождается паника.

— Прекрасно понимаю, дорогой. Я слепа, вот и все.— Эстер улыбнулась куда-то в область правого плеча Гаррода и сняла очки, открыв обесцвеченные глаза.— А теперь отвези меня домой.

Гаррод мог лишь единственным образом охарактеризовать свою реакцию на мужество и самообладание Эстер — он был пристыжен.

Спускаясь в лифте, он тщетно пытался найти подходящие слова, но молчание не смущало Эстер. Она стояла, высоко подняв голову, и слегка улыбалась, обеими руками держа его ладонь. В вестибюле здания Медицинского искусства толпились люди с камерами.

— Прости, Эстер,— прошептал Гаррод.— Здесь съемочные группы. Видимо, им сообщили, что мы в городе.

— Меня это не беспокоит... Ты знаменит, Элбан.

Она еще крепче сжала его руку, и они вышли на улицу к автомобилю. Гаррод отмахнулся от микрофонов, и через несколько секунд машина уже неслась к аэропорту. Эстер не преувеличила его известность. Гаррод оказался в центре двух независимых событий, ставших сенсациями и завладевших всеобщим вниманием. Во-первых, получила распространение приукрашенная версия, как он в одиночку сумел раскрыть попытку портстонского игорного синдиката опорочить его тестя. А во-вторых, ходила история о секретных работах в области медленного стекла, приведших к созданию нового страшного оружия, первой жертвой которого пала жена изобретателя. Все попытки Гаррода растолковать истинное положение дел достигли прямого противоположного результата, и он решил придерживаться политики молчания.

В аэропорту Гаррод выхватил взглядом из толпы репортеров лицо Лу Нэша и повел Эстер к самолету. Там тоже поджидали журналисты и операторы, но Лу быстро поднял машину в воздух. После короткого перелета в Портстон руководитель отдела по связям с общественностью Мэнстон помог им пробиться сквозь плотные ряды репортеров, и вскоре они оказались дома.

— Давай посидим в библиотеке,— сказала Эстер.— Это единственная комната, которая стоит у меня перед глазами.

— Конечно.— Гаррод подвел Эстер к ее любимому креслу, сам сел напротив, и вокруг тотчас сомкнулось холодное коричневое молчание комнаты.

— Ты, должно быть, устала,— проговорил он.— Попрошу принести кофе.

— Я ничего не хочу.
— Что-нибудь выпить?

— Не надо. Давай посидим, Элбан. Мне придется привыкать к большим переменам...

— Понимаю. Могу я для тебя что-нибудь сделать?

— Просто побудь со мной.

Гаррод кивнул и откинулся на спинку, глядя как ползет в высоких окнах предзакатное солнце. В углу громко тикали старинные часы, с каждым махом маятника творя и разрушая далекие вселенные.

— Скоро приедут твои родители, — спустя некоторое время произнес он.

— Нет. Я сказала, что сегодня мы хотим побывать одни.

— Но тебе лучше с людьми.

— Кроме тебя, мне никто не нужен.

Они пообедали вдвоем, затем вернулись в библиотеку. Всякий раз, когда Гаррод пытался начать разговор, Эстер давала понять, что она предпочитает молчание. Гаррод взглянул на часы — полночь, словно гребень горы, оставалась далеко впереди.

— Может быть, послушаешь какую-нибудь из звуковых книг, что я принес?

Эстер покачала головой.

— Ты же знаешь, я всегда была безразлична к чтению.

— Но это совсем другое — будто радио.

— Если бы мне захотелось, я бы послушала настоящее радио.

— Однако... Впрочем, ладно.

Гаррод заставил себя замолчать и взял книгу.

— Что ты делаешь?

- Ничего. Просто читаю.
- Элбан, есть одна вещь, которая доставила бы мне удовольствие,— проговорила Эстер минут через пятнадцать.
- Что именно?
- Давай посмотрим вместе телевизор.
- Э... Не понимаю, что ты имеешь в виду.
- Возьмем каждый по комплекту.— Эстер по-детски оживилась.— Я буду слушать, а если чего-нибудь не пойму, ты мне объяснишь, что происходит. Так мы будем смотреть вместе.

Гаррод замялся. Снова всплыло слово «вместе», так часто повторяемое Эстер в эти дни. Ни она, ни он не возвращались больше к вопросу о разводе.

— Хорошо, дорогая.— Гаррод достал два стереокомплекта и один из них надел на голову Эстер. Ее лицо выражало покорное ожидание.

Подъем к полуночи становился все длиннее и все круче.

На четвертое утро он схватил Эстер за плечи и повернул ее к себе.

— Все, сдаюсь! Да, в том, что ты ослепла, есть и моя вина. Но я так больше не могу!

— Чего не можешь, Элбан? — обиженно и удивленно спросила Эстер.

— Терпеть это *наказание*.— Гаррод судорожно втянул в себя воздух.— Ты слепа — но я не слеп. Мне нужно продолжать работать...

— У тебя есть управляющие.

— ... и жить!

— Ты по-прежнему хочешь развода! — Эстер вырвалась, пробежала несколько шагов и упала, ударившись о журнальный столик. Она лежа-

ла на полу, не делая попытки встать, и тихо плакала. Гаррод секунду беспомощно смотрел на жену, потом поднял ее и прижал к себе.

Днем по видеонефону позвонил Макфарлейн. Руководитель научно-исследовательских работ выглядел бледным и усталым, и только уменьшенные вогнутыми линзами глаза его ярко сияли. Разговор он начал, как всегда справившись об Эстер, но нарочито спокойный тон не мог скрыть владевшего им возбуждения.

— Нормально,— ответил Гаррод.— Сейчас идет период адаптации...

— Представляю. Между прочим, когда тебя ждать в лаборатории, Эл?

— Скоро. На днях, вероятно. Ты звонишь, просто чтобы скоротать время?

— Нет. Вообще-то говоря...

Гаррода кольнуло предчувствие.

— Получилось, да, Тео?

Макфарлейн с мрачным видом кивнул.

— Мы добились управляемой эмиссии. Самый обыкновенный маятниковый эффект, но с переменной частотой, регулируемой обратной связью в рентгеновском диапазоне. Сейчас мои ребята гоняют кусок медленного стекла, как домашний кинопроектор. Хотят — ускорят до часа за минуту, хотят — замедлят почти до полной остановки.

— Полный контроль!

— Я же говорил — дай мне три месяца, Эл; прошло всего десять недель.— Макфарлейн смущился, словно сболтнув то, о чем предпочитал бы молчать, и Гаррод немедленно понял. Если бы не его эгоистические попытки добиться успеха самому, Эстер не потеряла бы зрение. Вина

и ответственность лежали на нем, и только на нем.

— Поздравляю, Тео.

Макфарлейн кивнул.

— Я думал, что буду ликовать. Ретардит теперь безупречен. Заданный период задержки — вот что его ограничивало. Отныне простой кусок медленного стекла превосходит самые дорогие кинокамеры. Все прежнее бледнеет по сравнению с тем, что нас ждет впереди.

— Так чем же ты недоволен, Тео?

— Я только что понял, что никогда больше не буду по-настоящему один.

— Не мучь себя, — тихо проговорил Гаррод. — Нам всем придется с этим свыкнуться.

Глава 8

Весть о том, что Эстер снова будет видеть — хотя и совершенно необычным способом, — пришла в день, который был уже расписан Гарродом до минуты.

Первым в то утро он принимал Чарльза Мэнстона: они собирались обсудить «широкий круг проблем, касающихся связей с общественностью». Мэнстон был высок и тощ, с орлиным профилем и небрежно висящими прядями черных волос. В одежде он отдавал предпочтение сугубо английскому стилю (вплоть до темно-синих галстуков в белый горошек) и говорил с акцентом, который Гаррод про себя называл среднеатлантическим. Некогда Мэнстон был маститым журналистом, а теперь умело и энер-

гично руководил отделом по связям с общественностью.

— Это продолжается год, если не больше,— сказал он, силясь вернуть к жизни сигарету с золотым мундштуком.— Общественное мнение восстает против наших изделий.

Гаррод перебирал газетные вырезки и записи передач, которые положил перед ним Мэнстон.

— А вы не сгущаете краски? Вы уверены, что существует такой зверь, как общественное мнение?

— Не только существует, но и очень силен. Поверьте, Элбан. Если он на твоей стороне — прекрасно, если враждебен — беды не миновать.— Мэнстон протянул Гарроду листок.— Вот как нас воспринимают, судя по этим статьям. Почти шестьдесят процентов публикаций направлены против ретардита и изделий на его основе, еще двенадцать процентов содержат недружественные намеки. Это как раз то, что мы называем плохой прессой, Элбан.

Гаррод взглянул на таблицу с цифрами, но привычка Мэнстона звать его полным именем напомнила об Эстер и о сообщении, полученном от Эрика Хьюберта. Операция прошла успешно, к Эстер снова вернется зрение — если считать зрением то, что так внезапно предложил хирург.

— Вот более подробная статистика,— продолжал Мэнстон.— Масса забастовок и других выступлений профсоюзов: они не желают, чтобы на заводах устанавливали мониторы из медленного стекла. Масса протестов борцов за гражданские права против решения правительства оборудовать все виды наземного транспорта контрольными панелями из ретардита. Да еще эта Лига

защиты частной жизни — она только что родилась, но ее влияние растет с каждым...

— Что вы предлагаете? — перебил Гаррод.

— Придется пойти на расходы. Мы можем развернуть кампанию по ориентации общественного мнения, но понадобится не меньше миллиона.

Еще минут двадцать Мэнстон развивал свой план подготовительных мероприятий к проведению такой кампании. Гаррод, слушая вполуха, одобрил всю программу, и Мэнстон, исполненный благодарности и энтузиазма, устремился к выходу. У Гаррода осталось впечатление, что, высказавшись все газеты в поддержку ретардита, глава отдела по связям с общественностью все равно убедил бы его выложить миллион — чтобы удержаться на гребне успеха. И хотя миллион теперь значил для Гаррода меньше, чем один-единственный доллар в далеком детстве, он так и не смог до конца преодолеть отношение к деньгам, воспитанное в нем годами жизни со скрягой-дядюшкой там, в Барлоу, штат Оregon. Каждый раз, выписывая чек на солидную сумму или утверждая крупные ассигнования, он представлял лицо дяди, серое от дурных предчувствий.

Следующей была встреча с Шикертом, главой отделения жидких светокрасителей. Отделение выпускало тиксотропную эмульсию, состоявшую из прозрачного полимера и частиц измельченного медленного стекла с периодом задержки от нескольких часов до недели. Применялась эта краска в основном архитекторами: ночью покрытые ею здания испускали мягкий, нежный свет. Но неожиданно измельченный ретардит стал

пользоваться большим спросом у других изготавителей красок. Шикерт предлагал построить новый завод, который позволил бы увеличить производство ретардита на тысячу тонн в неделю. И снова Гаррод позволил уговорить себя, меж тем как мысли его были далеко. Наконец, взглянув на часы, он увидел, что менее чем через час ему отправляться в Лос-Анджелес, и с облегчением покинул контору.

— Поначалу возможны неприятные ощущения, — сказал Эрик Хьюберт, — зато миссис Гаррод снова видит.

— Уже! — Гаррод с трудом находил слова, чтобы выразить хаос завладевших им чувств. — Я... я весьма признателен.

Хьюберт нежно водил пальцем по границе пушистого клина искусственных волос — парик придавал ему сходство с розовым пластмассовым Мефистофелем.

— Сама по себе операция была несложной, поскольку переднюю камеру глаза мы предварительно закрыли инертной коллоидной пленкой. Это позволило удалить сумку хрусталика и сделать прорези в роговице без потери... Просните, вам тяжело слушать?

— Ничего, ничего.

— Беда нашей профессии — нельзя похвастаться своей работой. Глаз — удивительно прочный орган, но люди, особенно мужчины, не могут слышать о подробностях даже самой простой операции. Люди, в сущности, и есть их глаза. Мы подсознательно ощущаем, что сетчатка — это продолжение мозга, а потому...

— Могу я увидеть жену?

— Разумеется.— Хьюберт даже не сделал попытки встать со стула и принялся перекладывать стопки бумаг.— Прежде чем мы пойдем к миссис Гаррод, я хочу объяснить, что от вас потребуется.

— Не понимаю.— Гаррод ощутил беспокойство.

— Я пытался убедить миссис Гаррод, что гораздо удобнее были бы ежедневные визиты опытной сестры, сведущей в офтальмологии. Но она и слышать об этом не желает.— Хьюберт устремил на Гаррода спокойный, оценивающий взгляд.— Она хочет, чтобы каждое утро диски ей меняли вы.

— О,— Гаррода передернуло.— Что же мне придется делать?

— Ничего сложного, вы отлично справитесь,— сказал Хьюберт мягко, и Гаррод вдруг почувствовал отвращение к самому себе за то, что позволил нелепой внешности хирурга повлиять на его, Гаррода, мнение об этом человеке.— Вот эти диски.

Он открыл плоский футляр и показал Гарроду маленькие стеклянные пластиинки, лежавшие парами. Диски диаметром менее сантиметра с загнутыми вверх стеклянными хвостиками — крохотные полупрозрачные сковородки. Одни диски были угольно-черными, другие излучали свет различных оттенков.

Губы хирурга дрогнули в улыбке.

— Не мне объяснять вам, что это за материал. Эти ретардитовые диски имеют различное время задержки — один день, два или три дня. Один день — минимальный период, потому что открывать прорези в роговице чаще одного раза в двадцать четыре часа не рекомендуется.

Для замены дисков нужно смочить глаза вашей жены смесью анестезирующего средства и фиксатора и, взявшись за выступы, плавным скользящим движением извлечь старые диски из прорезей. Затем вставить новые диски и выдавить на прорези немного защитного геля. Все это сложно лишь на первый взгляд. Прежде чем миссис Гаррод выйдет из клиники, вы несколько раз проделаете эту процедуру под нашим наблюдением. Со временем она покажется вам пустяковой.

Гаррод наклонил голову.

— Так к моей жене вернется настоящее зрение?

— Настоящее. С той, разумеется, оговоркой, что она увидит все на день, два или три позже — смотря по тому, какими дисками пользуется.

— Хотел бы я знать, как сравнить это с обычным зрением.

— Важнее сравнить это с полной слепотой, мистер Гаррод, — твердо сказал Хьюберт.

— Извините меня, не думайте, что я не ценю сделанное вами. Это не так. Как восприняла новость Эстер?

— Прекрасно. Она говорит, что любила смотреть телевизор; сейчас у нее снова появилась такая возможность.

Гаррод нахмурился.

— А звук?

— Звук можно записать и проигрывать синхронно с изображением, которое она видит. — Хьюберт заговорил с подъемом. — Подобная операция поможет многим, и, вполне вероятно, когда-нибудь появятся телестудии, передающие звук по специальному каналу ровно через сутки после

изображения. Тогда самый обычный стереовизор при пустяковой переделке звукового тракта...

Гаррод отвлекся — он свыкался с мыслью, что его жена снова будет видеть. Эстер ослепла почти год назад, и с тех пор они проводили вместе каждый вечер и выходили из дома раз шесть, не больше. Гарроду казалось, что он столетия просидел в тусклых сумерках библиотеки, пересказывая Эстер события бесконечных телепередач.

— Какой интересный голос! — говорила Эстер. — Он подходит актеру?

А бывало иначе. Она опережала ответ Гаррода и длинно рассказывала, каким представляется ей владелец того или иного голоса, а потом требовала, чтобы Гаррод подтвердил ее правоту. И почти всегда ошибалась — даже в тех случаях, когда, как подозревал Гаррод, могла бы описать говорящего по памяти. Она принимала его поправки с благосклонной, слегка печальной улыбкой, дарующей прощение за то, что он ослепил ее, и прощение это еще крепче связывало его по рукам и ногам. Иногда же Эстер говорила слова, нота прощения в которых звенела с устрашающей силой, вызывая у Гаррода приступ удушья. Вот что произносила она, сияя лицом:

— Уверена, декорации, которые я придумала для этой пьесы, гораздо лучше тех, что вынуждены видеть зрители.

Теперь, впрочем, Эстер сможет сама дать пищу своим глазам, и он вздохнет свободней.

— Если угодно, мы можем пойти к миссис Гаррод, — сказал Хьюберт.

Гаррод кивнул и последовал за хирургом. Эстер сидела в постели в просторной комнате, наполненной косыми колоннами солнечного

света. Ее глаза были прикрыты массивными, со щитками по краям, очками. Лицо, выражавшее глубокую сосредоточенность, оставалось неподвижным — по-видимому, она не слышала их шагов. Гаррод подошел к постели и, решив, что ему следует привыкать к последствиям этой необыкновенной операции, заглянул в лицо жены. За стеклами очков мигали красивые голубые глаза. Глаза незнакомого человека. Он невольно сделал шаг назад и заметил, что они не отреагировали на его присутствие.

— Мне следовало предупредить вас, — прошептал Хьюберт. — Миссис Гаррод не пожелала носить темные очки. На ней ретардитовые стекла, запечатлевшие глаза другого человека.

— Где вы их взяли?

— Они есть в продаже. За определенную плату женщины с красивыми глазами соглашаются целый день не снимать ретардитовых очков. Другие, не жалуясь на зрение, носят их в чисто косметических целях. Сетка из ретардита с мелкими ячейками позволяет прекрасно видеть через такие стекла, а глядя на них извне, вы увидите глаза выбранной формы и цвета. Неужели вы таких не замечали?

— Боюсь, что нет. Я, знаете ли, в последнее время не часто бывал на людях. — Гаррод говорил громко, чтобы привлечь внимание Эстер.

— Элбан, — отозвалась она сразу и протянула руки. Гаррод сжал теплые сухие пальцы и легко поцеловал ее в губы. Чужие голубые глаза неотрывно и снисходительно смотрели через очки Эстер.

Он опустил взгляд.

— Как ты себя чувствуешь?

— Великолепно! Я снова вижу, Элбан.

— Так же, как... прежде?

— Лучше, чем прежде. Оказывается, я была немного близорука. Сейчас я смотрю на океан — это где-то у Пьедрас-Бланкас-Пойнт — и вижу на целые мили. Я уже забыла, сколько оттенков голубого и зеленого в морской воде... — Голос Эстер затих, рот приоткрылся от удовольствия.

В Гарроде проснулась надежда.

— Я так рад за тебя, Эстер. Мы пошлем твои диски в любую страну, куда захочешь. Ты побываешь на Бродвее, посмотришь лучшие спектакли, ты сможешь путешествовать...

Эстер засмеялась.

— Но это означало бы разлуку с тобой.

— Мы не будем в разлуке. Ведь на самом деле я всегда буду рядом.

— Нет, милый. Я не хочу потратить этот дар на то, чтобы всю оставшуюся жизнь смотреть фильмы о путешествиях. — Пальцы Эстер сомкнулись на его руке. — Мне нужно совсем другое, то, что близко нам обоим. Мы сможем вместе гулять в нашем саду.

— Это хорошая мысль, дорогая, но ты не увидишь этот сад.

— Увижу, если мы будем выходить каждый день в одно и то же время и выбирать всегда одни и те же тропинки.

Гарроду показалось, что холодный ветер коснулся его лба.

— Но это значит жить во вчерашнем дне. Ты гуляешь в саду, но видишь его таким, каким он был накануне...

— Разве это не замечательно? — Эстер поднесла его руку к губам. Он ощутил тепло ее дыха-

ния.— Ты будешь носить мои диски, Элбан? Я хочу, чтобы ты никогда с ними не расставался. И тогда мы всегда будем вместе.

Гаррод попытался отнять руку, но Эстер держала крепко.

— Обещай мне, Элбан,— ее голос звенел и ломался.— Обещай, что разделишь со мной свою жизнь.

— Успокойся,— сказал Гаррод.— Все будет, как ты хочешь.

Он оторвал глаза от пальцев, яростно впившихся в его руку, и заглянул в лицо Эстер. Голубые глаза незнакомки смотрели на него с безмятежным и равнодушным довольством.

Глава 9

Сенатор Джерри Уэскотт был убит в два часа тридцать три минуты на пустынной дороге в нескольких милях к северу от Бингхэма, штат Мэн.

Точное время смерти удалось определить благодаря тому, что орудием убийства послужила мощная лазерная пушка, превратившая в пар чуть ли не весь автомобиль, в котором ехал сенатор. Убийца выбрал место, где дорога ныряет в глубокую лощину, поэтому вспышки никто из находящихся поблизости не увидел, но ее засек военный спутник наблюдения «Окосм-II» и немедленно передал информацию на подземную станцию слежения. Оттуда сигнал поступил в Пентагон, а несколько позже, но не более чем через час, были уведомлены и гражданские власти.

Лазерная пушка весьма эффективна и при этом сжигает все подряд. По мнению экспертов, преступник выбрал именно это оружие, чтобы наверняка уничтожить ретардитовые контрольные панели и все другие устройства из медленного стекла, установленные на автомобиле. Преступный мир довольно быстро усвоил, что не следует попадать в поле зрения любого осколка медленного стекла, пусть даже ночью, пусть на большом расстоянии, поскольку стекло это может быть «опрошено» с помощью специальных оптических методов. Теперь же, когда появилась возможность воспроизводить записанное в ретардите изображение в любой момент, не ожидая, пока истечет номинальный период задержки, такие меры предосторожности стали насущной необходимостью.

В данном случае лазер полностью уничтожил все ретардитовые детали машины. Тело сенатора было обуглено до такой степени, что только уцелевший огнестойкий портфель с бумагами позволил сразу идентифицировать труп.

Известие об убийстве, зародившись в виде легкого всплеска фотонов в телекамере спутника, распространилось по широковещательной сети связи и через считанные часы приобрело масштабы цунами.

Независимо от того, до какой степени это событие можно было предугадать, независимо от того, сколько раз подобное случалось в прошлом, убийство человека, который менее чем через год мог бы стать президентом Соединенных Штатов Америки, привлекло всеобщее внимание.

Глава 10

Стоял лучезарный вечер, но Эстер, гуляя по саду, восхищалась вчерашним дождем.

— Как удивительно, Элбан! — Она потянула его за локоть, вынуждая замедлить шаг у группы темно-зеленых кустов. Он вспомнил, что здесь же они останавливались вчера. Эстер нравилось изображать человека с нормальным зрением, приспосабливая движения и жесты к образам, запечатленным в ее дисках накануне.— Я вижу, вокруг меня дождь,— продолжала она,— но ощущаю только тепло солнечных лучей. Солнце — мой зонтик.

Гаррод был почти уверен, что Эстер пытается сказать нечто проникновенное или выполненное поэтического чувства, поэтому он ободряюще сжал ее ладонь, стараясь в то же время, чтобы его лицо не попало в поле зрения двух черных дисков, поблескивающих на отвороте ее жакета. Он уже успел убедиться, что выражение нетерпения или недовольства, зарегистрированное глазами-протезами Эстер, но доходящее до ее сознания лишь через двадцать четыре часа, портило их отношения в большей степени, чем стихийная ссора.

— Пора возвращаться,— сказал он.— Вот-вот подадут обед.

— Еще минутку. Вчера мы подошли к бассейну, чтобы я увидела пузыри на воде.

— Хорошо, хорошо.— Гаррод подвел ее к краю длинного водоема, облицованного бирюзовым кафелем. Несколько секунд Эстер стояла у кромки, потом наклонилась над их отражениями. Глядя вниз на гладкую поверхность воды,

Гаррод мог видеть за стеклами очков Эстер те же огромные голубые глаза незнакомки. Вблизи них — так казалось из-за искаженных пропорций отражения — виднелись два черных как ночь пятна, ее окна в мир, но окна, способные передать ей образы этого мира только через сутки. Рядом скорчилось и подрагивало его собственное отражение — черные провалы вместо глаз, как деталь написанной маслом картины, увеличенная до размеров, обнажающих все ее несовершенства. «Там, внизу, — истинный я, — подумал Гаррод. — А здесь — мое отражение». Он дышал глубоко, но воздух, казалось, не попадал в легкие. Сердце распухло, как подушка, мягко и глухо завозилось в грудной клетке, вызывая удушье.

— Пора, — скомандовала Эстер. — Идем.

Они пошли к дому, затканному плющом, где их ждала вечерняя трапеза. Эстер по обыкновению съела немного салата из крабов — она предпочитала постоянное меню и не жаловала разнообразия в пище, которое нарушало повторяемость вчерашних образов. Гаррод едва прикоснулся к еде и встал. Эстер сняла с лацкана диски и вручила их мужу. Он принял от нее пластмассовую рамку и направился в лабораторию, чтобы приготовить все для вечерней телепередачи.

В углу лаборатории стоял старомодный телевизор с большим экраном, а рядом располагались магнитофон и автоматическое устройство переключения каналов, выбирающее программы в соответствии с заранее высказанными Эстер пожеланиями. Диски-глаза Гаррод поместил на специальной подставке перед экраном. Там же

лежали очки — с виду обычные, но на самом деле вместо линз в них были вставлены диски из медленного стекла толщиной в двадцать четыре часа. Эти очки предназначались ему.

Гаррод заменил свои очки точно такой же парой и включил телевизор, магнитофон и переключатель каналов. Взяв кассету с лентой и очки со вчерашней записью, он пошел в библиотеку. Там, сидя в своем любимом мягким кресле с высокой спинкой, его ожидала Эстер. Надев очки, он увидел последние известия, которые транслировались ровно сутки назад. Он вставил кассету в магнитофон, отрегулировал синхронизацию звука с изображением и сел рядом с женой. Начался очередной домашний вечер.

Обычно Гаррод мог с полным равнодушием воспринимать передачу новостей суточной давности. Но сегодня, когда утреннее сообщение об убийстве сенатора Уэскотта еще не потускнело в памяти, это было мучительным испытанием. Вчерашний день был столь же далек, безвозвратен и ненужен, как Пунические войны. Но именно во вчерашнем дне он жил по воле своей жены. Гаррод сидел, стиснув кулаки, и вспоминал тот единственный случай, когда месяц назад он попытался освободиться. Эстер, крича от боли, вырвала из глаз диски и день за днем оставалась слепой, пока не добилась от него обещания восстановить прежнюю степень их близости. Он снова почувствовал, что ему не хватает воздуха, и заставил себя дышать глубоко и ритмично.

Прошло около часа, когда Макгилл, их дворецкий, бесшумно вошел в библиотеку и сообщил Гарроду о срочном звонке из Огасты.

Гаррод взглянул на безмятежное лицо жены.

— Вы же знаете, я не отвечаю на деловые звонки в это время. Пусть этим займется мистер Фуэнте.

— Мистер Фуэнте уже говорил с Огастой, мистер Гаррод. Именно он дал ожидающему ответа господину ваш домашний номер. Мистер Фуэнте просил передать, что дело требует вашего личного участия.— Почтительное отношение к Эстер заставляло дворецкого говорить тихо, но его круглое румяное лицо выражало настойчивость.

— В таком случае...— Гаррод поднялся с кресла, обрадованный неожиданной возможностью прервать унизительную процедуру, снял очки и спустился в кабинет на первом этаже. С экрана видеофона смотрел мужчина мощного сложения в дорогом костюме. Бросались в глаза яростный взгляд и эффектная белая прядь в волосах.

— Мистер Гаррод,— сказал мужчина.— Я — Миллер Побджой, начальник полицейского управления штата Мэн.

У Гаррода было ощущение, что это имя он уже слышал сегодня, но не помнил, при каких обстоятельствах.

— Чем могу быть полезен?

— Многим, я полагаю. Мне поручено вести расследование убийства сенатора Уэскотта, и я прошу вашего содействия.

— В расследовании убийства? Не понимаю, чем я могу вам помочь.

Побджой улыбнулся, показав очень белые, чуть неровные зубы.

— Не скромничайте, мистер Гаррод. Насколько я знаю, после Шерлока Холмса вы самый

знаменитый детектив-любитель.

— Именно любитель, мистер Побджой. Дело моего тестя касалось нашей семьи, и только.

— Я понимаю, вы не сыщик. Это была шутка. Причина моего звонка... Канал защищен от перехвата?

Гаррод кивнул.

— Да. Если угодно, у меня есть защитная на-кидка, модель 183.

— Думаю, в этом нет необходимости. Нам удалось найти осколки ретардитовой контрольной панели автомобиля, в котором ехал сенатор. Мы хотим собрать группу экспертов и предложить им выяснить, не содержится ли в осколках какой-либо информации об убийце или убийцах.

— Осколки? — Гаррод почувствовал, что в нем проснулся интерес.— Какие осколки? Насколько я понял из сообщений, автомобиль превращен в лужу металла.

— В том-то и загвоздка, что мы сами толком не знаем, что нашли. Есть несколько кусков оплавленного металла, и мы предполагаем, что в одном из них заключена ретардитовая панель. Эксперты считают, что разрезать металл опасно, поскольку механические напряжения могут разрушить стекло.

— Это ничего не изменит,— живо сказал Гаррод.— Если ретардитовая панель соприкасалась с раскаленным добела металлом, весь набор внутренних напряжений разрушен. Информация в таком случае стерта.

— Неизвестно, до какой температуры был нагрет металл. Мы не знаем даже, был ли он расплавлен, когда эти образцы приняли тепереш-

нюю форму. Ведь на них действовала и сила взрыва.

— Тем не менее я утверждаю, что информация не сохранилась.

— Может ли ученый делать столь решительный вывод, даже не взглянув на объект исследований? — Побджой наклонился вперед, нетерпеливо ожидая ответа.

— Нет, разумеется.

— Так вы посмотрите образцы?

Гаррод вздохнул.

— Хорошо. Пришлите их ко мне в портстонскую лабораторию.

— К моему сожалению, мистер Гаррод, вам придется приехать сюда. Мы не можем вывозить материалы следствия за пределы штата.

— К моему сожалению, я не вижу возможности уделить этому делу столько времени...

— Опасность велика, мистер Гаррод. Политические убийства уже нанесли стране огромный ущерб.

Гаррод вспомнил, с каким жаром Джерри Уэскотт защищал свой проект социальных реформ, как ненавидел он несправедливость, порожденную неравенством. Гнев, вызванный безвременной смертью сенатора, весь день подспудно владел сознанием Гаррода, но неожиданно на это чувство наложилось совершенно новое соображение. *«Ведь мне придется ехать туда без Эстер».*

— Хорошо, я попробую вам помочь, — сказал он вслух. — Где мы встретимся?

Когда разговор закончился и экран потух, он с минуту стоял, неотрывно глядя в его поддельную серую глубину. Сначала им овладело дет-

ское ликование, но вскоре сама сила его реакции породила отрезвляющий вопрос: «Почему я позволил Эстер закабалить себя?»

Гаррод подумал, что самая надежная тюрьма — та, двери которой незаперты, если только заключенный не смеет распахнуть эти двери и выйти на волю. В чем его, Гаррода, вина? В том лишь, что он забыл о существовании запасного ключа от лаборатории. Но если взрослый человек недвусмысленно предостерегает другого взрослого человека...

— Так ты едешь в Огасту, — раздался голос Эстер за его спиной.

Он обернулся.

— Я не смог найти отговорки.

— Знаю, милый. Я слышала, что говорил мистер Побджой.

Гаррода удивила спокойная интонация ее голоса.

— Ты не против?

— Нет, если ты возьмешь меня с собой.

— Об этом не может быть и речи, — твердо сказал он. — Мне придется работать, разъезжать...

— Я понимаю, что буду тебе помехой, если поеду сама. — Эстер улыбнулась и протянула руку.

— Но как же в таком случае... — Гаррод остановился на полуслове, увидев на ее ладони плоский футляр — один из тех, в которых хранились запасные комплекты дисков.

Да, в одиночестве он не останется.

Глава 11

Самолет взлетел ранним ясным утром, заложил вираж над Портстоном и, набирая высоту, взял курс на восток.

— Придется лететь низко, — напомнил Лу Нэш по внутренней связи. — Коммерческие трассы все еще закрыты для нас.

— Я уже слышал это, Лу, не беспокойтесь, — сказал Гаррод, вспоминая наказание, назначенное авиаинспекцией за безумный рывок в Мейкон. С тех пор прошла вечность.

— При такой высоте и малой скорости полет обходится дороже.

— Я же сказал, не волнуйтесь, — Гаррод улыбнулся, понимая, что Нэш беспокоится не о расходах, а о том, что ему не придется дать волю этому снаряду с обитым мягкой кожей нутром. Гаррод откинулся в кресле и стал наблюдать за кукольным миром, проплывавшим внизу. Заметив, что пластмассовая рамка с дисками Эстер, приколотая к лацкану пиджака, располагалась ниже уровня иллюминаторов, он снял прибор, включающий в себя и микромагнитофон, и пристроил его на нижней кромке окна, чтобы бдительные черные кружки смотрели наружу. «Желаю приятно провести время», — подумал он.

— Еще один! — В скрытые динамики ворвался возбужденный голос пилота.

— Что там? — Гаррод глянул вниз на панораму рыжевато-коричневых холмов в крапинках кустарника, которую пересекало одинокое шоссе. Ничего необычного.

— Они опыляют посевы с высоты двух тысяч футов.

Неопытный глаз Гаррода тщетно пытался отыскать что-либо похожее на самолет.

— Но здесь нет никаких посевов.

— В том-то и фокус. За последний месяц я трижды видел их за такой работой.

Самолет накренился на правый борт, давая возможность разглядеть большее пространство, и неожиданно Гаррод увидел крошечный блестящий крестик далеко внизу. Крестик двигался перпендикулярно их курсу, за ним тянулся белый перистый след. Вдруг след оборвался.

— Он нас заметил,— сказал Нэш.— Они всегда прекращают опрыскивать, когда замечают другой самолет.

— Две тысячи футов — высоковато для такой работы, вам не кажется? С какой высоты обычно производят опрыскивание?

— На бреющем. Вы правы, это тоже странно.

— Просто испытывают новый распылитель.

— Но...

— Ну,— строго сказал Гаррод,— на нашем самолете слишком много автоматики. Вам просто нечем заняться. Либо беритесь за штурвал сами, либо разгадывайте кроссворд.

Нэш пробормотал что-то вполголоса и впал в молчание до конца полета. Гаррод, который накануне провозился со сборами и лег поздно, дремал, пил кофе и снова дремал, пока встроенный в переборку видеофон не засигналил мелодичным звоном, требуя внимания. На экране появилось горбоносое лицо Мэнстона, руководителя отдела по связям с общественностью.

— Доброе утро, Элбан,— сказал Мэнстон со своим обычным британо-американским произношением.— Вы видели утренние газеты?

— У меня не было времени.

— Ваше имя снова на первой полосе.

Гаррод напрягся.

— По какому поводу?

— Судя по заголовкам, вы летите в Огасту в полной уверенности, что после изучения остатков автомобиля сможете назвать убийцу сенатора Уэскотта.

— Что?!

— Газеты полны намеков, что вы разработали новый метод извлечения информации из разбитого или оплавленного медленного стекла.

— Но это сущий бред! Я говорил Побджою, что вся информация... — Гаррод перевел дух. — Чарльз, вы вчера делали какие-нибудь заявления для прессы на этот счет?

Мэнстон поправил свой синий в горошек галстук и обидчиво поджал губы.

— Прошу вас, Элбан.

— Значит, это Побджой.

— Хотите, чтобы я опубликовал опровержение?

Гаррод покачал головой.

— Нет, пусть все идет своим чередом. Я поговорю с Побджоем при встрече. Спасибо, что сообщили мне.

Гаррод отключил видеофон. Откинувшись в кресле, он попытался снова задремать, но в плавное течение мыслей вплеталась тревожная нить, нарушала покой, подобно тому как блестящая змейка, пересекающая заводь, пускает рябь по ее недвижному прежде зеркалу. Последний год, прожитый рядом с Эстер, сделал его чрезвычайно чувствительным к определенным вещам, и сейчас он ощущал, что им явно манипулируют,

используют его в чьих-то интересах. Сделанные Побджоем заявления прессе были не просто необдуманными, они находились в вопиющем противоречии с главной мыслью, которую Гаррод высказал в единственной их беседе. Побджой не производил впечатления человека, который станет действовать наобум, без тщательно обдуманного плана. Но что он надеялся выиграть, поступая таким образом?

В полдень, сверкающий как новенькая монета, самолет Гаррода коснулся посадочной полосы. Пока он подруливал к месту высадки для частных машин, Гаррод взглянул в иллюминатор и увидел привычную уже группу репортеров и фотокорреспондентов. Кое-кто держал ретардитовые панели, в руках у других были обычные фотоаппараты, что отражало борьбу между различными фракциями профсоюза фотожурналистов. В последний момент Гаррод вспомнил о дисках Эстер и вновь приколол их к лацкану. Когда он спустился по трапу, репортеры бросились к самолету, но были остановлены внушительным отрядом полиции. Перед Гарродом выросла мощная высокая фигура Миллера Побдюя в темно-синем шелковом костюме.

— Примите мои извинения за эту толпу,— непринужденно сказал тот, пожимая руку Гаррода.— Мы сию же минуту уезжаем отсюда.— Он подал знак, и рядом с самолетом появился длинный черный автомобиль. Через мгновение Гаррод уже сидел внутри, и лимузин катил к воротам аэропорта.— Вы, я полагаю, привыкли к почестям, воздаваемым знаменитостям?

— Не такая уж я знаменитость,— ответил Гаррод и тут же выпалил: — Зачем вам понадобилось?

добилось кормить газетчиков всей этой ахинеей?

— Ахинеей? — Побджой озадаченно наморщил лоб.

— Будто я уверен, что определю убийцу, используя новый метод извлечения информации из ретардита.

Лоб Побджоя разгладился до шелковистого блеска молодого каштана.

— Ах вот вы о чем! Кто-то из нашего пресс-отдела проявил излишнюю прыть. Это бывает, сами знаете.

— Представьте, не знаю. Мой управляющий по связям с общественностью уволил бы любого своего сотрудника, позволившего себе подобную выходку. После чего я уволил бы управляющего за то, что он это допустил.

Побджой пожал плечами.

— Кто-то увлекся, потерял голову, только и всего. Надо же было случиться, что Уэскотта убили именно здесь, в нашем штате. Ведь единственная тому причина — регулярные наезды сенатора в Мэн на охоту и рыбную ловлю. Понятно, что все стараются проявить усердие.

Как ни странно, доводы Побджоя показались Гарроду неубедительными, но он решил представить события их естественному ходу. По пути из аэропорта в город он выяснил, что его партнёрами по экспертному совету будут некто Джилкрайст из ФБР и руководитель одной из исследовательских лабораторий военного ведомства, временно откомандированный в Огасту для участия в расследовании. Им оказался полковник Джон Маннхейм — один из немногих военных, с которыми Гаррод встречался на коктейль-

лях и болтал о том о сем. К тому же Манихейм был — мысль об этом заставила сердце Гаррода учащенно забиться — непосредственным начальником той самой девицы восточного облика с серебристыми губами, которая, не пошевельнув пальцем, на целый день лишила Гаррода душевного равновесия. Он уже открыл рот, чтобы спросить, привез ли полковник с собой кого-либо из секретарей, но вспомнил об устройстве для записи изображения и звука, приколотом к лацкану. Рука непроизвольно поднялась и ощупала гладкую пластмассу.

— Забавная штучка, — улыбнулся Побджой. — Камера?

— Вроде того. Куда мы едем?

— В гостиницу.

— Я думал, мы сразу направимся в полицейское управление.

— Вам надо принять душ и позавтракать, — Побджой снова улыбнулся. — На пустой желудок человек соображает не в полную силу, вы согласны?

Гаррод неопределенно пожал плечами. Снова вернулось ощущение, что им манипулируют.

— Вы позабеспокоились о помещении и лабораторном оборудовании?

— Все предусмотрено, мистер Гаррод. Вы познакомитесь с другими экспертами, и сразу после завтрака мы все отправимся в Бингхэм, чтобы вы смогли увидеть место убийства своими глазами.

— Какая от этого польза?

— Трудно сказать заранее, какую пользу мы извлечем из такого осмотра, но это естественный отправной пункт любого расследования убий-

ства.— Побджой стал разглядывать улицу, по которой проезжала машина.— Иначе трудно уяснить картину событий. Относительное расположение жертвы и преступника, углы... А вот и наша гостиница — не хотите выпить чего-нибудь, перед тем как сесть за стол?

Очередная группа репортеров топталась на тротуаре у здания гостиницы, и снова их сдерживал полицейский кордон. Побджой дружески махнул рукой в сторону газетчиков, одновременно увлекая Гаррода в вестибюль.

— Регистрация не нужна,— сказал Побджой,— я позаботился обо всех мелочах. Ваш багаж уже прибыл.

Они прошли по роскошному ковру, поднялись в лифте на третий этаж и оказались в просторной, залитой солнцем комнате, обитой бледно-зеленым шелком, которая могла бы служить залом собраний привилегированного клуба. Гаррод увидел стол, накрытый персон на двадцать. В углу был оборудован бар, там-сям небольшими группами стояли мужчины — по виду правительственные чиновники и полицейское начальство. Гаррод сразу узнал Джона Манхейма, чувствующего себя не в своей тарелке в темном деловом костюме.

Побджой принес Гарроду водку с тоником и представил его присутствующим. Единственный, о ком Гарроду приходилось слышать, был Хорейс Джилкрайст, судебный эксперт из ФБР. Им оказался мужчина с короткими, зачесанными вперед волосами песочного цвета и напряженным лицом человека, который слегка глуховат, но не намерен пропустить ни единого слова собеседника. Гаррод приканчивал вторую порцию

крепчайшего напитка, и на него уже спускалось ощущение нереальности окружающего, когда он очутился рядом с Джоном Маннхеймом.

Он отвел полковника в сторону.

— Что здесь происходит, Джон? Меня не оставляет чувство, будто я принимаю участие в спектакле.

— Так оно и есть, Эл.

— Что вы имеете в виду?

На обветренном лице Маннхейма появилась усмешка.

— Ровным счетом ничего.

— Вы что-то скрываете.

— Эл, вы не хуже меня знаете, что для расследования убийства не собирают такую компанию.

— Господа, прошу к столу,— объявил Побджой, постукивая ложкой о стакан.

За длинным столом Джон Маннхейм оказался напротив Гаррода, однако для доверительной беседы расстояние было великовато. Гаррод несколько раз пытался поймать его взгляд, но полковник пил бокал за бокалом и оживленно переговаривался с сидящими по обе стороны. Гаррод ответил на два-три вопроса своих соседей и как мог постарался скрыть раздражение всем происходящим. Задумчиво мешая ложечкой кофе, он вдруг заметил, что в комнату вошла женщина и, склонившись над плечом полковника, шепчет ему что-то на ухо. Гаррод поднял глаза и почувствовал, что у него пересохло в горле. Он узнал иссиня-черные волосы и серебристые губы Джейн Уэйсон.

В то же мгновение она выпрямилась, и ее взгляд устремился к нему с откровенностью, ли-

шившей его последних сил. Строгое выражение красивого лица на долю секунды смягчилось, и она быстро отошла от стола. Гаррод глядел ей вслед, исполненный окрыляющей уверенности, что он потряс Джейн Уэйсон не меньше, чем она его.

Прошла долгая минута, прежде чем он вспомнил о глазах Эстер, пришпиленных к его костюму, и вновь рука невольно поднялась, чтобы закрыть недремлющие блестящие диски.

Приняв душ и переодевшись, Гаррод присоединился к Манхейму, Джилкрайсту и Побджою, чтобы ехать в Бингхэм для осмотра места преступления. После сытной еды всех клонило ко сну, говорили мало. Длинный автомобиль увяз в плотном потоке машин, идущих на север. Гаррод не переставал думать о Джейн Уэйсон, ее лицо в мерцающем ореоле стояло перед его глазами, и только мили через три он обратил внимание на многочисленные бригады рабочих, которые заменяли придорожные осветительные панели из медленного стекла.

— Что здесь происходит? — Гаррод тронул колено Побджоя и кивнул на машину с телескопической мачтой.

— А, вы об этом,— Побджой усмехнулся.— У нас в штате очень активная секция Лиги защиты частной жизни. Иногда по ночам ее члены выезжают на автомобилях с откидным верхом и стреляют по ретардитовым фонарям из охотничьих ружей.

— Но это погасит фонарь лишь на несколько часов, пока свет снова не пройдет сквозь стекло.

Побджой покачал головой.

— Если в материале появилась трещина, он считается опасным и фонари подлежат замене. Таково постановление муниципалитета.

— Но это обходится городу в круглую сумму!

— Не только нашему городу — пальба по ретардитовым фонарям становится национальным спортом. К тому же, вам и без меня это прекрасно известно, упал спрос на пейзажные окна.

— Должен признаться,— сказал Гаррод смущенно,— за последний год я несколько отошел от дел и плохо представляю рыночную ситуацию.

— Ваше неведение долго не продлится. Самые оголтелые члены Лиги забрасывают стеклоландшафты камнями. Более сдержанные гасят их «щекотателями», и гордые домовладельцы остаются с черными окнами.

— Что за публика в этой Лиге?

— В том-то и дело, что социальный состав очень пестрый. Преподаватели университетов, клерки, таксисты, школьники... Да кто угодно.

Откинувшись на мягкое сиденье, Гаррод задумчиво глядел перед собой. Его вылазка во внешний мир давала пищу для размышлений: мир этот за окнами его библиотеки продолжал существовать, бороться, изменяться... Мэнстон был прав, говоря, что общественное мнение настроено против ретардита, но и он, как видно, недооценивал стремительно нарастающей мощи этого противодействия.

— Лично я не вполне понимаю такую антиподию,— сказал Гаррод.— А вы?

— Лично я,— ответил Побджой,— могу сказать, что такой реакции можно было ожидать.

— А падение преступности? Рост числа успешно раскрытых преступлений? Или обществу до этого нет дела?

— Есть, конечно.— Побджой недобро усмехнулся.— Но ведь все преступления тоже совершаются членами общества.

— Никто не любит, когда за ним шпионят,— неожиданно заговорил Джилкрайст.

Гаррод открыл рот для ответа, но вспомнил о глазах и ушах Эстер на его лацкане, о ненавистном своем жребии. Тишина воцарилась в автомобиле и не нарушалась почти всю дорогу, пока мощная машина легко преодолевала крутые петли шоссе, ведущего в край гор и озер.

— Когда начнете терять деньги на ретардите,— вдруг сказал Побджой бодрым голосом,— попробуйте вложить их в это дело.

Гаррод открыл глаза и глянул в окно. Они проезжали мимо ворот туристического центра. На ограде свежей краской сияло объявление: «Холмы Медового Месяца — сто акров безмятежной земли. Гарантируется полное отсутствие ретардита». Он снова закрыл глаза и подумал, что в мире медленного стекла естественный порядок вещей вывернут наизнанку: легенда порождает событие. Один из первых анекдотов, возникших после появления ретардита, рассказывал о торговце, который отдал паре молодоженов пейзажное стекло за смехотворно низкую цену, а через неделю явился к ним в дом и заменил стекло еще лучшим — вовсе бесплатно. Простаки-молодожены были счастливы, не ведая, что ретардит впускает в себя свет с обеих сторон и что их старые окна с успехом демонстрируются на холостяцких пирушкиах. При всей наив-

ности этой истории она иллюстрирует глубоко укоренившийся в людях страх быть увиденными в тот момент, когда по вполне разумным биологическим и социальным причинам они стремятся к уединению.

Автомобиль сделал короткую остановку в Бингхэме, где членов экспертного совета представили руководству полиции округа, после чего все выпили по чашке кофе. К месту происшествия добрались на склоне дня. Часть дороги и окружающие холмы были огорожены толстыми веревками, но сожженную машину уже убрали, и о случившемся напоминали только глубокие шрамы, проплавленные в земле.

К Гарроду вернулось убеждение, что расследование обречено на неудачу. Почти час под пристальными взглядами репортеров, которых внутрь ограды не пускали, он слонялся по этому участку шоссе, подбирая застывшие капли металла. Как он и думал, вся эта процедура, включая короткую лекцию Побджоя о возможном типе и расположении лазерной пушки, была бесполезной. Гаррод выразил свое растущее раздражение тем, что сел на выступ скалы и устремил взор в небо. Высоко, в полной тишине, небесную синь пересекал маленький белый самолет. Такие машины обычно опыляют посевы.

На обратном пути в Огасту кто-то включил радио и настроился на последние известия. Два сообщения заинтересовали Гаррода. Одно касалось заявления прокурора штата о значительном прогрессе в расследовании убийства сенатора Уэскотта, в другом говорилось о начале давно ожидаемой забастовки почтовых работников. В знак протesta против установки мони-

торов из ретардита в пунктах сортировки обработка и доставка почты прекращались.

Гаррод решительно повернулся к Побджою.

— О каком прогрессе идет речь?

— Я ничего не говорил о прогрессе,— возразил Побджой.

— Опять энтузиаст из пресс-отдела?

— Вполне возможно. Вы же знаете их манеру.

Гаррод фыркнул и хотел было снова высказаться по поводу порядков в пресс-отделе окружной прокуратуры, но в этот момент его осенило, что объявленная забастовка почтовых работников коснется и его лично. С Эстер они усоловились, что он будет посыпать ей диски ежевечерней стратосферной курьерской почтой, чтобы на следующее утро перед завтраком сестра могла вставить их в роговицу. Навязывая Гарроду этот план, Эстер устроила сцену, и он не сдержался, выказал раздражение. Теперь было особенно важно продемонстрировать стремление найти другой способ связи. Гаррод вынул из кармана радиотелефон и набрал код Лу Нэша.

Тот откликнулся сразу.

— Мистер Гаррод?

— Лу, объявлена забастовка на почте. Вам придется поработать почтальоном, пока я в Огасте.

— Хорошо, мистер Гаррод.

— Придется каждый вечер летать в Портстон, а утром возвращаться.

— Не вижу затруднений, кроме, пожалуй, этих ограничений скорости и высоты полета. Аэропорт Портстона в полночь закрывается, так что я буду вылетать из Огасты не позднее девят-

надцати ноль-ноль.

Гаррод хотел было сказать, что готов заплатить любую сумму за круглосуточную работу аэродрома, но вдруг им овладело столь несвойственное ему желание склонить. Он велел Нэшу прийти в гостиницу к шести часам и откинулся в кресле с приятным чувством вины. Вечер на свободе, да еще в чужом городе. Эстер захочет узнать, почему он не носил ее диски, а он ответит, что ее глаза, предназначенные для этого дня, вбирали в себя подробности полета Нэша в Портстон. Не может же она втиснуть лишние шесть часов зрения в двадцатичетырехчасовые сутки. Оставалось решить, куда потратить эти подаренные судьбой часы, часы свободы. Гаррод прикинул несколько вариантов, включая театр и возможность напиться до потери сознания, но понял, что пытается обмануть себя, а если уж он собрался обвести вокруг пальца жену, то важно оставаться честным с самим собой.

В этот вечер он намерен приложить все усилия, чтобы — при благоприятных обстоятельствах — оставаться наедине со среброгубой секретаршей Джона Манхейма.

Гаррод приколол рамку с дисками к отвороту Лу Нэша, улыбнулся на прощанье черным бусинкам и посмотрел вслед пилоту, пересекавшему вестибюль. Ему показалось, что Нэш шел не обычной своей походкой, а принужденно, и Гаррод вдруг понял, каким представляется его брак постороннему человеку. Узнав, что это за диски, Нэш не сказал ни слова, но не смог скрыть недоуменных глаз. Почему, прочитал в них Гаррод молчаливый вопрос, человек, имеющий возможность менять красавиц каждую неделю, каж-

дый день, пока в нем остается хоть капля сил, хоть тень желания, почему он остается подвластным Эстер? В самом деле, почему? Гаррод никогда не задумывался над этим всерьез, считая себя естественным приверженцем единобрачия. Не кроется ли истина в том, что у Эстер — расчетливой, преследующей выгоду во всех делах, — хватило ума приобрести себе именно такого мужа, который ее устраивал?

— Вот где он прячется! — раздался за спиной голос Маннхайма. — Вставайте, Эл, выпьем перед обедом.

Гаррод повернулся с намерением отказаться от приглашения и увидел рядом с полковником Джейн Уэйсон. Тончайшее вечернее платье обтягивало грудь черной блестящей пленкой. Его прозрачность, казалось, открывала нежную линию бедер и мягкий треугольный бугорок. Яркий свет струился по ее фигуре, как масло.

— Выпить? — рассеянно отозвался Гаррод, ощущая на себе странную, нерешительную улыбку Джейн. — Я не против. У меня вообще нет никаких планов касательно обеда.

— Обед и планы несовместны. Обедом просто наслаждаются. Вы поедете с нами. Верно, Джейн?

— Мы не можем заставить мистера Гаррода обедать с нами, если он этого не хочет.

— Но я хочу! — Гаррод лихорадочно уцепился за столь кстати открывшуюся возможность. — По правде говоря, я сам собирался найти вас, чтобы пригласить на обед.

— Обоих? — Маннхайм обнял Джейн за талию и привлек к себе. — Не думал, что вы так привязаны ко мне, Эл.

— Я без ума от вас, Джон.— Гаррод улыбнулся полковнику, но, увидев непринужденность, с которой приникла к нему Джейн, почувствовал страстное желание, чтобы Маннхейм тут же рухнул от сердечного приступа.— Так мы собирались выпить?

Они спустились в пещеру гостиничного бара и, по настоянию Маннхейма, заказали по большому бокалу рома с содовой. Гаррод прихлебывал напиток, не в силах сосредоточиться на тонком привкусе жженого сахара, и пытался понять, какие отношения связывают Маннхейма и Джейн. Правда, полковник старше лет на двадцать, не меньше, но его обаятельная прямота и естественность могли пробудить в ней интерес, тем более что он располагает неограниченными возможностями и временем для достижения цели. И все же Гаррод отметил — или ему показалось? — что Джейн сидит чуть ближе к нему, чем к Маннхейму. Тусклый свет бара наделил больной глаз почти нормальным зрением, и Гаррод мог видеть Джейн со сверхъестественной для него объемностью и ясностью. Она была невероятно хороша, как золоченая статуя индийской богини. Каждый раз, когда она улыбалась, свежеобретенная ненависть к Маннхейму отзывалась в желудке Гаррода ощущением ледяного кома. Они перешли в гостиничный ресторан, и на протяжении всего обеда Гаррод лавировал между чересчур откровенными намеками, уже испробованными при первом их разговоре, и опасностью проиграть, не ответив на вызов Маннхейма, который не скрывал своих притязаний. Обед, увы, кончился слишком скоро.

— Здесь неплохо кормят,— сказал Маннхейм,

сокрушенно тыча пальцем в расположивший живот.— Теперь, пожалуй, вы можете позаботиться о счете.

Гаррод, который и без того намеревался заплатить за обед, едва сдержался, чтобы не выдать вспыхнувшей в нем неприязни к полковнику. Но тут он заметил, что Манхейм поднялся на ноги с видом человека, который торопится уйти. Между тем Джейн и не думала вставать из-за стола.

— Вы не уходите? — Гаррод старался скрыть свою радость.

— Боюсь, что и мне надо идти. Меня ждет целая кипа бумаг.

— Как жаль!

Манхейм пожал плечами.

— Знаете, что меня беспокоит? Мне начинает нравиться сидеть под защитной накидкой. Как в утробе — ничего не видно. Скверный признак.

— Выдаете свой возраст, — сказала Джейн с улыбкой.— Фрейд давно устарел.

— В этом наше сходство.

Манхейм пожелал Джейн спокойной ночи, дружески кивнул Гарроду и вышел из ресторана.

Гаррод с любовью смотрел ему вслед.

— Жаль, что ему пришлось уйти.

— Вы уже дважды это сказали.

— Перестарался?

— Немного. Я начинаю чувствовать себя мужчиной.

— А я сидел и думал, как бы устроить Джону срочный вызов в Вашингтон. Я бы рискнул, но у меня нет ясности, как обстоит дело...

— Что у нас с Джоном? — Джейн тихо за-смеялась.

— Он обнимал вас и...

— Какое восхитительное викторианство! — Ее лицо стало серьезным. — Вы совсем не умеете подойти к женщине, Эл. Я не права?

— Никогда не видел в этом необходимости.

— Ну да, женщины сами вешаются вам на шею — вы богаты и красивы.

— Я вовсе не это имел в виду, — сказал он с досадой. — Просто...

— Я знаю, что вы имели в виду, и я польщена. — Джейн прикрыла ладонью его руку. Прикосновение отзывалось в нем сладостной дрожью. — Вы женаты, если не ошибаюсь?

— Я... женат, — с трудом произнес Гаррод. — То есть пока женат.

Она долго смотрела прямо ему в глаза. Рот ее приоткрылся.

— У вас один зрачок похож на...

— Замочную скважину, — сказал он, — я знаю. Мне оперировали этот глаз в детстве.

— Зря вы носите темные очки — вид несколько необычный, но это почти незаметно.

Гаррод улыбнулся, поняв, что богине не чужды человеческие слабости.

— Очки не для того, чтобы скрыть зрачок. На этот глаз падает в два раза больше света, чем следует, поэтому на улице в ясный день мне немного больно.

— Бедняжка.

— Пустяки. Чего бы вам хотелось сейчас?

— Может быть, поехать куда-нибудь? Терпеть не могу безвылазно сидеть в городе.

Гаррод кивнул. Он подписал счет и, пока Джейн ходила за накидкой, распорядился, чтобы к подъезду подали автомобиль. Через десять минут они уже катили к южной окраине города,

а еще через полчаса дома остались позади.

— Похоже, вы знаете, куда мы едем,— сказала Джейн.

— Понятия не имею. Одно несомненно — утром я ехал в противоположном направлении.

— Ясно.— Он почувствовал на себе ее взгляд.— Вам не по вкусу это так называемое расследование?

Гаррод кивнул.

— Я так и думала. Вы слишком честны.

— Честен? О чём вы, Джейн?

Долгая пауза.

— Ни о чём.

— Нет, за вашими словами что-то кроется. Побджой ведет себя довольно странно, и Джон сегодня утром говорил о спектакле. Что это, Джейн?

— Я же сказала — ничего.

Гаррод резко свернул на проселок, затормозил и выключил двигатель.

— Я хочу знать, Джейн,— сказал он.— Вы сказали либо слишком много, либо слишком мало.

Она отвернулась.

— Может быть, уже завтра вы вернетесь домой.

— Почему?

— Миллер Побджой просил вас приехать только затем, чтобы воспользоваться вашим именем.

— Простите, Джейн, но я не понимаю.

— Полиция знает, кто убил сенатора Уэскотта. Они знали это с самого начала.

— Будь это правдой, убийцу бы схватили.

— Это правда.— Джейн повернулась к нему.

В зеленом свете приборного щитка ее лицо казалось маской русалки.— На знаю откуда, но им все известно.

— Бессмыслица! Зачем посыпать за мной, если...

— Это все маскировка, прикрытие, Эл. Невежливы не поняли? Они знают, но не хотят, чтобы кто-нибудь узнал, откуда они узнали.

Гаррод покачал головой.

— Это уж слишком.

— По словам Джона, вы очень резко реагировали на то, что отдел Побджоя передал прессе,— продолжала Джейн.— Для чего им это понадобилось? Теперь все уверены, что вы изобрели новый метод опроса медленного стекла. Отрицай вы это, слухов все равно не остановить.

— И тогда?

— И тогда, арестовав убийцу, им не придется раскрывать, как они его нашли! — Джейн выбросила руку к ключу зажигания, и в ее голосе прозвучало раздражение: — Мне-то что до этого!

Гаррод перехватил ее кисть. Секунду она сопротивлялась, потом их губы нашли друг друга, дыханье смешалось. Гаррод, без особого, впрочем, успеха, пытался думать в двух направлениях. Если предположение Джейн справедливо — а как секретарь Манхейма она имеет доступ к секретным данным,— то сразу проясняется многое из того, что не давало ему покоя... Но эта кожа, эти губы — именно такими он представлял их, упругая грудь отвердела под его ладонью, давила на пальцы.

Они разжали объятия.

— Помнишь тот день, когда я увидел тебя в Мейконе? — спросил он.

Она кивнула.

— Я специально прилетел из Вашингтона — просто в надежде тебя встретить...

— Я знаю, Эл, — прошептала она. — Я говорила себе — это самообман, этого не может быть, но я знала...

Они снова поцеловались. Когда он коснулся шелковистой кожи ее колен, они на мгновенье газдинулись и снова сошлись, крепко сжав его пальцы.

— Вернемся в гостиницу, — сказала она.

По дороге в город, несмотря на вожделение такой силы, какой ему еще не приходилось испытывать, выработанная годами привычка заставляла его снова и снова думать о мотивах Миллера Побдюя. И в ее спальне, когда они завершили ритуал раздевания друг друга, в его мозг все еще вторгались новые мысли — об Эстер, о бдительных черных дисках, о часто повторяемых словах: «Ты холоден, как рыба, Элбан».

И когда они соединились на прохладных простирах, он почувствовал, как его телом овладевает губительное напряжение. Пауза между тем, первым, моментом в автомобиле и этим оказалась слишком длинной.

— Расслабься, — прошептала в темноте Джейн, — люби меня.

— Я расслаблен, — сказал он с растущим чувством панического страха. — И я люблю тебя.

В этот момент Джейн, мудрая Джейн спасла его. Ее палец заскользил вниз вдоль позвоночника, коснулся поясницы, и в тот же миг сверкающий гейзер страсти забил в нем, сотрясая тело. Ощущение это поднималось толчками к высшей

точке, к взрыву наслаждения, которое она разделила с ним и которое уничтожило всю его скованность, все его страхи.

«Пусть теперь бросают атомную бомбу,— подумал он,— мне все равно».

А через мгновение они смеялись, сначала беззвучно, потом по-детски, заливисто, не в силах остановиться. И в последующие часы возрождение Гаррода было окончательно завершено.

Глава 12

На следующее утро Гаррод позвонил домой, хотя и знал, что Эстер — из-за разницы во времени — еще спит. Он оставил для нее короткое сообщение: «Эстер, в дальнейшем я не смогу носить твои диски. Когда присланный тебе сегодня комплект прекратит свое действие, тебе придется найти другой выход из положения. Это касается всего — не только дисков. Мне жаль, но так получилось».

Отвернувшись от экрана, он почувствовал огромное облегчение: наконец-то решился. Только за завтраком, сидя один в своей комнате, он стал размышлять, правильно ли выбрал время для звонка. С одной стороны, и это хорошо, он позвонил, как только проснулся, потому что им владела непоколебимая решимость освободиться, причем немедленно. Но в нем жил и другой Гаррод, который, если судить по прежним поступкам, умышленно позвонил бы в такой час, чтобы не встретиться с Эстер с глазу на глаз. Мысль эта расстроила Гаррода. Со смутной надеждой изгнать ее он принял душ и вышел из ванной освеженным. Непривычное тепло посели-

лось где-то внутри, тело стало бодрым и легким.

«Я выздоровел,— думал он.— Это длилось чертовски долго, но в конце концов я пережил приступ безумия, который меня исцелил».

На рассвете Джейн неожиданно сказала, что им лучше расстаться и остаток ночи провести каждому в своем номере. Теперь он остро ощущал, как не хватало ее все это время. Он решил позвонить ей, как только оденется, но тут раздался мелодичный сигнал видеофона. Гаррод быстро подошел к аппарату и включил экран.

Звонил Миллер Побджой. Его лицо лоснилось, как только что вылупившийся каштан.

— С добрым утром, Эл. Надеюсь, хорошо спали.

— Великолепно провел ночь, спасибо.— О сне Гаррод счел за благо не упоминать.

— Отлично! Хочу сообщить вам нашу программу на сегодня...

— Сначала я сообщу вам мою,— перебил его Гаррод.— Через несколько минут я звоню своему управляющему по связям с общественностью и велю ему довести до всеобщего сведения, что проводимое здесь расследование есть чистое надувательство, что остатки автомобиля Уэскотта не содержат никаких улик и что я отказываюсь от участия...

— Остановитесь, Эл! Канал может прослушиваться.

— Надеюсь на это. Хорошая утечка информации обычно более эффективна, чем прямое заявление.

— Не предпринимайте ничего до нашей встречи,— хмуро сказал Побджой.— Я буду у вас через двадцать минут.

— Даю вам четверть часа.— Гаррод выключил экран, закурил и, медленно пуская кольца дыма, принялся анализировать сложившееся положение. Две причины побуждали его остаться в Огасте. Первая и главная: Джейн, по-видимому, пребудет здесь еще какое-то время. Вторая причина заключалась в том, что он оказался впутанным в тайну и не хотел уезжать, не распутав ее до конца. Если он заставит Побджоя допустить его до настоящего расследования, он сможет удовлетворить свое любопытство, остаться с Джейн и в то же время получить превосходный предлог для Эст... Гаррод закусил губу. Больше не нужно объяснять что-либо или оправдываться перед Эстер. Отныне и навсегда.

— Итак, мистер Гаррод,— сказал Побджой, тяжело опускаясь в кресло.— Что все это значит?

Гаррод отметил возврат Побджоя к официальному обращению и улыбнулся.

— Я устал играть в игры, вот и все.

— Не понимаю. О каких играх вы говорите?

— О тех, в которых вы используете мое имя и мою репутацию, чтобы внушить публике, что имеются какие-то улики, извлеченные из остатков машины сенатора, в то время как мы оба прекрасно знаем, что подобных улик не существует.

Побджой взглянул на него поверх сложенных домиком пальцев.

— Вы не докажете этого.

— Я довольно доверчив,— спокойно сказал Гаррод.— Меня легко провести — но только один раз. У меня нет необходимости доказывать правоту своих слов. Вместо этого я хочу поста-

вить вас в положение, при котором вы будете вынуждены доказывать правоту ваших.

— С кем вы говорили?

— Вы недооцениваете меня, Побджой. Известно, что политики чертовски глупо лгут, когда их загоняют в угол, но им верят лишь люди, не знакомые с фактами. Я не из их числа. Всю вашу пантомиму я наблюдал, сидя в первом ряду. А теперь скажите мне, кто убил сенатора Уэскотта?

Побджой хмыкнул.

— Откуда вы взяли, что я знаю?

Гарродом овладело искушение назвать Джейн Уэйсон — в конце концов он сможет вознаградить ее за потерю работы суммой, многократно превышающей мыслимый заработок секретаря за всю его жизнь. Но он решил завершить это дело один.

— Вы знаете, потому что изо всех сил пытались убедить всех, что я, вовсе не способный вам помочь, могу решить эту задачу. Вы нашли убийцу, но ваш метод начинен слишком большой дозой политического динамита, чтобы его можно было раскрыть.

— Чушь. Вы можете хотя бы представить себе подобный метод? — Побджой говорил язвительно и небрежно, но что-то неуловимое в тоне, которым он произнес последнюю фразу, вдруг подстегнуло Гаррода. Глубоко в сознании шевельнулась догадка. Он отвернулся и помешкал, заскиривая очередную сигарету, чтобы скрыть лицо от Побджоя и одновременно выиграть время.

— Да, — сказал он, пока мысль лихорадочно искала решение. — Я могу представить себе такой метод.

- Например?
- Незаконное использование ретардита.
- Это просто туманное утверждение общего характера, мистер Гаррод, отнюдь не метод.

— Что ж, буду конкретнее.— Гаррод сел напротив Побджоя и, чувствуя прилив уверенности, посмотрел прямо в глаза полицейскому.— Медленное стекло уже используется на спутниках, и обычный человек, даже рядовой член пресловутой Лиги защиты частной жизни, не имеет ничего против, потому что записанная информация передается на Землю по телевизионным каналам, и никто не верит, что когда-нибудь будет создана телевизионная система, способная показать на экране переданное из космоса изображение столь малого находящегося на Земле предмета, как человек. Удаленность орбиты делает это невозможным.

— Продолжайте,— настороженно сказал Побджой.

— Но разрешающая способность медленного стекла столь велика, что при благоприятных атмосферных условиях и надлежащей оптике, имея компенсаторы турбулентности и тому подобное, можно следить за движением людей и автомобилей. Необходимо только спустить стекло с орбиты для непосредственного считывания информации в лаборатории. Для этого достаточно небольшой транспортной ракеты-автомата — по существу, просто торпеды, которой спутник-матка выстрелит на землю в заранее определенную зону.

— Неплохая идея. А вы подумали, во что это обойдется?

— В астрономическую сумму, но расход,

вполне оправданный при некоторых обстоятельствах. К таковым можно отнести крупные политические убийства.

Побджой опустил голову и закрыл лицо руками, с минуту посидел молча, потом заговорил сквозь пальцы.

— Эта мысль приводит вас в ужас?

— Это самое массовое вторжение в частную жизнь, о котором кто-либо слышал.

— Вчера на пути в Бингхэм вы сказали что-то о резком падении преступности, которое граждане получили взамен утраты некоторых прав.

— Я помню, но эта новая мысль означает такую степень утраты прав, когда человек не сможет быть уверен, что он один, даже находясь на горной вершине или в центре Долины Смерти.

— По-вашему, правительство Соединенных Штатов станет тратить миллионы долларов только для того, чтобы наблюдать семейный пикник?

Гаррод покачал головой.

— Вы признаете, что я прав?

— Нет! — Побджой вскочил на ноги и подошел к окну. Глядя на вертикали городского пейзажа, он добавил более спокойным тоном: — Если... если бы такое и было правдой, мог бы я это признать?

— Но, будь я прав, вы оказались бы в любопытном положении, когда имя убийцы Уэскотта известно, но способ, которым эта информация получена, не может служить доказательством преступления. И вам пришлось бы искать другое доказательство или нечто на него похожее.

— Вы уже упоминали об этом, мистер Гаррод, но такова, грубо говоря, ситуация, в которой мы могли бы оказаться. Меня интересует другое:

вы все еще намерены предать гласности ваше предположение?

— Как вы сами сказали, это всего лишь предположение.

— Но способное принести немало...— Побдкой тщательно выбирал слово,—...вреда.

Гаррод встал и тоже подошел к окну.

— Я мог бы отказаться от своего намерения. Как изобретатель медленного стекла, я чувствую себя в какой-то степени ответственным... Кроме того, я не люблю оставлять задачу нерешенной.

— Значит, вы согласны остаться членом экспертной группы?

— Ни в коем случае! — сказал Гаррод с живостью.— Я хочу заняться настоящим расследованием. Если вам известен преступник, мы должны найти способ доказать его преступление.

Через десять минут Гаррод был в номере Джейн Уэйсон, в ее постели. После того как еще одно слияние тел закрепило его новый контакт с жизнью, он, несмотря на секретность, дал понять Джейн, что все ее подозрения о Побджее оправдались.

— Я так и думала,— сказала она.— Джон ничего не говорил мне, но я знаю, что и он пытается разгадать их тайну.

— Так он еще не знает? — Гарроду не удалось скрыть хвастливых ноток.— Он, верно, не нашел правильного подхода к Побджею.

— Я работаю с Джоном достаточно давно, чтобы понять, что он всегда и ко всему находит единственно правильный подход.— Она приподнялась на локте и посмотрела на Гаррода сверху.— Если уж он не смог найти...

Гаррод засмеялся, увидев задумчивое выра-

жение ее глаз и легкую морщинку, исказившую лоб Джейн.

— Забудь об этом,— сказал он беззаботно и привлек к себе тело, ставшее таким знакомым.

Глава 13

Капитан Питер Реммерт с самого начала не скрывал своей неприязни к вмешательству Гаррода. Был он человеком неуравновешенным, легко поддающимся переменам настроения, иногда скupым на слова, в другое время говорливым не в меру, фонтанирующим в совершенно неуместной книжной манере. Однажды за кофе он сказал Гарроду: «Благодаря выравниванию материального благополучия богатый любитель, на досуге занимающийся расследованием убийства, уже не вызывает доверия. Он исчез даже со страниц дешевых детективных книжонок. Зенит славы людей такого рода пришелся на первую половину века, когда ненормальность их положения была непонятна бедняку. Простому человеку богач представлялся существом непостижимым, способным от нечего делать превратиться в сыщика». Считая это расследование делом утомительным и притом безнадежным, капитан тем не менее честно выполнял свой долг. Знал он немного. Его и небольшую группу помощников привели к присяге о неразглашении тайны, после чего им сообщили имя некоего человека и его адрес в Огасте. От них требовалось доказательство причастности подозреваемого к убийству сенатора Уэскотта.

Звали этого человека Бен Сала. Итальянец по

происхождению, сорока одного года, имел скромное дело по оптовой торговле моющими и дезинфицирующими средствами, жил с женой в небольшом доме в западной части города, где селились люди среднего достатка. Детей у них не было, и второй этаж они сдавали пятидесятилетнему холостяку Мэтью Маккалафу, служившему шофером в местной транспортной компании.

Следуя принятому порядку, Реммерт запросил сведения об итальянских родственниках Салы, но никаких связей с мафией не обнаружил. Поскольку капитан получил указание к подозреваемому непосредственно не обращаться, то расследование могло закончиться, практически не начавшись. Но тут стало известно еще об одной смерти. На следующее утро после гибели сенатора Уэскотта Мэтью Маккалаф, жилец Салы, скончался от сердечного приступа, когда садился в автобус.

Это совпадение привлекло внимание группы Реммерта лишь через несколько часов, после чего полицейские сочли его удобным предлогом для визита в дом Салы. Однако в это время стали известны результаты опроса мониторов из медленного стекла, установленных дорожной службой. Новые данные явились для Реммерта неприятным сюрпризом. Ему было приказано изобличить Салу в убийстве сенатора, и мониторы действительно показали, как старый, потрепанный фургон подозреваемого за несколько часов до убийства отъехал от его дома и направился к Бингхэму, а через несколько часов после убийства вернулся обратно тем же маршрутом. Однако в полученных сведениях был изъян. Запечатленные стеклом картины ясно

свидетельствовали, что за рулем фургона сидел Мэтью Маккалаф — человек, умерший естественной смертью спустя несколько часов.

И он был один.

— Это позволило нам войти в дом Салы и все тщательно осмотреть, — сказал Реммерт. — Мы как бы выясняли личность Маккалафа, но на самом деле пытались найти улики против хозяина.

— Нашли что-нибудь? — Гаррод не отрывал глаз от экрана с изображением фасада дома.

— Ничего. Виновным оказался Маккалаф.

— Не слишком ли это удобно? Большая удача — я говорю о его скоропостижной кончине.

Реммерт фыркнул.

— Если это удача, я, пожалуй, предпочту оставаться неудачником лет до ста.

— Вы прекрасно понимаете, что я имел в виду, Питер. Если Сала — убийца, то сложившееся положение ему на руку: человек, на которого он свалил вину, замолчал на следующее же утро.

— Бен Сала не сваливал вину на Маккалафа — это делаю я. В любом случае мне не понятен ход ваших мыслей. Предположим, убийца — Бен Сала. Смерть жильца неминуемо привлечет к дому внимание полиции. Зачем это ему нужно? Кроме того, что бы ни говорил Побджой, Сала не убивал сенатора. Тому есть доказательства.

— Посмотрим их.

Реммерт громко вздохнул, но переключил проектор на быструю перемотку. Пейзажное окно, установленное в коттедже напротив дома Салы, позволило снять голофильм, охватывающий жизнь подозреваемого за весь предыдущий

год. Полученная информация была занесена и в ретардитовое устройство памяти, но, поскольку медленное стекло не позволяет возвращаться к старым кадрам, для практической работы использовался обычный голограммический фильм.

На экране появилось изображение дома Салы, каким он был год назад, при установке пейзажного окна. Обычный двухэтажный дом с эркером на первом этаже, подпирающим небольшой балкон. Ухоженный палисадник. К основному строению примыкает гараж, его фасад — на одном уровне с домом. Заглянуть внутрь гаража можно только через окна в верхней части ворот.

Реммерт прокручивал фильм, время от времени останавливалась, чтобы показать Гарроду, как Бен Сала и Маккалаф входят и выходят. Бен Сала оказался невысоким плотным мужчиной с черными кольцами волос вокруг блестевшей как начищенный ботинок лысины. Маккалаф был повыше и слегка сутулился. Серые волосы он зачесывал назад, открывая длинное унылое лицо. Комнату свою покидал редко.

— Маккалаф не слишком похож на политического убийцу высокого ранга, — заметил Гаррод. — Чего не скажешь о Сале.

— Кроме внешности, вам нечего поставить ему в вину, — сказал Реммерт, останавливая кадр. Сала работал в саду. Рубаха натягивалась на тучном животе итальянца. — У него пикническое сложение.

— Какое?

— Пикническое. Пикниками называют тучных, низкорослых, коренастых мужчин, которые нередки среди психически неуравновешен-

ных убийц. Но точно такое же сложение характерно для многих ни в чем не повинных людей.

Замелькали новые сцены, выхваченные из реки времени. Бен Сала и его жена, тоже темноволосая, ссорятся, едят, спят, читают, иногда занимаются грубоватой любовной игрой, в то время как меланхоличное лицо Маккалафа одиноко маячит у окон второго этажа. В одно и то же время Сала уезжал по делам и возвращался в белом пикапе последней модели. Наступила зима, пошел снег. Бен Сала стал ездить в по-тасканном грузовичке пятилетней давности.

Гаррод поднял руку, подавая знак остановить фильм.

— Разве дела Салы пришли в упадок?

— Вовсе нет. Он оказался умелым дельцом — для своего уровня, конечно.

— Вы спрашивали, почему он стал пользоваться старой машиной?

— Представьте, спросил, — сказал Реммерт. — При прежних методах расследования такие факты оставались незамеченными, но во время просмотра ретардитовой записи они бросаются в глаза.

— Что он вам ответил?

— Бен Сала все равно собирался продавать свой пикап через полгода, но тут кто-то предложил ему хорошую цену. Он сказал, что просто не мог отказаться от удачной сделки.

— Вы спросили, сколько он получил за машину?

— Нет. Не счел существенным.

Гаррд сделал пометку в блокноте и попросил продолжать. Снег растаял, уступил место зе-

лени весны, а та — ярким цветам лета. В первые дни осени на крыше гаража появился кусок синего брезента. Был он большим, во всю крышу, да еще над воротами свесился край, закрыв окна.

— Зачем это? — спросил Гаррод, останавливая кадр.

— Крыша протекла.

— По-моему, крыша была крепкой.

Реммерт вернулся немного назад. На кровле в нескольких местах открылась поврежденная черепица. Еще на пару дней в прошлое — крыша снова была исправной.

— Несколько неожиданно, вы не считаете? — спросил Гаррод.

— В начале сентября прошли ураганы. Бен Сала собирается строить новый гараж, поэтому не захотел основательно ремонтировать крышу.

— Все одно к одному, комар носа не подточит.

— Что вы имеете в виду?

— Пока не знаю. Взгляните, как небрежно болтается край брезента над фасадом гаража. А ведь в остальном хозяйство Салы в полном порядке.

— Может быть, так дождь не заливает ворота. — Реммерт начал проявлять нетерпение, видя, как Гаррод делает очередную пометку. — Да и что можно извлечь из этого наблюдения?

— Возможно, и ничего. Но если живешь с медленным стеклом столько, сколько я, оно меняет взгляд на вещи. — Гаррод внезапно осознал, что выражается напыщенно. — Извините, Питер. Есть еще что-нибудь интересное между этим моментом и ночью убийства?

— Я не нашел, но, может быть, вы...

— Давайте последнюю ночь,— сказал Гаррод.

Было темно, когда щит ворот поднялся и скользнул внутрь — так втягиваются самолетные закрылки. Фургон осторожно выехал из гаража, и ворота автоматически закрылись. Включились электронно-оптические усилители, изображение стало ярче. Реммерт остановил кадр: за рулем сидел Маккалаф. Он надвинул на лоб шляпу, но не узнать его длинное печальное лицо было невозможно.

— Дорожные мониторы зафиксировали его движение до северной границы города,— сказал Реммерт.— Теперь обратите внимание на гараж — брезент откинут, и можно заглянуть внутрь.

Он включил быструю перемотку, а когда цифровой индикатор в углу экрана показал, что прошло полчаса, снова перевел проектор на нормальную скорость. Темные квадраты гаражных окон залил белый свет. За окнами двигался человек. Он был коренаст и черноволос — без сомнения, Бен Сала.

Пока хозяин наводил порядок в гараже, Реммерт нажал на кнопку, включая запись показаний подозреваемого:

— Ну, значит, к семи Мэт вернулся. Серый весь и руку левую все тер — болела, что ли. Его, говорит, на сверхурочные просили выйти. Так-то он все на автобусе ездил, у него проезд бесплатный, но тут у меня фургон попросил. Потому, сказал, устал очень, не хочу, сказал, пешком до автобуса. Ну, я дал ему машину, он и поехал. Часов одиннадцать было. Я потом еще в гараже поработал и спать лег. Слышал, он ночью приехал, а когда — не знаю, на часы не

смотрел. Наутро он, как всегда, на работу ушел, и больше я его живым не видел.

Реммерт выключил запись.

— Что скажете?

— Что вы скажете?

— Показание как показание. Я таких тысячу слышал.

Гаррод не сводил глаз с экрана, где изображение Салы все еще мелькало за окнами гаража.

— Да, говорит он не очень гладко, но все же...

— Все же?

— Бен Сала умудрился втиснуть в очень короткую речь колоссальный объем информации — все по существу, все логично, в продуманном порядке. В тысяче снятых вами показаний, Питер, сколько было таких, которые не содержали ни одного лишнего слова?

— Тяжесть изобличающих улик растет, — едко сказал Реммерт. — Бен Сала понимает — его могут заподозрить в убийстве, вот он и выбирает слова. Мы опрашиваем множество людей, чей английский небезупречен, но они могут рассказать больше, чем иной профессор университета. Вы не замечали, что в сценах допроса в детективных фильмах какой-нибудь бандюга из трущоб всегда получает лучшие реплики? Талант сценариста раскрепощается, когда он может хоть на время наплевать на все эти «будьте любезны» и «с вашего позволения».

Гаррод подумал с минуту.

— А что, если...

Реммерт не слушал.

— Как-то в прошлом году я допрашивал одного парня. Он обвинялся в непредумышленном убийстве. Я спросил его, зачем он это сде-

лал. Знаете, что он ответил? Он сказал: «Откроешь газету, а там молодые только и делают, что занимаются благотворительностью и безвозмездным трудом на пользу общества. Вот я и захотел показать им всем, какие среди нас есть выродки». Такого я и в кино не встречал.

— Послушайте,— сказал Гаррод,— ведь я смотрю этот фильм впервые, так?

— Так.

— Упрочится ли моя репутация в ваших глазах, если я предскажу кое-какие события, которые мы увидим на экране чуть позже?

— Сматря какие.

— Хорошо.— Гаррод показал на экран.— Обратите внимание, брезент на крыше гаража откинут, и через окна можно заглянуть внутрь. Так вот, я предсказываю, что после возвращения фургона край брезента снова опустится и закроет окна.

— И что из этого следует? Мы уже видели — Маккалаф уехал, а Бен Сала остался в гара...— Реммерт замолчал, наблюдая, как фургон подъезжает к гаражу. Радиосигнал открыл ворота, и машина исчезла в темной глубине. Когда ворота закрывались, какая-то деталь запорного механизма зацепила свободный конец брезента и потянула его вниз. Край брезента упал и закрыл окна.

— Это было неплохо,— признался Реммерт.

— Мне тоже так кажется.

— Но такие догадки невозможны, если заниматься не стоит теория. В чем она?

— Я вам отвечу, но сначала мне нужно выяснить еще одно обстоятельство,— сказал Гаррод.— Чтобы самому убедиться в справедли-

вости этой теории.

— Что вы хотите узнать?

— Сколько Бен Сала получил за свой пикап.

— Пойдемте ко мне в кабинет, здесь нет терминала.— Реммерт посмотрел на Гаррода, не скрывая удивления, но от вопросов воздержался. Он сел за клавиатуру и сделал запрос — терминал был связан с центральным компьютером полицейского управления на другом конце города. Через секунду раздался писк, и Реммерт оторвал полоску с рулона фотопринтера.

Взглянув на текст, он удивился еще больше.

— Тут сказано, что Бен Сала получил от перекупщика полторы тысячи долларов.

— Не знаю, как вы,— сказал Гаррод, ощущая в груди знакомые ликующие удары сердца,— но, будь этот пикап моим, я бы не задумываясь отклонил такое предложение.

— Чертовски дешево, согласен. Отсюда следует, что Бен Сала в своих показаниях несколько отклонился от истины. Не понимаю, почему деловой человек с хваткой, по существу, за бесценок отдает хорошую машину и покупает развалюху.

— Если хотите, я расскажу вам, как было дело.— И Гаррод приступил к изложению своей теории.

Получив сигнал, что настало время действовать, Бен Сала испугался. Он надеялся, что о нем забыли, но теперь, когда пришел приказ, у него не оставалось выхода: неповиновение каралось смертью — скажем, от взрыва бомбы, заложенной в очередную партию стирального порошка. Во всяком случае, план убийства был проду-

ман столь тщательно, что Бен Сала почти не рисковал.

В качестве первого шага ему надлежало обзавестись дешевым грузовичком типа «бурро», выпущенным фирмой «Дженерал моторз» четыре года назад и почти сразу же снятым с производства. Главное свойство этой машины, которым Бен Сала собирался воспользоваться, заключается в том, что все ее окна сделаны из обычного плоского стекла, а ветровое стекло может поворачиваться на оси для доступа воздуха. Бен Сала, впрочем, интересовался не вентиляцией, а возможностью смотреть через щель наружу.

Он продает свой пикап и покупает «бурро». Достать такую модель было нелегко. Пришлось довольствоваться машиной в неважном состоянии, но она его устраивала. Бен Сала пригнал фургон домой, стал использовать его для обычной повседневной работы и приступил к осуществлению очередных этапов плана. В первую же ветреную ночь он прошел в гараж через кухню и, орудуя в полной темноте, расшатал изнутри несколько черепичин. Через пару дней он покрыл крышу куском брезента — казалось бы, первым попавшимся ему в кладовке, но на самом деле тщательно скроенным для выполнения ответственной задачи. Теперь внутренность гаража не просматривалась пейзажным окном, установленным в доме напротив, и Бен Сала мог спокойно собирать лазерную пушку, детали которой присыпали ему по почте. Одновременно он начал реализацию самой, пожалуй, тонкой части всей операции.

Упрощенная конструкция фургона позволяла

легко удалить ветровое стекло и заменить его панелью из ретардита. Куда труднее было заставить Мэтью Маккалафа чуть ли не час просидеть на месте водителя, хотя его и выбрали на эту роль из-за неповоротливого ума. Бен Сала решил и эту проблему. Он сказал Маккалафу, что у «бурро» случилась поломка рулевого привода и он собирается сам его отремонтировать. Маккалаф, который все равно проторчал бы это время у своего окна, согласился посидеть в машине и покрутить рулевое колесо, когда Бен Сала давал команду. Маккалаф даже надел шляпу на тот случай, если в гараже будут гулять сквозняки.

Все могло сорваться, когда Маккалаф влез в кабину и закрыл дверцу, но он не заметил, что видит гараж не таким, каким он действительно был в тот вечер, а Бен Сала предусмотрительно все это время оставался под машиной. Передние колеса фургона стояли в лужах густого масла и легко поворачивались. Бен Сала заблаговременно прохронометрировал маршрут выезда из города, очень, кстати, простой, без единого перекрестка, и теперь Маккалаф крутил руль в соответствии с заранее продуманной программой.

Зарядив панель медленного стекла изображением Маккалафа, Бен Сала снизил скорость излучения ретардита почти до нуля и убрал панель до поры до времени. В другую ночь он вынул стекла из закрытых брезентом окон, заменил их ретардитом и в течение часа воился в гараже. Эти ретардитовые панели он также вынул, снизил их скорость излучения и припрятал. Теперь Бен Сала был готов со-

вершить убийство со стопроцентным алиби.

Получив шифрованное послание, предписывающее продолжать операцию, он первым делом подмешал в вечерний чай Маккалафа сильное снотворное. Это было необходимо, чтобы жилец не маячил у окон в то время, когда он, как предполагалось, уехал в фургоне на сверхурочную работу. Затем Бен Сала убедился, что ворота гаража закрыты брезентом, и положил собранную лазерную пушку в фургон. Установив ретардитовые панели вместо окон гаража и ветрового стекла «бурро», он увеличил их скорость излучения до нормальной, сел в машину и поехал к Бингхэмму.

Именно на этой стадии сыграла роль уникальная конструкция «буурро», поскольку в обычной машине Бен Сала не видел бы дороги. Он повернул ветровое стекло таким образом, чтобы снизу между ним и рамой образовалась узкая щель, через которую можно смотреть. Резко ограниченное поле зрения сильно затрудняло управление машиной. Появилась и непредвиденная опасность: шум двигателя и ощущение движения контрастировали с застывшим видом гаража в ретардитовом стекле, вызывая головокружение и тошноту. Однако за городом, вне досягаемости ретардитовых мониторов, Бен Сала мог расширить щель и вести фургон с относительными удобствами. Он замедлил излучение ветрового стекла почти до нуля, чтобы сохранить запасенное изображение Маккалафа для обратного пути по городским улицам. Контрольные пластины на любом встречном автомобиле зафиксировали бы неподвижного Маккалафа за рулем, но условия автострады почти

не требуют движений от водителя. Впрочем, все эти предосторожности вряд ли были нужны, поскольку следствие, как предполагалось, никогда не смогло бы заподозрить истинного убийцу. Просто общий план операции предусматривал резервные линии защиты.

На выбранном для убийства месте Бен Сала установил пушку. Прошло немного времени, и по радио ему сообщили о приближении автомобиля сенатора. Когда машина спустилась в низину, Бен Сала превратил ее и водителя в груду раскаленного потрескивающего шлака.

Отъехав несколько миль, он остановился и зарыл в землю пушку. Остаток пути прошел гладко, и Бен Сала вернулся в гараж задолго до рассвета. Тщательно продуманный и не вызывающий подозрения трюк с болтающимся куском брезента позволил ему закрыть окна гаража, как только фургон въехал в ворота. Сала тут же вынул ретардитовые панели из ворот и из автомобиля и заменил их обычным стеклом. Затем «щекотателем» разрушил кристаллическую структуру ретардита и тем самым навсегда уничтожил молчаливого свидетеля своего преступления. Для пущей предосторожности он разбил панели на мелкие куски и сжег их в печи в подвале дома.

Оставалось осуществить заключительную часть плана. Бен Сала поднялся в комнату Маккалафа, снял его шляпу и повесил на обычное место на двери. Затем вынул из кармана фланкон специально приготовленного тромбогенного яда, который он получил заблаговременно от организаторов убийства. Маккалаф все еще спал под воздействием снотворного и не проснулся.

ся, когда Бен Сала втирал бесцветную жидкость в кожу на левом локте. Выбранное место означало, что Маккалаф умрет от массированной эмболии приблизительно через четыре часа.

Удовлетворенный ночной работой, Бен Сала выпил стакан молока, съел бутерброд и отправился в спальню, где его ожидала супруга.

— Вы сочинили действительно грандиозную теорию,— сказал Реммерт после паузы.

Гаррод пожал плечами.

— Да, у меня есть опыт в этом деле. Впрочем, объясняя все наблюдаемые факты, данная теория страдает одним крупным недостатком.

— Слишком сложна. Не соблюден принцип бритвы Оккама.

— Нет, в наше время план убийства не может быть простым. Дело в другом: я не вижу, как мы сможем продемонстрировать ее истинность. Вы, безусловно, найдете свежие царипины на оконных рамах гаража и окантовке ветрового стекла фургона, но это ровным счетом ничего не доказывает.

— Можно собрать остатки ретардита в печи.

— Согласен. Но разве закон запрещает сжигать медленное стекло?

— Неужели нет? — Реммерт ударил кулаком по лбу, как бы пытаясь выудить что-то из памяти. Демонстрация сарказма.— Хотите поехать в дом Салы? Посмотреть все своими глазами?

— Поехали.

В сопровождении еще одного полицейского они отправились в западную часть города. Солнце было уже высоко, по синеве неба плыли облака, вызывая игру теней на стенах аккуратных

домиков. Автомобиль взобрался на холм и остановился у белого строения. Гаррод почувствовал возбуждение, узнав жилище Салы. Глаза скользили по знакомым деталям дома, сада, гаража.

— Похоже, все спокойно,— сказал он.— Кто-нибудь дома?

— Вряд ли. Бен Сала получил разрешение заниматься своим делом, но у нас есть ключи, и он сказал, что мы можем приходить в любое время. Он чертовски услужлив.

— В его положении он должен изо всех сил помогать нам повесить это убийство на Маккалафа.

— Вас, очевидно, больше всего интересует гараж?

Реммерт достал ключ и отпер ворота. В гараже пахло краской, бензином и пылью. Гаррод обошел помещение, осторожно беря в руки пустые банки, старые журналы и прочий разбросанный в беспорядке хлам и возвращая каждый предмет на место. Он ловил на себе насмешливые взгляды полицейских, но не хотел уходить.

— Не вижу масляных пятен на полу,— сказал Реммерт.— Как он поворачивал колеса?

— А вот как,— Гарроду помогла память. Он показал на два глянцевитых журнала со следами протекторов на обложках и мятыми страницами.— Старый прием — вы наезжаете передними колесами на такой журнал, и они легко поворачиваются.

— Но это не доказательство.

— Для меня — доказательство,— упрямо сказал Гаррод.

Реммерт закурил сигарету, Агню — так звали

второго полицейского — трубку, и оба детектива вышли на улицу, где дул порывистый ветер. Минут десять они курили, тихо переговариваясь, затем начали поглядывать на часы, показывая, что приближается время второго завтрака. Гаррод тоже думал об этом — они с Джейн условились позавтракать вместе, — он чувствовал: либо он сделает решающее открытие именно сейчас, осматривая гараж с той ясностью восприятия, какую дает только первое знакомство с новым местом, либо вообще не решит этой загадки.

Агню выколотил трубку с легким щелкающим звуком и пошел к машине. Реммерт сел на низкую ограду, окружавшую сад, и принял с повышенным интересом следить за облаками. Гаррод в последний раз обошел гараж и у стены, примыкающей к дому, увидел осколок стекла. Он опустился на колени и простейшим приемом — проведя пальцем по тыльной стороне осколка — убедился, что стекло обычное.

Реммерт оставил в покое облака.

— Что-нибудь нашли?

— Нет. — Гаррод удрученно покачал головой. — Едем?

— Конечно. — Реммерт потянул вниз воротный щит, в гараже потемнело.

Гаррод шевельнулся, собираясь встать с колен, и глаза его ухватили какое-то изображение в слабом световом круге на сухих некрашеных досках стены. Смутный силуэт крыши, призрачное дерево, раскачиваемое ветром, — все перевернуто. Гаррод посмотрел на противоположную, наружную, стену гаража и увидел яркую белую звезду, сияющую в пяти фурах над полом. Он

приблизился к стене и заглянул в крохотное отверстие. Тугая струя холодного воздуха ударила в глаз, вызвала слезы, но он успел заметить залитые солнцем холмы и дома, угнездившиеся в квадратах живой изгороди. Гаррод подошел к проему, наклонился под нижней кромкой полуопущенных ворот и поманил Реммерта.

— Здесь в стене небольшое отверстие,— сказал он.— Оно идет немного под углом вниз, поэтому, когда ходишь, его не замечаешь.

— Какое это имеет?..— Реммерт наклонился и приложил глаз к отверстию.— Думаете, оно достаточных размеров, чтобы мы могли извлечь из него какую-нибудь пользу?

— Конечно! Если Бен Сала действительно ходил по гаражу, внешний наблюдатель увидел бы мигающий луч света, если же вместо живого Сала здесь было только его изображение, записанное в ретардитовых окнах, этот луч не прерывался. Сколько домов отсюда видно?

— Э... двенадцать, не меньше. Правда, некоторые очень далеко.

— Не имеет значения. Если хотя бы в одном из них есть пейзажное окно, обращенное в эту сторону, вы сможете завершить следствие еще до ужина.— Носком ботинка Гаррод выбросил найденный осколок на улицу, в неверную игру солнечных пятен. Он уже не сомневался, что ретардитовый свидетель будет найден.

Реммерт посмотрел на него и хлопнул по плечу.

— У меня в машине бинокль!

— Ташите его сюда,— сказал Гаррод.— Я набросаю схему расположения домов, которые нам могут понадобиться.

Он вытащил блокнот и снова заглянул в отверстие, но тут же понял, что никакой схемы не потребуется. Холм погрузился в тень от набегавшего облака, и даже без бинокля был виден огромный изумруд прямоугольной формы: это в одном из домов яркой зеленью горело окно, излучая скрытый в нем солнечный свет.

Глава 14

В вечернем выпуске последних известий было объявлено, что Бен Сала арестован по обвинению в убийстве сенатора Уэскотта. Гаррод был один в своем номере, выдержанном в оливково-золотых тонах: Джейн еще не закончила работу у Маннхайма. Почти час он простоял у окна, глядя на улицу с высоты двадцатого этажа, не в силах отогнать мрачные предчувствия.

Дело в том, что, вернувшись в гостиницу, он получил давно ожидаемое сообщение от Эстер. В нем говорилось: «Приезжаю в Огасту вечером, буду у тебя к девятнадцати ноль-ноль. Жди. Целую. Эстер».

С того момента, как он сообщил ей о своем решении, Гаррод мысленно торопил Эстер с ответом, горячо желая, чтобы последнее их объяснение осталось в прошлом — там ему место, но теперь, совершенно неожиданно, он испугался. Ее последние слова — «Целую. Эстер» — в контексте послания означали, что она не считает их разрыв окончательным и все еще рассматривает Гаррода как свою собственность. Предстояла долгая, мучительная, болезненная процедура.

Анализируя свои чувства, он понял, что боится собственной мягкости, почти патологической неспособности причинить боль другому, даже когда это необходимо, даже если обе стороны окажутся в выигрыше от быстрого, решительного удара. Он мог бы вспомнить десятки примеров, но рефлексирующая память подбросила ему самый ранний эпизод — десятилетним мальчишкой бегал он тогда с ватагой таких же ребят в Барлоу, городе его детства.

Юный Элбан Гаррод никогда не чувствовал себя в компании легко и отчаянно старался защищать одобрение вожака — полного, но физически сильного мальчика по имени Рик. Случай представился, когда Элбан возвращался из школы с неким Тревором, которого не любили и потому одним из первых занесли в список для наказания. Тревор имел неосторожность с пренебрежением отозваться о Рике, и, преодолев отвращение к самому себе, Элбан донес об этом вожаку. Рик с благодарностью воспринял информацию и составил план действий. Ватага окружит Тревора в переулке, и Рик огласит официальный обвинительный акт. Если Тревор признает себя виновным, ему всыплют, а если будет все отрицать, то тем самым назовет Рика и Элбана лжецами, за что должно воспоследовать не менее суровое наказание. Все шло прекрасно до последнего момента.

После ритуального распаривания ширинки, что неизменно порождало в противнике психологический дискомфорт, Тревора прижали к стене. Рик грозно взял его за ворот. Тревор со страстью утверждал, что никогда не произносил роковых слов. В соответствии со своим туманным

кодексом чести Рик на этом этапе еще не мог нанести удара. Он взглянул на Элбана, требуя, чтобы тот подтвердил обвинение.

— Ну, говорил он или нет?

Элбан посмотрел на презренного Тревора, увидел ужас и мольбу в его глазах и дрогнул. Превозмогая страх, он сказал:

— Нет, я ничего не слышал.

Рик отпустил пленника, и тот умчался, как заяц. Затем сбитый с толку вожак повернулся к Элбану, и тут его растерянность сменилась презрением и яростью. Он наступал на Гаррода, размахивая кулачищами. Десятилетний Элбан принял наказание почти с облегчением — ведь ему не пришлось совершить насилие над другим.

Имея такой опыт прошлого и не располагая поддержкой Джейн, он допускал возможность — пусть ничтожную, — что Эстер найдет способ заставить его вернуться к ней и снова стать преданным мужем. От этой мысли его бросало в холодный пот. Прижав лоб к оконному стеклу, он смотрел вниз на маленькие разноцветные коробочки автомобилей и еще меньшие крапинки людей. При взгляде сверху, почти под прямым углом, пешеходы теряли индивидуальность, с трудом можно было различить мужчин и женщин. «Не странно ли, — подумал Гаррод, — что каждая такая ползущая точка видит в себе центр мироздания». Чувство подавленности росло.

Он побрел в спальню, лег на постель, не сняв покрывала, и попытался задремать. Но сон не шел. Промаявшись минут двадцать, Гаррод нарушил одно из строжайших своих правил: прямо из спальни вызвал по видеотелефону Портстон, чтобы узнать, как идут дела. Сначала миссис Вернер

дала ему сводку важнейших событий последних дней, потом он связался кое с кем из управляющих, включая Мэнстона, попросившего указаний, как реагировать на последние передачи новостей. Шикерт был в панике из-за новых срочных правительственный заказов на ретардитовый порошок. Потребность в нем растет так быстро, что даже введение в строй нового завода жидких светокрасителей не позволит удовлетворить ее в полной мере. Гаррод успокоил его и в течение часа беседовал с руководителями других отделов.

К концу бесед до прибытия Эстер оставалось менее часа, и спать уже не хотелось. Он пошел в ванную и, презрев затмение, принял душ при полном свете. Такой беспечностью, равнодушием к мнимым наблюдателям его заразила Джейн Уэйсон. Сознавая красоту своего тела и гордясь ею, она не желала прятаться под покровом темноты даже в те часы, которые проводила с Гарродом. Мысль о Джейн вызвала прилив желания, смешанного с грустью. Жизнь с Джейн была бы так...

Гаррод впал в отчаяние, поняв, что предрекает победу Эстер уже сейчас, когда между ними не было сказано ни слова.

«Я выбрал Джейн,— повторял он себе, выходя из ванной.— Я выбрал жизнь».

Но чуть позже, когда раздался звонок, он почувствовал, что умирает. Он медленно отворил дверь. На пороге, рядом с сестрой милосердия, стояла Эстер — тщательно одетая, без румян и в больших темных очках — такие надевают, чтобы скрыть дефект глаз.

— Элбан? — сказала она мягко.

«Она старается держаться,— подумал он

с грустью.— Она слепа, поэтому темные очки, но держится молодцом».

— Входи, Эстер.— Жестом он пригласил и сестру, но та, видимо, заранее получила инструкции и исчезла в коридоре, изобразив осуждение на розовом антисептическом лице.

— Спасибо, Элбан.— Эстер протянула руку, но Гаррод взял ее под локоть и подвел к креслу. Сам он сел напротив.

— Хорошо перенесла дорогу?

Она кивнула.

— Ты был совершенно прав, Элбан. Я могу ездить, несмотря на свои глаза. Пролетела же я тысячу миль, чтобы быть с тобой.

— Я...— Значение последних слов не ускользнуло от его внимания.— Удивительно, что ты решилась на это.

Эстер в свою очередь не пропустила эту фразу мимо ушей.

— Разве ты не рад мне?

— Конечно же, я рад, что ты снова бываешь на людях.

— Я не об этом спрашивала.

— Разве?

— Не об этом.— Эстер сидела очень прямо, сложив руки на коленях.— Когда ты возненавидел меня, Элбан?

— Побойся бога! Почему я должен тебя нененавидеть?

— Я задаю себе тот же вопрос. Как видно, я сделала что-то очень...

— Эстер,— сказал он твердо.— Я не питаю к тебе ненависти.— Он посмотрел на ее тонкое, строгое лицо, увидел едва заметные морщины, и сердце его сжалось.

— Ты просто не любишь меня, да?

Вот он, подумал Гаррод, тот момент, от которого зависит твое будущее. Он открыл рот, чтобы дать утвердительный ответ, столь удобно предлагаемый формой вопроса, но мозг его, казалось, оцепенел. Гаррод встал, подошел к окну и снова поглядел вниз. Безымянные песчинки, считавшие себя людьми, все еще сновали взад-вперед. «Немыслимо,— подумал он,— чтобы наблюдатель на спутнике мог отличить одного человека от другого».

— Ответь мне, Элбан.

Гаррод сглотнул слюну, тщетно пытаясь ускользнуть, но перед мысленным взором его мелькали картины, совершенно далекие от разговора. Серебряный крестик самолета-опылителя, плывущий по небу. Растряпное лицо Шикерта — завод не справляется с заказами на ретардитовую пыль. Темное поле, свечение...

Руки Эстер коснулись его спины. Он и не заметил, как она встала.

— Что ж, ты ответил,— сказала она.

— Ответил?

— Да.— Эстер глубоко и прерывисто вздохнула.— Где она сейчас?

— Кто?

Эстер засмеялась.

— Кто? Твоя любовница, вот кто. Эта... шлюха с серебристой помадой.

Гаррод был поражен. Ему показалось, что Эстер сверхъестественным образом заглянула в его мысли.

— Откуда ты взяла...

— Не считай меня дурой, Элбан. Ты забыл, что носил мои диски, когда приехал сюда? Ду-

маешь, я не видела, как смотрела на тебя эта девица Джона Манхейма?

— Не помню, чтобы она смотрела на меня как-то особенно,— осторожно ответил Гаррод.

— Я слепа,— с горечью сказала Эстер,— но ты притворяешься еще более слепым.

Гаррод смотрел на жену, и снова его мысли уходили в сторону. «Миллер Побджой не упоминал о спутниках. Я сам назвал их в своей версии, а он только слушал и не возражал! Я знал правду с самого начала, она жила во мне, мучила меня, но я боялся взглянуть ей в лицо...»

Дверь распахнулась, и на пороге появилась Джейн.

— Я только что освободилась, Эл, и... О!

— Входи, Джейн,— сказал Гаррод.— Входи и познакомься с моей женой. Эстер, это Джейн Уэйсон, секретарь Джона Манхейма.

Эстер приветливо улыбнулась, но посмотрела намеренно мимо Джейн, подчеркивая свою слепоту.

— Входите, Джейн. Мы только что говорили о вас.

— Я думаю, мне лучше уйти. Не хочу быть лишней.

Голос Эстер стал жестче.

— Я думаю, вам лучше остаться. Мы как раз пытаемся окончательно решить, кто здесь лишний.

Джейн вошла в комнату. Ее огромные глаза вопросительно смотрели на Гаррода. Он чувствовал, что не выдержит этой сцены.

— Говори же, Элбан. Пусть наконец все станет на свои места,— сказала Эстер.

Гаррод посмотрел на жену. Ее возраст, уста-

лость бросались в глаза, усугубляясь контрастом с буйной молодостью Джейн. Слепая, она только что пересекла Америку, чтобы увидеть его. Из троих в этой комнате лишь она была калекой, и тем не менее она была здесь главной. Она была сильной. Она была мужественной — но слепой и беспомощной. И она ждала, повернув к нему лицо. Он должен был сделать совсем простую вещь — одним словом, как топором...

На мгновение он закрыл глаза, а когда открыл, Джейн шла к двери. Гаррод бросился за ней.

— Джейн, — сказал он в отчаянии, — дай мне подумать.

Она покачала головой.

— Полковник Маннхейм закончил свои дела в Огасте. Я зашла сказать, что улетаю с ним в Мейкон последним рейсом.

Он схватил ее за руку, но она вырвалась с неожиданной силой.

— Оставь меня, Эл.

— Я все улажу!

— Да, Эл. Так же, как ты уладил... — Удар двери заглушил конец, но Гаррод знал, что последним словом фразы было слово «спутники».

Ноги подгибались, как резиновые. Он вернулся в комнату и сел. Эстер нашла его и положила руки ему на плечи.

— Мой бедный любимый Элбан, — прошептала она.

Гаррод спрятал лицо в ладони. «Нет никаких спутников, — думал он. — Нет торпед, несущих с орбиты глаза из медленного стекла. Они просто не нужны. Зачем все это, если весь мир засыпают ретардитовой пылью!»

Сверхъестественное спокойствие овладело

Гарродом, когда он представил себе весь механизм. Разрешающая способность кристаллической структуры ретардита столь велика, что приемлемое изображение можно получить от частицы диаметром всего несколько микрон. При этом каждая крупица стекла остается невидимой для невооруженного глаза. Сотни тонн ретардитовой пыли с различными периодами задержки сброшены на Америку с самолетов-опылителей. Обычно форсунки в таких самолетах сообщают распыляемым частицам электрический потенциал, тогда эти частицы не падают на землю, а притягиваются растениями. Но в данном случае микроскопические глаза из медленного стекла разбрасываются с такой высоты, что они оседают на деревьях, домах, телеграфных столбах, склонах гор, цветах, птицах, насекомых — везде и всюду. Они попадают на шляпу и платье, в тарелку, в стакан...

«Отныне,— раздался неслышный крик в голове Гаррода,— любой человек, любая организация, имея необходимые приборы, сможет узнать *ВСЕ* обо *ВСЕХ*! Планета превратится в один гигантский немигающий глаз, видящий все, что движется по ее поверхности. Мы все заключены под стеклянный колпак и задыхаемся, как жуки в пробирке энтомолога».

Секунда уходила за секундой, он не сознавал ничего, кроме громких ударов крови в висках. «И все это сделал... Я!»

Поднявшись, Гаррод принял на плечи немыслимый вес всей планеты. И обнаружил с бесконечной благодарностью, что может его нести.

— Эстер,— сказал он спокойно,— ты задала

мне важный вопрос.

— Да? — Ее голос звучал настороженно, как будто она уже почувствовала, что он переменился.

— Мой ответ — нет. Я не люблю тебя, Эстер, и знаю теперь, что никогда не любил.

— Не говори глупостей, — сказала она с испуганной резкостью.

— Мне жаль, Эстер. Ты спросила, и я ответил. А теперь мне нужно найти Джейн. Я пришлю сюда сестру.

Размеренным шагом Гаррод вышел из комнаты — не было нужды торопиться — и спустился в номер Джейн этажом ниже. Через открытую дверь он увидел, что она собирает вещи. Склонившаяся над чемоданом фигура излучала невольную, природную чувственность, и Гаррод ощутил медленные и мощные удары сердца.

— Ты солгала мне, — сказал он с деланной суровостью. — Сказала, что летишь последним рейсом.

Джейн повернулась к нему. На щеках прозрачные ленты слез.

— Пожалуйста, отпусти меня, Эл.

— Нет, никогда.

— Эл, значит, ты...

— Да. Я покончил с тем, чего не должен был начинать. Но предстоит покончить еще кое с чем, и мне понадобится твоя помощь.

Джейн была с ним, когда он пошел в редакцию и рассказал обо всем. Она была с ним в трудные месяцы, последовавшие за вынужденным запретом производства медленного стекла на смерть перепуганным правительством. Она была с ним и в еще более трудные годы, когда выяснилось,

что другие страны продолжали выпускать ретардит и в конце концов засорили им все моря, океаны и самый воздух — до стратосферы. В последующие десятилетия людям приходилось мириться с повсеместным присутствием ретардитового соглядатая, и они научились жить не таясь и не стыдясь, как жили в далеком прошлом, когда знали доподлинно, что от очей бога укрыться негде.

Джейн была с ним все это время. И он любил ее, о чем узнал сам по тому, хотя бы, признаку, что никак не мог заметить следов старости на прекрасном ее лице. Ему она казалась лишенной возраста, неизменной, как милый образ, вечно хранимый пластиной медленного стекла.

РАССКАЗЫ

Повторный показ

Совсем не по себе мне стало, когда я своими глазами увидел Милтона Прингла.

Вы его помните? В старых фильмах он всегда играл задерганных раздраженных клерков в каком-нибудь отеле. Такой маленький вертлявый человечек с круглым обидчивым лицом, который все терпит, терпит, а потом... Он еще всегда напоминал мне Эдгара Кеннеди. Так вот, с Милтоном Принглом получился перебор...

Может быть, я ошибаюсь относительно того, когда все это началось. Будь я одним из тех, кто любит глубокие размышления о причинах и следствиях, как, например, мой киномеханик Портер Хастингс, я бы, возможно, сказал, что все началось еще в моем детстве. С семи лет я стал фанатичным поклонником кино и еще до окончания школы решил, что единственное дело, которым вообще стоит заниматься в жизни — это собственный кинотеатр. Через двадцать лет моя мечта осуществилась, и, хотя я не предвидел последствий таких явлений, как цветное телеви-

Пер. изд.: Shaw Bob. *Repeat Performance*: в сб. B. Shaw. *Tomorrow Lies in Ambush*.— Лнд.: Pan Books, 1975.

дение, до сих пор не могу себе представить лучшей жизни. У меня маленький кинозал на окраине города — отштукатуренный куб, который когда-то был белым, а теперь стал неопределенного желтого цвета с полосами шафранового там, где проходились водосточные желоба. Но я слежу, чтобы внутри всегда было чисто, и мой выбор репертуара неизменно привлекает достаточное число зрителей. По телевидению показывают много старых фильмов, но там их слишком урезают, а, кроме того, каждый любитель знает, что единственный способ в полной мере ощутить дух старого кино — это ностальгическая атмосфера зала.

Короче, неприятности начали подкрадываться ко мне еще с месяц назад, причем весьма странным образом.

Я стоял неподалеку от кассы, наблюдая, как пришедшие в будний день зрители расходятся после сеанса в непогожую тьму. Большинство из них я знал лично и кивком прощался почти с каждым вторым. Вдруг я заметил, как мимо меня прошмыгнул К. Дж. Гарви, поднял воротник пальто и исчез за дверью. Вам это имя, возможно, ничего не говорит — К. Дж. Гарви был исполнителем эпизодических ролей более чем в сотне ничем непримечательных фильмов, где он всегда играл добродушных, умудренных опытом хозяев ломбардов. Сомневаюсь, что он когда-либо произносил перед камерой больше трех фраз, но всякий раз, когда по сценарию требовался добродушный, умудренный опытом хозяин ломбарда, Гарви автоматически получал эту роль.

То, что он до сих пор жив, удивило меня, но

еще больше удивило, что он ходит смотреть кино в маленьком кинотеатре захудалого городка на Среднем Западе. Однако что меня по-настоящему сразило, так это невероятность совпадения: в тот вечер у нас шла «Упавшая радуга», и Гарви играл там свою обычную роль.

Преисполненный сентиментального желания порадовать старика тем, что его карьера в кино не прошла полностью незамеченной, я выбежал на улицу, но он уже исчез в ветреной, пронизанной дождем темноте. Я вернулся назад и столкнулся с Портером Хастингсом, только-только спустившимся из аппаратной. Выглядел он обеспокоенным.

— Джим, сегодня у нас опять было затмение, — сказал он. — Это уже третью среду подряд.

— Но, наверно, кратковременное? Жалоб сегодня не было... — В тот момент мне совсем не хотелось разбираться в технических подробностях. — Знаешь, кто отсюда вышел минуту назад? К. Дж. Гарви!

На Хастингса мои слова не произвели никакого впечатления.

— Похоже, прерывается электроснабжение. Где-то происходит сильное падение напряжения. Настолько сильное, что на несколько секунд мои проекторы остаются без тока.

— Ты понял, что я говорю, Порт? К. Дж. Гарви исполнял эпизодическую роль в «Упавшей радуге», и сегодня он сам был в зале!

— В самом деле?

— Да. Ты только подумай, какое совпадение!

— Ничего особенного. Может, он просто проезжал через наш город, увидел, что мы показываем одну из его картин, и зашел посмотреть. Обыч-

ная причинно-следственная цепочка. Что меня действительно интересует, так это отчего каждую среду вечером настолько перегружается электросеть? Что у нас происходит? Наши постоянные посетители скоро обратят внимание на эти затемнения и еще подумают, что я не справляюсь с работой.

Я принял его успокаивать, но как раз в этот момент мистер и миссис Коллинз, шаркая ногами, вышли в фойе. Супруги страдают ревматизмом и поэтому обычно уходят из зала последними буквально перед тем, как мы закрываем двери. Иногда, когда их прихватывает особенно сильно, они жалуются на сквозняки, или на курящих, или на то, что кто-то слишком громко жует кукурузные хлопья, но я не возражаю. Мое дело держится на людях, чувствующих себя в кинотеатре так же удобно и свободно, как дома, и постоянные посетители вправе высказывать свои мнения.

— До свидания, Джим,— сказала миссис Коллинз. Она замешкалась, что-то обдумывая, потом подошла чуть ближе ко мне.— У вас начали продавать морские водоросли?

— Водоросли? — Я удивленно моргнул.— Миссис Коллинз, уже много лет я даже не видел водорослей. Их что, действительно кто-то покупает?

— Съедобные виды. И если в вашем буфете будет продаваться эта пахучая гадость, мы с Гарри перестанем у вас бывать. Мы можем ходить в «Тиволи» на Четвертой улице. Кстати, те, которые едят, называются «красные водоросли».

— Не беспокойтесь,— произнес я с серьезным видом.— Пока я здесь хозяин, ни одна

красная водоросль сюда не проникнет.

Я придержал дверь и, когда они вышли, обернулся к Хастингсу, но тот уже скрылся в своей каморке. К этому времени в кинотеатре не осталось никого, кроме обслуживающего персонала, и я решил заглянуть в зал — проверить все напоследок. В зале всегда остается какой-то печальный, застарелый запах, когда люди расходятся по домам, но в этот раз к нему добавилось что-то еще. Я втянул в себя воздух и покачал головой. «Какому нормальному человеку, — подумал я, — придет в голову приносить с собой в кино водоросли?»

Это была первая среда, вечер которой мне запомнился — «вечер К. Дж. Гарви», — но только в следующую среду у меня возникло беспокойное чувство, что в моем кинотеатре происходит что-то странное.

В тот вечер тоже шел дождь, и смотреть «Любовь на острове» и «Враждующих Фитцджеральдов» собралось довольно много народа. Я стоял на своем излюбленном месте, в нише у задней стены, откуда было видно и экран, и весь зал, и тут произошло одно из тех затмнений, которые так раздражали Хастингса. Случилось это почти в конце фильма, когда на экране был еще один из моих любимых исполнителей эпизодических ролей, Стэнли Т. Мейсон. Мейсон не вышел в «звезды эпизодических ролей» — так я называю горстку малоизвестных актеров, чьи имена то и дело всплывают в разговорах людей, которые полагают, будто разбираются в старом кинематографе, когда они принимаются чесать языком на эту тему. Но он все же запомнился несколькими блестящими выходами во второраз-

рядных фильмах — обычно это бывали роли англичан-эмигрантов, нашедших пристанище в Штатах. И как раз когда он со своим великолепным английским акцентом доказывал на экране одному из «враждующих Фитцджеральдов» важность благородного происхождения, изображение погасло на добрых три секунды. Кое-кто из публики начал проявлять признаки нетерпения, но тут экран мигнул и сразу же засветился с прежней яркостью. Я с облегчением вздохнул. Длительные затемнения плохо сказываются на бизнесе — причем не столько из-за потери доверия публики, сколько из-за дополнительных бесплатных билетов, которые приходится раздавать.

И тут я почувствовал тот самый запах. Пахло водорослями. С минуту я принюхивался, потом двинулся по проходу, надеясь с помощью фонарика «поймать с поличным» какого-нибудь помешанного вегетарианца. Но все оказалось в порядке, и я вышел в фойе, чтобы обдумать прошедшее. Запах, казалось, остался у меня в носу, запах... Внезапно я понял, что пахнет не водорослями, а самим морем. В этот момент фильм кончился, и из зала выплеснулась толпа зрителей. Передние, щурясь, подозрительно оглядывали мир вокруг, словно за время их отсутствия в другом измерении что-то могло здесь измениться. Я отошел в сторону, время от времени прощаясь то с одним, то с другим постоянным посетителем. И тут по лестнице из аппаратной с грохотом спустился Портэр Хастингс.

— Опять затемнение, — мрачно сказал он.

— Знаю, — кивнул я, не отрывая взгляда от проходящих мимо зрителей, оглядывая людей,

знакомых мне уже многие годы: мистер и миссис Карберри, старик Сэм Кирс, который стал моим зрителем настолько постоянным, что пришел даже в день похорон жены, близорукий Джек Дюбуа, всегда покупающий билет на первый ряд, Стэнли Т. Мейсон...

— Что ты собираешься делать по этому поводу? — потребовал Хастингс.

— Не знаю, Порт. Это скорее по твоей... — Тут я смолк.

Стэнли Т. Мейсон! Только что у меня на глазах актер, игравший во «Враждующих Фитцджеральдах», вышел из кинозала, где демонстрировался фильм с его участием!

— Утром все обсудим, — сказал я, отворачиваясь. — Мне надо кое с кем поговорить.

— Постой, Джим. — Хастингс схватил меня за руку. — Дело серьезное. Существует опасность пожара, потому что

— Позже. — Я вырвался и пробился через толпу к дверям, но опоздал. Мейсон уже скрылся в прохладной темноте улицы. Я вернулся в фойе и подошел к Хастингсу, все еще ждавшему меня на прежнем месте с обиженным лицом.

— Извини, — сказал я, пытаясь разобраться в собственных мыслях, — но у нас происходит что-то непонятное, Порт.

Я напомнил ему, что в прошлую среду видел К. Дж. Гарви, и, когда рассказывал ему о Стэнли Т. Мейсоне, меня осенила новая мысль.

— Вот еще что! Он был в той же одежде, что и в кино — твидовое пальто в «елочку». Сейчас такие не часто увидишь.

На Хастингса мои слова, как всегда, не произвели впечатления.

— Какой-нибудь трюк телевизионщиков. Скрытая камера. Актеры прошлых лет, забытые публикой, которую они когда-то развлекали... Гораздо больше меня беспокоит запах озона в зале.

— Озона?

— Да, это аллотропный кислород. Он обычно появляется после сильного электрического разряда. Потому-то...

— Это то самое, чем пахнет на берегу моря?

— Говорят, да. Меня беспокоит возможность короткого замыкания, Джим. Куда-то все это количество электроэнергии должно деваться.

— Ладно, как-нибудь разберемся,— успокоил я его, задумавшись о своем. Мой мозг понемногу «набирал обороты» и только что подбросил мне еще одну совершенно свежую мысль, от которой внутри у меня все сжалось. Гораздо легче заметить людей, когда они входят в кинотеатр, потому что они идут по одному или по двое. Когда зрители собирались, я был в фойе и в ту среду вечером, и сегодня, но готов поклясться, что ни Гарви, ни Мейсон в зал не входили.

Зато я видел, как они выходили!

В тот вечер по дороге домой я заглянул в бар Эда, чтобы принять пару бокалов успокоительного, и первым, кого я там встретил, оказался Билл Симпсон, репортер из «Спрингтаун стар». Я его довольно хорошо знаю, потому что, когда ему случается делать для газеты обзоры новых кинофильмов, он часто забегает ко мне за рекламными материалами. Насколько я знаю, он никогда не смотрит картины, о которых пишет, если только это не фантастика или фильмы ужасов.

— Сегодня я тебя угощаю, Джим,— крикнул он со своего места у стойки.— Чем ты так озабочен?

Я позволил ему купить мне рюмку бурбона, потом сам заказал для нас обоих, а между тем рассказал ему, что меня беспокоило.

— Портер Хастингс полагает, что кто-то работает над телевизионной программой о забытых актерах. Твое мнение?

Симпсон задумчиво покачал головой.

— Мне-то совершенно ясно, что происходит, но, боюсь, правда гораздо более зловеща, чем история со скрытой камерой.

— И в чем же дело?

— Это все звенья одной цепи, Джим. Помнишь тот большой метеорит, что упал около Лисбурга в прошлом месяце? По крайней мере говорят, что это был метеорит, хотя никто не нашел никакого кратера.

— Помню,— ответил я, заподозрив, что Симпсон меня разыгрывает.

— Так вот, через пару дней на страницах «Стар» появилась очень странная история, и, полагаю, я единственный человек на свете, кто понимает ее истинное значение. На следующее утро после того, как этот якобы метеорит упал, фермер, живущий где-то в том же районе, зашел в хлев, чтобы взглянуть на своего призового борова, и что, ты думаешь, он там обнаружил?

— Сдаюсь.

— Двух призовых боровов. Совершенно одинаковых. Его жена клянется, что тоже видела второго, но к тому времени, когда один из наших парней добрался до фермы, второй боров исчез. Я как раз раздумывал, что могло случиться с этим

таинственным существом, и тут приходишь ты и заполняешь все пробелы в его жизненной истории.

— Я?

— Ты еще не понял, Джим? — Симпсон осушил рюмку и махнул бармену рукой. — Этот так называемый метеорит был космическим кораблем. Из него выбралось какое-то существо, пришелец, но выглядел он настолько страшно, что, если бы этого монстра кто увидел, его бы тут же пристрелили. Однако наш пришелец обладает одной очень ценной защитной способностью: он может принимать форму любого другого существа, которое увидит. Приземлившись на ферме, он для начала превратился в то существо, которое обнаружил в хлеву, — в свинью. Потом убежал оттуда и прибыл в город, где, чтобы его не заметили, принял человеческий облик. Ему нужно тщательно изучать объект, превращаясь в него, а это не всегда просто. И пришелец открыл для себя, что в кино он может почерпнуть массу сведений, а в качестве моделей использовать актеров; кроме того, в зале темно и спокойно. Поэтому каждую неделю твое заведение посещает пришелец, Джим. Может, чтобы освежить память об облике человека, а может, чтобы выбрать новый внешний вид, дабы его было трудно выследить... По правде говоря, я даже испытываю к нему жалость.

— Большой ерунды, — сказал я с каменным лицом, — я не слышал за всю свою жизнь.

На круглом лице Симпсона мелькнула обиженная улыбка.

— Разумеется. А что ты хочешь за одну рюмку дешевого виски? «Войну миров»? Закажи что-

нибудь приличное, и тогда можно будет заняться твоей проблемой всерьез.

Часом позже, когда Эд выгнал нас из своего заведения, мы остановились на двух версиях: либо один из моих постоянных посетителей репетирует пародийное представление для какого-нибудь ночного клуба, либо я страдаю очень редкой формой белой горячки.

Если не считать похмелья на следующее утро, то можно сказать, что заумная беседа с Биллом Симпсоном принесла мне немалую пользу. Поняв, насколько иррациональны были мои бесформенные страхи, оставшиеся дни недели я потрудился на славу, замечательно половил рыбу в воскресенье и в отличном настроении вышел на работу в понедельник.

Но в среду вечером я увидел, как из кинотеатра выходит Милтон Прингл, и это было уже слишком.

Потому что случайно я знал, что «выдающийся» Милтон Прингл умер десять лет назад.

Снедаемый беспокойством я чуть не свел себя в могилу, заливая тревоги спиртным. Почти бутылка виски в день — это много, и к среде я был в ужасном состоянии. Это состояние лишь отчасти объяснялось чрезмерным потреблением спиртного, главным же образом я мучился от того, что (помоги мне, господи!) начал принимать на веру ту, первую теорию Симпсона — о чудовище, которое меняет форму.

От Портера Хастингса помочи ждать не приходилось. Он был настолько лишен воображения, что я даже не мог ему довериться. И что еще хуже, он по собственной инициативе позвонил

в электротехнику. В результате в кинотеатре появились инспектора, которые шныряли по всем углам, проверяли проводку и мрачно бормотали, что мое заведение следует закрыть на недельку и заставить меня полностью сменить провода. Правда, Хастингс подтвердил, что во время затемнения в прошлую среду на экране действительно было изображение Милтона Прингла. Таким образом я убедился, что чудовище Симпсона существует и для превращения ему нужна энергия, которую оно каким-то образом высасывает из электропроводки моего кинотеатра. Кроме того, его подтверждение натолкнуло меня на мысль устроить ловушку этому чудовищу, приносящему мне столько неприятностей.

В среду утром я отправился повидать Гая Финка из конторы кинопроката на Первой авеню. Достаточно хорошо зная мой вкус, он был несколько удивлен, когда я попросил организовать мне копию какого-нибудь костюмного фильма. После тщательного изучения графиков проката он наконец выудил копию "Quo vadis"*. Я горячо поблагодарил его, делая вид, что не заметил, как он сморщился, когда я случайно на него дыхнул, и заторопился обратно, прижимая к груди коробки с лентой.

В кинотеатр я пришел раньше обычного и сразу же проскользнул наверх, в аппаратную Хастингса. Он не любит, когда я вмешиваюсь в его работу, но тогда мне было не до его чувств. Я зарядил первую катушку "Quo vadis" в дежурный

* Куда идешь (лат.). Исторический фильм по роману Г. Сенкевича.— Прим. перев.

проектор и стал гонять ленту, пока не нашел Роберта Тэйлора крупным планом в одежде римского центуриона. Довольный своей работой, я прошел к себе в кабинет, принял еще немного успокоительного и позвонил в полицейский участок Спрингтауна. Всего через несколько секунд меня соединили с сержантом Уайтменом, с которым я в довольно хороших отношениях, потому что даю ему бесплатные билеты на все детские утренники.

— Привет, Джим,— обрадованно прогудел он в трубку, несомненно полагая, что я намерен предложить ему билеты.

— Барт,— начал я,— у меня тут неприятности...

— О! — в голосе полицейского тут же появилось настороженное внимание.— Какого рода неприятности?

— Так, пустяки. Видишь ли, почти каждую среду на последний сеанс приходит какой-то псих. В общем-то он не делает ничего плохого: всего лишь переодевается в разные забавные наряды во время сеанса. Но все же это меня немногого беспокоит: никогда не знаешь, что такой тип выкинет.

— Видно, тебе просто не надо пускать его в зал?

— В том-то все и дело, что я не знаю, как он выглядит. Он вполне нормален, когда приходит, а когда выходит, может быть одет по-другому. Он может выглядеть...— Я с трудом сглотнул.— Даже как римский центурион.

На другом конце провода наступило молчание.

— Джим,— наконец сказал Уайтмен,— ты сегодня не пил?

Я рассмеялся.

— В это время дня? Ты же меня знаешь...

— Ладно. Чего ты от меня хочешь?

— Ты не мог бы отрядить патрульную машину в район кинотеатра, чтобы она дежурила, скажем, с девяти и до десяти сорока пяти, когда зрители начнут расходиться?

— Пожалуй, мог бы,— с сомнением в голосе ответил он.— Но если этот тип появится, как я его узнаю?

— Я же говорю: он будет одет во что-нибудь забавное. Мне даже кажется, что он...— Тут я снова хохотнул: —...что он немного похож на Роберта Тэйлора.

Когда я положил трубку, оказалось, что пот льет с меня градом, и, чтобы успокоиться, мне пришлось принять еще две рюмки.

Портер Хастингс поглядел на меня с удивлением, когда я проследовал за ним в аппаратную.

— Не дыши на меня,— сказал он.— Мне для работы нужна свежая голова.

— Я только чуть-чуть... Что, заметно?

— Хотел бы я знать, что тебя гложет все эти дни.— Тон его не оставлял никаких сомнений в том, что он мной недоволен.— Что тебе здесь нужно, Джим?

— Э-э-э... Я насчет этих затемнений по средам...

Брови его слегка поднялись от удивления.

— И что насчет затемнений? Я предупреждал тебя, что будут жалобы.

— Пока никаких жалоб не было, и впредь тоже не будет. Я обнаружил причину падения напряжения.

Он собрался было повесить пиджак на вешалку, но остановился.

— И что же?

— Мне немного неловко, Порт... Я не могу тебе сейчас объяснить, но я знаю, что надо сделать, чтобы все это прекратилось.— Я жестом показал на дежурный проектор с первой частью “Quo vadis”.

— Какого черта?! — Хастингс с негодованием уставился на проектор, поняв, что за время его отсутствия кто-то вторгся на его территорию.— Что ты здесь делал, Джим?

Я попытался изобразить на лице непринужденную улыбку.

— Я же тебе сказал, что не могу сейчас объяснить, но вот что мне от тебя нужно: прогрей дежурный проектор и при первых признаках затмнения тут же переводи свет на него. Я хочу, чтобы, когда напряжение начнет падать, на экране был этот фрагмент фильма. Ясно?

— Идиотизм какой-то! — произнес он с чувством.— Что изменится от того, какой фрагмент будет на экране?

— Для тебя многое,— пообещал я ему.— Потому что, если ты не сделаешь так, как мне надо, считай себя уволенным.

В тот вечер мы показывали «Встретимся в Манхэттене» — фильм с необычайно большим количеством эпизодических ролей, из которых чудовище Симпсона могло бы свободно выбрать себе образ. Во время демонстрации киножурнала я стоял в своей нише в конце зала и пытался убедить себя, что никаких дурных последствий мой план иметь не может. Если инопланетянин —

только плод моего воспаленного воображения, то ничего страшного не случится. Если же он существует на самом деле, то, раскрыв его, я, возможно, окажу человечеству немалую услугу. Обосновав все таким образом, я, казалось бы, не должен был ни о чем беспокоиться, однако сегодня в дружелюбной темноте знакомого зала мне мерещились подкрадывающиеся со всех сторон ужасы, и к началу самого фильма я настолько перенервничал, что не мог больше оставаться на месте.

Я вышел в фойе и некоторое время наблюдал за опоздавшими к началу сеанса зрителями. Кассирша Джин Мэджи уставилась на меня из-за своего застекленного окошка, и я решил выйти на улицу проверить, на месте ли патрульная группа, обещанная Бартом Уайтменом. Около кинотеатра никого не было. Я уже собрался звонить ему, но тут разглядел почти в самом конце квартала машину, которая могла быть и патрульной. Как обычно по средам, накрапывал небольшой дождь, так что я поднял воротник и пошел вдоль улицы, то и дело оглядываясь на здание кинотеатра. Нелепая конструкция желтого куба больше чем когда-либо казалась мне неуместной на тихой улочке, а неоновая вывеска раздражающе жужжала в шуме дождя, словно бомба с часовым механизмом.

Я почти дошел до машины, когда отражения на мокрой мостовой и в витринах магазинов внезапно исчезли. Резко обернувшись, я увидел, что светящаяся вывеска над кинотеатром тоже погасла. Здание оставалось в темноте добрых десять секунд — дольше, чем в предыдущие среды, затем огни вспыхнули с новой силой.

Напуганный происходящим, я бросился к машине и увидел опознавательные знаки полиции. Одно из окон открылось, и оттуда высунулась голова патрульного.

— Сюда,— закричал я.— Скорее!

— Что случилось? — твердым голосом спросил полицейский.

— Я... Я объясню потом.— Тут я услышал быстрые шаги и, обернувшись, увидел, как ко мне во весь опор несется Портер Хастингс. Он выскочил на улицу, даже не надев пиджак. У меня появилось нехорошее предчувствие.

— Джим,— задыхаясь, произнес он.— Тебе нужно скорее туда. Там черт знает что творится...

— Что ты имеешь в виду? — Вопрос прозвучал чисто риторически, потому что внезапно я понял, что случилось.— Ты пустил тот кусок фильма, как я тебе говорил?

— Конечно.— Даже в такой ситуации Портер сумел всем своим видом передать возмущение по поводу того, что кто-то усомнился в его профессионализме.

— Те самые кадры, что были заряжены?

На его лице появилось виноватое выражение.

— Ты ничего про это не говорил. Я прокрутил чуть вперед, чтобы посмотреть, что это такое.

— А ты отмотал пленку обратно к нужным мне кадрам?

Времени да и необходимости отвечать на вопрос не было, потому что в этот момент в конце улицы началось что-то невероятное. Полицейские в машине, Портер Хастингс и я увидели сцену, какой на Земле не видел никто уже более полутора тысяч лет: из тесного помещения кинотеатра на улицу вырывался римский легион в полном

боевом облачении. Блестя шлемами, щитами и короткими мечами, они быстро построились под вывеской кинотеатра в плотное каре, готовые отразить нападение любого, кто к ним приблизится. А над их головами (тогда я, видимо, был не в состоянии оценить иронию) горела моя неоновая вывеска: **КОЛИЗЕЙ**.

— Этому должно быть какое-то объяснение,— произнес один из полицейских, протягивая руку к радиотелефону для связи с участком,— и для вашего же блага оно должно быть убедительным.

Я мрачно кивнул. У меня было для них вполне убедительное объяснение, вместе с тем возникшее у меня тяжелое чувство подсказывало, что моим скромным ретроспективным показам по средам пришел конец.

Порочный круг

— Думаю, что могу вам помочь,— произнес слабый голос.— Я хочу покончить с собой.

Лоример удивленно поднял глаза. Даже в полу-мраке бара было видно, что подошедший к столику усталый мужчина болен. Его узкие плечи уныло сутулились под старым плащом, придавая фигуре женственный вид, в глазах на бледном удлиненном лице тлело отчаяние.

Пер. изд.: Shaw Bob. *Waltz of the Bodysnatchers*: в сб. B. Shaw. *Cosmic Kaleidoscope*.— Lnd.: Pan Books, 1978.

© 1974 by UPD Publishing Corporation for Galaxy Science Fiction.

— Я хочу покончить с собой,— повторил незнакомец.

— Не кричите.— Лоример оглядел бар и с облегчением убедился, что их никто не слышал.— Садитесь.

Незнакомец опустился в кресло и, понурив голову, застыл.

Глядя на него, Лоример почувствовал разгорающееся возбуждение.

— Хотите выпить?

— Если угостите, не откажусь.

— Возьму вам пива.— Лоример нажал нужную кнопку, и через несколько секунд из раздачного отверстия появилась кружка темного пива. Незнакомец равнодушно принял кружку и пригубил.

— Как вас зовут? — спросил Лоример.

— Это имеет значение?

— Лично мне плевать, но надо же как-то к вам обращаться. Кроме того, я должен знать о вас все.

— Раймонд Сэттл.

— Кто вас прислал, Раймонд?

— Не знаю его имени... Официант из «Фиделио», рыжеволосый.

Лоример задумчиво смотрел на собеседника, недоумевая, что может довести человека до такого состояния. Судя по манере речи, Сэттл относился к кругу образованных людей, но, с удовольствием отметил Лоример, именно таких обычно легко ломают жизненные невзгоды.

— Скажите, Раймонд,— начал он,— у вас есть родственники?

— Родственники? — Сэттл угрюмо смотрел в кружку.— Всего один. Девочка, ребенок.

— Вы хотите, чтобы деньги достались ей?

— Моя жена умерла в прошлом году, малышка в приюте.— Губы Сэттла растянулись в подобии кривой улыбки.— Очевидно, меня сочли неспособным обеспечить ее воспитание. Будь у меня деньги, в епископате, вероятно, закрыли бы глаза на недостатки моего характера, но, увы, я не могу заработать денег. По крайней мере, обычным способом.

— Понятно. Уж так нам повезло — родиться на Орегонии.

— Я не знаю, что такое везение.

— Жизнь гораздо проще на таких планетах, как Авалон, Моргания, даже на Земле.

— Смерть тоже проще.

— Н-да...— Лоример решил вернуть разговор в деловое русло.— Мне нужны подробности. Я плачу двадцать тысяч и хочу убедиться, что мои деньги не пропадут впустую.

— Не извиняйтесь, мистер Лоример. Я готов.

Сэттл говорил с безразличием человека, у которого нет будущего.

Лоример заказал для себя коктейль, стараясь не заразиться отчаянием собеседника. Главное — и на этом надо сосредоточить внимание,— что своей смертью Сэттл откроет новую жизнь для двух людей.

Солнце почти слилось с горизонтом. Лоример летел из города над пламенеющими лесами. У изрезанного бухтами берега он посадил машину на верхушку холма в саду рядом с домом Уиллена.

Фэй Уиллен сидела на скамейке, натягивая холст на деревянную раму. Простое белое платье

подчеркивало глянцевую черноту ее волос. Лоример замер, впитывая красоту и великолепие того, что уже принадлежало ему фактически и скоро должно было стать его собственностью формально. Он кашлянул, и Фэй встрепенулась.

— Майк! — вскрикнула она, поднявшись на ноги.— Ты так рано... И даже не проверил, здесь ли Джерард.

— Это не имеет значения.

Она нахмурилась.

— Но он может заподозрить...

— Фэй, говорю тебе, это не имеет значения.— В голосе Лоримера звучало нескрываемое торжество.— Я нашел!

— Что нашел?

— То, что, по твоему мнению, не найти и за тысячу лет — человека, который жаждет покончить с собой.

— Ох! — Маленький молоток выпал из ее руки.— Майк, я никогда не думала...

— Все в порядке, милая.— Лоример обнял Фэй и с удивлением обнаружил, что она дрожит. Он крепко прижал ее к себе. В прошлом ему стоило лишь показать свою мужскую силу, чтобы выйти победителем из любого спора.— Я обо всем позабочусь.

— Но я... я не хочу быть замешанной в убийстве.

Лоример подавил вспыхнувшее раздражение.

— Послушай, любимая, мы уже не раз это обсуждали. Мы не убиваем Джерарда — просто освобождаемся от него.

— Нет, мне не нравится...

— Просто освобождаемся,— настойчиво повторил Лоример.— Не наша вина, что на этой

планете церковь и закон слились воедино. В любом другом месте ты развелась бы в два счета.

Фэй высвободилась из его объятий и села.

— Я знаю, что Джерард стар. Знаю, что он холоден... Но какие бы слова ты ни произносил, это все равно убийство.

— Ему даже не будет больно — я достал газовый пистолет.— Разговор с Фэй складывался не лучшим образом.— Ну сколько времени он будет мертв? Каких-нибудь пару дней. Джерарду покажется, что он закрыл глаза и очнулся в другом теле.— Лоример изо всех сил пытался найти веский довод.— В молодом теле, между прочим. Мы, собственно, оказываем ему благодеяние.

Фэй медленно покачала головой.

— Нет. Если я соглашалась раньше, то только потому, что по-настоящему никогда в это не верила.

— Ты ставишь меня в трудное положение,— сказал Лоример.— Мне придется прибегнуть к силе. Ради твоего же блага.

Фэй нервно рассмеялась.

— Собираешься шантажировать?

— Называй это так, Фэй. Епископат косо смотрит на супружескую измену, но я мужчина и к тому же холост. А вот ты... ты женщина, изменившая верному мужу...

— Джерард вынужден быть верным. Он ни на что не годен!

— Нет, милочка, это не оправдание. Никакие деньги и адвокаты не спасут тебя...

Лоример с облегчением заметил смятение Фэй. Да, она богата и красива, но когда дело

доходило до конфликтов, пассивность ее характера неизменно обеспечивала ему победу. Он выждал несколько секунд, чтобы угроза оказала должное воздействие, потом сел на скамейку рядом с Фэй.

— Что за глупый разговор! Вместо того, чтобы обсуждать будущее. Ты ведь на самом деле не передумала?

Фэй подняла на него грустные глаза.

— Нет, Майк. Не передумала.

Лоример порывисто сжал ее руку.

— Я все уточнил. Тот тип, которого я нашел, — неудачливый художник. Кстати, ты можешь сейчас дать мне деньги для него?

— Двадцать тысяч? По-моему, в сейфе внизу даже больше. Я принесу. — Фэй встала, потом повернулась к нему. — Как его зовут?

— Раймонд Сэттл. Слышала?

Она покачала головой.

— Что он рисует?

— Не знаю... Какая разница? Нам важно лишь, что он решил покончить с собой.

Возвращаясь в город, Лоример заново обдумал свой план. Джерард Уиллен был энергичным преуспевающим дельцом, и никто не мог сказать, что он женился на Фэй ради денег. Он увидел ее, влюбился и стал добиваться с отчаянным пылом, перед которым Фэй — податливая чужой воле — не смогла устоять. Но их супружеская жизнь омрачалась тем, что сразу после свадьбы, словно израсходовав весь пыл на ухаживание, Джерард стал проявлять к жене исключительно отеческие чувства. От Фэй требовалось лишь присутствие на церковных службах и офи-

циальных обедах.

Год Фэй терпела такое положение. Лоримеру, инструктору фехтования в фешенебельной гимназии, посчастливилось появиться на сцене как раз вовремя, чтобы сыграть роль выпускного клапана.

Сначала он был полностью удовлетворен физическим обладанием Фэй, потом пришло убеждение, что он заслужил и все остальное: деньги, роскошь, положение в обществе. Но на пути к блестящему будущему стоял Джерард Уиллен.

На Земле или на любой из других пятидесяти развитых планет имелся бы выбор между разводом и откровенным убийством. На Орегонии же были исключены все возможности. Господство церкви делало развод почти невозможным, тем более из-за такого пустяка. А убийство — по орегонскому закону караемое Заменой Личности — чересчур рискованно.

Спустились сумерки, когда Лоример посадил машину в условленном месте на окраине города. Мелькнула неприятная мысль, что Сэттл не пришел, но из-за черной стены деревьев выступила худая фигура. Сэттл двигался медленно, слегка покачиваясь, и с трудом забрался в машину.

— Вы пили? — резко спросил Лоример, впившись глазами в изможденное лицо.

— Пил? — Сэттл покачал головой. — Нет, мой друг, я голоден. Всего лишь голоден.

— Вам следует поесть.

— Вы так добры...

— Доброта тут ни при чем, — перебил Лоример с нескрываемым отвращением. — Если

вы умрете, весь наш план летит к чертям. Я имею в виду, если ваше тело умрет.

— Не умрет,— заверил Сэттл.— Оно цепляется за жизнь с поразительным упорством — вот в чем моя беда.

— Что ж.— Лоример поднял машину в воздух.— Летим к дому Уиллена.

— Разве сегодня?..— В голосе Сэттла впервые прозвучало оживление.

— Нет. Джерард Уиллен еще не приехал. Вам надо просто ознакомиться с местом.

— Понятно.

Сэттл съежился на сиденье и весь путь молчал.

Ночной воздух встретил их свежей прохладой. Звездный свет изморозью лежал на застывших лугах. Пройдя через задний сад к дому, где желтый свет окон позволял хоть что-то разглядеть, Лоример достал из кармана газовый пистолет и протянул Сэттлу. Тот неохотно сжал оружие в тонкой руке.

— Вы же говорили, что не сегодня,— прошептал он.

— Сыжнитесь с ним — вам нельзя промахнуться.— Лоример подтолкнул своего спутника вперед.— План таков: вы собираетесь проникнуть в дом для кражи. Заходите через дверь террасы, которую никогда не запирают, и начинайте искать ценности.

Лоример повернул ручку и распахнул дверь. Они вошли в большую темную комнату, полыхнувшую теплым воздухом.

— Вам не известно, что рядом находится кабинет Джерарда Уиллена, где он работает до поздней ночи, вместо того чтобы спать с женой. Вы что-то опрокидываете. Например, вот это.—

Лоример показал на высокую вазу.— Уиллен слышит шум и выходит. Вас охватывает паника, и вы стреляете. Выстрелите несколько раз — надо убедиться, что он мертв.

— Я никогда не убивал,— тихо произнес Сэттл.

Лоример тяжело вздохнул.

— Вы убиваете не его. Вы убиваете себя. Помните. Итак, Уиллен падает, вы, объятый ужасом, застываете над ним — пока не появляется Фэй Уиллен. Даете ей хорошенько разглядеть себя, потом бросаете пистолет и убегаете прежним путем. Через час вас ловит полиция, Фэй подтверждает, что убийца — вы. Следует ваше признание — и все!

— Я не представлял, что это будет так сложно.

— Это просто, говорю вам! — Безнадежная монотонность в голосе Сэттла разъярила Лоримера.— Ничего не может быть проще!

— Не знаю...

Лоример схватил Сэттла за плечо и поразился его хрупкости.

— Послушайте, Раймонд, вы хотите, чтобы ваша крошка получила деньги? Их надо заработать.

— Что со мной случится... потом? Будет больно?

— Это совершенно безболезненно.— Лоример постарался, чтобы в его голосе звучало теплое участие.— Состоится очень короткий суд, вероятно, в тот же день, и вас признают виновным. А потом наденут на вашу голову специальный шлем, и такой же на голову Уиллена, щелкнут выключателем — и все позади. Переходный процесс занимает ничтожную долю

секунды, вы просто не успеете почувствовать боль. О лучшей смерти и мечтать нельзя.

Лоример говорил уверенно, но в глубине души его терзали сомнения. Успехи нейроэлектроники позволили наказывать убийц — и некоторым образом спасать жертвы — пересадкой мозга убитого в тело убийцы. Однако же, если это так гуманно, как кричит пропаганда, почему системой не пользуются повсеместно? Почему Замена Личности запрещена на большинстве развитых миров?

Лоример решил не отвлекаться на бессмысленные рассуждения. Главное, что Замена Личности — одно из редких оснований, по которым лоно церкви дает развод. Жерар Уиллен будет жить в теле Сэттла, но, так как священную клятву произносил обладатель другого тела, его брак будет автоматически расторгнут.

Лоример дважды повторил свой план, всякий раз уклоняясь, когда Сэттл по неопытности направлял пистолет в его сторону.

— Следите, куда вы целитесь! — раздраженно сказал он.— Постарайтесь запомнить, что это оружие.

— Но вы не умрете,— заметил Сэттл.— Вас пересадят в мое тело.

— Предпочитаю остаться мертвым.— Лоример внимательно посмотрел на Сэттла, пытаясь разглядеть его лицо во мраке комнаты. Уж не издевается ли он? — Лучше верните мне пистолет, пока ничего не случилось.

Сэттл послушно протянул оружие, и Лоример как раз опускал его в карман, когда дверь в комнату внезапно распахнулась. Лоример вздрогнул, инстинктивно направил пистолет на фи-

гуро в освещенном проеме, и лишь тут осознал, что это Фэй. На лбу мгновенно выступили бисеринки пота, когда он понял, что едва не нажал на курок.

— Майк, это ты? — Фэй щелкнула выключателем и зажмурилась, ослепленная вспыхнувшим светом.

— Дура! — прорычал Лоример. — Я же велел тебе оставаться наверху!

— Мне нужно с тобой поговорить.

— Я тебя едва не прикончил! Ты... — При мысли о том, что могло произойти, Лоримеру изменил голос.

— Я хотела увидеть мистера Сэттла, — упрямо сказала Фэй. — Здравствуйте.

Сэттл отвесил нелепый глубокий поклон, не сводя глаз с лица Фэй.

Лоример заметил, что на Фэй ничего нет, кроме прозрачной ночной рубашки, и почувствовал, как в нем закипает злость.

— Ступай наверх. Мы с Раймондом собирались уходить. Верно, Раймонд?

— Верно. — Сэттл улыбнулся, но его изможденное лицо стало белым как полотно. Он покачнулся и схватился за стул.

Фэй шагнула вперед.

— Вам нехорошо?

— Не стоит обращать внимания, — ответил Сэттл. — Просто несколько дней забываю поесть. Понимаю, непростительное легкомыслие с моей стороны...

— Я предлагал ему, — вставил Лоример, — но он отказался.

Фэй бросила на него раздраженный взгляд.

— Проводи мистера Сэттла на кухню. Я дам

ему молока и пару бутербродов.

Она включила ультразвуковую духовку и через минуту поставила перед Сэттлом бутылку молока и ароматное горячее мясо. Сэттл благодарно кивнул, расстегнул плащ и приступил к еде. Наблюдая, как он уминает мясо под одобрительным взглядом Фэй, Лоример почувствовал себя в чем-то обманутым.

Когда до него дошло, что он усмотрел в Сэттле соперника, Лоример глухо рассмеялся. Уж если он что-то и знал наверняка о Фэй, так это то, что после Джерарда Уиллена в ее сердце не было места для еще одного усталого и больного человека. Он подошел к Фэй и уверенно обнял ее за плечи.

Через несколько минут Сэттл оторвал глаза от пустой тарелки.

— Позвольте поблагодарить вас за... — Его голос дрогнул, и он замер, уставившись на противоположную стену. Лоример проследил за его взглядом, но ничего не увидел, кроме одной из бессмысленных картин Фэй, стоявшей на подрамнике и еще незавершенной. Фэй, очевидно, внесла ее с террасы и забыла убрать.

— Это ваша работа? — тихо спросил Сэттл.

— Да, но вряд ли она вам что-нибудь говорит.

— Мне кажется, вы рисовали сам свет. Без содержания. Без ограничивающих форм.

Лоример рассмеялся, но тут же смолк, заметив, что Фэй вздрогнула.

— Это так, — быстро проговорила она. — Вы почувствовали? Вы пытались сами?..

На лицо Сэттла легла печальная улыбка.

— У меня бы не хватило смелости...

— Но ведь...

— Ну вот что, пора кончать,— нетерпеливо перебил Лоример.— Раймонд чересчур здесь за-сиделся. Если его кто-нибудь увидит, весь наш план летит к черту.

— Кто его может увидеть? — возразила Фэй.— Едва ли в такой час...— Она говорила с непривычной для себя твердостью, но тут раздался сигнал видеофона.

— Подожди, пока мы выйдем,— почему-то шепотом произнес Лоример, чувствуя, как в такт со звонком дрожат его нервы.

— Я включу только звук.— Фэй коснулась кнопки, и на экране возник Джерард Уиллен — болезненного вида пятидесятилетний мужчина с длинным серьезным лицом, одетый в строгий деловой костюм.

— Привет, Джерард,— бросила Фэй.

— Это ты, Фэй? — Глаза Уиллена сузились.— Почему я тебя не вижу?

— Я собираюсь спать и неподходяще одета. Уиллен одобрительно кивнул.

— Твоя осторожность похвальна. Мне рассказывали о безбожниках, перехватывающих интимные вызовы.

Фэй громко вздохнула.

— Дьявол выдумывает новые козни... Что означает твой звонок, Джерард?

— У меня хорошие новости. Я закончил свои дела в Городе Святого Креста и завтра утром вылетаю. Значит, к полудню буду с тобой.

— Я так рада.— Фэй кинула на Лоримера многозначительный взгляд.— Мне тоскливо без тебя.

— С нетерпением жду возвращения,— бесподобно сказал Уиллен.— Предстоит составить

трудный отчет и, надеюсь, дома мне будет лучше работаться.

«Надейся», — злорадно подумал Лоример, ощущая прилив сил и уверенности. Он внимательно следил за разговором, презирая Уиллена и в то же время испытывая к нему благодарность за то, что он не проявил ни капли тепла, не сказал ни слова, способного поколебать Фэй. Сэттл тоже не сводил глаз с экрана, выпрямившись и подавшись вперед. Когда изображение исчезло, Лоример шагнул вперед и сжал обе руки Фэй.

— Ну вот, любимая. Все становится на свои места.

— Э-э... Боюсь, что нет, — неожиданно произнес Сэттл.

Лоример резко повернулся.

— О чём вы?

Лицо Сэттла было искажено смятением, но голос звучал твердо.

— Я многое передумал, глядя на мистера Уиллена, и понял, что не смогу сделать все это. Что бы вы ни говорили о простой Замене Личности, я никогда не заставлю себя выстрелить в человека. И вы меня не переубедите.

Выжидая в темноте возле террасы, Лоример несколько раз вынимал газовый пистолет и проверял его. Это было одно из самых совершенных орудий убийства, но он не мог противостоять искушению. Сэттл замер рядом, подобно скульптуре из черного камня. Над их головами меж звезд медленно пробиралась зеленая луна.

Около полуночи свет на втором этаже погас.

У Лоримера бешено заколотилось сердце.

— Фэй легла,— прошептал он.— Скоро пойдем.

— Я готов.

— Рад слышать.

В эти минуты Лоример испытывал огромное облегчение при мысли о том, что его зависимости от ненадежного и непредсказуемого Сэттла пришел конец. Прошлой ночью, когда Сэттл заявил о своей неспособности убить Уиллена, казалось, что все пропало. Лоример пережил несколько весьма неприятных минут, пока не выяснилось, что Сэттл по-прежнему намерен выполнить большую часть своих обязательств. Он готов принять на себя вину и отдать жизнь, если на курок нажмет кто-либо другой. Нельзя сказать, чтобы Лоример был в восторге от нового плана — ибо теперь ему придется находиться здесь вместо того, чтобы создавать себе алиби совсем в другом месте,— но иного выхода не существовало. Будь у него время, он бы мог что-нибудь придумать, однако инстинкт подсказывал ему, что не следует давать Фэй и Сэттлу возможности развивать отношения.

— Пора.— С этими словами Лоример осторожно ступил на террасу. Важно стрелять в темноте, чтобы Уиллен не мог разглядеть убийцу и потом, возвращенный к жизни в теле Сэттла, не дал показаний полиции.

Они обошли конус света, льющегося из окна кабинета Уиллена, и ступили в комнату.

— Стойте у окна,— прошептал Лоример, снял с полки большую керамическую вазу и скользился за столом, держа вазу в левой руке, а в правой сжимая пистолет. Ему пришло в голову, что

следует выждать пару минут, чтобы глаза привыкли к темноте, но нервы не выдержали. Он с силой швырнул вазу, и она с треском разбилась о противоположную стену.

Звук прогремел как выстрел. Наступил миг звенящей тишины, затем из кабинета донеслось невнятное восклицание.

Лоример поднял пистолет и до боли сжал рукоятку. В коридоре раздались шаги. Дверь распахнулась, и Лоример тут же нажал на курок — один раз, другой, третий.

Три облачка быстродействующего яда прошли сквозь одежду и кожу человека, возникшего в проеме через долю секунды после того, как вспыхнул свет. Лоример отпрянул назад.

Джерард Уиллен неподвижно стоял у входа, держа руку на выключателе, потом тело его стало медленно клониться вперед, ноги же оставались на месте, и он повалился, с чавкающим звуком ударившись лицом о пол.

— О боже,— прохрипел Лоример,— это ужасно!

Он в смятении застыл, тупо глядя на пистолет, но тут же пришел в себя. Биометр Уиллена, вшитый, как и у каждого жителя Орегонии, под кожу левого плеча, сейчас передает аварийный сигнал, зарегистрировав прекращение жизнедеятельности организма. Факт, что никаких предварительных отклонений не было, послужит основанием для расследования. Не пройдет и пяти минут, как сюда прилетят врачи и полиция. Лоример повернулся к Сэттлу, не сводяющему глаз с лежащего на полу тела, и протянул оружие. Сэттл взял его дрожащей рукой.

— Как только Фэй войдет в комнату и закри-

чит, бросайте пистолет и бегите что есть сил на Морскую. Улица хорошо освещена, и вас неминуемо кто-нибудь увидит.

— Понял.

— Все ваши беды останутся позади.

— Я знаю.

— Послушайте, Раймонд... — Что-то в голосе Сэттла, в его готовности принять смерть пробудило в Лоримере сострадание. Он смущенно тронул художника за плечо. — Поверьте, мне жаль...

— Не беспокойтесь обо мне, Майк. — Сэттл печально улыбнулся.

Лоример кивнул и побежал к машине. На лужайке его догнал высокий женский крик, и он понял, что все развивается по плану. Машина поднялась над деревьями и в нескольких километрах от побережья вышла на второстепенную трассу.

Движения почти не было. Лоример снизился, зажег опознавательные огни и на небольшой скорости полетел к городу. Постепенно тугой ком в желудке стал рассасываться. Теперь надо лишь держаться в тени, пока Сэттла не осудят и не переместят в его тело личность Джерарда Уиллена. В подобных обстоятельствах развод следует быстро, и тогда уже он выйдет вперед и получит свою награду. Точнее, награды: Фэй, три дома, деньги, положение...

Домой Лоример пришел, почти опьянев от счастья. Какое-то мгновенье он упивался наслаждением от мысли, что жив, потом смешал себе крепкий коктейль. Не успел он пригубить, как раздался звонок. Не выпуская бокала из рук, Лоример открыл дверь и увидел перед собой

двух угрюмого вида мужчин. Внутри у него словно что-то оборвалось.

— Майкл Лоример? — спросил один из них. Лоример настороженно кивнул.

— Да.

— Полиция. Вы арестованы.

— Тут какая-то ошибка, — заявил он, изо всех сил пытаясь изобразить возмущение.

Всю дорогу Лоример хранил молчание, обдумывая положение. Что-то случилось, это очевидно. Но что? Скорее всего, Сэттл в последний момент испугался и пошел на попятную.

С каждой минутой в Лоримере крепло убеждение, что он попал в точку. Сэттл с самого начала колебался и проявлял слабость, а сейчас не решился на последний шаг, ведущий к смерти, — поведение, характерное для многих самоубийц. И все же, с удовлетворением отметил Лоример, причин для беспокойства у него нет. Отпечатки пальцев на пистолете — Сэттла, и именно Сэттл тайком проник в дом. Эти обстоятельства говорят сами за себя, но главное — Фэй. Что стоит слово опустившейся личности против показаний богатой, уважаемой женщины и добродорпорядочного гражданина...

Когда его ввели в кабинет, Лоример был собран и готов доказывать свою невиновность. В кабинете находились три полицейских в мундирах с синими воротничками инспекторов.

— Надеюсь, господа, вы объясните мне, что происходит, — уверенно встретив их взгляды, начал Лоример. — Я не привык к подобному обращению.

— Майкл Томас Лоример, — произнес старший инспектор, сверившись с листком, — я об-

виняю вас в убийстве Джерарда Авона Уиллена.

— Джерарда Уиллена? Он убит? — потрясенно переспросил Лоример.— Невероятно.

— Вы можете что-нибудь ответить на обвинение?

— Кому понадобилось?..— Лоример замолчал, словно до него только что дошел смысл вопроса.— Погодите... Вы обвиняете меня? Я понятия не имею о случившемся. Да меня там и близко не было!

— У нас есть свидетель.

Лоример натянуто рассмеялся.

— Любопытно, кто он.

— Миссис Уиллен показала, что видела, как вы убили ее мужа.

Лоримеру показалось, что из-под ног у него ушел пол.

— Я не верю вам,— выдавил он.

Один из инспекторов пожал плечами и включил видеомагнитофон. На маленьком экране появилось заплаканное лицо Фэй, и Лоример с ужасом выслушал приговаривающие его слова. «Эта шлюха предала меня!» Сознание смертельной опасности стряхнуло с него оцепенение.

— Я, пожалуй, могу объяснить, почему миссис Уиллен пошла на ложь...

— Слушаю вас.— В глазах старшего инспектора блеснуло оживление.

— Видите ли, я познакомился с миссис Уиллен, когда обучал ее фехтованию. Мы частенько беседовали, и она пару раз приглашала меня зайти. Я полагал это проявлением обычной любезности, поэтому можете себе представить мои чувства, когда я понял, что она хочет всту-

пить со мной в любовную связь.

— Что же вы чувствовали, мистер Лоример?

— Отвращение, разумеется! Конечно, миссис Уиллен — привлекательная женщина, а я всего лишь человек, но супружеская измена... Получив отказ, она буквально рассвирепела. Мне бы не хотелось повторять ее слова.

— Полагаю, при данных обстоятельствах вам лучше отбросить стеснение.

— Ну,— после некоторого колебания проговорил Лоример,— она заявила, что избавится от мужа, чего бы это ни стоило. И еще она сказала, что заставит меня пожалеть о своем поведении. Я никогда не предполагал...— Лоример выдавил из себя слабую улыбку.

— Вы поведали нам интересную историю, мистер Лоример.— Старший инспектор глядел на свои ногти.— Вы знакомы с человеком по имени Раймонд Сэттл?

— Не припомню.

— Странно. Он был в доме Уиллена и тоже видел, как вы стреляли.

— Что?!.. Но зачем мне убивать?

— Из сейфа комнаты, где произошло убийство, пропали двадцать тысяч, и эту сумму нашли у вас в квартире. Сэттл утверждает, что находился в кабинете с Уилленом, когда в комнате раздался шум. Уиллен вышел посмотреть и...

— Это же смехотворно! — вскричал Лоример.— Кто в конце концов такой этот Сэттл? Надо полагать, сообщник Фэй Уиллен! Они, вероятно, сговорились... Понял, инспектор! Он ее любовник! Прокравшись в дом...

Лоример замолчал на полуслове, потому что инспектор с горькой улыбкой покачал головой.

— Не старайтесь, мистер Лоример.— В голосе инспектора послышались нотки сочувствия.— Раймонд Сэттл — доверенный компаньон мистера Уиллена и преданный друг семьи. Он имел все основания находиться вечером в доме Джерарда Уиллена.

Ровно через год в большом особняке с видом на море трое людей собрались, чтобы отметить скромное торжество.

Джерард Уиллен, в теле, некогда принадлежавшем молодому и честолюбивому инструктору фехтования, разлил по бокалам шампанское. Чувство легкости и уверенности во всех членах до сих пор не утратило для него своей новизны.

— Знаете,— заметил он,— великолепное тело я... унаследовал. Жаль только, что в умственном развитии Лоример отставал.

Раймонд Сэттл пожал плечами. Он был все так же сухопар, но в дорогом, элегантном костюме выглядел скорее жилистым, чем хрупким. Его левая рука обивала талию Фэй; та нежно прижималась к нему.

— Напротив, нам повезло, что Лоример не блестал умом,— сказал он.— Я давился от смеха, когда порол чушь о малютке в приюте.

Фэй с восхищением посмотрела на него.

— Ты играл превосходно, Раймонд. Очень убедительно.

— Возможно. Хотя иногда мне было не по себе — мы забавлялись с ним, как кошка с мышкой.

— Глупости. Он убийца.— Уиллен протянул бокалы.— За меня!

— Почему не за нас? — удивилась Фэй.

Уиллен усмехнулся.

— Потому что я выиграл больше всех. Ты избавилась от опостылевшего брака, но я тоже хотел развода. А к тому же получил это чудесное тело и теперь могу работать хоть двадцать часов в сутки.

— Ты всегда слишком много работал,— сказала Фэй.

Уиллен задумался.

— Надо полагать, тот, прежний «я», был довольно скучен.

— Не «довольно». Очень!

— Пожалуй, я заслужил... Однако обратите внимание,— Уиллен игриво расправил грудь,— теперь совсем другое дело. В молодом теле этого Лоримера я понял, что помимо работы на свете есть и другие радости.

— Надо же! — Фэй отстранилась от Сэттла и со смехом прильнула к Уиллену.

— Эй, вы! — добродушно ухмыляясь, прикрикнул Сэттл.— Я начинаю беспокоиться!

— Не глупи, милый.— Фэй лучезарно улыбнулась ему, подняв бокал.— За святость брака!

— С удовольствием.— Сэттл выпил до дна и тут, заметив, что Фэй и Уиллен смотрят на него с непонятным ожиданием, почувствовал, что шампанское имеет странный привкус.

Амфитеатр

Тормозные двигатели неприятно вибрировали. Бернард Харбен грудной клеткой ощущал их вибрацию.

Он слабо разбирался в технике, но интуитивно чувствовал, как возникающие напряжения испытывают на прочность элементы конструкции спускаемого аппарата. Опыт подсказывал ему, что все механизмы — особенно его съемочные камеры — ведут себя прилично лишь при самом бережном обращении. Харбен на миг удивился, как пилот терпит такое издевательство над аппаратом. «Каждому свое», — подумал он. И, словно в награду за веру, проработав точно рассчитанное время, двигатели выключились. Аппарат перешел в свободное падение, и наступила блаженная тишина.

Харбен посмотрел через прозрачный купол и увидел, как материнский корабль «Кувырок», продолжая движение по орбите, превращается в яркую точку. Сверху спускаемый аппарат освещало солнце, внизу сверкали бескрайние жемчужно-белые просторы незнакомой планеты, и все находившееся в посадочной капсуле, будто светясь, ярко проступало на фоне космоса. Пилот, почти скрытый массивной спинкой проти-

Печатается по изд.: Боб Шоу. Амфитеатр: Пер. с англ.— М.: «Наука», 1988 («Химия и жизнь», № 2) с испр.— Пер. изд.: Shaw B. Amphiteatre: в сб. Anticipations, ed. by C. Priest.— Lnd.: Pan Books, 1978.

© Bob Shaw 1978

© перевод на русский язык, «Наука» «Химия и жизнь», 1988

воперегрузочного кресла, управлял полетом, практически не двигаясь. Харбен невольно восхищался мастерством и отвагой, с какими он вел скорлупку из металла и пластика через сплошные облака к намеченной точке неведомого мира.

В эти секунды Харбен испытывал редкое для себя чувство — гордость за Человека. Он повернулся к Сэнди Киро, сидящей рядом, и опустил ладонь на ее руку. Сэнди продолжала смотреть прямо перед собой, но по чуть дрогнувшим полным губам Харбен понял, что она разделяет его настроение.

— Давай заявим сегодня ночью свои права на планету, — сказал он. У них была тайная игра, согласно которой физическая близость наделяла их правом владения той местностью, где это происходило.

Бледные губы слегка разошлись, давая желанный ответ, и Харбен довольно расслабился в кресле. Через несколько минут тишину спуска нарушил тонкий настойчивый свист — лодка вошла в верхние слои стратосферы. Вскоре она зарыскала, ее движения стали более резкими, почти судорожными, и когда Харбен посмотрел на пилота, тот уже утратил свою богоподобную неподвижность и трудился как простой смертный. Внезапно их окутала серая пелена, спускаемый аппарат превратился в самолет, борющийся с ветром, облаками и льдом. И пилот, словно пониженный в чине, стал старомодным авиатором, пытающимся совершить посадку наперекор внезапно налетевшей буре.

Сэнди, не привыкшая к таким маневрам, встревоженно обернулась к Харбену.

Он улыбнулся и указал на свои часы.

— Уже почти пора обедать. Как только разобьем лагерь, сразу поедим.

Его очевидная озабоченность будничными делами, казалось, успокоила Сэнди, и она вновь откинулась на спинку кресла, осторожно расправив плечи. И снова пилот оправдал доверие Харбена. Корабль вырвался из слоя облаков и лег на курс к появившимся внизу горным цепям и террасам, образованным сдвигами пластов, к темной растительности и блестящей паутине небольших рек. Харбен с профессиональной сноровкой оценил вид, достал из нагрудного кармана панорамную камеру и заснял остаток спуска. На удивление скоро пилот посадил лодку в тучах пыли, поднятой двигателями, и все трое ступили на хрусткую почву незнакомой планеты.

— Вот радиомаяк Бюро,— сказал пилот, указывая на низкую желтую пирамидку, которая словно бы присосалась к скалистой поверхности метрах в ста от них. Пилот был довольно уверенными на вид молодым человеком с мягкими золотистыми волосами. Глядя на него, можно было подумать, что все на свете ему давно надоело... «Напускное»,— решил Харбен, учитывая крайнюю молодость пилота.

— Вы посадили нас в самую точку,— сказал он, проверяя свою догадку.— Поразительное мастерство!

Пилот на мгновение просиял, но тут же вновь обрел серьезно-деловую мину.

— Через десять минут наступит местный полдень. Аппарат вернется ровно в полдень через шесть суток. Вам предоставляется на десять минут больше, чем оговорено контрактом.

— Щедро.

— Так мы ведем дела, мистер Харбен,— отозвался пилот, после чего предупредил их о денежных начетах в случае опоздания и напомнил, чтобы они перевели часы в соответствии с 30-часовым днем Хассана-IV.— Корабль прилетит за вами точно в назначенное время,— заключил он,— можете не сомневаться. Хотя пилотом, возможно, будет кто-то другой.

— О, надеюсь, что вы! — воскликнула Сэнди, включаясь в игру Харбена.— Я была буквально потрясена... Вас зовут Дэвид, да?

— Верно.— Пилот не мог сдержать широкой улыбки.— Ну, мне пора. Счастливой охоты!

— Спасибо, Дэвид.

Сэнди и Харбен подхватили снаряжение и отошли на безопасное расстояние. Аппарат вертикально поднялся на несколько метров, застыл на миг, устанавливая курс, и рванулся в облака. Он исчез из вида прежде, чем стих волны доходящий до них рев двигателей, но лишь когда замер последний шепоток, окончательно обрывая осязаемую связь с остальным человечеством, Харбен почувствовал, что стоит на чужой планете.

Несмотря на высокую влажность, видимость была на удивление хорошей. Вдали просматривались серые холмы, густая растительность и водоемы — свинцовые, черные или нежно-серебристые в зависимости от того, как падал свет. Температура держалась на уровне 10°, а с востока дул постоянный ветер, насыщенный запахами озона, мхов и мокрых камней. Птиц не было, как, впрочем, и другой живности, но Харбен знал, что в этом районе охотится одно чрез-

вычайно своеобразное существо, чьи методы убийства он подрядился заснять.

— Славный мальчуган,— беспечно заметила Сэнди.

— Его уже нет,— напомнил ей Харбен, деликатно намекая, что лучше выкинуть земные дела из головы и сосредоточить силы на успешном обживании незнакомого мира. Через два месяца истекал срок их брачного договора, и, хотя Харбен непрестанно клялся, что возобновит его, Сэнди, как ему казалось, не слишком-то в это верила и отправилась с ним в экспедицию с намерением укрепить связь. Он был бы лишь доволен, если бы не то обстоятельство, что предыдущая группа, снимавшая *E. T. Cephalopodus subterr. petraform*, бесследно исчезла. Попытки оттоворить Сэнди наталкивались на возражения скорее эмоциональные, нежели логические, и в конце концов Харбен согласился при условии, что она полностью — физически и морально — разделит с ним бремя работы.

— Идем. Если повезет, за час отыщем удобное место, тогда и поедим.

Сэнди охотно одела на плечи рюкзак, и они зашагали строго на север. Харбен уже приметил подходящее место — ущелье в тянувшемся с востока на запад горном хребте километрах в восемь от них,— но тем не менее аккуратно сориентировался по компасу, чтобы отыскать обратный путь, даже если сгустится частый в этом районе туман. Условившись, что Сэнди не должна быть избавлена ни от каких забот, он потребовал, чтобы они оба держали энерговинтовки наготове. Оружие Сэнди было слегка расфокусировано с учетом возможной неточности, а настройка

его винтовки обеспечивала максимальное схождение лучей на расстоянии пятисот метров. Исчезновение съемочной группы компании «Визекс» два года назад объяснялось и без привлечения неких чудовищных опасностей — они, например, могли провалиться в одну из многочисленных подземных рек,— но Харбен и его хозяева полагали, что рисковать не следует.

Они продолжали идти на север, виляя между вздыбленными плитами осадочных пород, пока не вышли на более ровную местность. Каверзная глина уступила место темному песку, из которого пробивались кусты и ползучие растения. Порой из-под ног с громким щелканием выпрыгивали какие-то насекомые, и Сэнди каждый раз вздрагивала. Харбен заверил ее, что металлизированный костюм защищает и от куда больших созданий, и вскоре она привыкла. Сэнди была журналисткой, но прежде писала только о курортных миражах. Харбен почувствовал облегчение, увидев, как быстро она освоилась на Хас-сане-IV.

Они подошли к природным вратам в гряде. Там надежды Харбена сбылись: он обнаружил признаки обитания *E. T. Alcelaphini*, небольших, похожих на антилоп животных, служивших пищей петраформам. Следы вели из прохода в скалах и исчезали на каменистом плато, откуда пришли Харбен и Сэнди.

— Отлично,— сказал Харбен.— Я думаю, мы на главном пути миграции на юг.

Сэнди огляделась.

— А почему их не видно?

— В том-то и дело. Самки перед родами не в состоянии быстро бежать и становятся, как

и самцы, крайне осторожными. Поэтому наш друг петраформ и стал таким, какой он есть.

На классическом лице Сэнди отразилась брезгливость.

— Пожалуйста, не называй этих тварей нашими друзьями.

— Но они принесут нам кучу денег,— улыбаясь, возразил Харбен.— А это самое лучшее, что может сделать друг.

— Они отвратительны!

— В природе нет ничего отвратительного.

Харбен поднес к глазам компактный бинокль и, рассматривая ровную местность к югу от прохода, ощутил волну возбуждения. Обзор открывался под слишком острым углом, к тому же мешали булыжники и растительность, но все же ему удалось обнаружить по меньшей мере три подковообразные формации из серых камней. Они походили на незавершенные уменьшенные копии Стонхенду метров пяти в диаметре. С нарастающим волнением Харбен пересчитал камни и убедился, что их по семь в каждом кольце. А главное, проем — то место, где недоставало восьмого камня,— был обращен к озеру, в направлении, откуда каждой весной в поисках обильных пастбищ шли квазиантилопы.

— В саду господнем все чудесно,— провозгласил Харбен.

— Что ты имеешь в виду?

— Кажется, нам повезло с первого раза. Идем, я голоден.

Приблизившись к каменистым окружностям, Харбен обнаружил, что местность даже лучше отвечает его целям, чем он полагал. Сразу выделились удобные точки в виде булыжников и де-

ревьев, где можно укрыть четыре автоматические камеры, находящиеся у него в рюкзаке. А небольшая, облизанная ветром скала как раз к северу от группы окружностей предоставляла возможность делать снимки «сверху» для улучшения визуальной текстуры будущего фильма. Харбен с головой погрузился в изучение ракурсов съемки и пришел в себя, распознав опасность, лишь когда увидел, что Сэнди беззаботно двинулась вперед.

— Сэнди! — Он коснулся ее руки.— Куда это ты сбрасывалась?

Она замерла, почувствовав в его голосе предостережение.

— А что случилось?

— Ничего. Но от меня не отходи.— Харбен подождал, пока она не оказалась у него за спиной, затем указал на три окружности.— Именно их мы и приехали снимать.

Сэнди с минуту непонимающе смотрела на плоскую землю, прежде чем, проследив за его указательным пальцем, разглядела неясные формы среди разбросанных камней. Она еще сильнее побледнела, но, с удовлетворением отметил Харбен, не утратила самообладания.

— Я думала, они будут больше похожи на пауков. Или на осьминогов.

Он покачал головой.

— Если б они хоть как-то отличались от самых обычных камней, то погибли бы с голоду. Само их существование зависит от того, чтобы жертва заходила им прямо в руки.

— Значит... эти камни не настоящие?

— Нет. Это конечности, которые лишены свободы движения, зато в точности имитируют бу-

лыжники. Полагаю, можно постучать по ним молотком и не заметить никакой разницы — пока стоишь вне круга.

— А если войдешь внутрь?

— То попадешь в восьмую руку.

Харбен продолжил импровизированный урок по внеземной зоологии, показав на небольшое углубление у «входа» в каждую окружность. Там, прикрываясь камушками и травой, таилась свернутая спиралью «рука», готовая обвиться вокруг любого животного, которое неосторожно осмелится ступить внутрь.

Сэнди на секунду затихла.

— Что происходит потом?

— Это нам предстоит выяснить и заснять, — сказал Харбен. — Очевидно, у петраформа то же строение, что и у обычных головоногих, значит, рот должен находиться в центре круга. Мы не знаем, как быстро наступает смерть жертвы и сколько длится процесс пищеварения. С таким же успехом хищник может просто держать зверька, поджиная, пока тот умрет от страха или голода.

Харбен перевел дыхание, впитывая в себя фотографические достоинства местности.

— Знаешь, Сэнди, именно это я и искал — то, что обеспечит меня на всю жизнь. Представляю, как ухватятся за материал телекомпании!

— Я бы выпила чего-нибудь горячего, — сказала Сэнди. — Давай поставим палатку.

— Да, конечно.

Харбен выбрал подходящее место, расстелил нижнее полотнище, открыл баллончик с газом, и вскоре над их головами поднялась сферическая крыша. Харбен был очень высоким человеком

и не любил тесноту, но шесть ночей, которые предстояло провести в крошечной палатке, не тревожили его. Награда, судя по всему, окажется столь большой, что следующее путешествие — если ему вздумается поехать — можно будет обставить с неимоверной роскошью. Харбен досстал двенадцать автотермических лотков, каждый на два приема горячей пищи, и передал Сэнди. Та убрала их в палатку вместе с собственными запасами. Пока она разогревала банки с кофе, он отошел на приличное расстояние и соорудил древнейшее, но непревзойденное по дешевизне устройство для утилизации отходов — вырыл выгребную яму.

Харбен складывал легкую лопатку, когда до него донесся тихий звук. С замиранием сердца он понял, что Сэнди, метрах в пятидесяти от него, не повышая голоса с кем-то разговаривает. Харбен побежал было к ней, но остановился, увидев, что она одна. Сэнди стояла на коленях спиной к нему, вероятно открывая банки с кофе.

— Сэнди! — закричал он, не понимая причин тревоги. — У тебя все в порядке?

Она изумленно повернулась.

— Бернард? Что ты там делаешь? Я думала...

Сэнди поднялась на ноги, огляделась и внезапно разразилась смехом.

Он подошел и взял у нее кофе.

— Большинству людей требуются годы подобной жизни, чтобы сойти с ума.

— Я думала, ты стоишь прямо за мной. — Она сделала маленький глоток, ухитряясь оставаться женственной, даже модной в серебристо-сером полевом костюме. Ее глаза остановились на ровной местности, над которой господствовали ка-

менные окружности.— Бернард, почему там нет костей животных?

— Они перевариваются. Кости могли бы отпугнуть других животных, но, скорее всего, петраформы усваивают их в качестве источника минералов. В геохимии Хассана-IV есть странные пробелы, особенно в том, что касается металлов.

— Ну и местечко!

— Всего лишь частица пестрого узора природы, любимая.— Харбен допил кофе, насладился его теплом и отложил банку.— Пойду поставлю камеры, чтобы случайно ничего не прозевать.

— А я останусь здесь и набросаю заметки для статьи.— Сэнди выдавила из себя улыбку.— Мне бы тоже не мешало заработать.

Харбен кивнул.

— Никуда не отлучайся. Чем меньше мы будем оставлять следов и запахов, тем лучше.

Он выбрал из рюкзака четыре автоматические камеры, забросил за плечо винтовку и направился к окружностям. Облака спустились так низко, что закрывали верхушки деревьев, но у поверхности воздух был прозрачен как стекло. Харбен не отрывал взгляда от безобразных на вид камней. Интересно, чувствуют ли эти затаившиеся под землей удивительные создания вибрацию от его шагов, не предвкушают ли приближающуюся к ловушке добычу? «Тебе не повезло, камнесъминог,— подумал он.— Не я тебя буду кормить, а ты меня».

На противоположных сторонах интересующего его участка как нельзя более кстати росло по дереву, и Харбен, проверив зону обзора, укреп-

пил камеры на их стволах. Третью камеру он установил на вершине небольшой скалы к северу, на которую легко можно было подняться с внешней стороны. С юга удачно располагались два крупных валуна. Он выбрал тот, что поближе к глубокому на вид озерцу,— вдруг квазиантилопы подойдут к воде, тем самым предоставляя ему лишний материал. Голографическая система давала неограниченную глубину фокуса и очень широкий угол съемки. Следовательно, панораму, общие и крупные планы можно было монтировать позже, произвольно, в процессе подготовки фильма. Харбен прислонился к валуну и разглаживал основание присоски штатива, когда почувствовал, что рядом стоит Сэнди.

— Чего тебе надо? — не скрывая раздражения, спросил он. Ответа не последовало. Харбен повернулся, чтобы отчитать Сэнди за отлучку, но рядом никого не было. Все его чувства внезапно обострились: насыщенный влагой воздух стал холоднее, журчание ручейков — громче. Ремень винтовки соскользнул с плеча, тяжесть оружия переместилась в руку, одновременно Харбен внимательно осматривал местность — спрятаться негде. Так он стоял начеку целую минуту, но вокруг ничего не двигалось, кроме медленно колышущихся, ползущих вниз щупалец тумана.

Наконец напряжение понемногу спало, и он закончил установку камеры. Проверив дистанционное управление, Харбен задумчиво побрел к палатке. То, что с ним произошло, вполне объяснялось расшалившимися нервами — в конце концов, пребывание на чужой планете кого угодно может вывести из себя. Но допустимо и другое: присутствие в атмосфере веществ, вы-

зывающих галлюцинации. Взятые при официальном обследовании пробы воздуха показали обычную смесь газов, но это не исключало местных или временных отклонений. Харбен решил несколько часов последить за своими ощущениями, прежде чем делиться с Сэнди.

Как только он пришел, Сэнди включила автотермический лоток, и впервые на Хассане-IV они поели по-настоящему. Время от времени Харбен посматривал в бинокль на открывающийся с севера проход и пытался определить, нормально ли он воспринимает окружающее. Казалось, все было в порядке, но порой, когда Харбен, расхаживая по лагерю, невольно ослаблял самоконтроль, наплывало ощущение, что за ним наблюдают. Это чувство было столь смутным и неуловимым, что Харбен приписывал его своей нервозности и вскоре перестал обращать внимание. Работающую с диктофоном Сэнди ничто не беспокоило.

Ближе к вечеру Харбен заметил движение в серых скалах и, пыхтя от волнения, изготовил свою камеру. Через несколько минут в проходе появилось два смахивающих на антилоп зверька, грациозно выбирающих путь среди нагромождения камней. Одной из них была самка, и даже на таком расстоянии было видно, что она скоро родит.

Харбен снимал их приближение из укрытия. Когда квазиантилопы поравнялись с ним, стало ясно: то, что он принимал за хвост самки, на самом деле — пара длинных тонких ножек рождающегося детеныша. Животные подошли к ровной местности, где затаились петроформы, и сердце Харбена возбужденно заколотилось.

Он нажал кнопку на пульте дистанционного управления, приводя в действие четыре автоматические камеры, и приник к видоискателю, наблюдая, как квазиантилопы достигли смертоносных окружностей.

Словно ведомые могучим инстинктом, животные миновали коварную зону, на метр оставив в стороне ловушку, и побежали на юг по безопасному плато. Харбен выключил камеры и подумал мимоходом, разделяют ли его разочарование три затаившихся под землей хищника. Он повернулся к Сэнди, которая наблюдала за происходящим в бинокль.

— Плохо. Хотя вряд ли стоило ожидать успеха с первого раза.

Сэнди бросила на него серьезный взгляд.

— Бернард, самка рожала?

— Практически, да.

— Но это ужасно! Почему они не останавливаются для отдыха?

Ее участие вызвало у Харбена улыбку и в то же время напомнило, как мало Сэнди знает повадки диких животных.

— Быстрые ноги — единственный козырь квазиантилоп. Они постоянно находятся в беге, особенно если чувствуют опасность. У родившегося детеныша будет от силы пять минут, чтобы научиться ходить, — и снова в путь.

Сэнди повела вокруг взглядом и поежилась.

— Мне здесь не нравится.

— То же происходит на всех планетах земного типа. Да и в Африке можно увидеть аналогичную картину.

— Все равно, я рада, что она спаслась. Если бы чудовища поймали...

Это было не самое лучшее время для спора, но Харбен решил, что нужно помочь Сэнди увидеть вещи в правильном свете, прежде чем она станет свидетелем удачной охоты.

— У природы нет никаких чудовищ,— сказал он.— Нет ни плохих, ни хороших. Каждое создание вправе добывать себе пищу, и не имеет значения, малиновка это или камнесыминог.

Сэнди сжала губы и покачала головой.

— Нельзя сравнивать малиновку с одной из этих... тварей.

— Питаться нужно всем.

— Но малиновка лишь...

— Не с точки зрения червяка.

— Мне холодно,— отвернувшись, произнесла Сэнди. Внезапно она показалась ему смехотворно маленькой и беззащитной, и Харбен почувствовал угрызения совести, что согласился взять ее в столь чуждый ей мир.

Остаток дня прошел без происшествий. Когда стало смеркаться, Харбен уложил вокруг палатки сторожевой провод. Сэнди почти сразу забралась в их искусственную пещерку, а он еще с час сидел снаружи, глядя в кромешную тьму и прислушиваясь к сложному многоголосью перешептывающихся ручейков. Один раз у него возникло ощущение, что за ним наблюдают, но ни одна из светящихся зеленых стрелочек на пульте сторожевой системы даже не шелохнулась, и он отнес это чувство на счет разгулявшихся нервов.

Харбен улегся, и Сэнди прижалась к нему всем телом. Физическая близость, которая утром им обоим казалась желанной, помогла бы ему успокоиться и заснуть, однако Харбен, чуткий к настроению Сэнди, сдержался. Он бесконечно

долго лежал с открытыми глазами, нетерпеливо ожидая наступления утра.

Дневной свет, аромат горячей пищи и кофе, обычная хозяйственная суeta — все это оживило Сэнди, и Харбену тоже стало легче. Он много двигался, разминая затекшее тело, и больше чем нужно распространялся об их планах на следующие несколько лет. Сэнди, если и догадывалась, что он пытается повлиять на ее отношение к работе в целом и к этой экспедиции в частности, то недовольства не проявила. Она даже пошутила, что собирается в своей статье для журнала путешествий описать Хассан-IV как роскошный курорт.

Харбена больше всего беспокоила облачность, за ночь спустившаяся до самой земли. Во время завтрака он внимательно наблюдал за ней и с облегчением убедился, что прослойка чистого воздуха под лучами невидимого солнца постепенно расширяется, открывая верхушки деревьев. Ему казалось, будто он находится на дне стакана с газированной водой, которая медленно проясняется снизу вверх. Когда на севере стали прорисовываться склоны холмов, Харбен поднес к глазам бинокль и сразу увидел среди скал стадо квазиантилоп.

— По-моему, начинается, — сказал он, продевая руку в ремешок камеры. — Тебе, пожалуй, лучше оставаться здесь.

Харбен пригнулся и побежал к холмiku, укрывшись за которым он мог наблюдать за равниной и живыми окрестностями. Взгляд на пульт дистанционного управления сказал ему, что автоматические камеры готовы к работе, и, чтобы не

забыть потом в горячке, Харбен включил их заранее. Он почувствовал, как сзади подошла Сэнди, но был слишком занят, снимая общий план приближающегося стада. Из прохода выходили квазиантилопы, и вожаки вели их прямо к поджидающим окружностям.

В увеличивающий изображение видоискатель Харбен наблюдал, как стадо голов в двадцать начало пересекать опасную зону. И вновь, словно оберегаемые неким инстинктом, животные обходили окружности. Он уже стал опасаться, что ни одно из них не совершил гибельной ошибки, как вдруг крупный самец, за которым следовала беременная самка, вступил в ближайшую окружность. У Харбена пересохло во рту, когда животное, не подозревая об опасности, переступило через углубление, обозначающее восьмую конечность камнесьминога. Оно пересекло кольцо камней, которые не были камнями, и, двигаясь с величавым безразличием, благополучно вышло на противоположной стороне.

Разочарование захлестнуло Харбена. «Неужели камнесьминог мертв? Может, надо искать другое место?»

Он снова застыл, когда, идя по следам самца, в кольцо вступила самка. Внезапно у входа забурлило движение. Тонкий черный язык взметнулся кверху и с отчетливым щелчком обвился вокруг ножек полуродившегося детеныша. Самка испустила отчаянный крик и замерла.

«Я буду богат!» — возликовал Харбен, вскакивая на ноги, чтобы изменить угол съемки.

Крик боли и страха вспугнул стадо, и все, за исключением самца, помчались к югу. Прогремели копыта, и наступила тишина, прерываемая

лишь жалобным блеяньем и фырканьем попавшей в западню самки. Самец с безопасного расстояния беспомощно взирал на нее. По мере того как камнесьминог тянул сильнее, грозя вытащить детеныша из утробы, самка, переставляя ноги, понемногу пятилась назад. Она, конечно, могла спастись, но материнский инстинкт не позволял ей жертвовать потомством. Харбен не спускал с нее взгляда, стараясь запечатлеть все перипетии поединка. Прямо перед объективом камеры положение самки еще ухудшилось — гигантскими змеями зашевелились другие семь конечностей камнесьминога. Ожившие «валуны» взрыхляли влажную почву, оцепляя пойманное животное.

— Бернард! — издалека донесся крик Сэнди, и вскоре стало слышно, как она бежит. Подсознательно Харбен удивился — он был уверен, что Сэнди находится рядом, — но внимание его привлекала разыгрывающаяся на глазах драма.

— Бернард! — тяжело дыша проговорила Сэнди. — Ты должен что-то сделать!

— Я все делаю, — отозвался он. — Я ничего не упускаю.

Почувствовав себя в кольце выходящих из земли конечностей, самка судорожно рванулась, и на свет появились две ножки и голова детеныша. Сэнди глухо всхлипнула и шагнула вперед. Краем глаза Харбен уловил поблескивание винтовки в ее руках. Он на секунду рискнул оторваться от видоискателя и вырвал оружие.

— Ты должен помочь ей, Бернард! — Сэнди в отчаянии замолотила кулачками по его плечу. — Я никогда не прошу тебе, если ты ей не поможешь!

— Это лишено смысла.— Он отвел ее руки, про себя думая, что подрагивание камеры можно будет убрать при обработке фильма.— Так уж устроено самой природой. Камнесьминог должен позаботиться о себе. То, что ты видишь, произошло миллионы раз до нас и будет происходить столько же, когда нас здесь не будет.

— Все равно! — взмолилась Сэнди.— Хотя бы сейчас...

— Боже мой, Сэнди, гляди! — вскричал Харбен.

Через видоискатель было видно, как под ногами у самки стала разверзаться земля. Камнесьминог приготовился к приему пищи. Когда почва задрожала и поползла, смелость покинула самку, и она рванулась вперед. Детеныш выпал, и в момент рождения исчез в разинутой пасти. Освободившаяся квазиантилопа легко перемахнула через тянувшиеся к ней конечности камнесьминога, помчалась к самцу, и вскоре они оба исчезли из виду.

— Я должен это заснять!

Не обращая внимания на всхлипывания Сэнди, Харбен побежал мимо дерева на равнину, чтобы снять зев хищника. Сэнди держалась рядом, пытаясь вырвать оружие из его левой руки.

Харбен на ходу оттолкнул ее, но что-то с кошмарной силой вдруг обвилось вокруг его запястья и остановило на полу шаге, едва не вывернув руку из сустава. Сэнди вновь с отчаянием выкрикнула его имя. Харбен яростно повернулся и увидел, что его схватил и приковал к земле тонкий черный шнур. Не веря своим глазам, Харбен подергал за него, и тут же вокруг лодыжек захлестнулся другой шнур. За секунду тело Харбен-

на оплели жадные щупальца. Он кинул затравленный взгляд через плечо и увидел, как сползает на колени Сэнди, опутанная такой же сетью усиков.

— Винтовка! — Ее голос сорвался на визг.— Сожги их!

Будто поняв эти слова, новые пути обвили оружие и вырвали его из рук. Харбен едва сознавал, что происходит, потому что все пространство вокруг трех каменных окружностей ожило змеящимися щупальцами, колыхающимися, словно трава на ветру. И, довершая ужасную картину, стали изменять форму, стягиваться внутрь деревца и булыжники, образующие внешнее кольцо. Даже поверхность темного озерца сгорбилась студенистой псевдоноожкой.

Когда земля под ногами поползла и стала разъезжаться, Харбен наконец — с опозданием! — понял: весь участок был огромным, сложноорганизованным, голодным хищником.

Поблескивающие шнуры затянулись туже. Харбен упал на колени и почувствовал, как его засасывает в образующийся провал. Сэнди уже почти не было видно за клубком черных нитей. Странное траурное гудение наполнило воздух.

В последний раз изливая страх и отчаяние, Харбен запрокинул голову, взглянул наверх, и предсмертный крик замер в его груди: что-то... что-то невероятное двигалось в облаках.

То была человекоподобная фигура, неестественно высокая, расплывчатая, будто с колышущимися очертаниями, и не туман мешал ясно разглядеть ее. Окутанная переливающимся светом, она держала странные сверкающие предметы. Бело-голубая молния ударила вниз, Хар-

бен скорее почувствовал, чем услышал крик, пронизывающий все существо исполинского организма под ногами, и внезапно оказался на свободе. Густая сеть черных нитей исчезла в скрытых порах.

Харбен вскарабкался на ноги, схватил Сэнди за руку, и они, спотыкаясь, устремились к твердой безопасной почве за кругом булыжников и деревьев. У причудливо изогнутого, но сейчас застывшего дерева Харбен оглянулся и мельком увидел в вихрящихся облаках пульсирующую радижную фигуру. И хоть глаз не было видно, Харбен чувствовал, что существо смотрит прямо на него, в него, сквозь него.

Знай, что ты неправ, мой друг. Открылась застонка в горнило разума и огонь опалил мозг Харбена. Я тоже наблюдатель, но бесконечно опытнее тебя. Энтропия диктует: все живое должно умереть. Но Жизнь противодействует энтропии — как в целом, так и в частности. Утратить способность переживать — значит отмеживаться от самой Жизни...

Затем пространство сместилось, и фигура исчезла.

Когда Харбен стал собирать вещи, местность, где они едва не погибли, выглядела уже совсем как прежде. Деревья, булыжники и озерце ничем не отличались от естественных черт ландшафта, а в центре мирно застыли три кольца камней. Моросящий дождь постепенно стирал с верхнего слоя почвы все следы недавней трагедии.

Сэнди приняла успокаивающие средства и больше не дрожала, но ее лицо было бледным и хмурым, когда она смотрела на обманчиво

мирную сцену.

— Ты думаешь, это единый организм?

— Вряд ли,— ответил Харбен, открыв выпускной клапан палатки.— На мой взгляд, эти три в центре находятся в симбиозе с большим хищником.

— Не понимаю, почему они пропустили стадо и набросились на нас.

— Я тоже — пока. Может быть, потому что они изголодались по минералам, а на нас столько металла. Смотри, во что превратился в считанные секунды материал наших костюмов.— Палатка упала на землю, и Харбен поднялся на ноги.— Сумеешь сложить?

Сэнди кивнула, остановив встревоженный взгляд на его лице.

— Куда ты идешь?

— За автоматическими камерами.

— Но...

— Не волнуйся, Сэнди. За пределами окружности я в полной безопасности.

Она подошла и взяла его за руку.

— Собираешься забрать пленки, Бернард?

— Ты еще не пришла в себя, малышка.— Харбен недоверчиво рассмеялся, убирая руку.— Да им цены нет, особенно если там запечатлен наш гость. Конечно, я заберу их.

— Но... разве ты не помнишь, что он сказал?

— Я не уверен, что он вообще что-то говорил, да и в любом случае не вижу в его словах особого смысла.

— Он сказал, что нам всем придется умереть — но не на потребу публики.

— Повторяю, не вижу смысла.

— Очень просто, Бернард.— Ее глаза были

затуманены лекарствами и все же в них светилась решимость.— Направляя камеру на любое существо, ты выделяешь его из прочих. Ты привлекаешь к нему симпатии миллионов зрителей, и если наша симпатия не стоит ни гроша... то чего стоим мы?

— Никогда себя не оценивал.

— Он тоже снимал, но не позволил нам погибнуть.

— Сэнди, это лишь...— Харбен пошел было прочь, но увидел, что Сэнди плачет.— Послушай,— сказал он.— Детеныш погиб, и тут ничего не поделаешь. Причем заметь, ОН не убил хищника. Зверюга уже опомнилась и будет продолжать пытаться единственным доступным ей способом. Между прочим, можно представить себе, какая судьба постигла группу «Визекса».

— Как жаль, что ты не мог снять и это.

— Ты успокоишься, когда мы улетим,— сказал Харбен.

Он повернулся и пошел за упавшими камерами, внимательно следя, чтобы не переступить пределов опасного круга. Последняя реплика Сэнди задела его, но вскоре все мысли заняли планы на будущее. Не говоря уже о быстротечной, но сенсационной встрече с могущественным естествоиспытателем, Хассан-IV оказался настоящей сокровищницей. Черпать из нее можно не один год. Так же ясно, что Сэнди не желает и думать об этом, и, следовательно, перед их брачным соглашением возникали серьезные трудности.

Позже, уже на подходе к радиомаяку, Харбен внезапно понял, что решение принято. К своему удивлению, он испытывал неловкость — тяже-

лый разговор в то время, когда Сэнди так глубоко потрясена... Но он вступал в решающую стадию своей карьеры, и настала пора учиться твердости.

— Сэнди,— тихо произнес Харбен, беря ее под локоть,— тщательно обдумав...

Она отвела руку, не поворачивая головы.

— Хорошо, Бернард. Я тоже не хочу оставаться твоей женой.

Харбен на секунду опешил, глядя в ее удаляющуюся спину. Он испытывал странное чувство, в котором смешались неожиданность и облегчение. Затем поправил сумку с камерами и зашагал по влажной серой глине.

Действительный член клуба

Филиппа Коннора вывела из состояния душевного покоя самая заурядная вещь — зажигалка.

Вот уже больше часа они с Анджелой сидели возле бассейна. Она мало что сказала за это время, но каждое слово, каждый жест изящных рук красноречиво свидетельствовали о том, что между ними все кончено.

Коннору было явно не по себе. Он неестественно прямо сидел в шезлонге и старался понять, что же вызвало перемену в их отношениях. За-

Пер. изд.: *Shaw Bob. A Full Member of the Club:*
в сб. *B. Shaw. Cosmic Kaleidoscope.*— Lnd.: Pan Books,
1978.

© 1974 by UPD Publishing Corporation for Galaxy
Science Fiction

крытое огромными стеклами темных очков, лицо Анджелы было непроницаемым, равнодушным... Он перевел взгляд на одинокую белую бабочку, которая, трепеща крылышками, пролетела сверкающей звездочкой над бассейном и скрылась в тени берез.

Коннор поднес руку ко лбу и обнаружил, что лоб покрыт капельками пота.

— Жара просто невыносимая...

— Не нахожу, — отозвалась Анджела — очередное напоминание, что они более не едины. Она повернулась на топчане, подставляя солнцу загорелое полуобнаженное тело.

Коннор с тоской смотрел на желанные изгибы, на территорию, с которой он изгнан, и размышлял... Смерть дяди сделала Анджелу очень, очень богатой, но одно это не могло вызвать такую перемену. Дела Коннора приносили ему более двухсот тысяч фунтов стерлингов в год, потому она знала, что Коннор — не охотник за состоянием.

— У меня скоро встреча, — сказала Анджела.

Коннор решил пристыдить ее.

— Ты хочешь, чтобы я ушел?

Он заработал участливый взгляд, быстро, однако, потухший. Красивое лицо оставалось таким же спокойным и бесстрастным. Анджела приподнялась, вытащила из пачки на низеньком столике сигарету, открыла сумочку и извлекла золотую зажигалку. Та выскользнула из пальцев, ударила о кафельную плитку и упала в бассейн. С легким вскриком досады Анджела потянулась и, замочив лицо и волосы, достала упавший предмет. Она щелкнула раз, и зажигалка, с которой еще стекала вода, выпустила язычок пламени.

Анджела кинула на Коннора настороженный взгляд, положила зажигалку в сумочку и встала на ноги.

— Извини, Фил,— сказала она.— Мне пора.

Это прозвучало весьма недвусмысленно, однако Коннор, как бы ни были задеты его чувства, едва обратил внимание на ее слова. Он был поставщиком роскошных безделушек, пройдохой, непревзойденным ловкачом — и тут проснулись его профессиональные инстинкты. Зажигалка сработала сразу же, хоть и намокла; подобной он не встречал. Это беспокоило Коннора. Знать все, что можно знать о мире изящных, дорогих побрякушек, было его делом. И однако что-то несомненно важное осталось вне поля зрения...

— Хорошо, Анджи.— Он поднялся.— Симпатичная зажигалка... Можно взглянуть?

Она прижала к себе сумочку, словно боясь, что ее вырвут.

— Оставиши ты наконец меня в покое? Уходи, Фил!

Анджела повернулась и пошла к дому.

— Я заскочу завтра утром.

— Попробуй,— отозвалась она, не оглядываясь.— Меня не будет.

Коннор осторожно опустился на раскаленное сиденье своего «линкольна» и поехал в Лонг-Брэнч. Было уже далеко за полдень, но он все же вернулся в контору и стал обзванивать поставщиков, убеждаясь, что и им неведомы никакие радикальные новшества на рынке зажигалок. Его секретарша и телефонистка ушли в отпуск, и Коннор все делал сам. Это облегчало сосущую боль от потери Анджелы и вселяло цели-

тельную надежду: он занимается чем-то полезным, что поможет вновь обрести ее или, по крайней мере, объяснит произошедшее. У него появилась странная уверенность, что золотая зажигалка каким-то образом связана с их разрывом. Конечно, глупо было об этом думать, но, вернувшись мысленно к сцене у бассейна, он вдруг вспомнил, что Анджела вопреки своему обыкновению так и не закурила. Возможно, правда, что она вообще бросила курить, но не исключено и то, что Анджела просто не хотела пользоваться зажигалкой в его присутствии.

Убедившись, что поиски ничего не дают, Коннор закрыл контору и поехал домой. Даже поздним вечером было очень жарко, закатное солнце жгло косыми лучами через окна машины. Дома Филипп принял душ, переоделся и стал тоскливо бродить по огромным комнатам, поглощенный думами об Анджеле. Отсутствие аппетита лишало его возможности как-то отвлечься едой. В полночь он, наслаждаясь ароматом, сварил кофе — самый дорогой сорт, кенийскую смесь; но лишь чуть пригубил с разочарованием. «Если б только, — в тысячный раз подумал Коннор, — вкус не уступал запаху...»

Он лег спать, остро ощущая одиночество, и страдал по Анджеле, пока не забылся сном.

Утром Коннор проснулся голодным и, уминая обильный завтрак, с удовлетворением отметил, что обрел свою обычную жизнерадостность. Вполне естественно, что на Анджелу повлияло внезапное изменение обстоятельств. Но когда новизна несметного богатства — вместо простой обеспеченности — потускнеет, все станет

на свои места. А тем временем он, кто первым ввез в страну японские часы на жидких кристаллах, вовсе не собирается сдаваться из-за такой безделушки, как новый тип зажигалок.

Решив, что в контору сегодня он не пойдет, Коннор сел к телефону и уладил целый ряд деловых вопросов не только в Европе, но и в странах дальнего Востока. К полудню желание увидеть Анджелу стало невыносимым. Коннор распорядился подать к подъезду машину и поехал по прибрежной дороге в Эсбери-парк. День, как и накануне, выдался на удивление солнечный и жаркий, но в окна врывался свежий морской воздух, и настроение Коннора постепенно улучшалось.

У дома Анджелы стоял незнакомый автомобиль. Среднего роста мужчина в коричневатом костюме и очках в металлической оправе запирал дверцу. Коннор остановил свою машину и вышел.

Мужчина, позякивая связкой ключей, повернулся к нему лицом.

— Чем могу вам помочь?

— Ничем,— ответил Коннор, раздраженный неожиданной встречей.— Мне нужна мисс Ломонд.

— Вы по делу? Я — Миллет из фирмы «Миллет и Фислер».

— Нет, я ее друг.

Коннор нетерпеливо потянулся к звонку.

— В таком случае вам следует знать, что мисс Ломонд здесь больше не живет. Дом предназначен на продажу.

Коннор застыл. Он вспомнил последнюю реплику Анджелы: что ее не будет. Но ни слова о продаже дома!

— Она предупреждала, но я не ожидал, что все произойдет так быстро,— нашелся Коннор.— Когда приедут за ее мебелью?

— Дом продается со всей обстановкой.

— Она ничего с собой не берет?

— Ни гвоздя. Полагаю, мисс Ломонд может позволить себе купить новую мебель,— сухо сказал Миллет, направляясь к своей машине.— До свиданья.

— Погодите! — Коннор сбежал по ступенькам.— Как мне найти Анджелу?

Прежде чем ответить, Миллет придирчиво оглядел автомобиль Коннора и его одежду.

— Мисс Анджела купила Авалон. Правда, я не знаю, переехала ли она.

— Авалон? Вы имеете в виду?..

Утратив дар речи, он указал на юг, по направлению мыса Приятного.

— Совершенно верно.

Миллет кивнул и уехал. Коннор сел в машину, раскурил трубку и попытался сосредоточиться на курении. Какой удар!.. Они никогда не касались финансовых вопросов (Анджелу эта тема просто не интересовала), и лишь окольными путями Филиппу удалось приблизительно оценить размер ее наследства — где-то около миллиона, может быть, двух. Но построенный по прихоти магната типа Рандольфа Хёрста-старшего, окруженный двенадцатью квадратными милями лучшей в Филадельфии земли Авалон являлся превосходной иллюстрацией того, что в Европе называют королевским дворцом.

Коннор не особенно разбирался в недвижимости, однако прекрасно понимал, что Авалон стоит никак не меньше десяти миллионов. Иными

словами, Анджела не просто богата — она попала в высшую лигу миллионеров, и не удивительно, что это сказалось на ее эмоциональном состоянии.

Тем не менее Коннор был озадачен ее решением продать всю мебель. Над некоторыми антикварными предметами, например над бюро работы Годро, Анджела буквально тряслась.

Внезапно осознав, что не ощущает ни вкуса, ни аромата дорогого импортного табака, который так приятно пах в пачке, Коннор затушил трубку и выехал на шоссе.

Он проехал пять миль, прежде чем признался себе, что направляется к Авалону.

С дороги дом был не виден. Его скрывала высокая стена из красного кирпича. Время сказалось на кладке, но карниз, видимо, был недавно отремонтирован и обнесен колючей проволокой. Коннор ехал вдоль стены, пока не увидел массивные закрытые ворота. На звук клаксона из будки появился коренастый мужчина в светлой габардиновой форме и с револьвером на бедре. Он молча встал в воротах.

Коннор опустил стекло и высунул голову.

— Мисс Ломонд дома?

— Как ваше имя? — спросил охранник.

— Филипп Коннор.

— В моем списке вас нет.

— Послушайте, меня интересует, дома ли мисс Ломонд.

— Не могу ответить на ваш вопрос.

— Но я ее близкий друг. Вы обязаны мне сказать!

— Серьезно? — Охранник ухмыльнулся и исчез в будке, не обращая внимания на крики Коннора.

нора и гудки. Коннор решил не сдаваться и стал регулярно нажимать на клаксон — пять секунд гудок, пять секунд пауза. Охранник не вышел. Через несколько минут появилась патрульная полицейская машина, и Коннору пришлось уехать.

Не имея лучшего занятия, он отправился к себе в контору.

Прошла неделя. Справки о заинтересовавшей его зажигалке ничего не дали, и Коннор вынужден был признать, что она сделана на заказ неким современным Фаберже. Много часов он безрезультатно убил в попытках найти телефон Анджелы. Его начала мучить бессонница. Наконец он увидел в газете фотографию Анджелы в одном из нью-йоркскихочных баров вместе с Бобби Янком, сыном нефтяного миллиардера. У Коннора все перевернулось внутри от ревности. В заметке сообщалось, между прочим, что в конце недели Анджела переедет в свой новый особняк.

— Кого это волнует? — обратился он к зеркалу, бреясь.— Кого?

Субботнее утро он начал с нескольких порций водки с тоником, днем переключился на белый ром и к вечеру пришел в состояние блаженного опьянения, которое подсказало ему, что он имеет полное право увидеть Анджелу и использовать для достижения этой цели любые средства. Существовала, правда, проблема высокой кирпичной стены, но внезапная вспышка озарения помогла Коннору понять, что стены являются в первую очередь психологическим барьером. Для человека, который разбирается в их сути так хорошо, как он, стены становятся проходами. Приняв

изрядную дозу чистого рома для пущей уверенности, Коннор вызвал машину.

Когда он подъехал к Авалону, главные ворота, место его недавнего поражения, скрывались во тьме, но в будке охранника светилось окно. Коннор остановил автомобиль на пустынном участке дороги, выключил свет, достал из багажника зубило и тяжелый молоток и, не раздумывая, набросился на стену. Хотя кирпич подвергся действию времени и на вид был ломким, все усилия Коннора оказались тщетными, и через десять минут он стал испытывать сомнения. Затем неожиданно из стены выпал один кирпич, за ним последовали другие, и вскоре Коннор смог пролезть в образовавшуюся дыру.

Зависшая в зените карликовая луна бросала бледные лучи на башни и крышу стоявшего на возвышенности особняка. У Коннора похолодело в груди от вида зловещего, погруженного во тьму здания. Он заколебался, тихо выругался и зашагал на холм, бросив инструменты на произвол судьбы. С фронтальной стороны в окне первого этажа горел свет. Коннор вышел на асфальтированную дорожку, приблизился к двери в готическом стиле и позвонил. Через несколько минут на пороге возник озадаченный дворецкий, и Коннор сразу почувствовал, что Анджелы нет.

Он прочистил горло.

— Мисс Ломонд...

— Мисс Ломонд ожидается к полу...

— ... к полуночи,— с ходу подхватил Коннор.— Знаю. Я виделся с ней сегодня днем в Нью-Йорке. Мы договорились, что я вечером заеду.

— Простите, сэр, но мисс Ломонд не преду-

предила меня, что ждет гостей.

Коннор изобразил удивление.

— Вот как? Ну что ж, главное, что она дала знать охраннику.— Он демократично взял дворецкого за локоть.— Через ваши ворота и на танке не прорвешься, если твоего имени нет в списке.

Дворецкий явно почувствовал облегчение.

— Знаете, сэр, в наши дни излишняя осторожность не помешает.

— Да-да, согласен. Между прочим, я — мистер Коннор, вот моя карточка. А теперь покажите мне, пожалуйста, где подождать мисс Ломонд. И, если это не чересчур обременительно, принесите мне дайкири. Скоротать время...

— Разумеется, мистер Коннор.

Окрыленного успехом Коннора провели в огромную зелено-серебристую гостиную, а через мгновение ока подали покрытый изморозью бокал. Филипп опустился в уютнейшее кресло и пригубил коктейль. Лучшего дайкири он не пил никогда в жизни.

Блаженно расслабившись, Коннор потянулся за трубкой, но не нашел ее — вероятно, забыл дома. Он прошелся по комнате, позаимствовал сигару из большой коробки и огляделся в поисках зажигалки. Его внимание привлек лежавший на столе яйцевидный предмет рубинового цвета. Он не имел ничего общего с обычной зажигалкой, но Коннор стал патологически чуток к этому вопросу, а предмет находился именно там, где вполне могла быть зажигалка.

Коннор взял «яйцо» в руку, посмотрел на свет и обнаружил, что оно совершенно прозрачное. Внутри не было никаких механизмов, иными

словами, это никак не могло оказаться зажигалкой. Когда он опускал странный предмет на место, большой палец скользнул в соблазнительное углубление сбоку.

Ослепительно яркий шарик — бусинка, выточенная из солнечного луча, — возник на верхушке яйца и светил ровным сиянием до тех пор, пока Коннор не убрал палец.

Возбужденный открытием, Коннор заставлял шарик вспыхивать снова и снова и даже проверил его на тепло. Он достал из кармана лупу, которую всегда носил с собой, чтобы в случае необходимости рассмотреть какую-нибудь безделушку, и тщательно исследовал верхнюю часть яйца. Под увеличительным стеклом стала видна маленькая серебряная пластиночка, укрепленная заподлицо с поверхностью. Повинуясь наитию, Коннор аккуратно капнул на пластиночку из бокала, но зажигалка все равно сработала безупречно — золотая бусинка горела ровным светом, пока капелька жидкости, вскипев, не испарилась.

Он опустил зажигалку на стол и заметил еще одну странность: основание рубинового яйца было плавно закруглено, и все же оно совершенно не заваливалось на бок. Лупа показала крошечную букву «С», выгравированную снизу, но никак не раскрыла секрет устойчивости.

Коннор залпом допил коктейль и, внезапно протрезвев, заново осмотрел комнату. Он обнаружил прекрасные, вырезанные из цельного куска оникса часы, с обратной стороны которых виднелась все та же буква «С». Телевизор на первый взгляд походил на дорогую серийную модель, только без указания фирмы. Уже знакомую букву «С» Коннор нашел в таком месте, куда

никогда не стал бы смотреть в нормальных обстоятельствах. Он включил телевизор — изображение было настолько четким, что казалось, будто за тонким стеклом находится живой человек. Коннор вплотную приблизил лицо к экрану, но не мог различить линий или точек. Не помогла даже лупа.

Он выключил телевизор и снова сел в кресло, обуреваемый странным и очень сильным чувством. Хотя по натуре Коннор был проницателен и честолюбив — иначе ему просто не удалось бы достичь своего положения,— он никогда не забывал, что денег в мире неограниченное количества, а вот отпущенные ему годы имеют предел. Он мог бы утроить доход, работая усерднее и напряженнее, но предпочел другой курс, потому что не видел смысла в наживе ради самой наживы.

Так, однако, было до тех пор, пока он не столкнулся с вещами, которые можно купить за действительно большие деньги. Никто и ничто не помешает ему войти в число крезов, наслаждающихся техникой будущего. Лучше, конечно, этого добиться, женившись на Анджеле, потому что он ее любит. Но если она откажет... Что ж, придется заработать необходимые миллионы самому.

Его мысли вдруг вернулись к одной фразе: *техника будущего*. Коннор на секунду задумался, но потом взял себя в руки — и так достаточно хлопот, не стоит забивать себе голову дурацкими фантазиями о путешествиях во времени.

Идея, впрочем, была заманчивой. И позволяла объяснить многие вопросы. Зажигалки, которых он домогался — частично из-за их совершенства,

а частично потому, что они могли принести ему состояние,— безусловно, превосходили все новинки; и все же не исключено, что их мастерил какой-нибудь гениальный одиночка. Но феноменальный телевизионный приемник нельзя собрать без мощной электронной индустрии. Предположение, что их производят в будущем и отправляют назад во времени, вряд ли нелепее другого варианта — существования секретной промышленности, работающей лишь на самых богатых.

Коннор взял сигару и раскурил ее, по-детски радуясь поводу воспользоваться рубиновым яйцом. После первой затяжки ему показалось, что он всю жизнь что-то искал — и наконец нашел. Сперва осторожно, а затем с неописуемым наслаждением он наполнил легкие неожиданным ароматом.

Коннор блаженствовал. Именно о таком удовольствии твердили рекламы табачных изделий. Каждому курильщику знакомо недоумение: почему табак, который пахнет так изысканно нераскрученный или когда курит кто-либо другой, оставляет после себя в лучшем случае безвкусный дым и щемящее чувство неудовлетворенности.

«Нам обещают, что „неторопливая сигара, глоток шампанского со льда утешат молодых и старых, отступит боль, уйдет беда“,— подумал Коннор.— Вот оно». Он вытащил сигару изо рта — на золотом ободочке виднелась витиеватая буква «С».

— Мне следовало бы догадаться,— обратился Коннор к пустой комнате и оглядел ее сквозь флер голубого дыма — не все ли здесь отличное от нормы, куда лучше самого лучшего? Воз-

можно, сверхбогатые гнушаются пользоваться тем, что доступно среднему человеку с улицы, или тем, что рекламируется по телевидению, или...

— Филипп! — На пороге стояла Анджела, бледная и злая.— Что ты здесь делаешь?!

— Наслаждаюсь несравненной сигарой.— Коннор улыбнулся и вскочил на ноги.— Держишь их специально для гостей? Сигары ведь не твой стиль.

— Где Гилберт? — отрезала Анджела.— Ты немедленно уходишь.

— Ни в коем случае.

— Ах, вот как! — Анджела резко повернулась, взметнув золотистые волосы и вишневую юбку.

Коннору стало ясно, что ему необходимо вдохновение. Причем быстро.

— Поздно, Анджела. Я выкурил твою сигару, воспользовался твоей зажигалкой, узнал время по твоим часам и посмотрел твой телевизор.

Он ожидал ответной реакции — и не был разочарован. Анджела разрыдалась.

— Подлец! Ты не имел права!

Она побежала к столу, схватила зажигалку и попробовала ее зажечь — ничего не получилось. Подошла к часам — остановились, к телевизору — не включался. Коннор следовал по пятам, чувствуя замешательство и вину. Анджела упала в кресло и закрыла лицо руками, дрожа как подбитая птица. У Коннора все перевернулось в груди при виде страдания Анджелы. Он опустился перед ней на колени.

— Послушай, Анджи... Не плачь. Я только хотел увидеть тебя, ну что здесь плохого?

— Ты трогал мои вещи... Меня предупреждали, что ими может пользоваться только владелец. И вот!..

— Ничего не понимаю. Кто тебя предупреждал?

— Поставщики.

Она подняла наполненные слезами глаза, и Коннора внезапно захлестнуло изысканное благоухание, манящее, как глоток свежего воздуха для задыхающегося человека. Им овладело желание с головой уйти в этот дурманящий омут...

— Что ты?.. Я не совсем...

— Мне сказали, что все будет испорчено.

Коннор попытался воспротивиться колдовским чарам.

— Ничего не испорчено, Анджи. Наверное, нет напряжения... Или...

Он в замешательстве замолчал, вспомнив, что и часы, и телевизор даже не были включены в сеть. Коннор нервно схватил сигару, сделал затяжку и поперхнулся едким дымом. Острое чувство утраты, которое он испытал, гася сигару, уничтожило все следы скептицизма.

Он повернулся к креслу Анджелы и снова стал на колени.

— Так, значит, тебя предупредили, что вещи испортятся, если к ним прикоснется посторонний?

— Да.

— Как это может быть?

Она промокнула глаза платком.

— Откуда мне знать? Мистер Смит, приехав из Трентона, упоминал о каком-то индивидуальном поле своих изделий... о молекулярных отпе-

чатках пальцев... Это тебе что-нибудь говорит?

— Почти,— прошептал Коннор.— Совершенно безопасная система. Даже если ты потеряешь зажигалку в театре, то в чужих руках она не станет работать.

— Или если кто-нибудь ворвется в твою квартиру.

— Поверь мне, Анджела, я должен был повидаться с тобой. Ты же знаешь, что я люблю тебя.

— В самом деле?

— Да, милая.— Он с радостью услышал в ее голосе отзвуки знакомой нежности.— Позволь мне купить новые телевизор и зажигалку...

Анджела покачала головой.

— Не получится, Филипп.

— Почему? — Он взял ее за руку и восторженно отметил про себя, что она позволила ему это сделать.

Анджела выдавила слабую улыбку.

— Не получится. Взносы слишком велики.

— Взносы? Ради бога, Анджела, тебе ли покупать товары в рассрочку?

— Их вообще нельзя купить — просто платишь за пользование. Сумма моих взносов — восемьсот шестьдесят четыре тысячи долларов.

— В год?

— За каждые сорок три дня. Мне не стоило говорить тебе об этом, но...

Коннор недоверчиво хохотнул.

— Около шести миллионов в год... Никто не будет платить такие бешеные деньги!

— Найдутся люди. Если ты вообще задумываешься о цене, мистер Смит просто не станет иметь с тобой дела.

— Однако... — Коннор неосторожно накло-

нился вперед и попал во власть умопомрачительного аромата.— Ты понимаешь,— проговорил он слабым голосом,— что все твои новые игрушки пришли из будущего? Во всем этом что-то фантастически неправильное!

— Я скучала по тебе, Филипп.

— Духи тоже от мистера Смита?

— Я старалась не скучать по тебе, но это выше моих сил...

Анджела прильнула к нему, и он ощутил на своей щеке холодок ее слез. Коннор жадно стал покрывать поцелуями медленно сползающее с кресла тело.

— Жизнь будет прекрасна, когда мы поженимся,— услышал он через некоторое время свой собственный голос.— Лучше, чем можно себе представить. Нам нечего делить и...

Анджела вдруг напряглась и отстранилась от него.

— Тебе пора уходить, Филипп.

— Почему? Что случилось?

— Ты себя выдал, вот и все.

Коннор вспомнил свои слова.

— Я не имел в виду деньги... Я говорил о жизни... о годах впереди... о чувствах...

— Да?

— Я любил тебя, еще когда ты не подозревала о наследстве!

— Ты никогда раньше не заговаривал о браке!

— Я полагал, что это подразумевается,— в отчаянии сказал он.— Я думал...

Коннор замолчал, увидев взгляд Анджелы — холодный, подозрительный, высокомерный. Взгляд баснословно богатых людей, предназначенный для чужаков, для тех, кто пытается

стать членом их клуба, не подходя по главному критерию — деньгам.

Она нажала на звонок и стояла, повернувшись спиной, пока его не вывели из комнаты.

Следующие дни сплелись в кошмарный клубок. Коннор стал много пить, понял, что это не решение, и продолжал искать забвение в вине. Он пытался связаться с Анджелой и один раз даже съездил в Авалон. Дыра была аккуратно заложена кирпичом, и тщательный осмотр показал, что вся стена покрыта тончайшей сеткой, наверняка соединенной со сторожевой системой.

Ночами ему не давали спать мучительные вопросы. Что все это значит? Почему Анджела платит такие странные взносы? Почему такие странные интервалы? Зачем людям из будущего понадобились деньги XX столетия?

Несколько раз ему приходило в голову, что вместо того, чтобы замыкаться на Анджеле, надо разыскать загадочного мистера Смита из Трентона. Вспыхнувший было оптимизм немедленно гасила трезвая мысль, что на это просто не хватит информации. Совершенно очевидно, что даже как Смита его знают только клиенты. Если бы Анджела сказала хотя бы адрес...

Снова и снова им овладевала апатия, и Коннор пил, отдавая себе отчет — но испытывая полное безразличие, — что он одержим навязчивой идеей. А потом однажды утром он проснулся и понял, что знает адрес Смита, знает с незапамятных времен, с самого детства.

Не в силах определить, способствовали или препятствовали открытию щедрые порции белого рома, он ограничил завтрак чашкой крепкого

кофе. Коннор был слишком погружен в свои мысли, чтобы вновь посетовать на безвкусную черную жидкость. В течение часа он выстроил план действий, дважды по чистой привычке раскуривая трубку, прежде чем вспомнил, что навсегда покончил с обыкновенным табаком. Приводя в исполнение первый этап плана, Коннор купил кусок пластмассы рубинового цвета и заплатил непомерную сумму за его обработку и полировку. Работу закончили поздним днем, но конечный продукт достаточно напоминал настольную зажигалку марки «С», чтобы ввести в заблуждение не очень внимательного человека.

Довольный развитием событий, Коннор вернулся домой и достал револьвер 38-го калибра, который приобрел несколькими годами раньше, после того как пытались ограбить его квартиру. Здравый смысл подсказывал, что сейчас уже поздно собираться в Трентон, что гораздо лучше дождаться утра, но им овладело отчаянное, безрассудное настроение. Так он и выехал из города — с пластмассовым яйцом в одном кармане и с револьвером — в другом.

Коннор добрался до центра Трентона, когда магазины уже закрывались. Внезапный страх, что он опоздал и теперь придется ждать еще целый день, только усилился от нахлынувших сомнений, удастся ли ему вообще отыскать Смита.

Ранним утром под влиянием невыветрившихся винных паров все казалось простым и ясным. Всю жизнь Коннор подсознательно отмечал, что почти в каждом крупном городе есть магазины, которые на первый взгляд не имеют права на существование. Они неизменно скромны и непри-

метны, расположены в стороне от оживленных торговых кварталов. Их названия — вроде «Братья Джонстон» или «Г и Л» — казалось, специально созданы для того, чтобы нести как можно меньше информации. Если там вообще есть витрины, то в них в лучшем случае красуется какая-нибудь заурядная, вышедшая из моды спортивная куртка, которая, однако, стоит втрое дороже, чем в любом другом месте. Такие магазины просто не имели никаких шансов на выживание, потому что, естественно, туда никогда не заходили покупатели. И тем не менее в сознании Коннора они, неизвестно почему, ассоциировались с большими деньгами.

Собираясь в Трентон, он совершенно точно знал, какой район города ему нужен. Теперь же в памяти всплывали и перемешивались по меньшей мере три варианта расположения непримечательной витрины. «Вот так они избегают огласки», — подумал он, впрочем, отказываясь сдаваться. Оживленное движение препятствовало поискам, и в конце концов Коннор оставил машину в переулке. Всякий раз, когда он сворачивал за угол, ему казалось, что перед ним знакомая улица и вот-вот откроется желанное место; и всякий раз его ждало горькое разочарование. Почти все магазины уже закрылись, людские толпы поредели, и красноватые лучи заката придавали пыльным фасадам зловещий нереальный вид. Коннор выбился из сил — физически и морально.

Он выругался про себя, пожал плечами и побрел к машине, назло себе выбрав окружный путь — на квартал дальше, чем намеревался. Ноги опухли и так болели, что Филипп не мог

думать ни о чем, кроме своих страданий. Поэтому он невольно обомлел, когда, оглянувшись на перекрестке по сторонам, увидел полузаытое-полузнакомое скопление складов и безымянных дверей и среди них непримечательную витрину, заурядность которой надежно скрывала ее от посторонних глаз — кроме его собственных.

С колотящимся сердцем Коннор медленно пошел вперед, пока не прочитал поблекшие золотые буквы: «АГЕНТСТВО ПО ОБЩИМ ВОПРОСАМ». В витрине были выставлены три образчика керамических дренажных труб, а интерьер магазина закрывали ширмы. Коннор ожидал, что дверь будет заперта, но при первом же прикосновении она отворилась, застав его врасплох. За прилавком недвижимо стоял высокий худой мужчина со скорбным ртом и гладкими, как лед, серыми волосами. Серебристый галстук и строгий черный костюм придавали ему сходство с директором похоронного бюро; воротник белой рубашки был так же безупречно свеж, как лепестки только что распустившегося цветка. У Коннора почему-то сложилось впечатление, что он стоит в такой позе, не шевелясь, часами.

Мужчина слегка наклонился вперед и спросил:
— Что у вас, сэр?

Коннора смущила странная форма обращения, но он решительно подошел к прилавку, вытащил из кармана рубиновое яйцо и со стуком опустил его.

— Скажите мистеру Смиту, что я недоволен товаром,— резко произнес он.— Скажите, что я требую возмещения.

Хладнокровие, казалось, изменило высокому

мужчине. Он взял яйцо, полуобернулся к внутренней двери и тут остановился, тщательно осматривая предмет, лежащий на ладони.

— Одну минуту, — произнес он. — Это не...

— Что «не»?

Мужчина осуждающе посмотрел на Коннора.

— Я не имею ни малейшего понятия, что за предмет вы мне дали. Кроме того, у нас нет никакого мистера Смита.

— А что это за предмет, вы знаете?

Коннор извлек из кармана револьвер. Того, что он видел и слышал, было достаточно.

— Вы не посмеете стрелять.

— Неужели?

Коннор нацелил оружие в лицо собеседнику и, отметив про себя, что револьвер на предохранителе, нажал на курок. Высокий мужчина отпрянул к стене. Коннор яростно чертыхнулся, снял с предохранителя и снова поднял оружие.

— Не стреляйте! — взмолился мужчина. — Заклинаю вас!

Коннора никогда в жизни не заклинали, но он не позволил странному обороту речи сбить себя с толку.

— Я желаю видеть мистера Смита.

— Я провожу вас. Следуйте за мной.

Они прошли через заднее помещение и стали спускаться по лестнице с неудобными высокими и узкими ступенями. Глядя вниз, Коннор заметил, что у его провожатого непропорционально короткие ноги. Была в его походке еще какая-то странность, но, только уже шагая по коридору, Коннор понял, в чем дело. Скрытые под брюками коленные суставы худого мужчины располагались гораздо ниже, чем должны были. Горло

Коннора сдавили ледяные пальцы тревоги.

— Пришли, сэр.

Провожатый толкнул дверь, и взгляду открылась просторная, ярко освещенная комната. Другой высокий худой мужчина, одетый словно директор похоронного бюро, аккуратно вкладывал в проем стенного сейфа старинную картину.

— В чем дело, Тойнби? — спросил он, не поворачивая головы.

Коннор захлопнул за собой дверь.

— Мне надо поговорить с вами, Смит.

Смит судорожно дернулся, но не обернулся, пока позолоченная рама не исчезла полностью в стене. У него были такие же опущенные книзу уголки рта, приглаженные серо-стальные волосы, и — самое неприятное — коленные суставы находились явно не на месте. «Если они из будущего, — подумал Коннор, — то почему так отличаются от нас?»

У него не хватило смелости развивать эту новую, пугающую мысль, и он погрузился в неуместные размышления о том, какими стульями должны пользоваться Смит и Тойнби... если они вообще пользуются таковыми. Собственно, ему до сих пор не встретилось здесь ни одного стула. Коннор вспомнил свое первое впечатление о Тойнби — что тот часами, не шевелясь, стоит за стойкой, — и почувствовал, как в жилах стынет кровь.

— ... все, что есть, — между тем говорил Смит. — Но, кроме денег, у нас брать нечего.

— Я не думаю, что мы имеем дело с обычным вором, — заметил Тойнби.

— Не с вором?.. Тогда чего же он хочет? Может быть...

— Для начала,— перебил Коннор,— я хочу получить объяснение.

— Какое объяснение?

— Всей вашей деятельности.

Смит тяжело вздохнул и указал на многочисленные ящики, заполняющие большую часть комнаты.

— Самое обычное агентство, занимающееся торговыми связями между производителями...

— Я имею в виду вашу деятельность по поставке чудесных зажигалок, которые на Земле пока не производятся.

— Зажигалок? Прошу прощения...

— Рубиновых яйцеобразных предметов, которые исправно работают даже в воде и стоят без всякой подставки.

Смит недоуменно покачал головой.

— Хотел бы я иметь что-нибудь в этом роде.

— И телевизоры, которые дают чересчур хорошее изображение. И часы, и сигары, и все остальное — настолько совершенное, что те, кто может себе это позволить, с радостью платят восемьсот шестьдесят четыре тысячи долларов каждые сорок три дня. Причем все эти товары обладают каким-то полем, которое выключается и превращает их в бесполезный хлам, если они попадают в руки постороннего, не принадлежащего к числу избранных.

— Ничего не понимаю...

— Запираться не имеет смысла, мистер Смит,— сказал Тойнби.— Кто-то проболтался.

— Вы сами только что проболтались, идиот! — рявкнул Смит, испепеляя его взглядом.

Он гневно шагнул вперед и тем самым перестал загораживать сейф. Коннор впервые посмотрел

внимательно и подумал, что подвальный склад не самое подходящее место для такого большого сейфа. Он еще раз взглянул на проем. Никаких следов недавно вложенной картины. Только далеко-далеко в чернильном мраке длинного, похожего на туннель проема сияла зеленая звездочка, отбрасывающая круги света, которые по мере удаления становились все бледнее.

Коннор еще раз попытался взять ситуацию под контроль. Он кивнул на сейф и как бы невзначай бросил:

— Полагаю, это двусторонний передатчик...

Смит был явно потрясен.

— Ну хорошо,— проговорил он после напряженного молчания.— Кто вам рассказал?

— Никто.

Коннор опасался, что у Анджелы возникнут неприятности, если он назовет ее имя.

Тойнби кашлянул.

— Уверен, что это мисс Ломонд. Я всегда считал, что нуворишиам доверять нельзя — у них нет врожденных инстинктов.

Смит кивнул.

— Вы правы. Ей потребовалась замена телевизора, зажигалки и часов — как раз то, что назвал этот... человек. Она заявила, что их привел в негодность забравшийся в дом вор.

— Мисс Ломонд наверняка выложила все, что знала.

— И тем самым нарушила наш договор. Отметьте это, мистер Тойнби.

— Хватит! — прикрикнул Коннор, помахивая револьвером, чтобы напомнить, кто хозяин положения.— Никто ничего не отмечает, пока я не получу ответа на все вопросы. Ваши товары...

Они из будущего или... из другого места?

— Из другого места,— сказал Смит.— Вообще-то они прибывают и из недалекого будущего. Но главное — по крайней мере, с вашей точки зрения,— что они транспортируются за многие световые годы. Разница во времени случайна и трудно определима.

— Товары с другой планеты?

— Да.

— Вы тоже?

— Разумеется.

— Вы тайно доставляете их на Землю и продаете или сдаете в аренду?

— Да. Непосредственно сюда приходят, конечно, только мелочи. Крупные предметы, такие, как, например, телевизоры, пересылаются по главным передатчикам в других городах. Некоторые подробности нашей деятельности могут вызвать у вас удивление, но общие принципы коммерции, безусловно, вам прекрасно известны.

— Именно это меня и беспокоит,— сказал Коннор.— Мне плевать на иные миры и передатчики материи, но я не могу понять, зачем вам все эти хлопоты. Земные деньги вряд ли ценятся у вас на... в общем там, откуда вы прибыли. В пластики вам тем более нечего...

Коннор замолчал, вспомнив, что Смит вложил в черный проем «сейфа». Старый, написанный маслом холст.

Смит благосклонно кивнул.

— Правильно. Ваши деньги у нас действительно ни на что не годятся. Мы тратим их здесь. Человечество во многих отношениях довольно примитивно, однако среди его художников, несомненно, встречаются гении,

даже по нашим стандартам. Мы неплохо зарабатываем на экспорте картин и скульптур. Видите ли, товары, которые ввозит наша организация, относительно дешевы.

— На мой взгляд, они стоят немало.

— Вот именно, *на ваш взгляд* — в том-то и дело. Мы не импортируем изделия, которые сносно изготавливают на Земле. Ваши вина и другие напитки, к примеру, не слишком плохи, и мы ими не занимаемся. Но ваш кофе!..

Рот Смита искривился еще сильнее.

— Значит, вы тратите миллионы. Рано или поздно кто-нибудь заметит, что какая-то одна компания скапает слишком много произведений искусства.

— Не совсем так. Кое-что мы приобретаем на аукционах и в художественных галереях, но часто покупки для нас делают наши клиенты, а мы переводим деньги на их счет.

— Ах так!

Теперь Коннору многое стало ясно. Не потому ли миллионеры, даже такие, от кого, казалось бы, этого и ожидать нельзя, часто становятся собирателями произведений искусства? Не здесь ли таится первопричина странного феномена — «частная коллекция»? Почему в обществе, где «денежные мешки» получают столько удовольствия от бахвальства, многие картины и скульптуры бесследно исчезают с глаз публики? Не потому ли, что ими расплачиваются за товары с маркой «С»? В таком случае занимающаяся этим организация должна достигать чудовищных размеров... У Коннора внезапно ослабли ноги.

— Давайте сядем и поговорим,— сказал он.

Смит слегка смущился.

— У нас нет обыкновения сидеть. Можете воспользоваться одним из ящиков, если вам нехорошо.

— Со мной все в порядке, так что не вздумайте валять дурака,— предупредил Коннор, но все же присел на край деревянного ящика, лихорадочно пытаясь поглотить и усвоить все услышанное.— Что означает маркировка «С» на ваших товарах?

— Не догадываетесь?

— Совершенство?

— Правильно.

Готовность, с какой Смит раскрывал свои карты, настораживала Коннора, но терзавшие его вопросы требовали разрешения.

— Мисс Ломонд сообщила мне, что она платит восемьсот шестьдесят четыре тысячи долларов... Откуда такая сумма? Почему не миллион?

— А это и есть миллион — в наших деньгах.

— Понимаю. А сорок три дня?

— Один оборот нашей основной луны. Естественный период времени.

У Коннора появилось желание, чтобы захлестывающий его поток информации немного ослабел.

— И все же мне не ясно, зачем такая секретность. Почему бы не заявить о себе открыто, снизить цены и безмерно расширить рынок? Прибыль увеличится в сотни раз.

— Нам приходится работать скрытно по целому ряду причин. Во-первых, правительства ряда ваших стран, по всей видимости, будут препятствовать нашей деятельности. Ну и с на-

шей стороны есть определенные трудности.

— Например?

— Существует закон против воздействия на миры, находящиеся на неустойчивой стадии развития. Это очень сильно ограничивает наши возможности.

— Иными словами, вы являетесь мошенниками и у нас, и у себя.

— Возражаю. Какой вред мы наносим Земле?

— Вы сказали сами — лишаете население планеты...

— ...его культурного наследия? — Смит хмыкнул. — Вы много знаете людей, которые откажутся от телевизора марки «С» ради того, чтобы где-нибудь за пять или десять тысяч миль в картинной галерее сохранился рисунок да Винчи?

— Согласен, — признал Коннор. — Что у вас на уме? Что вы задумали, Смит?

— О чём вы?

— Не притворяйтесь невинной овечкой. Вы бы не разоткровенничались, если бы не были уверены, что я отсюда не выйду. Как вы собираетесь со мной поступить?

Смит посмотрел на Тойнби и вздохнул.

— Вечно забываю, насколько ограничены бывают аборигены... Вам же объяснили, что мы — совсем из другого мира; и все же вы относитесь к нам, как к слегка необычным землянам. Полагаю, вам вряд ли приходит в голову, что другие расы могут инстинктивно тяготеть к правде, что коварство и ложь могут даваться им труднее, чем вам, людям?

— Вот наше самое уязвимое место, — вставил Тойнби. — Я так и не сумел этому научиться.

— Ну хорошо, давайте начистоту, — сказал

Коннор.— Надеетесь заставить меня молчать?

— У нас действительно есть маленькое устройство...

— Оно вам не понадобится,— перебил Коннор. Он на секунду задумался, вспоминая все услышанное, затем встал и протянул Смиту револьвер.

Наконец жизнь давала все, что можно было от нее ожидать, и с каждой минутой — Коннор чувствовал это, ведя автомобиль к Авалону,— давала еще больше.

У него всегда была железная деловая хватка, но если раньше он исчислял месячную прибыль в тысячах, то сейчас опускал в карман шестизначные суммы. Знакомства, возможности и сделки сыпались, как из рога изобилия: изделия, помеченные буквой «С», волшебным образом прокладывали путь. Во время особо важных первых встреч Коннору стоило лишь достать свою золотую зажигалку, чтобы раскурить трубку «С»-табака, невероятным образом не уступающего чудесному аромату, или взглянуть на часы, или извлечь ручку, которая писала любым цветом,— и все двери распахивались перед ним настежь.

За несколько недель его взгляды на жизнь претерпели крутые перемены, хотя он вряд ли отдавал себе в этом отчет. Сперва Коннор испытывал лишь неловкость или некоторую подозрительность к людям, которые не могли предъявить магический талисман. Затем он стал попросту враждебен, предпочитая общаться только с теми, кто принадлежал к клубу избранных.

Однако, сколь глубокое удовлетворение ни

приносила ему новая жизнь, Коннор не мог чувствовать себя счастливым без Анджелы. Благодаря ей он прозрел, и только с ней достигнет полного блаженства. Он давно бы уже съездил в Авалон, но был занят делами со Смитом и Тойнби.

Отдав им револьвер, Коннор сделал очень рискованный ход, в результате которого за-просто мог полететь в передатчик материи на-встречу неизвестной судьбе на неизвестной планете. К счастью, этот ход убедил оппонен-тов, что Коннору есть что сказать.

В тот вечер в подвальном помещении ничем не примечательного магазина прозвучала пла-менная речь. Смит — старший пары — ока-зался крепким орешком. Но он проявил инте-рес, когда Коннор перечислил все слабости ор-ганизации. И пришел в восторг, услышав, что посредничество Коннора резко уменьшит не-производительные расходы, подавит конку-ренцию, обеспечит безопасность и высокозэф-фективные методы приобретения шедевров. Это была самая лучшая импровизация в жизни Коннора, слегка туманная в отдельных мес-тах — он плохо знал мир искусства, — но вдох-новленная высоким профессионализмом.

Первые же результаты оказались настолько удачными, что Смит с ревностью стал возражать против побочных сделок Коннора, приносящих ему немалый барыш. Коннор уладил щекот-ливую ситуацию, перейдя на семидневную ра-бочую неделю и трудясь даже по вечерам. Вре-мени посетить Анджелу совершенно не остава-лось, но в конце концов желание увидеть ее за-хлестнуло Филиппа, и он отбросил все свои дела.

У ворот его встретил знакомый охранник, на этот раз беспрепятственно пропустивший машину. Через несколько минут Коннор поднимался по широким ступеням к парадному подъезду. Особняк уже не внушал ему былого трепета, но он решил, что они с Анджелой сохранят его — хотя бы из сентиментальности. Дверь открыл дворецкий — новый, не со столь изысканными манерами, напоминающий чем-то отставного моряка. Он проводил Коннора в огромную гостиную, где ждала Анджела. Она стояла у камина спиной ко входу, в той же позе, что и в последнюю встречу.

— Анджи, рад тебя снова видеть!

Она резко повернулась и бросилась к нему.

— Я так скучала, Фил!

Они обнялись посреди зелено-серебристой гостиной, и Коннора захлестнула волна острого счастья. Он зарылся лицом в ее волосы и стал бормотать то, что долго, очень долго не мог позволить себе сказать. Анджела неистово шептала ему в ответ, откликаясь скорее на чувства, чем на слова.

Раздражающий запах Коннор ощущал во время первого поцелуя. Она пользовалась очень дорогими, но самыми обыкновенными духами, а не той квинтэссенцией колдовства, к которой Коннор привык во время эпизодических свиданий за последние несколько недель. Прижимая Анджелу к груди, он оглядел просторное помещение, и по его телу разлился свинцовый холод. Все в комнате, как и ее духи, было великолепно — но не *совершенно*.

— Анджела, — безучастно произнес Коннор, — зачем ты меня позвала?

— Что за вопрос, любимый?

— Самый естественный вопрос.— Коннор вы-
свободился из ее объятий и шагнул назад.—
Меня интересуют твои мотивы.

— Мотивы?! — Ресницы Анджелы затрепе-
тали, кровь отхлынула от лица. Затем она уви-
дела его часы.— Бог мой, Филипп, ты добился
своего! Ты попал в их число!

— Не понимаю тебя.

— Со мной не надо притворяться. Не за-
бывай, что именно я тебе обо всем рассказала.

— Пора бы уже научиться молчать.

— Пора, но я не научилась.— Анджела сде-
лала шаг вперед.— Меня вышвырнули. Теперь
я не принадлежу к вашему кругу.

— Не велика потеря. А где Бобби Янк со
своими друзьями?

— Никто из них и близко ко мне не под-
ходит. И ты знаешь почему.

— По крайней мере, у тебя есть деньги.

Анджела покачала головой.

— У меня куча денег, но какой в них толк,
если я не могу купить, что хочу? Меня вышвыр-
нули — потому что я выболтала все тебе.
И, кроме того, не сообщила им... А вот ты не
постеснялся назвать мое имя, не правда ли?

Коннор протестующе открыл рот, чтобы
доказать свою невиновность, но понял, что это
ничего не изменит.

— Ну, мне было очень приятно снова пови-
даться тебе. Жаль, что не могу задержаться. Де-
ла... Ты же понимаешь.

— Я прекрасно понимаю. Давай, Филипп,
убирайся.

Коннор подошел к двери, но застыл, когда

Анджела всхлипнула.

— Останься со мной, Фил. Пожалуйста, останься...

Он стоял к ней спиной, испытывая щемящую боль. Потом боль утихла, и он ушел.

Позже днем Коннор сидел в своем новом кабинете, когда секретарша соединила его со Смитом. Тот хотел обсудить детали приобретения антикварного серебряного сервиза.

— Я звонил раньше, но ваша девушка заявила, что вас нет,— обиженно сказал Смит.

— Это правда,— заверил его Коннор.— Я уезжал за город. Анджела Ломонд пригласила меня к себе.

— Вот как?

— Вы не говорили мне, что она выбыла из числа клиентов.

— Об этом даже не стоило говорить.— Смит на несколько секунд замолчал.— Можно ожидать от нее неприятностей?

— Нет.

— Что она хотела?

Коннор откинулся на спинку кресла и посмотрел в окно на просторы Атлантического океана.

— Понятия не имею. Я там не задерживался.

— Весьма благоразумно,— похвалил Смит.

Когда разговор закончился, Коннор сварил себе чашку «С»-кофе, который хранил в запертом баре. Совершенство напитка изгладило из памяти последние следы беспокойства.

«Каким образом,— лениво подумал Коннор,— они добились того, что вкус ничуть не уступает аромату?»

СОДЕРЖАНИЕ

В. Бабенко

Множество настоящих 5

ВЕНОК ИЗ ЗВЕЗД

Пер. А. Корженевского 23

СВЕТ БЫЛОГО

Пер. В. Баканова и В. Генкина 285

Рассказы

ПОВТОРНЫЙ ПОКАЗ

Пер. А. Корженевского 470

ПОРОЧНЫЙ КРУГ

Пер. Б. Белкина 487

АМФИТЕАТР

Пер. Б. Белкина 509

ДЕЙСТВИТЕЛЬНЫЙ ЧЛЕН

КЛУБА

Пер. В. Баканова 532

Литературно-художественное издание

Боб Шоу
ВЕНОК ИЗ ЗВЕЗД

Сборник научно-фантастических произведений

Составитель В. Баканов

Заведующий редакцией В. С. Власенков

Старшие научные редакторы И. Я. Хидекель и А. Г. Белевцева

Младший научный редактор М. А. Харузина

Художник К. А. Сошинская

Художественный редактор Н. М. Иванов

Технический редактор А. Л. Гулина

Корректор Т. И. Стифеева

ИБ № 7037

Сдано в набор 15.04.88. Подписано к печати 30.01.89.

Формат 70×100¹/₃₂. Бумага книжно-журнальная. Печать
оффсетная. Гарнитура таймс. Объем 9,00 бум. л.

Усл. печ. л. 23,40. Усл. кр.-отт. 25,04. Уч.-изд. л. 23,39.

Изд. № 9/6317. Тираж 100 000 экз. Зак. 474. Цена 3 р. 50 к.

Издательство «Мир» В/О «Совэксportкнига»
Государственного комитета СССР по делам издательств,
полиграфии и книжной торговли,
129820, ГСП, Москва, И-110, 1-й Рижский пер., 2.

Можайский полиграфкомбинат В/О «Совэксportкнига»
Государственного комитета СССР по делам издательств,
полиграфии и книжной торговли.
143200, г. Можайск, ул. Мира, 93

Книги, вышедшие в серии «Зарубежная фантастика»

1965

Брэдбери Р.

Марсианские хроники

Занднер К.

Сигнал из Космоса

Кашшай Ф.

Телечеловек

Лем С.

Охота на Сэтавра

Несвадба Й.

Мозг Эйнштейна

Оливер Ч.

Ветер времени

Поол Ф. и Корнблат С.

Операция «Венера»

Торговцы космосом

Туннель под миром

Сборник рассказов

Экспедиция на Землю

Сборник рассказов

1966

Азимов А.
Путь марсиан
Белая пушинка.
Сборник рассказов
Шекли Р.
Паломничество на Землю
Уормсер Р.
Пан Сатирус
Фиалковский К.
Пятое измерение
Хайл Ф. и Эллиот Д.
Андромеда
Гаузер Г.
Мозг-гигант
Чапек К.
RUR
Средство Макропулоса
Война с саламандрами

1967

Брэдбери Р.
Вино из одуванчиков
Борунь К.
Грань бессмертия
Времена Хокусая
Сборник рассказов
Как я был великанином
Сборник рассказов
Кейдин М.
В плену у орбиты

Лем С.
Непобедимый
Кибериада
Луна двадцати рук
Сборник рассказов
Пришельцы ниоткуда
Сборник рассказов
Саймак К.
Прелесть

1968

Гости страны фантазии
Сборник рассказов
Каттнер Г.
Робот-зазнайка
Пиршество демонов
Сборник рассказов
Саймак К.
Все живое
Случай Ковальского
Сборник рассказов
Человек, который ищет
Сборник рассказов
31 июня
Сборник рассказов

1969

Жулавский Е.
На серебряной планете
Рукопись с Луны
Звезды зовут
Сборник рассказов

Карточный домик
Сборник рассказов
Музы в век звездолетов
Сборник рассказов
Нортон Э.
Саргассы в космосе
Продается Япония
Сборник рассказов
Фантазии Фридьеша Каринти
Сборник рассказов
Фрейн М.
Оловянные солдатики

1970

Бандагал
Сборник рассказов
Вавилонская башня
Сборник рассказов
Гаррисон Г.
Тренировочный полет
Кларк А.
Космическая Одиссея 2001 года
Комацу С.
Похитители завтрашнего дня
Огненный цикл
Сборник рассказов
Пески веков
Сборник рассказов

1971

Вайсс Я.
Дом в 1000 этажей

Крайтон М.
Штамм «Андромеда»
Лем С.
Навигатор Пиркс
Голос неба
Стальной прыжок
Сборник рассказов
Шутник
Сборник рассказов
Фантастические изобретения
Сборник рассказов
Через Солнечную сторону
Сборник рассказов

1972

Дальний полет
Сборник рассказов
Двое на озере Кумран
Сборник рассказов
Клемент Х.
Экспедиция «Тяготение»
Космический госпиталь
Сборник рассказов
Саймак К.
Заповедник гоблинов
Финней Дж.
Меж двух времен

1973

Лем С.

Солярис

Эдем

Нежданно-негаданно

Сборник рассказов

Рассел Э.

Ниточка к сердцу

1974

Браун Ф., Тенн У.

Звездная карусель

Практическое изобретение

Сборник рассказов

Симпозиум мыслелетчиков

Сборник рассказов

1975

Педлер К., Дэвис Дж.

Мутант-59

Человек-компьютер

Сборник рассказов

1976

Азимов А.

Сами боги

Кларк А.

Свидание с Рамой

1977

Братья по разуму
Сборник рассказов
Комацу С.
Гибель дракона

1978

Миры Клиффорда Саймака
Сборник рассказов
Пять зеленых лун
Сборник рассказов

1979

Азимов А.
Три закона роботехники
Прист К.
Машина пространства

1980

Последний долгожитель
Сборник рассказов
Ле Гuin У.
Планета изгнания

1981

Кларк А.
Фонтаны рая
Бова Б.
Властелины погоды
Дорога воспоминаний
Сборник рассказов

1982

Саймак К.
Кольцо вокруг Солнца
Цвет надежд — зеленый
Сборник рассказов
Трудная задача
Сборник рассказов

1983

Брэдбери Р.
Холодный ветер, теплый ветер
Солнце на продажу
Сборник рассказов

1984

Браннер Дж.
Квадраты шахматного города
Оливер Х.
Энерган-22
Миры Роберта Шекли
Сборник рассказов

1985

Патруль времени
Сборник рассказов
Клейн Ж.
Звездный гамбит
Прист К.
Опрокинутый мир
Лалангамена
Сборник рассказов

1986

Недетские игры
Повести

1987

Франке Г.
Игрек минус
День на Каллисто
Сборник рассказов

1988

Мир — Земле
Сборник рассказов
В тени сфинкса
Сборник рассказов
Ночь, которая умирает
Сборник рассказов
Операция «Вечность»
Повести

Цена 3 р. 50 к.

Зарубежная

фантазия

ISBN 5-03-00-1004-1

Издательство «Мир»